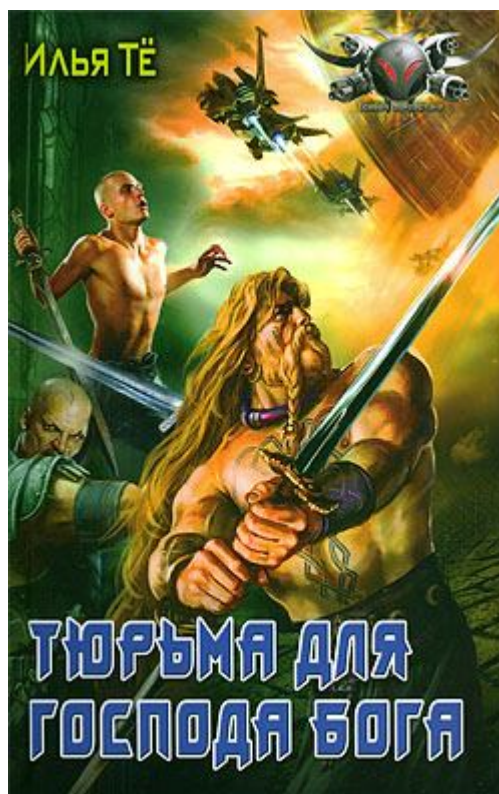

Илья Тё Тюрьма для Господа Бога

Твердый Космос – 1

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
«Тюрьма для Господа Бога»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0346-0

Аннотация

Мир, созданный как корпорация: тысячи искусственных вселенных, нанизанных на ветви Лотоса. В этих вселенных правят удельные боги – члены Корпорации, а над всем стоит невидимый всемогущий Бог, и плетутся вселенские интриги борьбы за Власть.

Каково было Гору, Гордиану Рэксу, владельцу собственного Мироздания, члену Корпорации и бессмертному Творцу, обнаружить себя после очередного цикла реинкарнации не в совершенном теле Демиурга, а в жалкой оболочке subtilного юнца, да еще не понятно, в какой Вселенной! Да еще и в качестве раба. Но на то и существует воля, чтобы разум мог стать сильнее тела.

Гордиан владеет даром тишеди – экстрасенса-программиста, которому подчиняются электронные устройства, рабские ошейники, позволяющие держать в повиновении миллионы рабов планеты-каверны Эшвен. Он стремится вырваться из тюрьмы, куда его забросили происки врагов, но, самое главное, Гор хочет докопаться до истины и узнать: чья злая воля зашвырнула его в дебри искусственных мирозданий?..

Илья Тё Тюрьма для Господа Бога

Часть первая

На позицию!

Свободен лишь тот, кто утратил все, ради чего стоит жить.
Эрих Мария Ремарк

Пролог

Кластер Каталаун-Тринадцатимирье, планета Аир, пик Гефест. Тридцатый день месяца Тот

Создателя звали Гор.

Он не относил себя к эксцентричным натурам, и его Вселенная не отличалась оригинальностью.

Некоторые демиурги размещали в кластере несколько звезд или использовали в качестве источников тепла и света иные структуры.

Некоторые демиурги размещали в кластере сотни планет, делая их плоскими или придавая форму многоугольников.

Некоторые демиурги вообще обходились только планетами-кольцами, чья полезная площадь в миллионы раз превышает площадь обычной шарообразной планеты.

Однако Гордиан Оливиан Рэкс, или, как его называли официально, демиург Г.О.Р., был старомоден и испытывал к шарообразным планетам привязанность, можно даже сказать слабость, происходящую, судя по всему, из его сумрачных воспоминаний о прошлом. Именно поэтому, как полагал его коллега, а с недавних пор и компаньон Эс. Си. Рукс, большинство своих резиденций в этой юной вселенной Гордиан Рэкс разместил именно на шарообразных планетах.

В центре пространства он повесил желтое солнце стандартного образца – Гор назвал его «Доростол», в честь некого города, где когда-то из чрева женщины, а не из клонической колбы вышло его слабое тело, ставшее первым носителем его бессмертного Ка.

Вокруг сверкающего, как бриллиант, светила на разном удалении он разбросал тринадцать планет, различных по размеру, климатическим особенностям и строению рельефа. Их орбиты шли последовательно одна за другой, и орбита каждой следующей была в два раза больше, чем у предыдущей.

Впрочем, десятая и одиннадцатая планеты кружились на одинаковом удалении от Доростола, вокруг малой звезды, названной «Дара Аэциус», в честь некой женщины, которая при первом рождении была его матерью.

Пять дворцов выстроил Гор на Аире.

Лучшим из них, самым крупным и наиболее эксцентричным, стал Аир-Румат, Пылающий Дворец, в оправе рощ и дубрав из «огненных деревьев», укрытый силовым куполом. Он вечно «горел», вздымая столб пламени над своими чертогами почти на пять километров от поверхности огненной планеты.

Был также Дворец Соломона или Дом Джиннов, где стенами служили огромные голографические экраны, с пылающими тенями и удивительными картинами. Был Дворец Давида, названный Домом Воинов, чьи башни имели форму мечей, сабель, кинжалов и поллэксов, а здания – форму упавших шлемов, щитов, арбалетов и живописно раскинувших руки мертвых тел с лицами известных героев.

Был также Иблис, крепость из оплавившегося чугуна, по стенам которой как водопад стекала лава, яркими тяжелыми сгустками в миллионы тонн веса, опускаясь в магматические моря.

Однако излюбленным творением господина Гора на Аире, которому он неизменно отдавал предпочтение, если следовало переговорить тет-а-тет с кем-то из клиентов или компаньонов, являлся замок Звездная Пристань на вершине Гефеста. Пик Гефест вздымался над поверхностью Аира на сто пятьдесят километров, выходя почти в стратосферу, и ужасающий, но дивный вид на бескрайние моря и равнины Огненной планеты всегда

производил неизгладимое впечатление на любых его собеседников.

Странные пылающие тени бродили в его коридорах, и тысячи андроидов с обликом уродливых демонов и отвратительными двуглавыми ликами охраняли подножие замка.

Но сегодня здесь, на вершине Гефеста, создатель кластера стоял в полном одиночестве, задумчиво рассматривая с космической высоты буйство пламени на просторах своего пылающего творения. Мысли Гордиана были сумрачны и изменчивы, мозг горел в немного пугающем, но томительном предвкушении неизбежных, но сладостных изменений. А в сердце прятался страх.

Создатель Вселенной ждал.

В дверь постучали.

– Да?

Створка приоткрылась, и в величественный зал, венчающий собой трехэтажную смотровую площадку, проник слуга. Подтянутый и вежливый. Внимательный и подобострастный.

– Аппаратура и медики готовы, – произнес он учтиво, – вас ожидают на Шагроне. Удачного Хеб-седа, мой господин!

Творец кивнул и вышел из зала вон.

Глава 1

Анатомия клетки

Движение... Движение... Тьма.

Творец лежал в тишине на чем-то холодном и жестком. Глаза были закрыты, а вокруг плыла темнота, непроглядная как ночь на дне океана. Он пошевелил пальцами, сконцентрировавшись на собственных ощущениях, а потом слегка пошевелился сам. Торс стал легче, и небольшой живот, наметившийся у него в последние месяцы, проведенные без телесной модернизации, не чувствовался совершенно. Ощущения были странными, а тело – отчетливо другим.

Значит, Хеб-сед удался.

Последний раз что-то подобное Гордиан Рэкс испытывал, вероятно, ровно триста шестьдесят лет назад, и воспоминания о тех чувствах сделались истертыми, как листы древней книги. Впрочем, новые ощущения пока вполне устраивали Гора: новая телесная оболочка, новые жизненные впечатления и новые бесчисленные столетия ждали его за ними.

И он вздохнул, и открыл глаза, и сел.

Веки открылись с трудом и с болью, какая-то слизь, возможно, глазная сера, возможно – остатки питательного вещества, в котором пребывало в процессе созревания его новое клонированное тело, слепила ресницы. Неожиданно яркий свет резанул глаза, но это не удивляло – ведь он открывал их впервые.

Удивляло окружающее.

Он сидел на бетонном полу и ... в клетке. Сверху нависал грязный, плохо оштукатуренный потолок, слева, справа и за спиной – давили серые бетонные стены. Впереди, перед глазами, стальными прутьями разрезала пространство металлическая решетка. По размерам новое обиталище создателя вселенных значительно уступало любому медицинскому блоку, если не сказать хуже. Размеры клетки не превышали полутора метров в ширину и двух метров в длину. Высота была также удивительно небольшая для привычных ему помещений – всего около двух с половиной метров.

С трудом напрягая свои новые мышцы, пораженный открытием демиург неуклюже подполз к решетке. Для порядка – дернул, скривился и, как мог, выглянул за прутья. Вид за прутьями был так себе. Справа и слева от места его заточения шел длинный ряд похожих ячеек, отгороженных от узкого коридора такими же прутьями из стали. Длинная стена напротив казалась бетонной, серой и совершенно глухой. На потолке коридора мертвыми сталактитами зависли тусклые электрические светильники, расположенные через равные

промежутки, заполненные все той же штукатуркой цвета пыли и грязных пятен. В одном конце коридора возвышалась мощная металлическая дверь, в другом красовался чудесный бетонный тупик. Собственно, этим детали пейзажа исчерпывались.

Тихо выругавшись, Гор с усилием отодвинулся от решетки. Мысли медленно поплыли в его голове сквозь то легкое очумение и ступор, которые испытывает каждое недавно воскрешенное существо.

Прежде всего Гора интересовали некие технические подробности, основываясь на которых он смог бы делать выводы и анализировать ту нелепую ситуацию, в которой только что оказался. Процесс созревания клоны проходили в состоянии анабиоза. От жуткой гиподинамии их обездвиженные тела спасала только принудительная гимнастика – важнейшие группы мышц с равными промежутками времени получали электрические импульсы из игл-сенсоров, вызывающие сокращения. Благодаря этому, только что созданный клон мог двигаться сразу после помещения нового разума в его мозг, не дожидаясь, пока мышцы окрепнут и привыкнут к нагрузкам. Однако даже такая практика не могла полностью компенсировать отсутствие реальной мышечной активности и придать движениям нужную координацию. Поэтому в течение нескольких часов после воскрешения новый обладатель искусственного тела перемещался с трудом.

Судя по тому, что простейшие движения конечностей давались довольно тяжело, но голова при этом оставалась совершенно ясной, без малейших признаков токсикоза, было очевидно, что его недавнее бессознательное состояние объяснялось именно приходом в себя после реинкарнации, а не чем-то иным, например, – анестезией для похищения или транспортировки. От момента перемещения сознания до прихода в себя в клонированном теле проходило не более получаса. Следовательно, аппарат для создания клонов находился недалеко, да и новая телесная оболочка создана где-то рядом. Возможно, даже в этом здании. А с самого Хеб-седа прошло не более сорока минут. Ну что же, подумал Гордиан, это уже что-то.

Он сел на корточки и начал неторопливый, последовательный осмотр.

Демиург тщательно ощупал лицо, изучил плечи, ноги и гениталии. Внезапное осознание того, что он совершенно обнажен, в данной ситуации Гора не беспокоило. Во-первых, потому, что в процессе Хебседа для тела клона одежда никогда и не предусматривалась, а во-вторых, потому, что нагота являлась ничтожной проблемой по сравнению с удивительным заточением в клетке.

Новая оболочка его бессмертного *Ка* оказалась молодым, физически здоровым мужским телом с умеренно развитой мускулатурой, немного тонкими костями и, по всей видимости, нескладной худосочной фигурой.

«На глазок» Гор определил свой новый возраст – шестнадцать, может, пятнадцать лет. В каком-то смысле это было не плохо: ведь для того, чтобы вывести себя на приемлемый уровень физической подготовки, владея соответствующей методикой, понадобится не так много времени. Но все же...

В прошлой жизни тело Гордиана являлось генномодифицированным образцом, выращенным для будущего сотрудника Нуль-Корпорации. В нем он обладал повышенной нервной реакцией, устойчивостью к космическим перегрузкам и более высоким тонусом мускулатуры, позволяющей персоналу Нуля быть в среднем в два раза сильнее, чем обычный человек такой же комплекции и с таким же объемом мускулов. Кроме того, раньше он владел гипостенической коренастой фигурой, средним ростом и широкими плечами.

Превращение из крепкого взрослого мужчины в длинного тощего юношу, а из силача-мутанта – в обычного *homo sapiens* было не слишком радостным событием.

Голова оказалась совершенно лысой – растительность отсутствовала не только на крышке черепа, но и на надбровных дугах. Щеки, подбородок, даже внутренняя поверхность носовой полости также были совершенно гладкими, без малейших признаков волосяного покрова. Но это ерунда, подумал Гор, отрастет.

Осторожно, мягкими круговыми движениями указательного пальца, демиург нащупал

свой *шунт* – нейроразъем, входное отверстие которого располагалось на дюйм выше основания правого уха и немного прикрывалось от постороннего глаза ушной раковиной. По опыту Гор знал, что клоны выпускались с неактивированными шунтами, поскольку виртуальный «силь», висящий в пространстве алым мигающим глазом, мог запросто свести с ума неподготовленный к таким фокусам разум.

Для людей, рожденных естественным образом, нейрошунт выпускался в форме металлической таблетки, которая просто прикладывалась к виску. Таблетка реагировала на тепло человеческого тела и расположение нейронов в центральной нервной системе. При контакте с кожей она выпускала множество тончайших металлических волосков, которые, быстро удлиняясь, проникали внутрь организма, опутывая своей паутиной мозг, внутренние органы и как бы «дублируя» нервную систему. На поверхности же оставалась только «шапка разъема» – маленький передатчик и ретранслятор, обеспечивающий связь шунта с внешним миром и глобальной информационной Сетью.

Клоны, в отличие от «натуралов», выпускались с таким же, но уже готовым шунтом и подчиненной ему паутиной, который нужно было просто активировать, совершив в определенном порядке несколько нажатий на шапку разъема.

Поэтому то, что нащупал Гор, изучая пальцами поверхность черепа, поразило его: шунт был не просто неактивен, он был *запаян* ! Вместо ребристой «шапки» ретранслятора подушечка пальца огладила неровную каплю застывшего металла, не пригодную ни к чему. Тогда Гор попытался проникнуть в свой нейроразъем, активировав его не через «шапку», а изнутри. Для существа с его сверхчеловеческими способностями то была детская забава. Старый демиург закрыл глаза и сосредоточился.

Зрение пропало.

Обычно в моменты концентрации Гордиан видел окружающее даже сквозь закрытые веки, как бы глядя вокруг не глазами, а из некой бесплотной точки, когда можно смотреть не только вперед, но во все стороны одновременно. Воздух должен был покрыться алым муаром с пронизывающими пространство линиями энергетических потоков. Сейчас нейрошунт и клубок его «усиков», опутывающих человеческое тело, сверкнет искристо-яркой, ветвистой голубой паутиной, мерцающей в полутьме искаженного зрения, улыбнулся Гордиан, его сила явиться к нему в своей ослепительной мощи, а нейрошунт оживет...

Так было всегда, сколько себя помнил Гор, однако сейчас пространство вокруг оставалось пустым. Он по-прежнему видел лишь темноту за внутренней поверхностью век. Нейроразъем молчал – молчала и глобальная Сеть.

В первые мгновения после пробуждения Гор просто не понял, что Сеть Корпорации, сопровождавшая его всю череду прожитых столетий, не шепчет ему обрывки своих новостей и не окутывает незримым шлейфом отрывочных кадров-картинок. Поглощенный изучением обстановки, Гор был слишком занят, чтобы обратить на это внимание, и просто ощущал некий неосознанный дискомфорт. Конечно, глобальная Сеть могла не подавать сигналов просто потому, что помещение было экранированным, но сейчас создатель Каталауна отчетливо понял, что дело в другом: он утратил свои способности!

Архонт Аякс говорил, что такое возможно, однако только теперь Гордиан полностью осознал, что значил для него его дар! Это было хуже, чем художнику почувствовать себя слепым, а бегуну – безногим.

Гор был изуродован. Он стал инвалидом настолько, насколько это вообще возможно для *Тшеди*. О Иешуа, без ног и рук он чувствовал бы себя лучше!

Снова и снова Гордиан пытался погрузиться в гипнотический транс и почувствовать движение информационных потоков в окружающей вселенной. Однако пространство безмолвствовало. Нигде он не слышал размеренного перешептывания интеллектуальных машин, плавного шелеста их электронных мыслей и грозного перекачивания сквозь порталы валов информации. Для Тшеди, привыкшего к своей исключительности, утрата дара равносильна смерти – так же как обладание *телом смертного* для привыкшего к своей вечности демиурга.

Итак, он сидел в клетке в слабом теле «натурала», без дара, преданный неизвестно кем, и с полным неизвестностью будущим. Почему-то именно осознание собственной ущербности подействовало на Гордиана сильнее всего. Больше чем заключение в клетке или пробуждение в незнакомом месте и теле.

Отчаяние неожиданно подкатило слезами к глазам, железным кольцом сдавило горло. Сердце в коллапсирующем ритме затрепетало во впалой груди.

«Проклятая физиология», – подумал Гордиан. Нетренированная нервная система сразу проявила свои недостатки! В старом теле, подобного бы не случилось. Сбой программы реинкарнации, да еще сопряженный с утратой пси-способностей, безусловно, являлся причиной, достаточной для паники. Но плакать? Невероятным усилием воли создатель Каталауна сдержался.

Тело нужно контролировать, упрекнул он себя. К тому же все это еще могло оказаться просто ошибкой.

Демиург встал на колени, положил ладони на бедра и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться и трезво оценить ситуацию. Новое тело, однако, обладало иной эмоциональной устойчивостью к стрессам, иной химией и нервной восприимчивостью, поэтому, чтобы успокоить сердце и заставить поток мыслей бежать в нужном направлении, ему потребовалось почти несколько секунд.

Что-то произошло не так, думал он, сбой программы реинкарнации совершенно очевиден. Место, где он находится, – не его дом. С другой стороны, это место нельзя назвать абсолютно неизвестным. Общесетевой шунт в его голове, пусть и испорченный, свидетельствует, что клоны здесь выпускаются по стандартной, принятой во вселенных Нуля технологии. Значит – это кластер Нуль-Корпорации.

Гор раздвинул руки в стороны, почти коснувшись напряженными ладонями стен темницы, и выполнил несколько привычных дыхательных упражнений.

Хорошо, заключил он. Сейчас очевидно одно.

Информации слишком мало, чтобы делать выводы. Нужно подождать. В принципе, наличие электричества и клонической фабрики (по крайней мере, одного из цехов) где-то поблизости говорит о том, что здесь есть связь с Корпорацией и он сможет легко подтвердить свой статус в первом же ИЦе. А затем – перебраться на Каталаун и еще раз реинкарнироваться. В сущности, задача элементарна. Просто произошла ошибка, которую следует исправить. Хотя...

Гор вздрогнул. Он вспомнил свой последний день перед Хеб-седом, и лоб его покрылся испариной.

В этом последнем дне были два существа, два подобных ему демиурга – *Аякс* и *Октавиан* !

Два имени, за которыми скрывался ответ на загадку его пробуждения. «Если это они, то... дьявол! – Гор отер ладонью лоб. – Пожалуй, действовать следует осторожно».

* * *

Высунувшись за прутья решетки насколько возможно, лишенный дара демиург еще раз просчитал клетки. Тридцать семь справа от него, двенадцать слева. Его клетка – тридцать восьмая. Итого – пятьдесят. В клетушках справа сидели люди, но все клетушки слева были пусты. Большинство из тех, кто находился в клетках, насколько мог видеть Гор (а видеть он мог далеко не всех), оставались также обнажены и измазаны подсыхающей слизью.

Не нужно было являться гением, чтобы сделать из всего этого простейшие выводы. Все люди в клетках были такими же клонами, как и он. Часть из них сидела, погруженная в какой-то неподвижный ступор. Часть что-то невнятно бормотала, сидя и лежа в своих ячейках. Некоторые плакали и стонали. Наиболее активные при этом размещались ближе к его ячейке, и Гор стал догадываться, почему. Догадка подтвердилась буквально через десять минут после осмотра.

Металлическая дверь в конце коридора отворилась, и два дюжих охранника или санитаров в мешковидных халатах втащили внутрь некую массу в непрозрачном биоупаковке. Подтащив свою ношу к клетке слева от Гордиана, они бросили ее на пол, и один из них, достав небольшой, странной формы выдвигающийся нож, вскрыл сначала угол упаковки, а затем, проведя рукой в перчатке вдоль края, раскрыл емкость полностью. Наклонив пакет на бок, санитары вывалили на пол скрюченную фигуру.

Глаза человека из упаковки оказались плотно закрыты, а тело сильно измазано липкой тянущейся слизью. Очередной клон, так же как и Гор около часа назад, находился без сознания. Охранники-санитары подхватили несчастного под руки и заволокли его в соседнюю клетушку. Затем, немного отдышавшись, они забрали пустую упаковку от свежесозданного человеческого существа и молча удалились.

Логика оказалась элементарна!

Итак, сделал выводы Гордиан, это место – не тюрьма и не барак. Это – крайне примитивная и грубая медицинская «адаптационная камера». Так называемый «отстойник» для свежих клонов. Где-то в соседнем помещении находится колба для синтеза человеческих тел, причем в единственном экземпляре. В среднем, один раз в каждые пятьдесят минут или час (таков стандартный технологический интервал), она выдает очередное творение в форме скрюченной человеческой фигуры, заключенной в биоупаковку – аналог материнской плаценты.

Партия клонов в любой клонической машине, изготовленной в пределах Нуль-Корпорации, – ровно пятьдесят человек. Тридцать девять из них уже готово, осталось еще одиннадцать. Это значит, до окончания процесса – от девяти часов десяти минут, до одиннадцати часов ровно. Затем партию будут готовить к вывозу.

В принципе, выбраться из клетки и из комнаты «отстойника» может оказаться делом не сложным. Привлечь внимание санитаров при заносе очередного клона, добиться, чтобы клетку открыли, затем – вырубить обоих санитаров и выйти. Если бы Гордиан пребывал в своем старом теле, он бы ни на минуту не сомневался в успехе замысла. Судя по мешкам под глазами, обрюзгшей фигуре и жировикам на коже, оба санитаров были «натуралами», без малейшего намека на генную модификацию, а значит, сравниться с генетически усовершенствованным человеком по физическим параметрам и близко не могли.

Однако сейчас и сам Гордиан являлся почти «натуралом», человеком без усиленной мускулатуры и реакции, пусть и выращенный искусственно. К тому же – биологически слишком молодым и неподготовленным. Наличие информации о методах рукопашного боя в его мозге не заменит мышечных навыков и не поднимет болевой порог. Оба санитаров были физически старше и значительно крупнее новой оболочки Гора, в каждом из них даже на глаз – под сто килограммов. Против от силы пятидесяти—шестидесяти килограммов веса у экс-творца. Тем не менее шансы имелись: оба санитаров выглядели слишком разжиревшими и не здоровыми для настоящих бойцов. Останавливало Гора другое – полная неизвестность окружающей обстановки в стратегическом плане.

Даже если удастся выбраться из здания, размышлял демиург, что ждет его на свободе? Подпольный цех клонирования вполне мог оказаться на станции, парящей в безвоздушном пространстве или на планете с непригодной для человека атмосферой.

Оставалось одно – ждать. Гордиан Рэкс еще раз посмотрел на собратьев по несчастью, откинулся на спину и заснул беспокойным, тревожным сном.

Глава 2

До смерти Бога остаются сутки

В тридцатый день месяца Тот, первого месяца своей трехсотшестидесятой зимы, Гордиан Оливиан Рэкс, демиург и бизнесмен, фехтовальщик и пилот, игрок и коллекционер, бездельник и ... и просто очень пресыщенный жизнью человек, пребывал на Залене, в своем Ронском дворце и в удрученном настроении.

Триста шестьдесят лет – немалый срок. Особенно, когда вживленные в мозг

искусственные нервы позволяют усилить твое восприятие, а искусственные клетки памяти – сохранять воспоминания каждого мига нетронутыми и яркими. Такими, как будто все случилось вчера.

Гор помнил многое.

Он помнил и свое первое воскрешение в палатах Кадрового Департамента Корпорации. И недолгие месяцы обучения. И долгие годы службы, когда в огне бесчисленных карьерных сражений он ковал свое обеспеченное будущее.

И тысячи межзвездных перелетов.

И миллионы сделок. И войны, которые вела Корпорация на окраинных и в закрытых кластерах.

И любовь, которую дарили ему случайные встречи в краткие дни увольнительных, свободные от напряженной работы.

Гор помнил все это четко и живо, той сочной и полной памятью, которая у обычных смертных характерна только для очень значимых, «незабываемых» воспоминаний. Картины его памяти имели качество видеозаписи, а беседы и диалоги – точность звуковой дорожки. Ведь Гордиан Рэкс был *Тшеди* – клоном с искусственным телом и уникальными пси-способностями, искусственно запрограммированными в нем при создании в клонической колбе.

Каждый из *Тшеди* обладал разным талантом. Талантом Гордиана являлся сетевой поиск. На расстоянии, без прямого подключения нейрошунта к глобальной Сети, погрузившись в мгновенный транс, он мог искать информацию в ее запутанных лабиринтах.

Результатом поиска могли стать и файлы, не включенные в глобальную Сеть, а сохранившиеся на дисках машин, не контактирующих с ней. Он мог напрямую разговаривать с любыми механизмами, обладающими необходимой степенью интеллектуального развития. Мог управлять автоматикой урбанизированных городов. Серверами космических станций. Навигационными компьютерами звездных кораблей. Всем.

То был уникальный талант, обеспечивший ему быстрый рост по служебной лестнице в годы работы на Нуль-Корпорацию.

Единственное, что Гордиан помнил плохо, а многое, пожалуй, не помнил вообще – это события до своего первого воскрешения, первую действительно настоящую жизнь в неизвестном мире, в честь которого он назвал главную звезду в своем единственном на данный момент частном кластере. Мир этот звался «Каталаун». Мир без Корпорации...

Триста шестьдесят лет – ничтожный срок для Бога и огромный для примитивной твари, которой является человек. Население созданных Гором миров ничтоже сумняшеся почитало его Божеством, Абсолютным и Единственным в своем роде (что было неправдой), Творцом вселенной и Создателем их миров (что вне сомнений являлось истиной). Однако сам Гордиан Рэкс всегда знал, что собой представляет.

В своей прошлой жизни он был мастером фехтования. Не Мастером с большой буквы, великим ратоборцем или прославленным бретером, а скромным учителем фехтования где-то в провинции. К сожалению, воспоминания Гора о том периоде оставались весьма туманны и расплывчаты – сказывалось отсутствие пси-способностей, инициированных в нем лишь в момент воскрешения. А с вереницами лет, пробежавших между тем мгновением и сегодняшним утром, эти воспоминания истончились, превратившись в смазанные отрывки. В отзвуки голосов и блики. Истертые, как кадры старого, забытого всеми фильма.

По большому счету это не имело значения. Ибо Гордиан Рэкс являлся практичным (существом?) и старался жить своим сегодняшним днем, или, учитывая принципиальное бессмертие демиургов, – своим сегодняшним столетием, и не углубляться в тайны метафизики или самопознания. Однако воспоминания о прошлой жизни, настоящие или нет, будоражили его *Ка*, как ничто другое. Возможно, именно поэтому, каждый свободный день, а после достижения вершин карьеры их теперь у него было более чем достаточно, Гордиан старался проводить в своем тренировочном зале.

Рапиры и даги, тяжелые двуручные мечи и отлично сбалансированные

«полутораручные» бастарды, опасные эстоки и хитроумные фламберги, хищные секиры и изящные трехгранные шпаги с замысловатой оплеткой эфеса – все это занимало теперь львиную долю его досуга.

Его старые коллеги, знавшие Гора еще со времен работы «полевым» коммивояжером, называли его «Харсомт» в честь любимого клинка Гордиана – великолепного длинного *копеша* с рукоятью, выделанной акульей кожей, и с позолоченным лезвием, отлитым (именно отлитым, а не выкованным) из ишед-оливина, так называемого «твердого золота» – искусственного металла, созданного Нуль-Корпорацией для бронирования космических станций и кораблей.

«Харсомт» – имя любимого оружия, пусть и антикварного, почему-то звучало для Гора восхитительной музыкой. Призывно и звучно. В устах соратников по работе это означало «клинок». И он гордился этим прозвищем, как бы его увлечение ни воспринимал весь остальной мир.

Однако демиурги Нуля, то есть акционеры «Корпорации Нулевого Синтеза» и владельцы собственных карманных миров, с которыми мистер Гор стал якшаться не так давно (собственно, после того как сам стал демиургом), называли его немного иначе.

Палач...

Гордиан Рэкс стал демиургом после известной операции на Седане, когда почти после ста шестидесяти лет преданной службы он дорос до должности диадоха кластера. В тот памятный год массовое движение *автохонов*, возглавленное их уродливой молодежью, вспыхнуло сразу на нескольких планетах Седана. Они вышли на улицы своих нечеловеческих поселений, не желая принимать тиранию Нуля и требуя равных прав с Человеком. И большинство соседей – людей-колонистов, проживающих в Резервации, – поддержало их в этом!

Ответ Нуль-Синтеза был безжалостным и эффективным. В течение трех дней планеты «чужих», охваченные движением, были зачищены до состояния кладбища. Двести нечеловеческих рас были уничтожены до последней особи, а всякая информация, содержащая код их генотипа, – стерта из глобальной Сети. Несколько миллионов людей-колонистов были расселены по ближайшим мирам. Звезды кластера, вокруг которых вращались мятежные планеты, были аннигилированы.

На четвертый день инцидента только облака радиоактивной пыли, в окружении безжизненных планет, лишенных даже океанов и атмосферы, вращались на месте, где еще недавно бурлила жизнь, сновали космические челноки, а межзвездное пространство озарялось светом тысяч переполненных небоскребами городов.

Гордиан Рэкс, диадох Седана, продемонстрировал тогда всему бесчисленному сонму миров, что гнев Корпорации может быть ужасающе страшен, а карающая длань – неимоверно тяжела.

И поэтому имя его отныне звучало как проклятие.

Беспрекословно и точно выполнив чудовищные распоряжения Правительства Корпорации, он подвергся немыслимым нападкам прессы и удостоился ненависти всей мыслящей части человечества. Пораженные видимой решительностью и очевидной для общественного мнения жестокостью столь юного губернатора (сто шестьдесят лет – смех), уцелевшие беженцы окрестили Гордиана «палачом». Их вой подхватили СМИ – и вот, с легкой руки газетчиков, во всех обитаемых мирах Нуля его называли теперь не иначе как «убийца» или «седанский палач».

Для прекращения этих нападков, а также в качестве воздаяния за преданность, Гор был отозван со службы и досрочно выведен на пенсию. Как лицо, занимающее одну из высших командных должностей, он получил в собственность так называемый «ветеранский гонорар», то есть стандартный пакет акций Нулевого Синтеза, в мгновение ока сделавший его одним из демиургов Нуля, акционером этой вселенской структуры и фантастическим рантье. Немыслимо богатым человеком и полубогом собственного карманного мира!

Безусловно, Корпорация умела вознаграждать своих «псов».

* * *

Впрочем, никто из демиургов, с которыми Гордиан встречался в клубе, не смели называть его палачом открыто. Еще бы, жуткая слава внушала им уважение. Однако Гор знал, что за глаза его именуют именно так. Кроме того, особый блеск его кровавой репутации «истребителя чужих», вопреки всякому желанию самого Гордиана, придала способность эффектно обращаться с мечом и топором, которую он, не подумав, однажды продемонстрировал паре демиургов в тренажерном зале их клуба.

После нескольких впечатляющих финтов, выполненных Гором с помощью топора в левой руке и огромного палаша-хайландера в правой, отвратительное прозвище закрепилось за ним навсегда.

Гор-Палаш или Гор-Палач – так вскоре он стал именоваться даже в списке спортивной команды своего клуба.

На самом деле, мистер Рэкс не был кровожадным чудовищем, ненавидевшим чужих, и никогда ранее не выполнял карательных функций. Приказ на зачистку планет кластера Седан был принят в самых верхах правления Нуль-Корпорации и подписан лично Верховным Стратегом Нуля, утвержден Ареопагом Нуля и не отвергнут Учредителем.

«Нулевой Синтез» был жесткой структурой, и поддержание дисциплины на подконтрольных ей территориях и в рядах сотрудников проводилось железной рукой. Правила были суровы, и после ста шестидесяти лет службы диадох Гор четко осознавал, что отказаться от выполнения приказа он не имеет ни права, ни возможности.

Ибо «отказавшиеся» – утилизировались: во Вселенной, где люди и миры создаются искусственно, гуманизм не был в большой цене.

Став демиургом ста шестидесяти лет от первого воскрешения – возрасте, немыслимо молодом для подобного богатства и власти, Гордиан Рэкс оказался внезапно для себя на самой вершине социальной пирамиды. При этом он отчетливо (видимо, в силу «юного» возраста) отличался от большинства себе подобных.

Умудренная опытом и впечатлениями десятков и сотен тысячелетий, львиная доля демиургов смотрела на него снисходительно, как на необычайного везунчика, и даже, пожалуй, выскочку. Большую часть своего времени эти существа (право, их трудно назвать «людьми») предпочитали проводить в собственных кластерах – частных мирах, предаваясь отдыху и извращенным развлечениям, упиваясь своей абсолютной властью над рабами и вассалами, устраивая охоты на людей и оргии с тысячами наложниц.

Осознав свои новые возможности, Гор также немало времени (особенно в первые десятилетия своей, оплаченной Нулем, псевдобожественности) посвятил оргиям и множеству других экзотических удовольствий. В собственной, только что созданной им мини-вселенной. Однако он никогда не развлекался пытками и убийством людей, даже зная, что каждый из убитых и замученных им рабов будет впоследствии воскрешен, чтобы вести свою никчемную и сытую обывательскую жизнь иждивенца НС в одном из продвинутых кластеров Корпорации.

Будучи слишком «юным» для настоящего демиурга, Гордиан еще не преодолел в себе тягу к настоящей деятельности, результативному труду, направленному на достижение определенной цели.

Он решил открыть свое дело.

Итогом кропотливой работы в этом направлении стало создание дочерней по отношению к Корпорации, маленькой компании сетевого поиска. Компания занималась поиском в ГИС информации на заданную тему, так сказать «под заказ». Структура размещения данных в ГИС, вообще, была крайне не систематизирована, кроме того, значительная часть файлов, содержащих ценные научные, исторические или индивидуальные сведения, защищалась кодировками, не доступными никому кроме лиц с

уникальными талантами Гордиана Рэкса.

Конечно, поиск информации в глобальной Сети обеспечивал любой завалающий провайдер, компании которых как грибы, тысячами, плодились в любом из обитаемых кластеров Нуль-Корпорации. Однако Гор предоставлял заказчику информацию иного рода – закодированные, скрытые и секретные файлы, доступ к которым для других пользователей Сети был запрещен. Конечно, деятельность Гордиана проводилась под жесткой регламентацией закона, а множество данных, составляющих так называемый «секрет корпорации», находилась под запретом даже для него. Он мог с ними ознакомиться благодаря своим уникальным способностям, но продать или обнародовать не мог, под угрозой жесточайшего и молниеносного возмездия.

Впрочем, за рамками, ограничивавшими понятие «Секрет Корпорации», существовало множество других, более чем востребованных, сведений, тщательно скрываемых одними и необычайно интересных для других. Коды доступа в оригинальные частные вселенные, психологические матрицы могущественных врагов, генетические коды прекраснейших из наложниц, информационные реплики новейших технических разработок для их воссоздания в частных нуль-синтезаторах и многое, многое другое, закрытое для всех, но доступное ему, стало теперь предметом поиска демиурга Корпорации Гордиана Рэкса на многие годы его долгого и бессмысленного существования.

Богачи из числа акционеров Нуль-Синтеза, владельцы собственных миров и сотен тысяч человеческих душ, выкладывали немыслимые суммы за матрицы искусственно выращенных экзотических животных, понравившихся рабов или реплики уникальных произведений искусства, случайно увиденных ими «в гостях у друзей», для украшения своих апартаментов и услаждения своей никчемной жизни.

Гордиан Рэкс предоставлял все это. Не забывая, впрочем, копировать все найденное в память «Ордалангамзада» – собственного изолированного от Сети электронного хранилища, размещенного в глубине Феракура, седьмой планеты его частного домена.

Работа была интересной, заказы – крупными, а бизнес – успешным. Иногда Гору казалось, что он достиг всего, о чем можно мечтать, и скука – эта вечная спутница вечности – посещала его чаще, чем он того хотел. Единственное, что в последнее время будоражило его кровь и сознание, являлось ожидание *Хеб-седа*.

Хеб-сед был явлением уникальным, характерным лишь для класса пресыщенных жизнью демиургов. Он не диктовался биологической, технологической, экономической или политической необходимостью – Хеб-сед был традицией бессмертных.

Тела демиургов, способных оплатить Корпорации не только реинкарнацию, но и вечную молодость, никогда не старели, в отличие от тел смертных. Если сто двадцать—сто пятьдесят лет были принципиальным пределом, за которым следовала либо могила, либо «рабский контракт» для рядового обывателя, то для геномодифицированного тела демиурга-акционера даже тысячелетие не было сроком, достаточным для начала физиологического износа организма.

Демиург Нуля мог жить вечно, если его жизненный путь не прерывала насильственная или случайная смерть. Только в этом случае сознание демиурга, скопированное в ГИС в момент смерти, переносилось в новое клонированное тело и его жизнь обновлялась новой физической оболочкой.

Поэтому один раз в триста шестьдесят лет – именно столько занимал условный эзотерический «Год Атума» в Континиуме НС – каждый демиург проходил бессмысленный и полумистический ритуал Хеб-седа, корни которого уходили в глубину тысячелетий. За грань, очерченную историей Корпорации.

Хеб-сед был данью обычаям, традиционной, проводившейся раз в триста шестьдесят лет принудительной реинкарнацией людей-полубогов. Его обязательность была безоговорочной для каждого бессмертного и подтверждена специальным законом Нуль-Синтеза «О периодической реинкарнации».

Вне зависимости от состояния здоровья и собственного желания всякий демиург в

процессе Хеб-седа заменял свое тело на новое. По мнению психологов и историков, анализировавших истоки этого странного обычая и подтвердившего его закона, принятого на самой заре существования Нулевого Синтеза, он объяснялся необходимостью внести элемент обновления в устоявшуюся жизнь этих почти вечных существ.

Бессмертное *Ka*, душу демиурга заменить было нельзя, однако можно было сменить тело. Новое тело всегда приносило с собой новые ощущения, новое осознание себя, почти всегда – смену привычек, вкусовых пристрастий, особенностей характера и темперамента. Незыблемой оставалась лишь память.

Демиург Гор был воскрешен в 720 году четырнадцатого тысячелетия из Сотни Стратига Октавиана, 1111-й эпохи Нулевого Синтеза, десятой эры Хеба Хорнатора.

Сто шестьдесят лет он отдал преданной службе Нуль-Корпорации, завершившейся, к его счастью и к несчастью двадцати миллиардов чужих, кровавым седанским делом.

Ровно двести лет после Седана он был демиургом, абсолютным богом Тринадцати Миров и счастливым обладателем биллионов кредо.

И вот сегодня, на тридцатый день месяца Тот, 1080-го года четырнадцатого тысячелетия правления Стратига Октавиана, спустя триста шестьдесят лет после воскрешения в Индустриальном центре Кадрового департамента Нуль-Корпорации, таинственный и немного пугающий Хеб-сед ожидал его.

До истечения очередной жизни оставались сутки. «Смерть Бога» приближалась.

Глава 3

Знакомьтесь, электронный ошейник

Просто дом...

Вздрогнув всем телом, Гордиан Рэкс проснулся – разбудивший его шум не был похож на размеренные звуки, сопровождавшие занос очередного тела.

Вокруг кричали.

Демиург осмотрелся. В коридоре орудовали шесть человек в уже знакомых ему мешковидных халатах. На сей раз все шестеро были вооружены электрическими дубинками полицейского образца и экипированы здоровыми связками наручников на поясе.

Одиннадцать клеток слева от Гора, пустовавшие ранее, были заполнены, но шум пришел не оттуда. Шестеро санитаров, как и следовало ожидать, начали с дальнего конца коридора.

Клонов вытаскивали по одному, и каждому выдавалась одежда – широкая синтетическая футболка свободного покроя, походящая скорее на античную тунику, чем на спортивную форму, и длинные свободные шорты. На ноги выдавались легкие тканые боты без шнуровки, более похожие на узкие медицинские бахилы с подошвой, чем на реальную обувь. Все предметы – яркого синего цвета.

Затем санитары надевали на клонов наручники, а на шее застегивали странный предмет, напоминающий узкий металлический шнур с небольшим прямоугольным утолщением. По внешней стороне этого «ошейника» дугой проходила узкая, длинная алая полоса, горящая слабым электрическим светом. Закованных клонов соединяли длинной металлической цепью, вдевавшейся в специальный паз на каждом из ошейников. И ставили на колени вдоль бетонной стены напротив клеток в той же очередности, в которой они изымались из своих ячеек.

В целом, как оценил происходящее Гор, ничего ужасного не происходило. Клонов просто готовили к выходу из адаптационной камеры. Кошмар, вероятно, должен был последовать чуть позже...

Когда подошла очередь Гордиана, тот, уже подготовившись к процедуре, не сопротивлялся. Вскоре длинная вереница из пятидесяти несчастных была готова и их вывели из помещения.

Осторожно, стараясь не привлекать внимания сопровождающих, создатель Тринадцатимирья огляделся – за дверью начинался длинный коридор, упирающийся в широкую лестницу, ведущую наверх. Процессия поднялась по лестнице и направилась по извилистому коридору.

Сначала Гордиан пытался считать повороты, однако вскоре отвлекся и потерял направление. Новое тело обладало не только иными физическими показателями, но и иным мозгом. Навыки фотографической памяти, присущие каждому *Тшеди*, отсутствовали напрочь. Оставалось просто внимательно смотреть по сторонам, концентрируясь на отдельных деталях.

Общее впечатление от окружающего оставалось довольно удручающим. Клонов окружали все те же серые бетонные стены, что и в «отстойнике», но здесь помещения оказались очень просторными – то были настоящие крытые улицы и площади. Окон не имелось, а мягкий электрический свет исходил от крупных квадратных светильников, свисавших с потолков. Несколько раз процессия проходила мимо металлических дверей, с виду похожих на сейфовые – с толстенными стенками и мощными многоярусными замками.

Мимо пробегали люди в длинной черной однотипной одежде с каким-то гербом, вышитым цветными нитками на тканном щитке в левой части груди. Гор присмотрелся и, пройдя мимо нескольких таких встречных, с удивлением уловил суть изображения – то был стилизованный змееподобный дракончик, сгорающий в пламени. Символ оказался ему совершенно не знаком, а одежда отличалась от общепринятой формы работников Нуля. Это еще раз навело Гордиана на мысль о пиратском происхождении его нового тела, поскольку по всем известным вселенным клонированием официально занимались только фабрики Нуль-Корпорации, или, как ее называли официально, «Производственно-коммерческое объединение предприятий Нулевого Синтеза».

У всех сотрудников, попавшихся навстречу закованной в наручники процессии, имелись шунты, причем не запаянные, а, судя по внешнему блеску хромированных «шапок», вполне рабочие.

В каком-то смысле все это обнадеживало Гордиана: в таком крупном и хорошо оборудованном комплексе просто не могло не быть столь важной для изолированной базы техники, как аппарат межкластерной связи. А металлические сейфовые двери, защищающие отдельные помещения, явно имели электронную начинку. Такие двери хороши против обычных взломщиков, но не подобных Гордиану хакеров-*Тшеди*. Как только его способности восстановятся хоть до сколько-нибудь приемлемого уровня (если восстановятся), то для него не составит труда, нейтрализуя проходящих мимо сотрудников через их нейрошунты, вскрыть замки, проникнуть внутрь и добраться до аппарата связи, – подумал Гордиан.

Несмотря на категорическую смену тела, черепной коробки и даже самого мозга (господи, где они теперь, перемалываются должно быть в каком-нибудь утилизаторе), пароли доступа к закрытым тревожным линиям все еще сохранялись в его памяти вместе с основами личности и образования. Тут по счастью способности *Тшеди* были не нужны, и система передачи информации в процессе реинкарнации сработала вполне хорошо. И это означало: если Гор сможет добраться до аппарата связи, он сможет войти в глобальную Сеть. А если войдет в Сеть – сможет связаться с Эс. Си. Руксом или с ближайшим диадохом сектора. Да с кем угодно!

Гор знал, что восстановление пси-способностей, если оно вообще будет иметь место, может занять от месяца до нескольких лет. С одной стороны – совсем не долго, но с другой стороны – их еще необходимо было прожить!

В обычных условиях *Тшеди* выращивались искусственно и Корпорация Нулевого Синтеза массово штамповала их так же, как производила миры. Но даже тут существовали определенные сложности.

Наука «Нулевого Синтеза» обладала почти абсолютной властью над материей, подчас шокирующей своими возможностями. Однако над духом – нет. Умения же, определяющиеся

наличием пси-способностей, относились скорее к духовной составляющей человеческого существа.

Первым фактом, которые ученые Нуля смогли установить относительно экстрасенсорных и телепатических возможностей *Тшеди*, была некая связь между генотипом телепата и его сверхъестественным талантом.

Вторым фактом было то, что люди определенного генотипа могут являться носителями пси-составляющей, а другие – не обладают этой возможностью в принципе. За свою долгую историю Корпорация случайным образом выявила множество людей, имеющих такие способности. Их генотип тщательно изучался, копировался и регистрировался в особом каталоге. Затем из генома, отобранного из каталога по специальному принципу, создавался клон. Тысячелетняя статистика показала, что в среднем только один из пяти миллионов подобных «генетически» отобранных клонов обладает способностями *Тшеди*, но умники из Корпорации решили проблему штамповки экстрасенсов легко, учитывая неограниченность ресурсов у этой вселенской организации.

На фабрике создавалось пять миллионов клонов, в генотипе которых закодирован фактор «пси», и один или два из них обладали даром. Такие клоны становились будущими сотрудниками Нулевого Синтеза, администраторами или учеными, военными или инженерами. Их ждало блестящее будущее, бескрайние перспективы и, как итог карьеры через несколько тысячелетий, – «ветеранский» гонорар, биллионы кредо, собственные акции, кластеры, статус демиургов Нуля и бессмертие.

Остальные четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять или восемь несчастных ... утилизировались. По крайней мере именно этим жизнеутверждающим словом называлось неспешное шествие миллионов людей к топкам крематориев под вооруженным конвоем.

Особенность пси-операторов *Тшеди* заключалась в том, что выявить наличие соответствующих способностей в теле можно было только в момент их непосредственного применения и никак иначе. Следовательно, в спящем или в бессознательном состоянии способности *Тшеди* не определялись. Даже в осознанном состоянии одного инициированного *Тшеди* мог почувствовать только другой инициированный *Тшеди*. Приборы же могли регистрировать только непосредственные проявления пси-воздействия. Например, огонь при пирокинезе или перемещение предметов при телепортации.

Следовательно, каждый раз при создании из очередного генома с опытной партией в пять миллионов клонов сотрудники Кадрового департамента должны были загрузить в сознание каждого клона сознание и память, и только потом проводить тесты на наличие пси. После выявления пси-способностей людей-клонов с полным комплектом памяти, разумом, инстинктом самосохранения, в полной мере осознающим собственную личность, приходилось банально убивать.

Так что работка у кадровиков Корпорации была покруче, чем у чистильщиков из Департамента геноцида. «Неудачных» клонов разбивали на партии по тысяче человек в каждой и в порядке «живой» очереди выводили в огромные специализированные крематории. Кошмарным потоком, в течение нескольких дней их сжигали, подводя к топкам по бесконечному конвейеру, пять миллионов – все-таки это много...

С возрождением способностей после Хеб-седа дела обстояли несколько лучше. Фактор пси действительно был духовной категорией, нежели физической особенностью мозга. В результате, спустя некоторое время после реинкарнации, новое тело-носитель, получившее сознание бывшего *Тшеди*, каким-то немыслимым образом генерировало внутри себя способность к старому экстрасенсорному таланту. Что и требовалось Гордиану в данном случае.

Проблема состояла в сроке. Зачастую на это действительно уходило несколько лет. Но ведь для бессмертных годы как минуты, не правда ли?

Гордиан вздохнул...

Через некоторое время клонов вывели на широкую площадь с ровным полом,

выложенным металлическими плитами. Помещение казалось огромным даже по сравнению с предыдущими. Высота потолка здесь составляла, как минимум, метров двенадцать. В подземном холле (а в том, что они находились под землей, Гор уже практически не сомневался) такие потолки впечатляли.

Несчастных построили в одну длинную линию, так и не освободив от общего, связывавшего их ошейники металлического шнура. Санитары незаметно удалились, обменявшись несколькими фразами и кивками с заменившим их настоящим конвоем и предав старшему конвоя какие-то бумаги. Кроме передачи бумаг, старший конвоя и один из санитаров обменялись, по всей видимости, цифровой информацией.

Каждый достал из кармана некий предмет, похожий на рукоять ножа без лезвия. Сделав несколько нажатий на кнопки и штырьки на этой рукояти, они явно что-то сверили или перекачали через бесконтактный порт, а затем прокомментировали это вслух одобрительными возгласами и покивали головами. Пультики радостно замигали и пропищали примитивную мелодию, видимо, подавая сигнал, что требуемая техническая операция выполнена. Лучше рассмотреть предметы не было возможности, поэтому Гордиан снова переключил свое внимание на конвой.

Было件нятно, что новые сопровождающие – именно конвой, а не простые санитары: они держали в руках не электрические дубинки, а замысловатой формы стрелковое оружие, вид которого вызвал у Гордиана давно забытые ассоциации. Он присмотрелся, незаметно изучая механизм.

Закончив осмотр, Гор мысленно присвистнул – похоже, он просто сходил с ума! Перед ним были ... настоящие пороховые ружья! Причем крайне примитивной конструкции.

Каким образом на фабрике, даже пиратской, выпускающей клонов на сверхсовременном оборудовании, могло использоваться огнестрельное оружие вместо энергетического?! Бред, – заключил Гордиан, – просто бред.

Между тем конвоиры окружили линию клонов и вперед вышел человек, принявший от санитаров бумаги. В отличие от последних, человек был облачен не в просторную белую хламиду, а в короткий камзол оранжевого цвета и в головной убор, более всего напоминавший Гору треугольную шляпу с отворотами. В отличие от собственных товарищей, вооруженных длинными ружьями, он имел на боку антикварный пороховой пистолет с деревянной рукоятью и короткий прямой меч с замысловатой гардой. Память старого коллекционера подсказывала Гордиану, что такое оружие называлось «Katzbalger». И являлось некогда одним из самых распространенных видов холодного оружия у древней пехоты. Впрочем, сейчас этот странный и никчемный предмет не вызывал у Гора ничего кроме недоумения. Одной рукой человек держал под мышкой папку с бумагами, а в другой – тот самый пульт, похожий на рукоять ножа без лезвия. Все застыли.

– Внимание, отребье! – проорал начальник конвоя. – Меня зовут старшина Гаврин. И отныне я – ваш отец, мать и ночной кошмар в одном лице. Вам всем, уроды, звать меня только «мастер старшина Гаврин». Все слышали, недоноски? Говорю один раз и повторять не буду. Кто не запомнит и не поймет – пусть пеняет на себя.

Он перевел дух и продолжал:

– Вы рождены и выросли в разных местах. У каждого из вас была другая жизнь и другая внешность. Забудьте о них! Если вы заметили, – а вы, твари, заметили, – у каждого из вас теперь другое тело. Это тело искусственно выращено в нашем Храме и досталось мне и моему хозяину не бесплатно. А значит, отныне все вы его собственность. И все вы – поганые ничтожные сервы, *рабы* ! От каждого из вас, от тебя, от тебя, и от тебя – он прошел вдоль ряда клонов, с силой тыкая их в грудь рукой с выставленными вперед указательным и средним пальцами, – будет зависеть дальнейшая судьба – сдохнуть или выжить. Неповиновение будет караться мучительной смертью. Послушание – жизнью!

Гаврин поднял руку с пультом и помахал им в воздухе:

– Для горячих голов скажу сразу: побег невозможен! Ошейник на каждом из вас сообщит мне и нашему хозяину о местонахождении сбежавшего подонка, где бы тот ни

находился. К тому же ошейник может наказывать болью за нерадивость и непослушание. Вот так, чтобы вы поняли!

И он нажал на выступ сжатой в ладони рукояти.

Боль ударила им в виски!!!

Жесткий спазм невероятной силы и интенсивности как молния пронзил каждую клеточку тела. Удар был настолько резким, внезапным и сильным, что Гордиан даже не закричал, подавившись воздухом. Огненная вспышка мгновенно залила все. Казалось, внутренности сейчас хлынут от напряжения через поры или пупок. Легкие горели, как от раскаленного расплавленного железа, залитого внутрь, а мышцы свело судорогой, столь сильной, что он почти чувствовал, как рвутся сухожилия.

Пытка была мгновенной, но невыносимой. Тяжелым мешком Гор даже не упал, его просто снесло на пол. Пылающая кожа с размаху врезалась в землю, но Гордиан не чувствовал удара. Сознание застыло в немом ступоре, пораженное открытием того, каких граней могут достигать человеческие страдания, если применять продуманный научный подход!

Когда спала алая пелена и Гор смог нетвердой рукой, дрожащей от веса наручников, стереть пену с губ и слюни с подбородка, он поглядел вокруг.

Вихрь боли швырнул наземь не только его.

Повалились все. Стенающая и дрожащая от только что перенесенной агонии куча дрожащих тел, недавно бывшая пятьюдесятью здоровыми мужчинами, содрогалась на земле.

– Встать! Встать свиньи! Стоять перед старшиной! – орали подскочившие охранники, пинками и ударами дубинок заставляя дрожащих людей подниматься на ноги.

Несмотря на то, что тело повиновалось с трудом, Гордиан поднялся сам, не желая попасть под горячую руку и случайный удар – видимо, боль, хотя и была необычайно сильной, не наносила организму серьезных повреждений. Однако большинство его товарищей пребывало в шоке от экзекуции. Они продолжали лежать на земле, мелко подрагивая, пока охранники не разбили им лица в кровь, новой болью заставляя забыть о старой.

Спустя несколько минут все снова стояли на ногах, и процессия двинулась вперед, подгоняемая окриками и тычками конвоя. Их выгнали в еще один широкий коридор, поднимавшийся вверх под значительным уклоном.

Вскоре сквозь мощные входные ворота их вывели наружу.

Глава 4

Удивительные визиты

Корабли шли бесшумно, поскольку внепространственные двигатели не шумят.

Корабли шли плавно, поскольку каждая из палуб имела свой гравитационный режим, неизменный при любом ускорении.

Они шли стремительно, покрывая парсеки и с каждой секундой приближая *особых* гостей к планетам Тринадцатимирья.

Нужно отметить, что силовое поле Кольца Ин-Гидасп покрывало охраняемое пространство полностью и постоянно. Поэтому ни одно космическое судно не могло пройти сквозь Кольцо ни в обычном режиме, ни через «гипер». Все космические транспорты, пребывающие в личную Вселенную Гора после долгого путешествия, швартовались за пределами Кольца на орбите тринадцатой планеты Табу.

Гости на челноках покидали корабль, приземлялись на пограничной планете и проникали внутрь Тринадцатимирья через нуль-порталы, ведущие из приемных залов Табу прямо на Шагрон I на орбите Залены.

Подобная система защиты являлась стандартным правилом для частных кластеров, поэтому проникнуть в любую из закрытых Вселенных можно было только лично. Так сказать, «пешком» через нуль-портал. А корабли посетителей оставались за чертой,

отмеченной мрачным Кольцом, на изолированной планете и никогда не проходили незримой границы таинственного частного мира.

Обычно только сам хозяин кластера, в данном случае демиург «Нуль-Синтеза» Гордиан Рэкс, мог позволить себе материализовать свой корабль внутри Кольца Ин-Гидасп на орбите любой искомой планеты – от Чакана до Аира на выбор. Но создатель Тринадцатимирья считал себя человеком «традиционным» и старался придерживаться общих правил прохода в систему, установленных им самим для собственных гостей. Он сам оставлял свой космический эскорт на Табу и вместе с незначительной свитой и спутниками отправлялся на Шагрон I через нуль-порталы.

Однако сегодня, в связи со спешкой последних дней и особым статусом визитеров, Гордиан Рэкс решил пренебречь установленными правилами посещения и распространить одну из своих многочисленных личных привилегий на оба прибывающих корабля.

В уведомлении о визитах было сказано:

«Гору Рэксу, демиургу Нуля, демарху!
От Тэдди Октавиана, Верховного Стратига Нуля – Хайре!
Мистер Гор! Памятуя о нашем прошлом сотрудничестве, прошу Вас о
встрече для обсуждения конфиденциального вопроса.
Буду 30.01.1080 г. в первой половине дня.

Удачного Хеб-седа!
Октавиан».

Таким было первое уведомление, содержание же второго было несколько более пространным:

«Гордиану Оливиану Рэксу,
демиургу Корпорации Нулевой Синтез.
От Питера Тициана Аякса,
Верховного Архонта (Председателя) Ареопага НС – Хайре!

Уважаемый хапи Гордиан! К сожалению, я не имел возможности познакомиться с Вами в прошлом, однако, учитывая обстоятельства, к счастью или к несчастью Вам неизвестные, нас объединяют проблемы, тонкости которых мы могли бы обсудить в обстановке личной встречи, о которой я и смею просить Вас настоящим письмом.

Прибуду к границе Вашего кластера завтра, Тридцатого дня месяца Тот во второй половине дня.

Анх-уджа-сенеб!
Желаю удачного Хеб-седа!
Искренне Ваш,
Питер Аякс.

Р. S. Прошу извинить меня за некоторую навязчивость и внезапность визита.
Р. Р. S. Надеюсь, я не отвлек Вас от важных, срочных или приватных дел».

Создатель Тринадцатимирья сидел за рабочим столом в своем Дубовом кабинете любимого Ронского дворца на Зелене и, мучаясь от безделья и недобрых предчувствий, изучал рисунок древесных волокон на паркетной доске.

Помимо рабочего стола в кабинете располагался большой Круглый стол для совещаний с чудесным председательским креслом, украшенным замысловатой резьбой; астролябия и глобус, изображающий поверхность Зелены; два старинных и совершенно ненужных книжных шкафа (между прочим с книгами – жуткий раритет); четыре мягких дивана,

поставленных полукругом вокруг натурального шерстяного ковра в ближневосточном средневековом стиле, а по стенам – четырнадцать писанных маслом картин. Однако при всем многообразии мебели кабинет казался Гору досадно пустым, поскольку был неумеренно велик. При этом уменьшить габариты рабочего помещения Гордиан не решался, ибо в комнате меньших размеров весь этот антиквариат начинал давить на него своей мнимой тяжестью.

В принципе, встречать важных гостей в комнате, отделанной деревом, было своего рода замысловатым выпендрежем: древесина давно не использовалась ни в строительстве, ни в отделке роскошных интерьеров, она была материалом, слишком горючим и не слишком устойчивым к влаге. Кроме того, богатые люди, мнящие себя эстетами, либо желающие поразить гостей, использовали для отделки приемных более экзотические материалы – например, редкие минералы или кристаллы на углеродной основе. Также на хорошем счету были искусственные водопады вместо стен или объемные голографические экраны, имитирующие бескрайние просторы природы.

Но демиург Гор имел склонность к более вычурному, глубокому уровню нарциссизма и самолюбования. Поэтому его кабинет был отделан дубом.

Хозяин Тринадцатимирья еще раз пробежал глазами строчки обоих писем. Письма были короткими, а гости – неожиданными и высокими!

Сразу два высших должностных лица Корпорации, Верховный Архонт и Верховный же Стратиг, иными словами – Руководитель Собрания акционеров и фактический Председатель правительства Нулевого Синтеза, решили почтить его относительно ничтожную персону своим присутствием.

Причем – почти одновременно.

Причем – перед важнейшим событием за последние двести лет: первым в жизни сознательным Хеб-седом.

Как говорили на его гипотетической прародине в городе Доростол неизвестного мира из неизвестного времени – «есть пища для размышлений». Или нет?

Глава 5

Глава Правительства Тэдди Октавиан

Было утро, одиннадцать часов. Корабль первого визитера стремительно и круто заходил на посадку.

Ронский дворец раскинулся на берегу одноименной реки и занимал (как и все дворцы Гордиана) значительную площадь. Дворцовый космодром располагался как минимум в десяти километрах от фасада центрального здания, однако сейчас, стоя у витража своего кабинета, Гор мог прекрасно видеть сквозь стекло его окон хищный и узкий силуэт огромного личного транспорта Тэдди Октавиана – Верховного Стратига Нуль-Корпорации и фактического правителя бесчисленного сонма кластеров Нулевого Синтеза.

Тэдди Октавиан, судя по всему, имел недюжинную склонность к впечатляющим визуальным эффектам. Поэтому сегодня он прибыл на Залену на галактическом крейсере – ни больше и ни меньше. Большого, впрочем, не позволяли габариты космодрома – линкор и даже линейный крейсер там бы просто не поместились. А меньшего, как видно, не могла принять широкая натура господина Стратига.

Гор прикинул, что легкий галактический крейсер главы правительства займет не менее половины посадочной площади его космического терминала. Обычно суда такого размера оставались на орбите, а на поверхность планеты приземлялись только челноки. Однако сегодня был явно не тот случай. Мистер Октавиан вечно спешил, изображая занятого делового человека, ежесекундно озабоченного решением глобальных проблем человечества. И вот сейчас, всего пару часов назад получив разрешение с Табу на посещение Залены и пронзив за эту пару часов расстояние, разделяющее край системы Тринадцати миров с его центром, крейсер Верховного Стратига заходил на космодром в ускоренном режиме,

буквально разрывая небеса планеты титаническим напряжением гравитационных полей своих тормозных двигателей.

Гордиан отошел от окна в центр зала и откинулся в кресле. А спустя пятнадцать минут Тэдди Октавиан Трэвис, или же, согласно геральдическим грамотам демиургов, «хапи Т.О.Т.», блистая начищенными армейскими сапогами, без сопровождения обязательных при визитах столь важной персоны ликторов, ворвался в его кабинет. Пренебрежительно махнув сопровождению рукой, он дал знать, что аудиенция будет конфиденциальной. Эскорт Октавиана и охрана Гора, повинаясь беззвучному приказу и несколько подавленные манерами важного гостя, испарились из зала.

Октавиан, не здороваясь и не спрашивая разрешения, выдвинул стул и сел. Мужчины внимательно осмотрели друг друга. Октавиан имел рост скорее средний (что было удивительно для искусственного выращенного человека, поскольку клоны обычно обладали высотой и статью), крупные черты лица, мощную шею и пронзительный, немного жуткий своей обжигающей уверенностью взгляд внимательных серых глаз.

Поверх черной рубашки с высоким воротом был накинута простой синий армейский френч офицера Космического флота без знаков различия, наград и эполетов.

Вся фигура Верховного Стратига, казалось, излучала непоколебимое упорство и властность. Однако Гордиан знал – это являлось лишь видимостью реальности.

Экстрасенс вздохнул и немного сконцентрировался, не закрывая глаз. Яркие энергетические потоки проходили вокруг и сквозь силуэт Верховного Стратига, окружающие предметы слегка затуманились, покрывшись муаром, как дымкой в предрассветном тумане. Фигура Октавиана излучала свет с изогнутыми, кривыми лучами. То было сияние его Дара, видимое лишь для *Тшеди* ...

Стоп!

Глава правительства повел рукой, и смазанная картина энергетических линий и размытых теней смялась, превратившись в обычный мир шести чувств и трех измерений.

– Осторожнее, мистер Рэкс! – холодно произнес Тэдди Октавиан. – Привычка видеть вокруг не обладающих Даром обычных двуногих может когда-нибудь неприятно огорчить вас.

– Извините, – Гордиан кивнул, выражая сожаление, которого на самом деле не чувствовал: этот властный и наглый человек, которому он, в принципе, был обязан и богатством и карьерой, почему-то не вызывал у него приятных или дружеских чувств.

– Пустое! Будьте внимательнее впредь.

Гор сдержанно кивнул, стараясь быть в меру вежливым.

Октавиан помолчал, оттарабанил пальцами по столу какой-то незамысловатый ритм, ожидая от Гора подобострастного продолжения. Но тот молчал.

Тогда Верховный Стратиг вновь одарил Гордиана своим волчьим взглядом и начал сам.

– Я вижу, сударь, вы несколько не удивлены моим визитом, – то ли спросил, то ли констатировал гость. – Вас не волнует, зачем глава правительства Корпорации заявился к рядовому демиургу собственной персоной?

– На самом деле удивлен, сударь, – не задумываясь, ответил Гор. – Это ответ на ваш первый вопрос. Что же касается второго, то его разгадке я посвятил все время, прошедшее от получения вашего письма. М-м, полагаю, здесь есть два варианта. Менее вероятный такой: внезапно всплыло дело о достопамятной седанской казни и началось новое разбирательство. Других серьезных грешков за мной последние тысячелетия не водилось. Скажу откровенно, сударь, этот вариант неприятный, однако, слишком притянутый за уши. Ибо ради такого дела сам Верховный Стратиг не примчался бы в такой спешке и не писал бы загадочные письма – хватило бы и официального уведомления из канцелярии. Второй вариант проще, а значит, вероятней. Я не только демиург Нуля, но и владелец собственной компании, оказывающей поисковые услуги в глобальной Сети. А у вас есть для меня заказ!

Октавиан хмыкнул.

– Ну что ж, вы совершенно правы, хотя догадаться на самом деле было не сложно.

Гор вяло пожал плечами.

– Я не буду отнимать у вас время попусту, сударь, и сразу перейду к делу, – сказал тогда Верховный Стратиг. – Сейчас приготовьтесь слушать и задавать вопросы. Речь пойдет о явлениях, с которыми большинство людей, кроме высших должностных лиц Корпорации, не сталкивались никогда в жизни, но которые, тем не менее, оказывают значительное влияние на функционирование не только высшего аппарата Нулевого Синтеза, но и, не побоюсь этого слова, всего Человечества. Выражаясь корпоративным сленгом, я говорю о так называемом «Феномене Аннубиса». Знакомы с термином?

Гор покачал головой.

– О Иешуа! – Октавиан притворно воздел очи горе. – Меня всегда поражало, насколько современное поколение крайне слабо осведомлено о фундаментальных основах нашего существования!

– Так поясните, и моя неосведомленность перестанет вас забавлять, – немного резко посоветовал Гор, поскольку манеры Стратига уже стали раздражать его.

– Разумеется! – не менее грубо отрезал Октавиан. – Коротко так: если отказаться от сложных и заумных объяснений, под «Феноменом Аннубиса» понимается комплекс явлений, в которых проявляется существование легендарного Учредителя Нуля – гипотетического Творца Сущего. Это механизмы, посредством которых он контролировал наш, человеческий, мир через Корпорацию. Так называемые Первичные Коды – *Пиент* и *Атеф*. Говоря языком религии – «Аз есмь Альфа и Омега». Вам конечно неизвестно, но именно такая формулировка выходила на экраны монитора, когда я обращался через ГИС к Учредителю. «Феномен Аннубиса» – это проявления Бога в машинах Нуль-Корпорации, его присутствие в программах Нуль-Корпорации и его вмешательство в управление административными структурами Нуль-Корпорации. Вы следите за мыслью?

Гордиан покачал головой:

– Пытаюсь. Вы, однако, нашли интересный предмет для разговора...

– Я бы сказал – интереснейший из возможных, мистер Рэкс. Представьте себе, мои аналитики, изучая древнюю историю Корпорации, пришли к выводу, что Аннубис – не просто набор символов, придуманный неким гипотетическим программистом для обозначения механизмов, через которые он, то есть Творец, управляет нашим миром, а, собственно, одно из общеизвестных в прошлом его имен, а точнее – имен темного божества древних, Бога Смерти, приведенных на неизвестном нам протоязыке. Аннубис – не просто слово-код, которым в компьютерных программах обозначают Учредителя, это – неотъемлемая часть человеческой истории. Я знаю, что вы – коллекционер антиквариата, а значит, должны быть знакомы с мифологией Нуля. Установлено, что Аннубис, как имя смертоносного божества, упоминается в религиях всех ста сорока четырех Вселенных, созданных изначально. Вы понимаете? На каждой из планет каждой из десятков тысяч изначальных Вселенных существовали религии, с разным пантеоном божеств, но в каждой из этих религий было место для ужасающего Бога Смерти, который на миллиардах языков обозначался одним и тем же набором звуков – Ан-ну-бис.

Гор помолчал, немного шокированный полученной порцией информации.

– Интересно, – заявил он. – Я знаком с историческими легендами Корпорации, однако о конкретном количестве изначальных кластеров слышу впервые. Значит, в начале всего, в начале творения искусственных Вселенных было только сто сорок четыре?

– И ни единой больше!

– Ну что же, считайте, вы заинтересовали меня, сударь. Этот факт, безусловно, дает пищу для размышлений. Например, о возрасте Нуль-Синтеза, учитывая скорость увеличения числа кластеров и их количество на данный момент.

Гор сделал небольшую паузу – Стратиг молчал.

– Однако, – продолжал Гор, – нить нашей беседы приводит к странному выводу. В принципе, факт существования Учредителя и его скрытого влияния на человеческие миры через Корпорацию общеизвестен. Я был не знаком лишь с термином, которым

администрация Нуля обозначает это влияние. Мне всегда казалось, что божественность Учредителя – фикция, за которой скрывается не более чем банальная мистификация, подкрепленная неограниченными техническими возможностями человека, контролирующего Нулевой Синтез. Но сейчас я слышу, что при упоминании Творца вы делаете ударение на местоимениях Он и Его, как будто произносите их с заглавных букв. Вероятно, это должно выглядеть как доказательство внутренней убежденности не только в его существовании, но и его божественности! Вы произносите его имя просто с придыханием – это вера в Бога, не так ли?

Стратиг поморщился.

– Не совсем. С одной стороны, сомневаться в том, что Бог Корпорации, именуемый в Сети Учредителем Нуля, существует, оснований нет. Я, видите ли, являюсь главой правительства уже четырнадцать тысяч лет. В течение большей части этого срока я еженедельно сдавал Ему отчеты о состоянии дел в Корпорации через Сеть, причем каждый раз получал конкретные и разумные указания по каждому даже мелкому вопросу. Миллионы людей во множестве вселенных до последнего времени регулярно переписывались с Ним, причем это были не только работники Нуля, но и рядовые граждане. Существование Учредителя для меня всегда было реально, поскольку должностные лица, не выполнявшие его распоряжений, умирали, и их не спасала ни современная медицина, ни возможности реинкарнации. Вот факт, доказанный опытом: наказанного Учредителем невозможно воскресить, несмотря на усилия врачей и исправность техники, – это противоречит научным данным, но обстоит именно так.

– То есть Бог существует?

– Я бы сказал, существуют безусловные проявления его существования, не более. Вопрос в другом. Является ли «Феномен Анубиса», то есть все вышеперечисленные необычные явления, действительным выражением сверхъестественной сущности Творца, или же я имею дело всего лишь с имитацией его существования, «мистификацией», как вы выразились? Такая имитация возможна, при этом она может являться предметом деятельности отдельной человеческой личности, группы лиц, целой «внекорпоративной» цивилизации и, наконец, компьютерным разумом, программой, заложенной настоящим Творцом при создании Нуль-Корпорации. Вы, сударь, улавливаете смысл?

Гор кивнул, и Октавиан, внезапно вскочив со стула, стал расхаживать по персидскому ковру, продолжая свой монолог и активно жестикулируя руками.

– Доказательств ни первого, ни второго, сударь, не существует. Вопрос остается открытым, и от этого вопроса я перехожу к следующему, важнейшему. Каковы истоки происхождения Континиума Нуля и нашей громадной Корпорации – всех этих бесчисленных вселенных-кластеров, которые я признаю существующей реальностью? Вы разумный человек, мистер Рэкс, и для вас, как и для большинства думающих людей, искусственность происхождения миров Нулевого Синтеза должна быть очевидна! Но если все Вселенные Корпорации – рукотворны, сотворены нашей техникой и наукой, то где-то должна быть хотя бы одна *естественная вселенная*, в которой эта техника и наука возникли и развивались. Вы понимаете меня? Элементарный логический анализ приводит нас к выводу, что истоки нашей машинной цивилизации, истоки происхождения всех искусственных вселенных лежат там – в естественной вселенной и именно оттуда пришел к нам Творец.

Он перевел дух и продолжал:

– Идею о машинной сущности Творца также необходимо отвергнуть. Ибо Аннубис, в том виде, в котором он нам знаком, обладал несомненной волей и ярко выраженными признаками личности. У него были субъективные суждения, он испытывал гнев, был явно мстителен и обладал вспыльчивым характером. Кстати, Творец был слабо эрудирован во многих областях, что для машинного интеллекта просто невозможно. Машины и программы не могут быть настолько человечны! Поэтому, я думаю, вариант «машинного», бездушного и обезличенного характера нашего Божества следует исключить. Это значит, что наш Господь – являет собой не «Деус экс машин», а некого разумного субъекта или группу субъектов

биологического происхождения, обладавших властью над машинерией Нулевого Синтеза и управлявших искусственными Вселенными, как капитан корабля управляет полетом своего судна через бортовой компьютер. Такое управление возможно персонифицировать посредством упомянутых уже *Пшента* и *Атефа*, каковые, конечно, не просто коды доступа, а некая сложная программная оболочка для манипулирования внутри базовых структур Корпорации. А если это так, то Пшент и Атеф, первичные коды для управления Нулем, которыми пользовался этот субъект, с его исчезновением должны остаться бесхозными! Вы слышите меня, мистер Рэкс?! Вы согласны?!!

Гор промолчал – смысл сказанного стал немного доходить до него: вот это заказ! Однако что-то в монологе Октавиана его смущало.

– Да. Конечно, да... То есть я, сударь, с вами согласен, безусловно. Существование машинных кодов для управления мирозданием – это интереснейшая, удивительная идея. Однако, – Гордиан потер лоб, – говоря о доказательствах существования Творца, вы упоминали о нем в прошедшем времени. И что значит «с его исчезновением»? Наш создатель... исчез?

– Именно! – воскликнул Верховный Стратиг с неожиданным жаром в голосе. – Именно так, мистер Рэкс! С некоторых пор таких доказательств не существует, точнее – они перестали проявлять себя. Но главное – речь не идет о поломке, сбое или стирании программного обеспечения в машинных системах Нуль-Корпорации. Сейчас, как и всегда, все механизмы Нуля функционируют исправно. Только нет *воли*, которая управляла ими ранее. Бог Смерти мертв!

– Что? – Гор помотал головой.

– Аннубис мертв! Вероятно, сам механизм, посредством которого он оказывал влияние на деятельность Корпорации Нулевого Синтеза, остался, однако индивидуальный или коллективный разум, воля, управлявшая нами в течение сотен тысячелетий, исчезла! Вот уже как минимум тридцать лет Он игнорирует важнейшие решения, не отвечает на запросы должностных лиц Корпорации, не комментирует законодательные акты, не присутствует на заседаниях Ареопага и Стратигикона. Три десятка лет мы предоставлены сами себе. Первые два десятилетия мы были сбиты с толку и полагали, что Учредитель просто не проявляет себя, отвлеченный какими-то собственными делами. Однако я потребовал от Исторического департамента сделать подробный анализ, и вот результат: подобного не случалось никогда за многотысячелетнюю историю! Это ли не подтверждение того, что Творец либо исчез навсегда, либо потерял интерес к нашему миру?

– Признаться, я снова в шоке, ваше превосходительство. Только что вы поведали мне о существовании Божества, а теперь убеждаете в его смерти. Если Учредителя нет уже тридцать лет, то как работает Корпорация? Насколько я понимаю, цепь управления завязана на Него. Важнейшие решения, принимает Он. А если так, то... почему мы еще не находимся в пучине хаоса или полной стагнации? Со смертью Творца конец Творенью. Разве не так говорят те же мифы Нуля, с которых вы начали свой рассказ?

– Мысль о существовании Творца – не миф. Это вывод, основанный на фактах. Вы опять не поняли меня, Рэкс. Смысл всего сказанного не в том, что существует некий божественный Творец Сущего, а в том, что этот Творец Сущего – всего лишь часть системы управления и контроля над Вселенными Корпорации, которая носит неодушевленный характер. Учредитель исчез, однако осталась громадная материальная структура Корпорации Нулевого Синтеза, остались биллионы созданных ей Вселенных, объединенных Индустриальными центрами Нуля, осталось единое политическое и экономическое пространство в форме Торгового Союза вассальных нам государств-кластеров. Остались мы – Верховный Стратиг и Правительство Нуля. Остались, наконец, вы – демиурги, владельцы собственных кластеров!

Гор в который раз кивнул, чтобы хоть как-то отреагировать на слова собеседника.

– По счастью, нам пока удалось сохранить в тайне исчезновение власти Учредителя в мирах Корпорации, – продолжал Октавиан. – В курсе только Стратигикон, Ареопаг и, теперь

уже, некоторые избранные демиурги вроде вас. Гражданское население не осведомлено. Экклесия – также. Собственно, Экклесия слишком многочисленна, чтобы ставить ее в известность! Передать информацию всем этим перебесившимся с жиру вырождакам-акционерам, входящим в Экклесию (извините, Рэкс, я не имею в виду лично вас), – значит предать эту информацию огласке среди всего населения Нуль-Синтеза, поскольку экклесиархов слишком много – миллиарды и миллиарды. Вы должны понимать, что сохранить тайну при таком количестве осведомленных просто невозможно. Впрочем, мы обязаны собирать Экклесию на общие заседания не чаще одного раза в столетие, так что время разработки планов выхода из кризиса у нас еще есть! Корпорация существует и будет существовать. Без официальных заявлений по поводу внезапного ухода Учредителя, без соответствующих изменений в Уставе, без всего, что могло бы вызвать панику. Пока новостные каналы глобальной Сети молчат, экономическая система работает без сбоев.

– Мне кажется, я понял, – усмехнулся Гор, вспоминая Устав Корпорации, – Учредитель утверждает законы и назначения на должность, подготовленные Верховным Стратигом Нуля, однако, если закон или назначение не отвергнуты им в течение десяти дней, они вступают в силу автоматически, без формального заверения Учредителем. То есть сейчас вы – практически неограниченный Правитель всех вселенных Корпорации Нулевого Синтеза?

– Ну, сударь, вы несколько драматизируете ситуацию, пожалуй. Есть Ареопаг, которому я подотчетен, и Экклесия, которой подотчетен Ареопаг. Однако в целом верно. В сущности, сейчас я – полноправный диктатор Нуля с практически неограниченными полномочиями. Временно, хотя и надолго. Еще вопросы?

Гордиан неопределенно пожал плечами:

– То, что было сказано в начале, насколько я могу судить, представляло собой не более чем свободный метафизический треп, простите за грубость, ваше превосходительство. Однако сказанное сейчас относительно исчезновения Учредителя, по вашему собственному утверждению, представляется информацией если не секретной, то, по крайней мере, не предназначенной для широкого круга лиц. Поэтому мои вопросы очевидны. Первое – зачем вы все это *говорите*, и второе – зачем вы говорите все это *именно мне*?

Октавиан сел и откинулся на спинку роскошного резного стула.

– Ответ не менее очевиден, Рэкс. В пределах вселенных Нуль-Синтеза, а это поверьте, серьезное заявление, вы оказались обладателем уникального дара. Дара, настолько же уникального, насколько востребованного в создавшейся ситуации. Вы – *взламыватель кодов*! А мне нужен доступ к файлам Учредителя. Раньше, когда Учредитель незримо присутствовал в каждом кластере Сети, в каждом ИЦе и в каждой голове любого работника Корпорации, даже подумать о подобном было немыслимо. Однако сейчас, когда его нет, это возможно, и я предлагаю вам работу, Рэкс. Точнее – работу и союз. Я и ряд моих, хм... скажем так, единомышленников тщательно изучают все возможности, которые позволили бы нам приступить к поиску Творца Мироздания или созданных им кодировок. Мы собрали серьезную группу специалистов и вы – станете в нем жемчужиной. Воздаяние будет более чем достойным, поверьте. Вы уже сталкивались с моей благодарностью после Седана (Гор поморщился) и знаете мою щедрость. Однако даже прошлый раз – ничто по сравнению с вознаграждением, которое ждет вас в будущем в случае успеха нашего предприятия.

Октавиан чуть наклонился вперед, вглядываясь в лицо Гора:

– Только представьте, какие перспективы ожидают того, кто реально станет обладателем кодов доступа к управлению механизмами Аннубиса. Пшент и Атеф! Его возможности безграничны! Это – Божественность в полном смысле слова. Бессмертие, Всезнание, Всемогущество! Я предлагаю вам стать одним из тех, кто разделит со мной будущее нашего Континиума, всех триллионов Вселенных, и тех, которые созданы сейчас, и тех, которые будут создаваться по нашему – нашему с вами, Рэкс – усмотрению в будущие эпохи. И не вздумайте отказаться! Сроки поджимают, а я, как вы точно заметили, лишь временный диктатор, и мое время будет истекать неумолимо с каждым потраченным на поиски годом. Через семьдесят лет Экклесию все же придется созвать. К тому же мне всеми

возможностями препятствует Ареопаг, который может объявить об исчезновении Аннубиса раньше этого срока. Ну что скажете, мистер Рэкс? Говорите же, не молчите!

– Иными словами вы предлагаете мне заняться тем, чем на протяжении тысячелетий, а может и более, занимаются эзотерики и мистики – отыскать Бога, причем в сжатые сроки и за сходную плату? Причем в Сети? Забавно... Кстати, а я могу отказаться? Или ваш намек на принудительный характер нашего «добровольного сотрудничества» – это угроза?

Октавиан бросил на Гора пронзительный взгляд, как на умалишенного.

– Не скрою, – ответил он, – в высшем эшелоне власти Нулевого Синтеза, как в Ареопаге, так и в среде епископов, существует несколько группировок, желающих извлечь из создавшегося положения максимальную выгоду, что противоречит моим планам. И мой ответ на ваш последний вопрос однозначен: нет, вы не можете отказаться! Ваш талант слишком уникален, чтобы вы, мистер Рэкс, могли остаться в стороне от этой игры. Отступлюсь от вас я – не отступятся другие. Подобного я допустить и даже просто стерпеть – не смогу. Вы до сих пор не поняли, хотя я и потратил на вас битых полчаса, Гордиан (уж простите, что стал называть вас по имени), вы до сих пор не поняли, что речь идет о слишком больших ставках. Возможный выигрыш в деле слишком велик, чтобы я или кто бы то ни было другой смог отказаться от вас. От козыря в этой бешеной гонке! К сожалению, я не могу заставить вас подчиниться мне и использовать ваши пси-способности силой. Поэтому вы должны понимать: если я не смогу использовать ваш талант *Тшеди*, то я не допущу, чтобы его использовали другие. Это значит – смерть. Ваша смерть, сударь! Я – Верховный Стратиг Корпорации и имею доступ к технологиям смертной казни даже в нашем мире бесконечных реинкарнаций. Если ваш выбор – не я, то мой выбор – это ваша голова.

– Вы откровенны, – заметил Гор.

Октавиан пожал плечами:

– Мне нечего скрывать от вас, мистер Рэкс. И я не угрожаю – я просто констатирую факты. Мы зря стали обсуждать этот последний вопрос. Не стоит испытывать терпение друг друга, не стоит друг друга раздражать и не стоит противиться неизбежному. Считайте это возвратом на службу. Собирайтесь!

«Самовлюбленный кретин», – подумал Гордиан.

В принципе, перспектива поиска такого масштаба захватывала – более крупного заказа нельзя было и желать. К тому же эзотерическая составляющая работы завораживала его еще больше возможностью прикоснуться к немыслимым тайнам сотворения Корпорации. Разве это не то, о чем он мечтал многие годы, размышляя над старинными манускриптами, найденными на мертвых планетах старых Вселенных, или сутками блуждая по Сети в поисках исторических хроник?

Это – волшебный сон. Мечта, воплощенная в реальность. Уникальный шанс, который, быть может, выпадает раз в жизни, а может – даже раз в несколько жизней, учитывая возможности Хеб-седа.

Однако перспектива работать под нарциссирующим эгоистом с замашками тирана не вдохновляла. Искать Божественность – для него? Увольте!

Гор встал, подошел к огромному витражу, украшавшему окна Дубового кабинета.

Красота-то какая! – подумал он. Над покрытыми неувядающей зеленью парками и садами Ронского дворца неспешно и гордо проплывал величественный узор облаков, гонимых ветром мимо золоченых шпиль и грозных каменных башен... То были *его* облака, в небе *его* планеты.

– Нет, – сказал он, резко развернувшись на каблуках. – Со всем уважением, мистер Октавиан, но мой ответ – нет. Заказ меня привлекает, однако тон, который вы выбрали для сегодняшнего общения, не приемлем. К тому же я не люблю угрозы. Вы забываете, что я – демиург Корпорации, и использовать против меня процедуру казни без достаточных причин – преступление, само по себе наказуемое смертью. А таких причин, как я полагаю, у вас не имеется.

Лицо Верховного Стратига на мгновение стало хищным, как морда оскалившейся

пантеры, но затем равнодушная маска снова накрыла его. Ледяным тоном, от которого, казалось, похолодело в воздухе, он произнес:

– Мне кажется, вы не в себе, мистер Рэкс, и не вполне осознаете смысл сказанного вами, а также возможные последствия отказа. Я – Тадеуш Октавиан Трэвис, Верховный Стратиг Корпорации Нулевого Синтеза. И я *разочарован* ! Желаю удачи!

Он поправил свой френч и, не глядя более на Гора, вышел так же стремительно, как и вошел в этот зал.

Глава 6

Вечный юноша Питер Аякс

Верховный Архонт Нуля хапи Пит Тициан Аякс прибыл позже назначенного срока. Он опоздал почти на четыре часа, что для официального визита посчиталось бы неприемлемым и выглядело бы почти оскорблением хозяина. Однако визит был неофициальный, да и к тому же Гор остался раздосадован результатом разговора с первым визитером и не слишком ждал приватной беседы со следующим.

Сейчас Архонт сидел в Дубовом кабинете на кресле, в котором еще недавно, развалившись, восседал Тэдди Октавиан, и причмокивая от удовольствия, прихлебывал из запотевшего потира легкий наркотический морс.

Питер Аякс был высок, потрясаяще красив, белокож и молод. Искусственность скорректированного тела выдавало не только необычайно привлекательное, а для мужчины, пожалуй, даже слишком красивое лицо, но и стройная фигура, мускулистый атлетический торс гимнаста, а также шикарная грива золотых волос, пышным водопадом ниспадающая на не слишком широкие, но могучие, как будто слепленные античным скульптором, плечи.

Гордиан рассматривал Архонта с интересом, и с не меньшим интересом, надо полагать, его рассматривал сам Архонт. Тело Аякса было слишком юным – не старше двадцати стандартных биологических лет, однако сомневаться в солидном возрасте его обладателя не приходилось. Манера держаться, вести разговор, жестикуляция, мимика, легкий покровительственный тон пространных, порой витиеватых реплик, а также невыразимая аура самодостаточности явно не соответствовали мнимой юности собеседника.

За лицом топ-модели и телом стриптизера скрывался тяжкий груз тысячелетий, время от времени проглядывавший в светлых глазах мягкого, почти детского лица.

Они беседовали уже битый час, обсуждая последние новости со спортивных сайтов, клубные сплетни демиургов и достоинства космических яхт, однако к цели визита Аякс так и не подошел. Тем не менее час не прошел задаром – Архонт оказался более чем интересным собеседником. Порой Гордиану казалось, что гость совершенно пленил его своим мягким вкрадчивым голосом, потрясаящей эрудицией и тактом, проявляющимся в общении. Однако он не забывал содержание предыдущей беседы с Верховным Стратигом Нуль-Корпорации и догадывался, чего можно ожидать от ее Архонта.

Наконец Аякс отставил потир и, довольно крякнув, повернулся к Гордиану.

– Ну что же, мой друг, – начал он, – признаюсь, беседа с вами стала бальзамом для моей израненной непониманием души и усладой для слуха, измученного дебатами в Совете. Однако все же нас поджигает неумолимое даже для бессмертных время, а значит, я полагаю, нам стоит уделить внимание и делу, ради которого я столь нескромно напросился к вам с визитом.

«Ага, началось, – подумал про себя Гор, – однако как витиевато высказывается этот мнимый юноша!»

Вслух же Гор не сказал ничего, а только кивнул и внимательно уставился на Аякса, изображая на лице крайнюю заинтересованность.

Архонт картинно вздохнул и продолжал:

– Я ведь у вас не первый гость сегодня, сударь, не так ли?

Гор снова кивнул.

– Полагаю, меня опередил некто Тэдди Октавиан, Стратиг Корпорации?
– Часа на два примерно.
– О-хо-хо! И как вам беседа?
– С Октавианом? Ну, сударь, она была недолгой. Мне было сделано предложение, и я... – Гор замялся, решив не спешить с изложением подробностей прошлой встречи. – И я обещал подумать.

Аякс прищурился. В глазах сверкнула незримая *мана зла*. Не столь ярко выраженная и открытая, как у предыдущего визитера, но оттого только более страшная.

О, мысли в голове полуножи-полустарца свистели как пули!

– Смею предположить, – произнес он наконец очень медленно и мягко, как будто катая языком воск, – что вам была изложена урезанная версия «Бытия» от Нуль-Синтеза, краткая история Учредителя Корпорации и некоторые объяснения относительно термина «Аннубис».

Гор накинуд ногу на ногу и сцепил руки в замок на колене. Несмотря на внешнее дружелюбие, ничего хорошего от этого гостя ждать, похоже, также не приходилось.

– А вы против, сударь?

– О, сударь, нисколько! Скажу лишь, что существует несколько версий одной и той же истории. Точнее – Истории, с большой буквы! Истории нашей реальности, реальности бесчисленных искусственных вселенных Корпорации Нулевого Синтеза. Октавиан же наверняка изложил вам несколько скорректированную версию.

– Изложите свою?

– Ну, если вы посвятите меня в подробности предыдущего рассказа.

– Не думаю, сударь, что это будет правильно, – снова слукавил Гор. – Меня попросили держать в тайне подробности предыдущей беседы, а я не собираюсь ссориться с Верховным Стратигом. Однако же я с радостью выслушаю вас и, так же как в первом случае, гарантирую вам полную конфиденциальность.

Архонт сдержано рассмеялся.

– Ну конечно, – сказал он, – ну конечно. Тогда позвольте хотя бы мне делать предположения, относительно рассказанного вам предыдущим визитером и комментировать таковые. Идет?

Гор вяло развел руками, как бы соглашаясь.

И так же как Верховный Стратиг всего два часа назад, Питер Аякс поднялся и прошелся по комнате.

– Полагаю, его превосходительство господин Октавиан сообщил вам, что около тридцати лет назад власть Учредителя покинула Корпорацию... – С этими словами Аякс испытующе вперился в Гора огромными глазами, сверкая настоящими бирюзовыми «озерами» из-под длиннющих ресниц.

– Продолжайте, сударь, – без комментариев посоветовал Гор.

Видя, что выуживать подтверждения бесполезно, Архонт продолжил:

– В связи с указанным фактом возникли определенные проблемы. Не столь существенные, как, вероятно, их описал вам Октавиан, но все же неприятные. Представьте – важнейшие решения игнорируются, нет новых архитектурных систем для производимых Корпорацией искусственных вселенных. Не подтверждаются назначения важнейших должностных лиц и, прежде всего, для высших – Стратигикона и Аропага. Конечно, чиновники среднего звена – Стратиги, Геронты, Эпархи и Хилярхи Нуля – по-прежнему выполняют свою работу под контролем несменяемого Верховного Стратига. А диадхи кластеров вообще назначаются в автоматическом режиме из-за их множественности. В целом, по крайней мере для обывателей, жизнь продолжается без каких-либо изменений. И все же качественно ситуация опасна. Ибо фактически, благодаря установленной когда-то «десятидневной процедуре» утверждения законов и назначений, после исчезновения Учредителя вся власть в континиуме Нуля переходит к главе правительства, Тэдди Октавиану.

Тут Архонт буквально всплеснул руками.

– О Иешуа! – воскликнул он с жаром. – Если бы на его месте был другой человек, то возможно, проблема была бы проще. Но Октавиан, к сожалению, слишком честолюбив. И он рыщет власти. Власть эта отныне ограничивается одним препятствием – Ареопагом, который ваш покорный слуга (Аякс истово поклонился) имеет честь возглавлять! Но я не точно выразился. Власть Октавиана ограничивалась нами ранее и совершенно ничем не сдерживается сейчас, ибо Ареопага более *не существует*. Из двадцати восьми Архонтов, составлявших его не более года назад, в живых осталось пятеро, включая того, кого вы, собственно видите перед собой. В таком составе наши решения не правомочны, а назначить новых членов высшего совета Нуля мог только Учредитель... Вы понимаете теперь?!

Не более двух часов назад в ваших стенах был тиран, диктатор, защищающий свою власть путем насилия и убийств. И я скажу вам только одно, мастер Гор. Да, как вы, возможно, предполагаете, цель визитов – и моего и Октавиана – абсолютно идентична. Нам нужен ваш дар, сударь. Дар уникального пси-оператора для поисков некой утраченной Корпорацией информации. Однако же сама цель поисков у нас различается кардинально! Более того, у меня есть сильные подозрения, что исчезновение Учредителя, возможно, произошло не само по себе. Но к нему приложена чья-то крепкая волевая рука. Рука в перчатке и в отглаженном рукаве синего военного френча. Вы так не находите? Нет?

Аякс с шумом выдохнул.

– Октавиан жаждет власти, – заявил он, – а я, сударь, нет. Мы, пятеро оставшихся в живых членов Ареопага, мы ищем возможности к восстановлению системы. Корпорация, просуществовавшая несколько миллионов лет, не должна рухнуть менее чем за несколько десятилетий. И вы – единственный человек, кто может ей в этом помочь! Что скажете, сударь? Что вы мне скажете?

В некотором обалдении от яростной проповеди Гор медленно покачал головой:

– Ну... Мне нужно подумать, сударь, вы понимаете?

– Как и в случае с предложением Октавиана?

Гордиан рассмеялся.

– Если бы я знал, сударь, что имею дело с узурпатором и практически не ограниченным тираном континиума Нулевого Синтеза, возможно, я просто сказал бы ему «да»!

– Да бросьте! – Аякс явно старался польстить собеседнику. – Такой человек, как вы, не стал бы договариваться с совестью исключительно из соображений собственной безопасности.

– О, спасибо! – воскликнул иронически Гор. – Вот это комплимент.

– Да к дьяволу «спасибо», сударь, – воскликнул разгоряченный собственной речью Архонт. – Вы со мной?

Но Гор не торопился.

– А знаете, Аякс, – сказал он, – при всех ваших хвалебных отзывах о моем даре я даже не представляю, как искать потерянную вами вещь. Неважно коды там или следы самого Учредителя. Я профессионально борозжу просторы глобальной Сети уже два столетия, однако ни разу, сударь, ни разу не видел даже призрачных намеков. Это тем более удручает, что названный как вами, так и Верховным Стратигом предмет для поиска, а именно мифический Творец Вселенной и источник его могущества всегда интересовали меня и без всяких там контрактов. Вам не кажется что вы, возможно, несколько преувеличиваете мои способности?

Архонт сложил ладони и задумчиво постучал подушечками пальцев друг о друга.

– Кодов в Сети нет, – многозначительно выдал он. На фоне прошлого многословия эта короткая фраза звучала как предсмертный хрип.

– Не понял?..

– Система Сети управляется кодами извне. И это значит, что кодов в Сети нет! Над сетью, над всей машинерией Корпорации существует внешняя программная оболочка, не доступная изнутри. Поэтому сами вы и сотни других невообразимо талантливых хакеров можете потратить на их поиски не сотни, а тысячи лет и не найти ничего. Ибо бессмысленно

искать стул в пустой комнате. Сила Творца – вне Творения! Бог Смерти, Аннубис, как творец всего сущего присутствует в континууме Нуля только в очень усеченном и ограниченном виде. Первая программа-код содержит данные о паролях, закрывающих доступ к управлению машинерией Корпорации. В мифологии Нуля, в тайных текстах, которые можно обнаружить в электронных архивах, она называется «Пшент», или «Нижняя корона». Это та сила, которая контролирует Корпорацию, управляет ей и дает над ней власть. Сама же программная оболочка, что лежит за пределами НС, содержит код, имеющий имя «Атеф», или «Верхняя корона» – это вторая программа-код, о которой, возможно, упоминал при вас Октавиан. «Атеф», сударь, в отличие от «Пшента», есть та сила, которая не имеет к управлению машинерией Корпорации никакого отношения. Она контролирует фантастическую технику за ее пределами. Технику, создавшую наш мир и способную по желанию обладателя Атефа, когда-нибудь разрушить его. Каждый атом каждой молекулы, каждый квант энергии каждого луча света, созданы этой силой!

– И вы знаете, где их найти? Я имею в виду ваши кодированные программы?

– Нет, конечно. Но я знаю путь. И Верховный Архонт и Верховный Стратиг имеют доступ к внешней программной оболочке. Нити оттуда наверняка проведут вас или к Пшенту, или к Атефу. Добавлю и еще кое-что. И Пшент и Атеф – суть предметы, неразрывно связанные с Учредителем. В легендах сказано, что пока он жив, – бред, ведь речь идет о Боге! – две вещи всегда при нем. Они настроены на его божественное *Ка*, и завладеть ими, не уничтожив само его естество, не стерев его личность невозможно. Следовательно, если Бог бессмертен, то и Пшент, и Атеф находятся «при нем». Отыскав программы-коды, мы сможем найти путь и к самому Создателю Мироздания!

Гор задумался.

– Весьма странные названия – «Нижняя» и «Верхняя» короны, – произнес он затем. – Имена имеют какое-то отношение к внешнему виду или структуре этих вещей? Или это просто абстракции?

Аякс вздохнул:

– Вот об этом вы и расскажете мне чуть попозже.

Гор улыбнулся. К Октавиану возврата нет, это ясно, и хотя он сильно сомневался к альтруистской бескорыстности вечно юного Архонта, выбор свой, похоже, он уже сделал.

– Я не сказал вам «да», сударь!

– Главное, вы не сказали мне «нет».

И оба рассмеялись.

Глава 7

О дивный новый мир!

Пораженный жестокостью экзекуции, подавленный и морально, и физически, Гордиан Рэкс уже почти не фиксировал внимание на происходящем вокруг, однако титанические размеры ворот привлекли даже его рассеянный интерес, несмотря на остаточные болевые симптомы.

Ворота были огромными, с квадратной аркой, больше чем десятиэтажный дом. Они имели две створки, каждая из которых открывалась как двери в лифте – не распахиваясь внутрь или наружу, а уходя в стену и в бок по внушительным широким рельсам, погруженным в металлический пол на пороге. Толщина ворот составляла как минимум метров пять-шесть. Сами ворота отпирались огромным запором, винтообразно поднимавшимся вертикально из-под земли и похожим на стальную колонну толщиной в три человеческих обхвата.

Против чего была рассчитана такая мощь? – подумал Гордиан. Современное лучевое оружие (даже ручной вариант) расплавит эту створку менее чем за минуту, а против воришек хватило бы и значительно менее титанической конструкции с обычным запирающим устройством. Может быть, против пороховых пушек? Ведь такая дверь должна держать

хороший механический удар.

По бокам ворот застыли турели обычных барабанных лазерных излучателей, аналогов доисторического пулемета. Подобная турель была рассчитана исключительно на поражение пехоты, а не крупных быстрых или бронированных целей. Однако кроме турелей Гор не заметил на стенах иного вооружения. Ни систем ПВО, ни противотанковых орудий. Между тем, как казалось, такая крепость должна опасаться именно бомбардировок с воздуха или же атак тяжелой бронетехники. Какой идиот пошлет на штурм столь укрепленной цитадели пехоту без поддержки? Загадки, загадки.

Дальше было еще интересней. Стенки проема врат казались изготовленными из *ишеда* – так называемого «системного металла», внешне похожего на золото и используемого только строителями или оружейниками Нуль-Корпорации. Да, по всей видимости, Гордиан действительно столкнулся с переходящим все возможные рамки явлением. Эта «пиратская» организация использовала не только оборудование для клонирования, но и другие величайшие секреты Корпорации Нулевого Синтеза. Он столкнулся с невероятным – с организацией, использующей технологии Нуля, но не входящей в Нуль и Нулю неизвестной.

Повсюду во всех рукотворных вселенных Индустриальные центры Корпорации строились по одному образцу, стандарт был неизменным как тысячелетия назад, так и сейчас. Тот, кто не входит в «Нуль-Синтез», но использует его закрытые технологии – прямой конкурент этой всемирной структуры. Само существование подобной организации – это вызов Корпорации, вызов стабильности миров. Похоже, он обязан выбраться из этой передраги не только ради спасения собственной жизни, но для сохранения и передачи этой информации руководству Нуля. Если конечно, само это руководство не причастно к увиденному им.

Кусочек сознания, тот самый, в котором возможно прятался пресловутый «фактор пси», весьма не двусмысленно подсказывал ему, что просто ошибкой все происходящее уже быть не может. Это не Корпорация. Гордиан Рэкс находится за ее пределами. Или, по крайней мере, в месте, не подконтрольном обычным административным структурам Нулевого Синтеза. Прослужив более ста лет диадохом, уж Гор то об этом знал!

А значит – его предали. Автоматика Хеб-седа необычайно устойчива и «сбоев не дает». Остается одно – постороннее вмешательство в программу, которое могли осуществить только лица, обладающие доступом к кодам безопасности его личного закрытого кластера Каталаун.

Аякс упоминал, что возможность прямого вторжения в Тринадцатимирье со стороны вооруженных сил Октавиана равна нулю. Под «прямым вторжением» подразумевался космический десант или бомбардировка. Однако возмездие Верховного Стратига за отказ в сотрудничестве могло оказаться более сложным и хитроумным. Действительно, оставить Гора в неизвестном теле, в неизвестном мире, без денег и дара *Тшеди* – расправа, куда более изощренная, чем просто убийство.

Впрочем, одернул себя демиург, виновность Октавиана в происшедшем не доказана. У Стратига, безусловно, имелся мотив, но мотив – еще не свидетельство причастности.

Кто еще мог проникнуть в закрытую вселенную Гордиана Рэкса, защищенную трехуровневым паролем, создать который может лишь сам взламыватель кодов?

Во-первых, такой же экстрасенс-*Тшеди*, как Гор, обладающий схожим даром декодировщика. Однако Гордиан знал, что подобные ему пси-операторы существовали только в прошлом Нуль-Корпорации, удаленном от настоящего мгновения по крайней мере на целое тысячелетие. Сейчас он, пожалуй, – единственный сильный *Тшеди* с подобным талантом.

Во-вторых, как признавался сам Аякс, взломать систему частного кластера может должностное лицо Корпорации, имеющее доступ к файлам Архива Экклесии, в котором хранятся копии кодов от всех частных доменов демиургов. Октавиан – Верховный Стратиг Нуля, руководитель исполнительной власти и к файлам Экклесии не имеет доступа. Но тогда...

Холодный озноб прошил позвоночник и свел спину Гордиана ледяной судорогой. Лишь Архонты Ареопага имели полный доступ к подобной информации, поскольку только они могли вершить суд над демиургами. Такую информацию Архонты использовали в основном для текущего контроля. Применять же коды частных доменов для наказания одного из демиургов было возможно лишь по единогласному решению Ареопага, утвержденному Учредителем.

Однако это – всего лишь закон. Нарушение закона карается Учредителем, а если Учредителя нет – то некому и карать.

Аякс. Чертов Аякс!!! Какая змеиная подлость!

Стоп, снова остановил себя Гор. Наличие возможности, так же как и наличие мотива, не является доказательством.

Реинкарнированный демиург покачал головой – ситуация оказалась крайне запутана.

Отвлечшись наконец от размышлений, он снова внимательно осмотрелся.

К этому времени всю процессию уже вывели наружу и погнали по выложенной брусчаткой дороге. Планета, конечно, не имела метановой атмосферы – над головой простирались голубые небеса, вокруг цвела пышным цветом зеленая растительность.

Гордиан украдкой оглянулся, посмотрев на загадочный храм (так, кажется, назвал это сооружение «мастер старшина Гаврин?»), который они только что покинули.

Снаружи храм представлял собой мощное сооружение, коренастое и приземистое, как бы в форме куба, но на две трети погруженное в землю. Верхняя часть куба, видимо, была ограничена по периметру подобием стены и имела зубцы, меж которых сновали туда и обратно фигурки стрелков, вооруженных длинноствольным лучевым оружием, носимым им на плечах наподобие копий.

– Ровнее! – Гор получил тычок в спину. И вынужден был повернуться по ходу движения колонны.

Примерно на полкилометра от храма тянулось пустое пространство с выкошенной травой, опоясывающее титаническое здание. Очевидно – для лучшего обзора и обстрела на случай нападения.

За выкошенным участком брусчатка на дороге обрывалась, переходя в хорошо утоптанную грунтовку. И далее начинался обычный сельскохозяйственный пейзаж, похожий на Залену. Только небо здесь оставалось голубое, а облака – белесыми.

Гордиан снова подивился. В мирах Корпорации, в мирах искусственных звезд и планет, широко пользовались атмосферными красителями, поэтому как в частных кластерах демиургов, так и общедоступных мирах Нулевого Синтеза, населенных обычными гражданами Торгового Союза, небеса имели тысячи оттенков. В сумрачных глубинах хорошо эрудированной памяти Гордиана содержались данные о том, что кислородно-углеродная атмосфера пригодной для дыхания концентрации должна быть именно голубого цвета. Однако за свою долгую жизнь он видел такое небо с белыми облаками от силы пару раз.

Во многих мирах, где атмосфера была голубой, по ним плыли цветные облака, и наоборот, часто белый воздушный пар сочетался с разноцветным небесным сводом. В других мирах, где красители не использовались вовсе, планеты освещались звездами, излучавшими вместо желтого, ярко-красный или зеленоватый свет. А в некоторых доменах мир вообще мог освещаться несколькими звездами с различным оттенком свечения. Человеку в нормальном рассудке, никогда ничего подобного не видевшему, невозможно было представить, какими фантазмагориями чреватые такие игры нуль-демиургов.

Но Гор – видел. Поэтому небо естественного цвета поразило его своей невыразимой и какой-то божественной простотой. Цветные небеса искусственных миров были всегда неотразимы, однако слишком сложны для восприятия, и вычурны, и чрезмерно богаты оттенками. Бездонный же голубой небосвод со всполохами молочных облаков был просто прекрасен неким естественным, чудесным великолепием своей натуральности. Как прелесть девственницы пленяет часто мужчину больше, чем лоск изысканнейшей из шлюх, так и

голубизна небес неизвестного нового мира покорила Гордиана с первого взгляда, заставив на несколько мгновений отвлечься от тягот своего нового, весьма печального статуса.

Вокруг, на многие мили, простирались луга, колосились поля с неизвестными, но явно зерновыми культурами, чем-то средним между кукурузой и пшеницей. Угодья прорывались хорошо проторенной межей, прямыми, ухоженными тропинками и небольшой речкой, которая петляла меж «хлебно-кукурузных» полей, уходя к холмам за пределы видимости.

Землевладение здесь явно было латифундальным, а не фермерским – для индивидуальных хозяйств даже в мирах с развитой техникой подобные пространства, засеянные одной культурой, слишком велики. Гор к тому же стал откровенно сомневаться в том, что земля возделывается здесь тракторами, а не невольниками с мотыгами. Еще одной особенностью сельского пейзажа, бросившего тень на возможность крестьянского землевладения, являлась окружающая архитектура. Храм находился на небольшой возвышенности, видимость была отличной, и пейзаж простирался до самого далекого горизонта, однако никакого подобия деревень или хуторов не наблюдалось.

Между полями Гордиан смог различить только крупные комплексы низких, но вместительных строений, расположенных компактно рядом друг с другом и огороженных единой оградой. То были виллы или усадьбы, возможно – сельскохозяйственные колонии, возможно – поселения или трудовые лагеря. В любом случае это не частное фермерское жилье свободного сельского жителя. Оно и понятно: не случайно ведь все в колонне – рабы. «Сервы», как изволил выразиться «господин мастер старшина». А фермерское хозяйство и рабский труд – вещи, практически не совместимые.

Но минутку! Современные технологии синтеза материи, применяемые в Корпорации, также не совместимы с сельским хозяйством. К чему выращивать хлеб и овощи, выпалывая сорняки и дожидаясь урожая, если можно синтезировать необходимые продукты прямо в месте потребления – у себя дома, в ресторане, в колонке автоматических продаж на улице или на борту космического корабля? Все это, по мнению Гора, выглядело более чем странно, однако каким-то образом согласовывалось с допотопным оружием, которое использовали конвоиры.

Медленно переставляя ноги (а сервы-клоны устали, сказывалось не только физическое напряжение, но и экзекуция, и психическая подавленность, наступившая после осознания большинством своей новой роли в неизвестном мире), Гордиан смог рассмотреть экипировку солдат сопровождения.

В руках охраны, дефилирующей по стенам только что оставленной ими громадины храма, имелось явно современное оружие – пусть стилизованные, но все же вполне годные для современного пехотного боя лучевики классом не ниже известных Гору превосходных охотничьих образцов.

Однако в руках «рабского» эскорта находилось вооружение принципиально иного рода и сорта – пороховые ружья. Причем явно допотопного образца: не автоматические, не самозарядные, а требующие утомительной ручной перезарядки после каждого выстрела. Все это Гор легко определил не только по внешнему виду оружия, но и по внешней пороховой полке и по примитивной кремневой «собачке», торчащей над затвором. Судя по широким раструбам стволов, оружие даже не было нарезным. В его мире такое устройство, бьющее не дальше двухсот метров, любой служивый назвал бы «пукалкой» и заявил, что оно совершенно не пригодно для боя. Но конвоиры, похоже, так не думали и выступали вдоль шеренги рабов, сжимая в руках свои то ли мушкеты, то ли фузеи с грозным и устрашающим видом, что для Гордиана, руководившего когда-то космическими эскадрами и выжигавшего многомиллиардные планеты дождем баллистических ракет и ядерным пламенем, выглядело даже несколько комично.

Одежда на бойцах «охранения» также была неординарной. Гор был поражен, но неудобные длинные светло-коричневые мундиры выглядели сшитыми из тонкой шерсти, а штаны и рубашки – из льна. То были натуральные ткани! Столь «естественный» материал, подумал Гор, слишком непрактичен даже для носки гражданскими лицами, что же говорить

о людях военных? Для них такие вещи вообще не подходят — слишком маркие и недолговечные!

Во вселенных «Нуль-Синтеза» даже для парадных мундиров военнослужащих, использовались исключительно искусственные материалы. Впитывающие антропогенные выделения, не мнущиеся, не рвущиеся и грязеотталкивающие. В бою же солдаты вообще не имели пошитой формы, а облачались в бронированные скафандры, с полной системой жизнеобеспечения, гарантирующие не только неуязвимость бойца для ручного оружия противника, но и полную автономность его существования в космосе, под водой, или под землей в течение многих суток.

Броня боевых скафандров солдат Корпорации даже покрывалась ишемом, который делал бойца практически неуязвимым ни для какого оружия. В реальности «Нуль-Синтеза» ишем был безумно дорог, но на безопасности военные, конечно, не экономили.

В этом же безумном мире ишем использовался даже для отделки храмовых зданий. Но ни на доспехах конвоя, ни на телах «храмовой» охраны Гор не увидел и бляшки «твердого золота».

Впрочем, возможное объяснение такого различия в вооружении и экипировке Гордиан определил почти сразу — на каждом из сопровождавших колонну охранников также оказались надеты такие же, как у него, ошейники. Такие же, как и у прочих «новоиспеченных» клонов.

Значит, сквозь зубы улыбнулся он, рабы стерегут рабов, сервы конвоируют сервов.

Всего в конвое находилось около двадцати солдат, все они, включая офицера или сержанта, возглавлявшего подразделение, оказались конными. Точнее не конными, а верховыми, поскольку ехали не на лошадях, а на рогатых тварях, более всего походивших на двухцветных, полосатых антилоп, значительно крупнее видов, известных Гордиану по Зелене или Жермину, его третьей планете.

Присутствие кавалерии в мире лучевого оружия и сложнейшей аппаратуры для клонирования казалось просто анахронизмом. Дали бойцам ружья? Так дайте им гравитранспортеры или хотя бы колесные броневики или джипы!

Тем временем тягостное путешествие клонов продолжалось уже как минимум час. И с каждой минутой из этого часа Гор удалялся от храма и терминала связи, а значит — от возможного спасения. Однако бывший демиург из всех сил старался не думать об этом, а сосредоточиться на наполнении памяти информацией об окружающей действительности. Не терять бодрость духа, а объективно изучать и оценивать ситуацию.

Еще Гор старался не думать о сбитых с непривычки ногах. Да, давненько он не ходил пешком по жесткой грунтовой дороге. Если быть точным — вообще никогда не ходил.

Не сбиваясь с шага, украдкой из-под бровей и по возможности незаметно для окружающих, Гордиан рассмотрел ближайших к нему товарищей по несчастью.

Впереди него, тридцать седьмым по счету, брел стройный, высокий парень, чьи годы явно лишь немного превышали биологический возраст Гора. Так же как и все клоны, он был лыс, темен удивительно загорелым для клона лицом и угрюм. Этот человек оказался единственным, кто попытался оказать сопротивление конвоирам после экзекуции с ошейниками. Теперь на его спине красовались жуткие кровавые борозды от жестоких палочных ударов.

Парнишка шел с трудом. Гор по возможности осторожно поддерживал его, поскольку, судя по выражению искаженного гримасой лица, тот находился на грани обморока от усталости и травм.

Практически все в колонне были избиты. Все говорило о том, что в процессе перегона Гор вообще пострадал меньше всех, поскольку не сопротивлялся и старался своевременно и быстро выполнять команды надсмотрщиков.

Сразу за Гордианом, тридцать девятым в колонне, шел крупный, крепко сбитый светлокочий мужчина. На его голове красовался огромный кровоподтек, спина и руки также были украшены многочисленными следами от ударов и ушибов от падений, а выражение

лица казалось горестным и подавленным. Серьезный рост и мощное телосложение не мешали несчастному идти с видом побитой собаки и чуть ли не пускать на грудь собственные слюни. Видеть слюнявость у целой горы костей и мяса, которую представлял собой здоровяк, было неприятно, и Гор неодобрительно покачал головой.

Уже перестав удивляться, он отметил для себя один факт: все клоны в шеренге оказались рослыми ребятами. Но при этом *не модифицированными*, поскольку спустя всего час перехода большинство устало и начало сбивать шаг, тяжело дыша и обильно потея. Это также наводило на определенные мысли.

В сельском хозяйстве не требуются широкоплечие высоченные здоровяки. Скорее – сухие и жилистые работяги, средней комплекции, умеренно сильные, но выносливые.

На войне, напротив, нужны бойцы с модифицированным телом, ускоренной реакцией и пониженным болевым порогом, а вовсе не здоровенные типы с бычьей мускулатурой. Любой модифицированный карлик разделает высоченного «натурала» под орех в две секунды, тем более если соперничество будет идти с высокоточным огнестрельным оружием в руках. Так что, узники из его колонны являли загадочную картину – они не являлись работниками, но не были и солдатами. Так кем же?

Странно, – подумал Гор, – ведь не на убой же их ведут, таких высоченных и здоровых! Не на мясо... Хотя, как сказать, могут и на мясо.

С еще большим потрясением для себя бывший демиург и диадок обнаружил, что из всех клонов в отряде он самый низкорослый – первое впечатление в отстойнике его не обмануло. Прикинув собственный рост относительно других сервов в шеренге, он определил его ниже метра семидесяти пяти, то есть по крайней мере на десять—двадцать сантиметров меньше самого маленького из своих спутников и более чем на сорок сантиметров меньше своего прошлого роста до неудавшегося Хеб-седа! По сравнению с костями его товарищей его собственные мослы казались узкими и тонкими, как кости недоразвитого ребенка, а мышечная масса – по юношески податливой, почти щенячьей. В ряду своих спутников Гор был не просто рабом. Он был самым маленьким и дохлым из всех рабов!

С другой стороны, почти все стражники конвоя, сопровождавшие сервов, оказались ниже большинства своих подопечных, так же как и Гордиан. Впрочем, таких плугавых, как он, не встречалось даже среди конвоиров. Как бы там ни было, низкий рост не мешал стражникам всюду унижать несчастных невольников, нанося им безжалостные удары за нестройный шаг, робкий поворот головы или чересчур громкий выдох. Гордиан, впрочем, избегал подобных наказаний. Когда рядом оказывался охранник, Гор вжимал голову в плечи, опускал глаза в землю и быстро семенял ногами, то ускоряя, то замедляя свои движения, чтобы попадать в общий темп ползущей вперед длинной колонны. Тычки и оплеухи обрушивались на его товарищей.

Вот тебе и братство угнетенных, – подумал Гор и, стараясь не отставать от более высоких собратьев по социальному статусу, снова ускорил шаг...

Глава 8

Первый шаг на пути к кладбищу

Как бы там ни было, к месту назначения они прибыли к только к позднему вечеру. «Местом» оказался обширный комплекс строений, огороженный высоченным – выше четырех метров – каменным забором с пиками металлических наверший по периметру. С дороги новообращенные рабы могли видеть непрерывный каскад кровельных крыш и каменных фасадов, прореженных одинокими ветвистыми стволами вековых деревьев, зеленая листва которых нависала над приземистыми и мощными корпусами белых кирпичных зданий. Над кронами деревьев и крышами домов возвышалась высокая пика донжона – сторожевой башни с раструбами тревожных сирен.

Сквозь полусонный дурман головокружения, возникшего от непрерывной ходьбы под палящим солнцем, Гордиан как мог прикинул пройденное расстояние. Клоны брели по

дороге уже не менее двенадцати часов, с двумя небольшими привалами у колодцев. Учитывая скорость продвижения отряда, от храма с оборудованием клонирования и аппаратурой связи, так необходимой ему для избавления, их отделяло уже как минимум двадцать—двадцать пять километров.

Рабов подвели к широкой арке с роскошными красными воротами, укрепленными полосами окрашенного в красный же цвет металла. Створки были раскрыты настежь, и у них стояли, мрачно ухмыляясь вновь прибывшим, вооруженные люди, экипированные примерно так же, как и конвоиры. В таких же ошейниках и с такими же погаными лицами.

Однако к этому времени все рабы, прошедшие столь долгий путь, скованные общей цепью и жестоко подгоняемые стражниками, были измождены до той степени, в которой вряд ли могли изучать выражение лиц новых тюремщиков.

– Свежее мясо, Крисс, пропускай! – С этими словами старший офицер конвоя Гаврин, свесившись с лошади-антилопы, сунул одному из стражников возле ворот свернутую в трубочку смятую бумагу. – Это накладная.

– Что-то слишком они дерьмово выглядят для «свежеины», – ответил Крисс, бегло просматривая для порядка врученную накладную. – Надо чаще делать привалы, старшина, а то кто-нибудь из уродов сдохнет, а нам отвечать.

Один из стоящих возле ворот охранников гортанно заржал и ткнул прикладом своего оружия ближайшего раба. Тот завалился на землю, но, подрагивая от ужаса и унижения, тут же попытался встать, что у него не очень получилось, учитывая, что ноги были сбиты в кровь, а руки скованы.

– Встать. Встать! – рявкнул несчастному конвоир, названный товарищами Криссом, а после того как раб с трудом поднялся, этот стражник повернул свое темное от загара лицо к ударившему раба охраннику и схватил его за мундир. – А ты не тронь уродов, дурень! Видишь – еле держаться.

С этими словами Крисс махнул рукой, и вереница забитой в оковы «свежеины» в сопровождении своего конвоя и нескольких человек, выделенных от охраны ворот, проследовала внутрь. За вратами оказался обширный двор с растекающимися узкими коридорами и проулками между зданиями комплекса.

Спустя еще несколько изнурительных минут они оказались у длинного каменного барака с земляным полом. Внутри барак оказался разделен на небольшие камеры с глухими дверьми и зарешеченными окошками.

Охранники спешно разомкнули живую цепь из скованных человеческих тел и отстегнули металлический шнур, соединявший ошейники от пазов на каждом хомуте. Затем тычками распахали рабов по камерам, вталкивая в каждую по четыре человека.

От общей цепи ошейник Гора отстегнул тот самый охранник по имени Крисс, что встречал их у ворот. Как выяснилось впоследствии, так же как и Гаврин, он был старшиной местной охраны, начальником полусотни охранявших сервов бойцов. Украдкой Гордиан осторожно посмотрел на вооруженного до зубов «вертухая».

Не слишком мощный, но рослый мужчина был крепок и суров. Однако лицо было «чистым», лишенным той печати испорченности и высокомерия, что даже на первый взгляд характеризует конченных садистов и живодеров. Нормальное лицо. Спокойный, уверенный взгляд. Остальные охранники как раз разбрелись вдоль цепи, и именно в этот момент потенциальная жестокость Крисса не подстегивалась вниманием товарищей по службе. Надеясь на относительное мягкосердечие человека, заступившегося в воротах за упавшего раба, Гордиан решился. И спросил едва слышным полупшепотом, стараясь придать голосу максимум трепета и испуга.

– О, мастер Крисс, мой господин, где мы? – тихо произнес он. – Что это за ужасное место?

Гор вполне ожидал вместо ответа страшного удара кулаком в лицо или коленом в живот со стороны стражника, однако надеялся, что рабский ошейник, надетый на шею Крисса, все же внушает надежду на тень понимания. И действительно, тот сдержался,

ограничившись лишь холодной и жесткой усмешкой.

– Это Дуэльная школа, серв, – нисколько не смущаясь, Крисс вполне дружески хлопнул его по спине. – Наш общий путь к кладбищу.

Дверь захлопнулась, и измученные тела повалились наземь.

Глава 9

Братья по неволе

Поскольку рабов растаскивали по камерам в той же последовательности, в которой они были скованы в общей цепи, Гор попал в тесную комнатку с теми же людьми, с которыми шел рядом в колонне.

Первым из них оказался условно названный Гором «Тридцать девятым» светловолосый рыдающий здоровяк. Очень крупный мужчина около тридцати лет, здоровяк был подавлен приключившимся и не слишком склонен к общению. Когда Гор оторвал его ото сна, Рашим (а именно так звали несчастного) в ответ на распросы только причитал и всхлипывал. Тем не менее сквозь проклятия и слезы Гордиан узнал, что Рашиму в прошлой жизни было по меньшей мере пятьдесят и он был низкорослым лысеющим толстяком, страдающим подагрой. Вновь приобретенная молодость и физическая стать почему-то отнюдь не радовали его. В покинутом им мире осталась большая любимая семья: две жены и четырнадцать детей, а также любимая сестра и пятеро племянников (женщины, по всей видимости, в том мире были очень плодовиты).

Рашим был зажиточным купчиком средней руки в какой-то примитивной вселенной, в стране с уровнем развития, примерно соответствующим по шкале техники самому началу «железного века». Он не был знаком ни с огнестрельным оружием, ни с электричеством, ни с паровым двигателем, ни тем более с таким невероятным достижением человечества, как канализация и туалетная бумага. Но недостатком образования не страдал. Рашим отлично умел писать, читать и особенно – считать. В прошлом он занимался скупкой сельскохозяйственных продуктов у мелких частных крестьян и реализацией оной в родном городе. Знал наизусть множество молитв, половину из которых успел за время разговора начать читать Гору, который его бессовестно прерывал, желая все-таки сэкономить время для сна.

В том своем прошлом Рашим был свободным. В его мире существовали рабы, набираемые почему-то не из военнопленных иноземцев, а из соплеменников. Но рабы имелись в крайне незначительном относительно свободных людей количестве и являли собой необычайно презируемую касту. Впрочем, презируемой кастой в его мире считались также и иностранцы. Поэтому, обнаружив себя в теле иной расовой принадлежности, а именно – белым (раньше он был краснокожим), да еще и в шкуре раба, Рашим чуть не сошел с ума. Гор подумал, что, возможно, именно потерей социального статуса, а не только слабостью духа объясняется столь подавленное состояние сокамерника.

Рашим очень любил свой дом, свою семью и умер на своем ложе от старости, ожидая, что попадет на некие чудесные поля, в которых боги и богини, которых он, кстати, трепетно почитал всю жизнь, станут поить его цветочным нектаром. И никак не полагал, что окажется с белыми(!) рабами в вонючем бараке.

Да уж, решил Гор, страдалец.

Другим товарищем по несчастью оказался молодой парень двадцати—двадцати пяти лет на вид со странно знакомым Гору по исторических хроникам именем Самсон, шедший в колонне тридцать шестым. Самсон не стонал, как Рашим, но также не стремился к разговору, а просто лежал со спокойным и отрешенным видом. Он назвал имя, сказал, что в прошлом ему было около сорока, он был рыбаком и умер в холодную зиму от голода, после того как продал лодку и снасти для уплаты оброка. Затем послал Гора подальше, справедливо заметив, что нужно поспать.

Гордиан понял бесперспективность дальнейших попыток и переключился на «тридцать

седьмого». Того звали Никий, и он оказался единственным из сокамерников кто был молод не только биологическими годами, но и памятью духа. Никию было на вид двадцать лет, и именно столько стукнуло ему в момент смерти в прошлом воплощении. По шкале технического развития Никий был гостем из «бронзового века» и не знал не только канализации, но и письма со счетом. Он поклялся, что был отличным охотником, хорошо метал аркан, а также метко стрелял из лука стрелами с бронзовыми наконечниками.

Тут Гордиан принялся расспрашивать подробнее и выяснил, что Никий имеет в виду не серьезный боевой лук, а маленький охотничий, с убойной дальностью полета стрелы не более пятидесяти метров. Не то чтобы Гор был сильно разочарован, но выходило, что он, пожалуй, один из всей четверки имел в прошлой жизни хоть какое-то отношение к военной службе и имел навыки обращения с нормальным оружием.

Действительно, то был тяжелый случай. Несмотря на исключительно мирную профессию юного скотовода, Никий презирал земледельцев, «возящихся с навозом», и заявлял, что единственные, кто достоин уважения, – это кочевники, «погоняющие стада», среди которых он родился и вырос. А также заявил, что был отличным наездником и обучен конной охоте с пикой, что для человека не старше двадцати звучало несколько неубедительно. Впрочем, успокоил сам себя Гор, дикий быт делает людей старше. Возможно, парень не врет. Никий также был единственным из четверки клонов, кто умер насильственной смертью – ему проломили череп во время стычки такие же ребята-скотоводы из конкурирующего клана.

Нужно признаться, что после расспросов Гор остался немало удивлен.

Во-первых, до появления в теле клонов в адаптационной камере храма, все три его спутника были мертвы в своих мирах.

Во-вторых, вне зависимости от условий, все трое оказались из достаточно неразвитых миров. Более примитивных, чем тот, в котором они оказались сейчас, и неизмеримо более примитивных по сравнению с ультрасовременными кластерами Корпорации Нулевого Синтеза. Сомнений у Гора не было – все страны и народы, описанные его сокамерниками, не существуют в реальности и представляют собой всего лишь «программные» версии реальности – виртуальные химеры, созданные компьютером для скачивания человеческих матриц с псевдолюдей.

Три таких псевдочеловека лежали сейчас вместе с ним на холодном полу с ошейниками на плечах. Однако что делает среди них он, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс? Леденящая душу мысль прокралась в голову – быть может, вся его прошлая жизнь также фикция, придуманная неизвестным программистом? А настоящая реальность здесь, в этом бараке? Но он откинул идею как неподтвержденную – в храме было оборудование, знакомое ему по работе в «Нулевом Синтезе», да и слишком сильно его биография отличалась от жизненного пути невольных товарищей.

Выслушав все истории, Гордиан рассказал и о себе, назвавшись бывшим солдатом, умершим от старости в шестьдесят, сократив, таким образом, свой возраст на три столетия, и немного описал свой мир, взяв за основу для фантазий город Старбад на любимой Зелене. Рашид и Никий прониклись уважением к его возрасту и профессии, Самсону же было, похоже, все равно. Вскоре беседа умерла, поскольку новоиспеченные рабы все же слишком устали.

Откинувшись спиной на грязный, основательно испачканный в земле матрас (один из четырех имевшихся в камере), Гордиан Рэкс подложил под голову руку и заснул под беспокойное посапывание своих новых товарищей.

Глава 10

До смерти Бога остается час

Мистер Эс. Си. Рукс стоял в обширном зале реинкарнации, по правую руку от готовящегося к неприятной процедуре Гордиана. Эс. Си. Рукс был, пожалуй, единственным

из всех демиургов Нуля, с кем за два столетия редкого, но регулярного общения в закрытых элитных клубах и спортивных секциях, Гордиан Рэкс смог достаточно сблизиться и, назвать своим другом. По крайней мере, сблизиться настолько, чтобы попросить последнего стать личным секундантом в Хеб-седе.

Причиной этой близости являлась, безусловно, относительная молодость как самого Гордиана, так и мистера Рукса. Сандр Симониан Рукс конечно же был постарше, но также едва перевалил за шесть сотен лет от первого рождения в клонической колбе Кадрового департамента.

Рукс пережил уже два Хеб-седа, причем один из них был досрочный – несколько столетий назад демиург сломал себе шею, катаясь на горных лыжах в труднодоступных ледяных ущельях на одной из собственных планет.

Шею он сломал вместе с головой, руками, ногами и позвоночником. Да так, что останки старого изуродованного тела не нашли до сих пор. Сейчас высокий, белобрысый, голубоглазый, улыбающийся и просто пышущий здоровьем Сандр Симониан подбадривал Гора жизнеутверждающими напутствиями.

– Не дрейфь, Гордиан, – приговаривал он. – Сменить тело что? Плюнуть и растереть! Вон, твой Пит Тициан уже небось с тыщу штук сменил. И гляди – как новенький.

Верховный Архонт Ареопага Нуля, хапи Пит Тициан Аякс стоял слева и при этом молчал. Лишь иногда, очень редко и тихим голосом, он также подбадривал Гора.

– Хеб-сед действительно не сложная процедура, мой друг. Технология переноса отработана тысячелетия назад и практически не дает сбоев. Не волнуйтесь. Все пройдет как надо.

Гордиан и сам это понимал.

«Техника Хеб-седа сбоев не дает» – так говорит статистика и общественное мнение. Главное, что необходимо тут сделать – это тщательно перебрать воспоминания и выбрать здоровое, крепкое и полностью удовлетворяющее тебя тело.

Важность воспоминаний для всякого очевидна – есть мысли и картинки, которые хотелось бы позабыть, чтобы избавиться от фобий, вредных привязанностей и навязчивых идей. А есть, напротив, память о днях, которые следует освежить и держать в голове яркими всегда, чтобы повысить самооценку, поддержать эмоциональную связь с друзьями и любовницами, стимулировать нужные черты характера и так далее.

Что же касается тела, то тут проще. Нестареющая оболочка, в который ты будешь существовать следующие триста шестьдесят лет, – это важнейшая покупка на этот период. Ни роскошный автомобиль, ни космическая яхта, ни даже самая красивейшая из наложниц или совершеннейшая из гончих собак ни сравнится по важности с глазами, которыми вы начнете смотреть на мир, с руками, которыми вы станете его трогать, с ногами, которыми по нему пойдете, и, извините, с органом, которым вы будете его... скажем, любить.

Говоря одним словом, тело – это важно.

Триста шестьдесят лет назад в Кадровом департаменте Корпорации Гора одарили вполне сносным экземпляром, в котором он дослужился до диадоха и заработал свое поистине фантастическое состояние. Среднерослый шатен, с несколько мелкими чертами лица, немного неуклюжий, но вполне развитый физически.

В среде товарищей он не выделялся ни уродливостью, ни особенной красотой, и женщинам нравился в достаточной степени. А именно в той, в которой по тебе не сходят с ума, но и не отказывают во внимании. Не удивительно поэтому, что внешность и физические данные никогда особо не волновали Гордиана в бытность службы. А уж когда он стал демиургом и пресыщенным обладателем двух миллионов рабов, включая свыше двадцати тысяч фантастически блистательных наложниц, эта проблема перестала его волновать вообще.

И все же нынче к выбору тела Гордиан Рэкс подошел ответственно. Шутка ли, триста шестьдесят лет провести абы как! Нет уж, тут нужно быть разборчивей.

Безусловно, при наличии желания (а уж тем более в случае внезапной гибели или насильственной смерти) Хеб-сед можно было провести и раньше, однако даже для его возможностей демиурга это стоило очень недешево, причем не столько из-за расценок на саму процедуру и цен на клонированные тела, сколько из-за ограничительного налогообложения, которым Корпорация Нулевого Синтеза сужала возможности для реинкарнаций в подконтрольных мирах. Триста шестьдесят лет – и баста. Хочешь чаще – плати в тысячу раз дороже!

И вот, пройдя по рядам собственной лицензированной (то есть работающей под контролем Правительства Корпорации) клонической мастерской, Гор выбрал лучшее тело из специально созданных для него на этот случай. Ну, во всяком случае, так ему казалось.

Он потрогал свои будущие тела через прозрачный биоупаковку. Перед ним висел могучий мужчина, значительно выше среднего роста (почти два с лишним метра), брюнет, с перекачивающейся под кожей рельефной мускулатурой, с мощными пластинами мышц на груди и развернутыми плечами. Орлиный нос и подбородок с ямочкой. Красота! А половой член? Чудовище! Вот только не слишком ли вычурно? Гордиан нахмурился и вздохнул. Вот всегда так с выбором, – подумал он. – Недоберешь – мучаешься, переберешь – мучаешься...

А, к черту!

Гор многозначительно кивнул, показывая следовавшему за ним по пятам технику, что выбор сделан. И, собственно, на этом его участие в управлении Хеб-седом и исчерпывалось. Дальнейшая процедура являлась делом автоматике.

«Техника Хеб-седов сбоя не дает» – вновь всплыло в голове.

И все же, все же...

Их вчерашняя беседа с Аяксом закончилась на весьма дружеской, но все же оставляющей повод для размышлений ноте.

Архонт так и не смог добиться от Гордиана фактического согласия на заказ. Гор сначала долго торговался, повышая сумму за свои услуги (сам не зная почему, ведь работа была ему интересна и так), но затем объявил, что согласен с этическими аргументами Аякса и деньги за работу его вообще не интересуют. Но интересует другое – возможность полностью разобраться в вопросе и, конечно, гарантии собственной безопасности по завершении поиска.

– Ну-ну, – заметил по этому поводу мистер Аякс, – гарантий, сударь, тут быть не может. Вашу безопасность обеспечивают не мои обещания, а ваши телохранители и два космических линкора, как их? Да-да, «Шандор» и «Табу», охраняющие границы вашей личной вселенной. Усильте охрану, купите еще боевых кораблей. Что тут сказать?

– Как что? – удивился Гордиан. – Как бы не была сильна моя охрана и частный космический флот, против атаки полносоставной галактической эскадры «Нуль-Синтеза» она не выстоит и часа.

– На этот случай, вы, сударь, защищены законом. Сколько бы наглости ни набрался мистер Октавиан, атаковать частный кластер демиурга силами Космического флота НС он сможет только имея на руках о-очень веские доводы. Так же как, впрочем, и я. Приступая к поискам с официально переданным вам личным кодом Архонта, вы ведь не нарушаете закон? А значит, и флот Корпорации против вас не направят. Наши адмиралы ведь не полные идиоты, и напрямую они подчиняются только Учредителю, которого, как вы знаете, нынче нет.

– Значит, ни вас, ни Октавиана мне опасаться не надо?

– О, тут я не стал бы ручаться. То, что нам не подчиняется флот Нуля, отнюдь не означает, что нет других возможностей. Большинство погибших членов Ареопага было уничтожено именно так – не в результате космической бомбардировки их планет, а путем мелких силовых акций. Кого-то выкрали и убили в месте, защищенном от пространственного переноса матрицы сознания в аппаратуру воскрешения. У кого-то стерли память пси-воздействием, кто-то просто исчез – и его местонахождение нам до сих пор неизвестно.

– Хм, разнообразно!

– А как иначе? – развел руками Аякс. – У каждого из демиургов индивидуальная система защиты, и соответственно к каждому нужно подбираться индивидуально. Меня, слава Богу, эта участь миновала.

– И меня.

– Ну, не зарекайтесь, сударь. Я с вами уже сутки, и Октавиан вас не беспокоит. Как я понимаю, вы все же ему отказали?

– Я умолчу.

– О боже, Гордиан, да что тут умалчивать! Это ясно как божий день. Если вы отказали Верховному Стратигу Нуля, это может быть действительно опасно. Он может ударить в любую минуту и с любого направления.

– А через программу Хеб-седа?

Аякс задумался.

– Не думаю, – спустя секунду высказался он. – Хеб-сед всегда был слишком важен для нашей цивилизации, а потому за миллионы лет его программы доведены до совершенства. К тому же я решил немного подстраховать вас, и мой программист дополнительно к вашим специалистам должен пресечь возможные посягательства.

– Вы влезли в мою систему?

– Да что вы, сударь, упаси бог! Тот бог, который Иешуа, а не Аннубис, разумеется. Мой человек контролирует общедоступные внешние сети, а также внепространственную передачу сигнала на ваши машины. И только. Вообще, по крайней мере теоретически, осуществить насильственный взлом компьютерной системы частного домена может только лицо, имеющее доступ к файлам Архива Экклесии, в котором хранятся копии кодов от всех частных доменов демиургов. А Октавиан, смею заметить, всего лишь глава правительства и никакого отношения к архивам Собрания акционеров не имеет. Так что программное нападение – вряд ли реально. И все же при каждом шаге будьте осторожнее, сударь, ваше существование, ваш не контролируемый им талант – опасность для узурпатора!

Он сделал паузу.

– Что же касается вашего ответа на мое предложение, то... хм не будем торопиться. Пусть этот ответ прозвучит после вашего Хеб-седирования. Впрочем, если коротко, то позволю себе озвучить еще один момент.

Впервые за время их общения Архонт нахмурился.

– В своем неверии, – произнес он, – Тэдди Октавиан полагает, что создатель Корпорации мертв. Это глупая, безумная ересь! Бог Смерти не может умереть. Наша цель поэтому – не присвоить программы-коды, а отыскать Учредителя и восстановить вселенский порядок. Поэтому, если вас на самом деле не интересует предложенный мной гонорар (губы Аякса искривились в подобие улыбки), я предлагаю вам не работу на меня, а свободный поиск, Гордиан, свободный поиск! Попробуйте отыскать своего создателя сами. Не для меня, мистер Рэкс. Для себя!

Гор на мгновение замер. Он посмотрел на прекрасное, вечно юное лицо бессмертного. На его струящиеся по плечам волосы. На бездонные, как море, глаза. Глаза светились честностью.

– Годится, – сказал он и протянул руку для рукопожатия.

Спустя двадцать минут обнаженный демиург Гор лежал в клонической колбе.

– Готовы, сударь?

– Конечно.

Техник кивнул и нажал тумблер.

Что-то загудело. Глаза закрылись, и душа Творца Тринадцатимирья... отправилась в Ад!

Глава 11

Первый день после смерти

Гордиан Рэкс зябко повел плечами и открыл глаза.

Взгляд уперся в каменную стену серого с оттенками плесени цвета. Утро нового дня, его первого дня в неизвестности, принесло пробуждение после беспокойного сна, проведенного в узкой холодной камере. Оно пришло вместе с окриками охранников, поднимающих новичков тычками приклада и пинками ног. Рабы медленно вставали, глядя друг на друга красными, слезящимися глазами, неловко разминая сведенные за ночь неудобными позами конечности и спину.

Продравшую глаза полусотню отправили сначала на мойку, где каждому выдали по ничтожному (с большой палец ноги) куску грубого, дурно пахнущего мыла и окатили ледяным душем в отдельно стоящем «санитарном», как назвал его для себя Гор, бараке.

Затем, не дав одеться, то есть в совершенно обнаженном виде, их подвергли тщательному медицинскому осмотру, где каждого из новоприбывших внимательно изучил врач. Особое внимание, впрочем, последний уделял не столько физическому состоянию здоровья прибывших, сколько их внешним параметрам – рост, вес, объем бицепсов и бедер, цвет волос, глаз, кожи.

Все данные старательно фиксировались в толстом, прошитом журнале. Как показалось Гордиану, осмотр проходил на достаточно профессиональном уровне с применением простого, но не совсем уж примитивного оборудования (в частности, применялся фонендоскоп). В одно мгновение Гор подумал даже, что после осмотра их станут фотографировать в фас и профиль, как в закрытых учреждениях Корпорации, однако этого не произошло.

Одновременно с физическими данными, тот же врач записывал имена новоприбывших. Когда подошла их очередь, Рашиим даже попытался назвать несколько своих последовательных имен, включая наследственное имя рода и первое имя своего отца, как полагалось по обычаю его страны, однако врач прервал его, сказав, что одного имени будет вполне достаточно.

Никий заявил что он Никий, Самсон – что Самсон. Гор также не стал мудрствовать и назвал только имя – Гордиан, полностью проигнорировав фамилию. В любом случае он не собирался задерживаться в рабах (или по здешнему – сервов) надолго. После внесения новоиспеченного раба в список сидевший рядом с врачом помощник прикреплял к ошейнику очередного назвавшегося табличку с грубо начертанным именем.

Затем всем пятидесяти невольникам позволили надеть свои туники и шорты, в которых они проделали путь до школы. Выданная одежда каким-то образом оказалась постиранной и отпаренной за то время, которое заняли осмотр и мойка, так что Гор сотоварищи оказался в чистом. Это наводило на мысль о возможном наличии в комплексе современного автоматического оборудования – по крайней мере бытовой техники для стирки и сушки, что в свою очередь свидетельствовало о наличии электричества. Впрочем, в бараке, в котором они провели ночь, света не было.

Впоследствии Гор узнал, что оборудование, работающее от электрического питания, в школе действительно имелось, причем не только для стирки одежды и для других многообразных бытовых нужд, и для его обслуживания был выделен целый штат специальных сервов числом более сотни человек.

Однако среди этих сервов не было никого, кто бы разбирался в устройстве техники. Более того, механизм работы стиральных аппаратов, фрезеровочных и токарных станков и даже осветительных приборов с галогеновыми светильниками содержался в ужасном секрете. Для обслуживания всей этой «секретной» машинерии вызывался специальный жрец из храма, являвшийся не только в случае поломки, но и раз в неделю объезжавший все местные поместья для профилактического осмотра всего электрического оборудования.

После осмотра знакомство с новым местом обитания продолжилось. Как сказал ему вчера охранник Крисс, место это действительно именовалось Дуэльной школой. Последняя, однако, не являлась отдельным и независимым учреждением, а находилась в составе огромного шато, которое, пожалуй, с некоторой натяжкой можно было назвать даже

маленьким городом. Шато именовалось Лавзейей, по названию древней, ныне полностью поглощенной зданиями поместья исчезнувшей деревеньки, а Дуэльная школа соответственно – «Лавзейской Дуэльной школой».

В радиусе двух-трех километров от комплекса зданий Дуэльной школы располагались коттеджи управляющих, великолепная вилла и парк хозяина поместья, госпиталь для взрослых сервов, детский садик и лечебница для маленьких невольников (несмотря на клонические технологии, здесь и такие были), продовольственные магазины и магазины промышленных товаров, таинственное и загадочное учреждение с названием «Лавзейская школа наложниц», склады, столовые и конечно же бесчисленные сельскохозяйственные постройки, в которых проживали сервы для обработки земли, содержался скот, хранилось собранное зерно и прочие продовольственные запасы.

Все это «немыслимое» по местным меркам богатство (интересно, что бы тут сказали, узнав что Гор является владельцем не просто шато, а собственной карманной вселенной, используемой в качестве дворца и парка) принадлежало одному человеку и обладателю замысловатого и древнего аристократического титула по имени Рэй Хаатдаф Карим Саварон Брегорт.

Имя звучало именно так, и Гор повторил его про себя медленно, катая на языке и впечатывая прессом в память.

Имя было сложным и трудно запоминаемым для непривычного человека, однако все пятьдесят рабов, пригнанных в школу в то памятное Гору утро запомнили его сразу и на всю оставшуюся жизнь. Поскольку сразу после медосмотра измученных вчерашним переходом и отсутствием кормежки «школьников», не отошедших еще от шока, принесенного первым днем пребывания в новом мире, выгнали на плац пред светлы очи мастера старшины Гаврина, который временно отвечал за «их» полусотню. Рабов били до тех пор пока имя хозяина и несложные правила пребывания в школе не стали отскакивать у них от зубов.

Правила для только что поступивших сервов (Гаврин назвал их «кадетами») были просты, как пинок хозяйского сапога:

- подчиняться беспрекословно, выполнять приказы максимально быстро;
- не просить, не спрашивать, не говорить ни с кем пока не спросят, к старшим рабам обращаться только через своего непосредственного начальника, сиречь мастера старшину;
- не покидать пределы школы без специального разрешения.

Наказание за нарушение последнего правила были наглядно продемонстрировано тут же. По команде харкающего слюной мастера старшины, один из «кадетов» бегом бросился к раскрытым настежь воротам школы. Он выбежал наружу, пробежал около тридцати шагов и свалился в пыль, содрогаясь в диких конвульсиях от мощного электрического разряда: действие электронного хомута было простым, наглядным и эффективным.

Двое охранников подхватили находящегося в бессознательном состоянии несчастного за ноги и, шмякая головой о камни, оттащили в медблок.

После демонстрации возможностей ошейника, которые «старшие» рабы-охранники называли «койн», новоприбывших стали разводить по разным отрядам. Как понял Гордиан, для того чтобы компенсировать потери в личном составе, принесенные последней «дуэлью». Забирали их по одному и парами, руководствуясь списком, который зачитывал Гаврин.

Никия и Рашима забрали в один отряд, Самсона – в другой. Спустя полчаса после начала развода процедура закончилась и в центре площадки, на которой недавно стояло пятьдесят рабов, остался один только Гордиан, к своему вящему удивлению. Он оказался единственным, кого не забрали в «кадеты» Дуэльной школы.

Причина выяснялась быстро. Гаврин лично подошел к нему, бодро пнул и заявил стоящему рядом товарищу, что «недоносок слишком мелкий» для дуэльных боев и он его «бракует». Выслушав каркающие крики старшины, Гор с ужасом вспомнил, что по результатам медосмотра, он *действительно* оказался самым тщедушным и низкорослым из всех пятидесяти человек. Возможно, ему просто не повезло и во время изготовления нового тела произошел небольшой сбой программы, из-за чего клон получился слишком

субтильный. А возможно, в этом заключался некий смысл, и Гор отличался от остальных «выращенных» рабов не только памятью, но и чем-то еще. Как бы то ни было, услышав решение мастера старшины, Гор внутренне напрягся. Кто его знает, может быть, «бракованных» клонов тут немедленно ведут в крематорий? Но его всего лишь определили в Службу мажордома на виллу хозяина поместья в качестве подсобного рабочего, поскольку ни по возрасту, ни по квалификации Гор, по мнению Гаврина, более ни к чему не годился.

– Повезло! – весело сказал ему один из охранников, тычками подгоняя молодого серва к выходу из помещений школы в ближайший кухонный блок. – Будешь драить пол и дерьмо из уборных выносить, пока твои кореша на ристалище кишки из друг друга выпускают!

«Действительно, повезло», – подумал и сам Гор, сидя на кухне сорок минут спустя и уплетая за обе щеки незамысловатую бурду из зерновых злаков с куском грубого черного хлеба. На вкус бурда была той еще гадостью, однако он не ел почти сутки и сам себе признавался, что никогда в своей прошлой сытой жизни не ел с таким потрясающим аппетитом. Это лишь подтверждало старую истину: жизнь не так уж плоха, если набит живот.

В общем, Гор был жив, сыт, молод, здоров, а значит, кто бы ни запихал его в эту дыру, бывший демиург с ним еще повоюет.

«Не так ли, сударь? – думал бодро реинкарнированный полубог. – Именно так!»

Глава 12

Мастер старшина Гаврин

Однако спустя всего три дня Гор был голоден и близок к смерти. Он висел на грубом квадратном щите, сколоченном из необструганных досок, привязанный за руки и за ноги к петлям в верхней и нижней части своего изысканного «ложа». Веревки закручивались на четыре небольших ворота, и поэтому тело было растянuto. Не до разрыва сухожилий пока, но достаточно сильно, так что спустя всего час после «растяжки» Гордиан уже почти не чувствовал ни кистей, ни стоп.

Висел он в таком положении между тем уже почти шесть часов и начинал бояться, что после экзекуции вообще не сможет двигать онемевшими пальцами и станет попросту инвалидом. Щит был поставлен почти вертикально, с наклоном к полу под углом всего семьдесят—восемьдесят градусов. Гор висел на нем лицом к доскам и с открытой спиной. Спина плыла и горела. Гаврин, старая собака, бил его уже не за провинность, а для развлечения. Хорошо, что бил не кнутом (а то давно убил бы), а вымоченными в воде розгами, поочередно сменяя свои орудия, откидывая использованные и доставая новые из стоящей рядом кадушки.

На спине и бедрах Гора, висевшего, кстати, перед этим изувером в обнаженном виде, уже практически не было живого места – только одно сплошное рваное мясо, однако ублюдок продолжал измываться, со свистом вгоняя ветку в кровавое месиво, бывшее когда-то спиной человека.

Сначала Гордиан пытался специально громко кричать, чтобы таким образом ублажить живодерские аппетиты мастера старшины и сократить время экзекуции. Однако вскоре понял, что Гаврин увлекается такими играми, подчиняясь только какому-то внутреннему зову и безотносительно к поведению жертвы. После этого Гор замолчал, не издавая ни звука даже при самой изощренной оттяжке розгой, во владении которой подонок, по всей видимости, являлся непревзойденным специалистом. Собственно, вскоре уже не осталось и сил, чтобы орать.

Но за что? Хороший вопрос.

Вчера вечером Гор, который, несмотря на свой новый статус подсобного раба, старался по возможности собирать информацию об окружающем, рискнул всего лишь выйти за пределы кухонного сектора, в котором обретался, вынося помои и чистя чугунную посуду, чтобы произвести беглый осмотр примыкающих к нему помещений и, возможно,

расспросить кого-то из встреченных рабов о режиме работы других подразделений этого обширного хозяйства, а не только кухни, о которой он уже почти все знал на зубок. За день до этого Гору уже удалось подобным способом разведать путь к выходу из поместья и даже дойти до стен Дуэльной школы, где содержались «кадеты» из «его» полусотни, а также узнать местонахождение апартаментов самого главного раба в поместье – вилика Сабина, который заправлял тут всеми делами и которому подчинялась охрана комплекса.

Тогда Гордиан спокойно прошел весь путь и спокойно вернулся обратно. Никто из служебных сервов и даже никто из рядовых охранников не останавливал его – по поместью постоянно шатались с различными поручениями, да и по личным делам сотни рабов. Помешала случайность – он встретил Гаврина, почему-то запомнившего Гору в лицо. Возможно, в других обстоятельствах Гаврин также ничего не сказал бы «мелкому недоноску», однако старшина оказался не в настроении и, больно ухватив тщедушного пацана за кожу и тонкие мышцы между правым плечом и шеей, потащил его к себе в «экзекуторскую часть».

Несмотря на «детские» мышцы, Гор мог легко вырваться из лап Гаврина, сломав ему что-нибудь резким ударом или вырвав сустав руки, однако понимал, что сопротивляться в данном случае только хуже и решил перенести наказание, изображая напуганного юнца.

Но не получилось. Гаврин был в очень плохом настроении, и поднять это настроение ему могла только долгая, продолжительная пытка. В итоге настроение Гаврина в течение последовавших за сим шести часов последовательно улучшалось, а вот состояние здоровья демиурга Нуль-Корпорации Гордиана Рэкса в прямой зависимости с этим улучшением падало к отметке «телесные повреждения, несовместимые с жизнью».

Время от времени Гаврин уставал от учиненной им экзекуции, отбрасывал розгу и выходил наружу, чтобы проветриться. Иногда – надолго. Но Гор оставался висеть, страдая уже не только от ободранной спины, которой почти не чувствовал, но от страшно неудобного положения и затекших конечностей. Ситуацию усугубляло то, что Гор обладал очень сильной рассудочной частью восприятия и, несмотря на боль и длительность пытки, сознания не терял. Раньше он мог отключить свой мозг по желанию, однако такая психопрактика была потеряна с прошлым телом и с мозгом, утраченным после Хеб-седа. Единственное, что он мог теперь, – надеяться, что боль и повреждения организма сведут его разум в беспмятство раньше, чем он превратится в труп.

Но, к счастью или нет, этого не случилось.

К неописуемой радости Гора ублюдок-палач наконец удовлетворился и, махнув рукой ребятам из охраны, подрабатывающим одновременно конвоирами, санитарами, а также помощниками палача, свалил из «экзекуторской» по своим ублюдочным делам. Те ослабили тросы и сняли тело Гордиана с изуродованной спиной и бедрами с окровавленного щита. Поскольку передвигаться самостоятельно тот уже не мог, его просто волоком оттащили в ближайшую камеру и заперли на амбарный навесной замок.

Бывший демиург валялся в багровом тумане, и сознание его по-прежнему блуждало в черепной коробке, топчась по мыслям, как обколовшийся наркоман по собственной блевотине. Да уж, такой порки господь частной вселенной никогда не испытывал за свои триста шестьдесят с лишним прожитых лет.

И все же Гор не сильно жалел о случившемся. Совершив за два дня обход комплекса, пусть и такой болезненной ценой, он узнал почти все, что ему требовалось.

Он был готов. Осталось только переждать время, чтобы истерзанное тело снова пришло в дееспособное состояние. А с Гаврином за эти «шесть часов» он еще рассчитается. Суровая этика Корпорации требовала, чтобы всякого, кто посягнул на ее служащих или ее имущество, настигала смерть. И пусть сейчас заводы «Нуль-Синтеза» далеко, он остался его работником, демиургом, менеджером, солдатом, диадокхом и черт знает, кем еще.

Гаврин – не жилец: это Гордиан Рэкс знал точно.

Попытка номер раз

Отлежавшись пару дней на грязной подстилке практически без еды и медицинской помощи, если не считать поваренка, принесшего ему в камеру воду и миску помоев, явно взятых из хлева для скота, Гор все же пришел в себя. До нормы оставалось как до радуги через небо – спина страшно болела, поскольку только начала обрастать новой кожей, затягивая раны темной коркой, но сил ждать полного выздоровления не оставалось.

Ненависть почти захлестывала Гордиана, хотя он и не подавал виду, пряча глаза всякий раз, когда мимо проходил охранник. Как только Гор смог встать сам, он отправился в кухню, к которой был приписан, чтобы вернуться к своим рабским обязанностям. Первым делом, получив затрепину от старшего повара, он отдраил пол, вычистил посуду и наносил воду в бочку, служившую технической емкостью. Работать было тяжело, однако злость подстегивала его трудоспособность. Затем он умылся и поел, чтобы подпитать идущий на поправку организм.

Наконец наступил вечер. Поскольку отдельной комнаты у Гора не было и ночевал он прямо на кухонном полу, то вскоре остался в кухне один. Подождав еще полчаса, пока все окончательно разбегутся, Гор торопливо собрал в узел немного тряпья, служившего ему постелью, кое-какой инструмент, а также продукты, стараясь выбирать наиболее легкие и калорийные.

В ход пошли сухое мясо, сыр, печенье и шоколад, который, к удивлению Гора, присутствовал в этом мире, хотя о кофе здесь никто никогда не слышал. Видимо, шоколад и некоторые иные специфические пищевые продукты, медицинские препараты и высокотехнологичные предметы непосредственно в поместьях не производились, а экспортировались откуда-то. Помимо продуктов Гор прихватил с собой бутылку крепкого алкогольного напитка, напоминающего по цвету зеленую болотную воду, а тяжелыми маслянистыми переливами и дерущим глотку вкусом – низкокачественное бренди.

Напиток по местному назывался «тин» или «тинза» и должен был пойти как на медицинские цели, так и для внутреннего употребления, так сказать, «для согрева». Быстро записав узел под один из столов, Гордиан достал из кухонного набора небольшой разделочный нож с узким лезвием, предназначавшийся для резки тонкими ломтиками мяса.

Сталь была явно дрянной, лезвие – слишком тонким в сечении, с длиной от основания рукояти до кончика режущей части не более пятнадцати сантиметров. Нож, разумеется, никоим образом не подходил для реального боя, однако для целей Гордиана вполне годился, ибо был заточен им вчера до чудовищной остроты и имел тонкий острый наконечник для прямых, а не только режущих ударов.

Гор накрыл лезвие тряпкой, так, чтобы рукоять оставалась свободной, и засунул его за пояс, прикрыв торчащую рукоять нижним концом выпущенной туники. Затем он схватил в обе руки огромную амфору с вином и отправился уже пройденным один раз маршрутом, в направлении центральных корпусов комплекса, где располагались коттеджи высших рабов, руководителей поместья.

Проходя мимо донжона, Гор бросил взгляд на установленные там большие механические часы – было ровно восемь, как и планировалось. В восемь вечера в регионе, где расположилось Лавзейское поместье, оставалось еще очень светло, возможно благодаря летнему сезону, возможно, благодаря теплым широтам – в особенностях календарного времени счисления и географии нового мира Гордиан разобраться не успел, а времени уделять внимание подобным вещам уже не оставалось. Гор отчетливо понимал, что еще одной такой порки не выдержит и убьет Гаврина прежде, чем тот дотащит его до «экзекуторской». Впрочем, – заключил Гордиан, – убить ублюдка придется в любом случае, так что стоит ли вообще об этом думать?

Народу вокруг сновало множество. Время после семи вечера считалось личным временем каждого раба, если, разумеется, кто-то из «старших товарищей» не нагрузил его работой.

Насколько Гор понял по результату трех проведенных здесь дней, самым удивительным являлось то, что в поместье вообще не существовало *свободных людей*, кроме самого Рэя Брегорта. Все остальные, включая стражу и высшую администрацию комплекса, так же как и Гордиан, являлись *рабами*.

Но насколько же отличался быт одних невольников от других! Если обычные, рядовые, рабы ночевали в грязных бараках и действительно были «рабами» в традиционном понимании этого термина, то высшая рабская администрация, эти «сервы в законе», жили в центре комплекса в отдельных коттеджах с большим количеством комнат и мебелью и даже с личной прислугой.

Убранство этих «элитных» рабских жилищ, конечно, отличалось от роскоши дворцовых апартаментов самого Брегорта, однако было не сравнимым по богатству и комфорту с теми условиями, в которых обреталось большинство. Объяснялось это обстоятельство тем, что большую часть населения страны составляли именно сервы, а свободные граждане представляли ничтожную часть. Таким образом, расслоение на социальные классы шло не в среде свободных, как это происходит обычно, а в среде рабов, которые делились на: рабскую элиту (вилики и провилики), рабский средний класс (специалисты и охранники-габелары) и низших рабов, то есть совершенно бесправный класс рабочих сервов, занимавшихся грязным и тяжелым трудом и во всем зависевших от элиты.

Объединяло все три рабских класса только одно – полная личная зависимость от хозяина, который в любой момент мог изменить статус своего серва, сведя его из «элиты» в «низы», продать на свое усмотрение или даже убить. А также, разумеется, «электронный хомут», он же «койн», на шее.

«Койны», кстати, у всех были одинаковые и не отличались даже внешне. Гордиана удивило столь необычное социальное «расслоение» общества, однако задумываться над этим он не стал – на плечах висели другие, более насущные вопросы, вроде необходимости скорейшего приобретения собственной свободы.

После семи вечера средний рабский класс выходил на улицы погулять и потусоваться. Свободные от дежурств габелары, ремесленники мастерских, кладовщики и экспедиторы собирались в пивных, которые были разбросаны по всему огромному шато в количестве нескольких десятков, ходили друг другу в гости, навещались к положенным по классу женщинам в Школу наложниц (мастеровым выделялась одна дама в неделю, а габеларам – пара) или просто шлялись по улицам и дорожкам, соединявшим отдельные строения.

«Высшие» рабы сидели в своих коттеджах, занимаясь неизвестно чем, а «низшие» продолжали носиться с поручениями и обременять себя трудом. Так что Гор тащил свою амфору, пыхтя и напрягаясь, усиленно изображая одного из таких подростков-работяг, которому срочно велели доставить бутылку по назначению. Впрочем, вино действительно было тяжелым, и изображать напряжение сильно не приходилось. Труд этот был незряшный – никто из проходящих мимо людей, в том числе и стражников, не интересовался им, поскольку было понятно, что юнец занят работой. Таким вот забавным образом Гор вскоре притопал к домику старшин и, пройдя в неохраняемую дверь (кто бы охранял здание, где проживают охранники?), поднялся к комнате, в которой жил мастер Гаврин.

Вот он, момент истины, сказал Гор себе.

Еще в первый день своего пребывания в Лавзейском поместье Гордиан понял (причем на наглядном примере), что основным препятствием к побегу являются не решетки и запоры и даже не габелары с мушкетами, а именно «койн» – электронный ошейник, надетый на каждого из сервов, включая высшую администрацию поместья.

Высшая администрация жила неплохо, практически независимо от своего хозяина, поскольку тот большую часть года пребывал в столице, а когда гостил в Лавзее, практически не интересовался хозяйственными делами, отдавая все свое внимание Дуэльной школе. Возможно поэтому у «элитных» рабов вообще не было стимула бежать. Или же контроль за их «койнами» осуществлялся не из Лавзеи, а, допустим, из храмов или из дома Брегорта в столице. Управление же ошейниками «обычных» рабов, безусловно, должно было

находиться здесь, в шато.

Гор был в принципе знаком с подобными системами примитивного болевого контроля, основанного на коротких электрических импульсах – такие ошейники в его мире применялись для контроля животных – прежде всего, крупных собак, цирковых хищников или скота на выпасе. Болевые импульсы для животных были, разумеется, слабее, что вполне понятно, ибо, как показывает история цивилизации, в целом человек относится к зверям гуманнее, чем к коллегам по генотипу. Гор также знал, что принцип управления такими ошейниками в общем не замысловат.

Каждому ошейнику или партии ошейников полагался обычный пульт и дубликат пульта, выпускаемый на случай потери первого. Быший демиург не зря следил за Гаврином в храме в первый день своего пребывания в новом мире. Вместе с партией рабов тот получил в картонной коробке два пульта, одним из которых наглядно продемонстрировал новоиспеченным рабам его болевые возможности.

Прошло уже несколько дней, но Гордиан отлично помнил ту волну боли, которая окатила его тогда, в первый раз. По сравнению с этой болью порка розгами была просто детской забавой. С точки зрения целостности организма и здоровья, розги, конечно, опасней, но боль, вызываемая хомутом-койном – неизмеримо сильнее. По-видимому, хомут не просто проводил через организм электрический ток, а неизвестным образом стимулировал сами болевые рецепторы нервной системы.

Первый пульт, несомненно, оставался у Гаврина, а второй наверняка находился в сейфе у вилика Сабина, в самом главном «рабском» коттедже поместья, где, по словам словоохотливого младшего повара, хранились все запасные пульта в числе около двух сотен. Информация о местонахождении пультов не являлась тайной, ее знали все.

Это несколько обескуражило Гордиана и он задался вопросом: неужели за много лет существования «хомутной» системы ни одному из рабов не пришлось в голову выкрасть свой пульт и сбежать? Возможно, такая пассивность объяснялась всего лишь тем, что большинство сервов, оказавшихся в новых клонированных телах, были уроженцами миров, не знакомых с техникой, и просто не понимали, как функционируют пульта. В любом случае препятствий воспользоваться этим способом для себя лично бывший демиург не видел.

Продолжая тащить свою ношу, он взобрался по лестнице и осторожно постучался в личную комнату Гаврина.

– Да! – прорычали из-за двери.

Гор зашел, аккуратно закрыл за собой дверь и, стараясь по-прежнему изображать из себя тупого напуганного юнца, специально шамкая губами, невнятно произнес:

– М-мастер старшина, в-вот вино, в-вы просили.

И в то же время решительными шагами он приблизился к стоящему посреди комнаты ублюдку.

– Какое... Я не просил... Да куда ты прешь?! – удивленно спросил старшина.

Быстро обогнув Гаврина, с потупленным взором и неопределимо глупым выражением на юной роже, Гор прошел к столу и стал наливать вино из амфоры в кубок.

Старшина шумно выдохнул, злясь на тупость недавно избитого им раба и явно не понимая, что происходит. Тупость серва он списал на суровость прошлой экзекуции и даже дал себе слово в следующий раз не бить юнца столь ретиво. Тут явно произошла ошибка: он ничего не просил. Гаврин хотел было уже дать затрещину тупому уроду, но сдержался – тот мог пролить вино на ковер. Тогда он по своему обыкновению просто заорал.

– Ты куда приперся, дерьмодед?! Кто тебе сказал, что я хочу это пойло?

В этот момент Гор закончил наливать и, сгорбившись в нелепом поклоне, сунул кубок Гаврину почти в лицо. Задохнувшись от гнева, Гаврин чуть не поперхнулся своей тирадой. «Ну все, – решил он, забыв только что данное самому себе обещание, – сегодня же спущу плетью шкуру».

Чтобы отвести кубок, протянутый почти в переносицу, и врезать наконец маленькому уроду, не боясь пролить напиток на пол, Гаврин схватился за бокал. Гор слегка дернул

кистью как от испуга и резко выплеснул терпкий напиток прямо в рожу мастеру-старшине. Тот задохнулся от неожиданности.

В ту же секунду, не теряя несущихся мгновений, Гор сложился пополам, присев перед Гаврином. Маленький нож вынырнул из-за пояса и врезался габелару в пах. Затем, скользящим движением, протягивая свое лезвие через плоть, Гор сдвинулся влево, одновременно выпрямляясь.

Пораженный страшной и резкой болью, Гаврин только успел выпустить из рук все-таки пролившийся кубок и втянуть грудью воздух, чтобы разразиться душераздирающим от боли воплем.

Однако Гор не позволил ему этого.

Держа корпус чуть левее, чтобы не забрызгаться кровью и выплеснутым вином, правой он нанес удар ножом снизу вверх, буквально вбив свое хрупкое оружие в мягкую плоть под нижнюю челюсть мастера старшины, пробив лезвием язык и воткнувшись в небо.

Обе фигуры застыли.

Челюсти и язык охранника-садиста оказались стиснуты узким кухонным ножом, как гвоздем скрепляются доски. Вместо крика о нападении последовал только жалкий и сдавленный хрип ужаса – звук-отголосок кошмара. Мычание трупa в преддверии отлета души.

Оставив застрявшее в костях оружие, заменившее собой кляп, Гордиан подхватил плавно падающее тело и медленно опустил мертвого Гаврина на пол. Единственным относительно громким звуком, который прервало тишину в комнате, стал стук кубка, упавшего на ковер. Однако в это время улица была полна шума и разговоров. Никто ничего не услышал, да и ковер был мягким.

Все прошло отлично.

Гордиан быстро запер дверь и обыскал Гаврина, но «хомутных» пультов при нем не оказалось. Учинив небольшой обыск в комнате, Гор быстро нашел четыре пульта в ящике стола.

Перебрав их, он легко обнаружил свой. Вход в ситсему пульта не был защищен паролем, а меню оказалось до примитивности простым. В каждом пульте содержался список сервов, подотведенных старшине. Список разделялся на группы, чтобы болевые импульсы можно было посылать не только каждому в отдельности, но всем членам группы. Установив стрелку поисковика напротив соответствующего имени можно было войти в меню «Информация». Тут содержались исчерпывающие учетные данные о серве (например, возраст, рост, вес, краткая биография, адреса предыдущих хозяев и пр.), а также данные о текущем состоянии его здоровья – «койн» одновременно являлся еще и диагностическим прибором: например, можно было узнать частоту пульса и множество прочих показателей.

Через имя серва также можно было войти в меню «Управление», что позволяло не только наказывать раба болью, но и погрузить его в гипнотический транс, усыпить, убить или совершить непонятную операцию «авторежим». По-видимому под этим последним понималось превращение серва в своего рода зомби, подчиняющегося всем приказам господина с неким тупым бессознательным автоматизмом.

Кроме того, в списке команд присутствовал режим «паралич», в котором серв полностью сохранял сознание, но ниже шеи управлять мышцами не мог – только вертеть головой и говорить.

Да уж, забавная игрушка, подумал Гор. Немного дьявольская, правда. Не удивительно, что «низшим» рабам даже не приходит в голову брать такую в руки. Зато старшие, похоже, отрываются с ней вовсю.

Он тряхнул головой. Ну ладно, нужно торопиться и добыть второй пульт, а затем – деру! В комнате Гаврина имелось множество полезных вещей: здесь было несколько неплохих мечей, пара пистолетов в деревянной коробке с резьбой, охотничий мушкет, висевший на стене, походная фляжка для воды или вина. Мечи и мушкет Гор сразу же мысленно откинул. Таскаться по поместью с крупногабаритным оружием было просто

смехотворной идеей.

Немного задержал свой взгляд на пистолетах, но тут же захлопнул коробку. Он не особый умелец стрелять из такого допотопного оружия, а шум, поднятый пальбой, сразу его выдаст, даже если план удастся и он сможет вырваться на свободу. В итоге Гор взял только фляжку и короткий кинжал с мощным лезвием – тот являлся хорошей заменой кухонному ножу и мог наверняка пригодиться в оставшейся части операции.

Закрыв дверь найденным в кармане у покойного Гаврина ключом, Гордиан с той же амфорой выбежал наружу. Оказавшись на улице, он снова сгорбился, а лицо опять приняло дебильное выражения замученного непосильным трудом и плохим обращением серва на побегушках. Однако, несмотря на упомянутое «тупое» выражение лица, мысли кружились в его голове бурлящим торнадо.

Гор только что убил человека. В сытом прошлом акционера Корпорации ему тоже доводилось убивать, и не раз, однако все эти убийства являлись тренировочными и разыгрывались в клубах между демиургами. Демиурги Нуля, мучимые скукой, часто устраивали игровые поединки между собой, заканчивающиеся смертью или телесными повреждениями для одного или обоих участников.

Убитого в таком «игровом» бою миллиардера уносили в больничный покой, и рана, даже если она оказывалась смертельной, тут же зарастала, а ткани регенерировались. В мире Нуль-Корпорации смерть привычно отступала перед наукой. Важно было лишь совершить операцию по регенерации тканей в течение определенного времени, до того как начнут отмирать клетки мозга. Но даже если это происходило, то погибшего на тренировке демиурга ждал всего лишь Хеб-сед, то есть внеочередное воскрешение в новом теле, путем переноса матрицы сознания в мозг искусственно выращенного клона. Впрочем, медицинская служба при закрытых игровых клубах была поставлена как надо, так что Гор не помнил случаев, когда погибшие Хеб-седировались. Последствия смерти таким образом обычно ограничивались привлечением усилий медиков.

Такие специфические развлечения позволяли сделать бессмертную жизнь акционеров Корпорации более интересной, поэтому к собственным убийствам в тренировочных боях они показательно не придавали значения, говоря о них, как о чем-то стоящем обсуждения, но малозначительном. Да и убийством в полном смысле слова такие, заканчивающиеся «воскрешением» квазисмертоносные, бои назвать было нельзя.

Но сейчас все было по-настоящему, до естественности жестко. Гор не сомневался, что Гаврин наверняка не подключен к программе Хеб-седа, даже если она и существует в этом примитивном мире. Скорее всего, для сливок свободной части общества, храмы могут предоставлять такую услугу, но Гаврин, хоть и старшина габеларов, – всего лишь раб, слишком мелкая сошка, чтобы тратить на него усилия по созданию нового тела и воскрешению. Даже в мире Корпорации Хеб-сед являлся уделом богатых – что уж говорить об этой полусредневековой земле?

Как бы там ни было, абсолютно никаких угрызений совести Гордиан по поводу только что совершенного убийства не испытывал. Покойник являлся законченной сволочью, а собаке, как говорится, – собачья смерть. Впрочем, не испытывал Гор и ожидаемой радости от своей скорой мести – прирезал Гаврина он все-таки подленько. С другой стороны, вариантов открытой и честной схватки у Гора не имелось. Гаврин был крупнее, сильнее и на его стороне выступала вся сила местной охранительной организации.

С такими мыслями Гордиан добрался до следующего нужного коттеджа. Коттеджный поселок рабской администрации Лавзейского поместья, в отличие от дома габеларов, охранялся двумя стражниками с мушкетами наперевес. Однако стояли они только в центральных воротах длинного забора, окружавшего жилища сервской «элиты», и периметр этого ограждения не контролировали. Не глядя на стражей и немного покряхтивая от усилий по переноске тяжелой амфоры, Гор прошел мимо них вдоль забора и дальше до угла, за которым заканчивался сектор обзора от ворот.

Стражники даже не посмотрели в его сторону. Свернув, Гор юркнул в кусты. Там он

оставил ненужную пока амфору и резво перелез через невысокий забор, признаваясь самому себе, что во вновь обретенной юности есть несомненная прелесть: в своем прошлом, тяжелом и крупном мужском теле преодолеть такое препятствие ему было бы значительно труднее.

Оказавшись внутри маленького парка, в котором размещались коттеджи администрации, он быстро определил местонахождение дома вилика Сабина и короткими перебежками от куста к кусту добрался до нужной двери. Позавчера он не зря потратил почти час, петляя вокруг огороженных забором коттеджей с тяжело нагруженным ящиком, и сейчас ориентировался в парке весьма неплохо. Добравшись до места, Гордиан осторожно вошел в дверь, аккуратно ступая по половицам, чтобы никого не спугнуть. Также поднявшись на второй этаж (видимо, местные «бонзы» недолгоблюдали первые этажи, а третьих и четвертых здесь не было вовсе), Гор беспрепятственно добрался до апартаментов управляющего вилика.

Самого вилика Сабина не было, и дверь оказалась заперта. Осмотревшись, Гор достал экспроприированный у покойного Гаврина кинжал, засунул в скважину и резким поворотом свернул хлипкий, встроенный в дверь замок. Внутри оказался настоящий холл. Кабинет Сабина был очень большим и богатым. В отличие от комнаты Гаврина, его украшало не только развешанное повсюду оружие, но и книжные шкафы.

Быстро пройдя по периметру обширной комнаты, Гор не нашел сейфа, но обнаружил единственную запертую массивную тумбу. Дверцы тумбы были заперты, но крепились они на обычных петлях, установленных скорее всего на шурупы. Не желая возиться с замком, Гордиан просто отогнул своим кинжалом обе петли – и шкаф раскрылся.

На «тайных полках», в аккуратных холстяных пакетиках были сложены поленицей пульты от койнов – на беглый взгляд их было около пары сотен. Времени изучать каждый пульт, как в комнате Гаврина, уже не оставалось, и кухонный раб просто свалил все в один сверток, сделанный им тут же из скатерки десертного столика. Затем, забрав лежавшие на полках золотые монеты (правда, немного – увлекаться не следовало), он выбежал из комнаты.

Видимо, скоропостижная удача сделала Гордиана слишком невнимательным, и наказание не заставило себя ждать. Подчиняясь какому-то мгновенному порыву, Гор вышел из комнаты Сабина стремительно, не прослушав перед этим звуки за дверью, и лицом к лицу столкнулся с идущим по коридору пожилым сервом в ливрее и каким-то шанцевым инструментом в руках – тот, видимо, отправился что-то починять.

Прокляв себя за глупость, Гор быстрым шагом двинулся к нему.

Несчастный открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Гор воткнул ему под ребра кинжал, одновременно попытавшись зажать рот рукой.

Возможно, рука у Гордиана была слишком слаба по сравнению с прошлым его телом, возможно, не хватило навыка, но старик не умер мгновенно, а оттолкнув убийцу обеими руками, дико заверещал и дернулся назад. Оба они стояли на лесенке, ведущей к апартаментам Сабина и огороженной невысоким парапетом. Порыв раненого серва в ливрее оказался слишком силен, и Гор не смог его удержать. Тело раненого, перевалившись через парапет, полетело вниз, на первый этаж, и со страшным звуком врезалось в деревянный стол со стоящими на нем цветочными вазами. Раненый, с явно переломанным позвоночником и с кинжальной раной, фонтанирующей кровью, весь измазанный в собственных потрохах, принялся громко стонать. Где-то в здании раздались приближающиеся голоса, и Гордиан понял, что у него остались буквально секунды, чтобы исчезнуть с места преступления. Перепрыгивая через ступеньки, он сбежал по лестнице, пробежал коридором и пулей вылетел в парк.

Навстречу ему от ворот трусцой неслись два охранника с мушкетами, которых он недавно так удачно обошел. Звук от падения ливрейного серва действительно был очень громким, к тому же, как догадался Гордиан, оценивая происходящее еще и боковым зрением, одним из осколков здоровой вазы выбило стекло в окне первого этажа, на что и среагировала

охрана.

Прежде чем габелары осознали, что происходит, Гор замахал им руками и принялся невнятно орать, показывая знаками на дверь, из которой только что выбежал. Один из стражников, уже сдернувший было с плеча мушкет, чтобы остановить бегущего из здания неизвестного юнца, посмотрел в направлении его руки и припустил туда, забыв о подавшемся панике молокососе.

Второй оказался прозорливей и подбежал к Гордиану, схватил того одной рукой за шиворот, а второй продолжал сжимать свой мушкет. На лице Гора сверкали свежие капли крови, а в руке, спрятанной за спиной, – грел кожу багровый от чужой плоти кинжал. Однако картинки сменяли друг друга слишком стремительно, и до охранника, похоже, только начал доходить смысл происходящего. Не дожидаясь, пока понимание сменится действием, Гордиан всадил свое не обтертое от потрохов предыдущей жертвы лезвие прямо в сердце новому препятствию!

На этот раз рука не подвела – задохнувшись от неожиданности, охранник сел на землю и тихо скончался. В то же мгновение Гор услышал за спиной крик – то обернулся первый габелар. Не добежав до двери пары шагов, он инстинктивно взглянул на товарища – поспекает ли? – и стал свидетелем его стремительного убийства.

Секунды летели как молнии!

Вот-вот внутри здания кто-нибудь выглянет в окно или в дверь на шум, и тогда Гордиану придет конец. Пока его лицо видели только два охранника и ливрейный раб внутри здания, который сейчас находился не в том состоянии, чтобы что-то объяснять. Гор знал – убежать, оставив первого габелара в живых, значит провалить весь план, поскольку, если поднимется тревога, направленная именно на задержание конкретного *молодого серва*, ему не уйти.

Если же начнется разбирательство странного убийства при полном отсутствии вменяемых свидетелей, когда неизвестно, кого или что искать, шанс есть. Приняв решение, Гор резко развернулся и со всех ног помчался к первому стражнику. Тот дернулся, пытаясь снова поднять мушкет. Однако огнестрельное оружие было слишком массивным и неудобным, а возможно, вообще не было заряжено во избежание случайного выстрела. В любом случае бойцу следовало взвести курок, положив ложе на упор, и навести длинный ствол на противника, а габелар явно не успевал – расстояние было слишком маленьким. Отбросив мушкет, он потянулся за своей саблей.

Понимая, что время уходит, Гор решил потерять свое единственное оружие, чтобы выиграть доли секунды, необходимые ему, и настигнуть своего врага. Не прекращая стремительного бега, он изо всех сил метнул кинжал тому в лицо!

Оружие было тяжелым и плохо сбалансированным, а новая тонкая рука Гордиана не имела навыков метания такого снаряда, поэтому кинжал несколько раз перевернувшись в воздухе, врезался в габелара не отточенным кончиком, а тупым набалдашником рукояти.

Тем не менее эффект оказался достигнут. Габелар пошатнулся и не успел вытащить свой клинок полностью, когда Гор прыгнул на него.

Особых шансов у Гора не было – страж был взрослым, полноценным мужчиной приличных габаритов и тяжелее серва-полуподростка по крайней мере килограммов на двадцать. Поэтому драться честно Гордиан не собирался. Вскочив на противника обеими ногами, он выставил вперед два пальца правой руки, напряг кисть и вонзил получившийся «ручной» стилет прямо в левый глаз своего врага! Затем вычерпывающим движением, схватил стражника за переносицу с внутренней стороны и, оттолкнувшись ногами, всем телом подался назад, практически выдрал мужчине переднюю часть лица.

Потоком хлынула кровь. Тонким, вибрирующим голосом несчастный завизжал какой-то срывающейся трелью и принялся иступленно кататься по траве с энергичностью червя на сковородке.

Дикими прыжками, сам потрясенный только что совершенными тремя последовательными убийствами, Гор со всех ног припустил в сторону ворот, но тут же

свернул, понимая, что вылететь с окровавленным лицом и руками из центрального входа равносильно сдаче с поличным. Он нырнул в кусты и, пробежав вдоль периметра, вышел к тому же месту, где несколько минут назад перелезал через забор. Снова форсировав невысокое препятствие, Гордиан оказался снаружи коттеджного поселка, обтер лицо и руки куском ткани, заранее припасенной именно для этих целей, и, схватив амфору с вином (предварительно засунув в вино кинжал и фляжку), легко потрусил назад.

Вокруг постепенно нарастала паника. Гор видел, как к центральному входу только что оставленного им парка бегут габелары. Как множество сервов, случайно оказавшихся рядом, стягиваются к месту событий, чтобы поглазеть и подивиться. Но Гора уже это не касалось. Его никто не останавливал и, привычно уставив взор в брусчатку мостовой, а также слегка побряхтывая под тяжелой амфорой, он мелкими шагами бежал «домой».

Оказавшись в кухне, Гор достал узел с продуктами, наполнил трофейную фляжку с «тином» из ставшей ненужной тяжелой бутылки, тщательно обтер свой новый смертоносный кинжал и засунул его за пояс. Еще раз, как он надеялся – последний, оглядел кухню, бывшую его невольным пристанищем почти неделю, и вышел.

Поместье, так же как и коттеджный поселок внутри него, по периметру окружал забор, но забор этот был построен скорее для вида, поскольку примерно совпадал с границей действия «хомутов» и ни одному серву в здравом уме без специального допуска не пришлось бы в голову перелезать через него. Однако Гордиан уже отключил действие своего аппарата, поэтому смог беспрепятственно преодолеть невысокое глинобитное ограждение, и быстрым спортивным шагом устремился навстречу к свободе.

Примерно час после этого Гор быстро шел по самой границе лесного массива, чтобы не выпускать из виду дорогу из Лавзейского поместья, которая оставалась пока единственным его ориентиром. Идти прямо по дороге было бы быстрее, однако открыто топтать по грунтовке Гордиан не решился – там его мог взять любой случайно проезжающий мимо конный патруль. Немного далее, как знал бывший кухонный раб, грунтовка из поместья сольется с большим трактом, ведущим на юг к столице местного государства, в земли которого его занесла нелегкая рука неудачного Хеб-седа, городу Бургосу, и там он сможет идти открыто, затерявшись в толпе многочисленных путников и торговых караванов. Дорога же в Лавзею использовалась только обитателями шато и Дуэльной Школы и даже днем оставалась полупустой, а большинство проезжающих по ней в той или иной степени были связаны с поместьем.

Это означало, что пока грунтовка не выйдет на большой купеческий тракт, придется идти лесом. Перспектива, впрочем, не пугала Гордиана. Это ведь он знал, что идет на юг, да вдоль дороги, а возможные преследователи должны предполагать всякое. Сбежавший серв мог двинуть в принципе куда угодно. Как слышал сам Гор, большинство вольноотпущенников, не желавших оставаться в месте своего рабства, валили в основном как раз на север, через горный хребет на далекое побережье Шимбо, где ими были основаны вольные поселения, признававшие, разумеется, местную государственную власть, но существующие относительно автономно.

То, что за ним устроят погоню или облаву по всей округе, после той кровавой свистопляски, которую он устроил в поместье, Гордиан не сомневался. Так же как не сомневался в том, что такая погоня или облава будет снаряжена только утром, поскольку ловить одинокого беглеца в темноте – дело заведомо бессмысленное. Пока же имелось время спокойно подумать.

В перспективе его план был прост. Требовалось дойти до тракта, спуститься на более густонаселенный юг страны, затеряться среди свободного населения, затем – постепенно осмотреться и попробовать войти в какой-нибудь храм, чтобы связаться с «домом» – с кластером Каталаун. Конечно, подобное станет возможно только после восстановления способностей *Тшеди*. Гор владел методиками пробуждения дара у потенциальных экстрасенсов, но пользоваться ими, оставаясь подсобным сервом, было невозможно, а вот на свободе он сможет заняться этим вопросом более плотно. Если же случится непоправимое и

дар не пробудится – что ж, он попробует войти в храм, используя только свои бойцовские навыки, и связаться с ГИС Корпорации с помощью обычных электронных кодов. В принципе, проникнуть в храм будет не сложно.

Находясь в поместье эти несколько дней, он много расспрашивал о храмах, маскируя свои вопросы религиозным воспитанием и стремлением приобщиться к местному вероисповеданию. Многого Гор не понял, поскольку и сами опрашиваемые им люди не являлись священнослужителями, однако суть, необходимую ему, уловил.

Суть заключалась в том, что всем свободным гражданам Эшвена и даже рабам с позволения господина в дни религиозных праздников и проведения многочисленных религиозных обрядов разрешалось посещать любой из храмов. Весь световой день с десяти утра и до восемнадцати вечера титанические стальные ворота, так поразившие Гордиана в первый день его пребывания в этом мире, были открыты настежь для прихожан, а значит, проникнуть в храм вместе с толпой будет делом простым.

Проблему представляли операции по поиску аппарата связи внутри самого храма, но это, размышлял Гор, – дело вторичное. Сначала нужно войти в здание и осмотреться. Возможно, придется делать это несколько раз в течение нескольких дней, а дальше – действовать по обстановке, исходя из полученных сведений. Пока же имелись более неотложные, а значит, и более важные дела. Спасение собственной шкуры, например.

За размышлениями Гордиан не заметил, как стемнело. По приблизительным расчетам, исходя из средней скорости его движения, было уже не менее десяти часов – половины одиннадцатого вечера. Поскольку собак в Лавзее не держали, а отыскать его по следам в лесу в полной темноте было уже невозможно, Гор решил, что прошел достаточное расстояние и может не опасаться погони. Он еще немного углубился в лес, чтобы отойти от дороги и сделать привал.

Выбрав место, Гордиан присел и достал сверток с пультами. Тщательно перебрав присвоенную аппаратуру, он отключил все «хомуты», носители которых содержались в реестрах взятых им пультов. Вышло более пятидесяти сотен имен.

Пять тысяч сервов с отключенными ошейниками – это впечатляло!

Гор надеялся, что такое массовое отключение «хомутов» в поместье вызовет хотя бы временные беспорядки и даст ему лишнюю фору. После отключения он разобрал все пульты и тщательно растоптал их содержимое: рабству – нет!

Затем Гордиан приступил к главному. Хотя программы его собственного ошейника были отключены, следовало избавиться от носителя этих программ – самого металлического шнура с пластиковой бляшкой экрана-манипулятора, который выдавал его рабское состояние лучше, чем это могло сделать любое клеймо. Он достал из сумки заранее приготовленные для этой цели инструменты.

Несколькими быстрыми движениями Гор подпилил металлический шнур узким напильником и, схватив за место подпила здоровенными кусачками, попытался разорвать его на изгиб. «Хомут» издал легкий писк, и индикатор на бляшке монитора-манипулятора снова вспыхнул красным светом, чего просто не могло быть, поскольку питание аппарата было давно отключено, а сам пульт от него изломан и растоптан в пластмассовые осколки.

Легкий холодок пробежал по позвоночнику Гора. Что это такое? – подумал он. Сработала запасная батарея или кто-то активировал в поместье третий пульт, существование которого Гордиан не учел? Теоретически он предвидел, что управление койном может вестись с некоего гипотетического центрального пульта, общего для всех произведенных клонов и расположенного в храме, где он был создан. Но в Лавзее не имелось никакого аппарата связи с храмом, поскольку, как знал Гордиан, корреспонденция из поместья и в поместье довозилась курьерами на лошадях, а значит, сигнализировать церковникам о его побеге настолько быстро никто не мог.

Но случается всякое, и не мешкая далее, Гор схватился за ручки своего инструмента и вывернул шнур на изгиб еще раз, желая окончательно разорвать ненавистную и унижительную ношу. «Хомут» пискнул снова, на этот раз как-то даже торжествующе. Затем

издал громкий длинный «би-ип». И ударил по нервам Гордиана максимально возможным зарядом!

Шок!!!

Мозг его расплавился. Тело скрутило как в центрифуге. И, выплеснув внезапно сократившимся кишечником и стиснутым спазмом горлом свой скромный обед наполовину с желчью и кровавой пеной, Гор рухнул на землю.

Глава 14

Его превосходительство вилик Сабин

Второе произошедшее после Хеб-седа возвращение из бессознательного состояния протекало болезненно. Сначала он видел сны: танцы алого пламени на багровом поле – кровавые видения окованного рассудка.

Затем он бредил, ползая по полу и щупая стены, принимая камень своего узилища за острова из запекшейся крови посреди кровавого океана. И только спустя огромное количество времени, неизвестное ему, он открыл глаза и посмотрел вверх.

Потолок медленно кружил, по часовой стрелке заверчивая и без того натянутые как струна извилины его воспаленного мозга. Вращение постепенно замедлялось, и Гор становился собой. Воспоминания о перенесенной боли заставляли его непроизвольно вздрагивать каждый раз, когда мысль касалась того момента в лесу.

И все же он мог думать. Мыслью – следовательно, существую, сказал какой-то умный человек. «Не чета мне», – думал Гор.

Очевидно, «хомут» имел блокировку от вскрытия, поскольку возможность активации ошейника с «третьего» пульта одновременно с попыткой его снятия, которую предпринял Гордиан, была чрезвычайно маловероятна. Значит, ошейник располагал дополнительным источником питания именно на такой случай, и значит – попытка побега была обречена на провал изначально. Гор медленно и с огромным трудом поднял непослушную руку к шее.

Разумеется, там был новый «хомут». Или старый? Нет, конечно же новый – следы от кусачек и напильника отсутствовали.

Что ждет его теперь?

Посчитаем: убийство старшины охранников – раз, проникновение в дом вилика со вскрытием секретного шкафа – два, похищение аппаратуры и денег – три, убийство ливрейного раба – четыре, зверское убийство двух габеларов при исполнении – пять, и, наконец, уничтожение пультов более чем от пяти тысяч рабских ошейников – шесть.

Очуметь! – вздохнул Гордиан. Пожалуй, и одного пункта из этого списка хватит в любой рабовладельческой стране, для того чтобы содрать с живого беглого серва кожу, а затем прожарить как барбекю и скормить собакам. Самое ужасное – в этом мире наверняка не работает поисковая аппаратура Хеб-седа, а это значит – он умрет здесь по-настоящему. Страшно и навсегда.

Несправедливая смерть для человека, прожившего триста шестьдесят с лишним лет. Но смерть вообще не справедлива!

Гору было не жаль Гаврина – тот заслужил свою гибель. Не жалел он и двух габеларов, пытавшихся остановить его в парке возле коттеджа вилика, – на то и служба. Однако ливрейный лакей, прирезанный им фактически ни за что, вызывал у него некоторые угрызения совести. И хотя в тот момент у Гора действительно не оставалось выхода – раб наверняка поднял бы тревогу, – он признал, что та смерть была также не справедлива по отношению к случайному свидетелю его «подвигов».

Перевернувшись со спины на колени, Гордиан сел, опершись о стену руками и правым плечом. Несколько минут он просто дышал, пытаясь остановить головокружение и тошноту, затем оттолкнулся от стены, выпрямился и начал делать восстановительную гимнастику. Нужно было постепенно размять все группы мышц, и начал он с шеи...

Очевидно, карцер был оснащен каким-то устройством для наблюдения. Возможно –

скрытой видеокамерой, возможно – банальным глазком, спрятанным между камней. Вероятнее всего – глазком, поскольку выглядела камера очень непрезентабельно для того, чтобы кому-то пришло в голову оборудовать ее серьезной аппаратурой.

Как бы там ни было, спустя всего минут двадцать после того, как Гор очнулся и смог сесть, за ним пришли четверо, схватили за руки и вытащили в коридор.

Первый, очевидно, служил габеларом – на боку у него болталась связка ключей вполне конкретного вида, проржавелых и увесистых. Второй и третий просто исполняли роль банальных носильщиков, довольно грубо тащивших маловменяемого Гордиана по коридору так, что он бился ногами о все углы. Четвертый же являлся, очевидно провиликом, то есть помощником управляющего помещьем, поскольку был изысканно одет и преизрядно благоухал одеколоном. Все четверо, разумеется, являлись рабами, и пластиковые бляшки их хомутов весело поблескивали в свете электрических ламп, освещавших тюремный покой.

После гимнастики Гордиан чувствовал себя сравнительно неплохо. Он вполне контролировал верхнюю часть тела и уже отчетливо чувствовал нижнюю – если бы возникла необходимость, он даже попытался бы встать и попробовать ходить. Однако не стоило демонстрировать тюремщикам пределы своих возможностей, и Гор висел у них на руках податливой кишкой, покачивая расслабленными руками в такт шагу.

Время было ночное, поскольку в пройденном мимо темном окне коридора мелькнули звезды.

Его внесли в комнату с каменными стенами, почти такими же, как в его камере, с той лишь разницей, что имелось окошко, а вдоль стены стояло несколько стульев с прямыми спинками. На одном из стульев, явно страдая от неудобной и жесткой для него мебели, сидел сам управляющий вилик Лавзейского помещья, его превосходительство Каро Сабин.

Собственной необъятной персоной.

Сабин был необычайно высок даже для клона, что наводило на мысли об искусственной коррекции генотипа, операции, которая даже в Корпорации доступна только очень богатым людям. Но в то же время необычайная тучность вилика свидетельствовала о его естественном происхождении, без каких-бы то ни было корректировок. Да уж, отвлеченно подумал Гордиан, природа подчас выкидывает коленца похлеще любого профессионального генетика!

Роскошное тело Сабина едва-едва помещалось на ничтожном для его габаритов деревянном стуле. Сабин держался очень гордо, даже надменно, а на его лице царствовало не просто высокомерие, определяемое высоким положением в «рабской» иерархии, но и какое-то глубинное презрение к низшим по статусу человеческим существам. Тем более Гора забавляло наличие на могучей шее управляющего банального койна, ничем не отличающегося от его собственного. Но от улыбки Гордиан воздержался, поскольку положение было очень серьезным и вполне возможно, это его последний разговор с кем-либо из людей, кроме палача.

Сабин осматривал Гора молча. Они виделись однажды, в те дни, когда Гордиан был занят работой в кухне. Сабин прошествовал по одной из улочек помещья в сопровождении свиты – помощников и слуг, а кухонный мальчик Гор пробежал рядом с ношей в руках. Гор тогда украдкой рассмотрел самого могущественного в Лавзее серва, от воли которого зависела жизнь пяти тысяч товарищей по несчастью, но сам Сабин наверняка даже не обратил внимания на сублильного юнца.

Сейчас было по-другому.

Сабин изучал маленького раба с мрачным и сосредоточенным интересом, а Гордиан смотрел в ответ прямым и открытым взглядом смертельно замученного, но не сломленного человека. Без тени усмешки, но и не без некоторого вызова, поскольку низшему серву *так* смотреть на вилика не полагалось. Неизвестное чувство подсказывало Гордиану, что сейчас его может спасти лишь игра ва-банк, а обычная маска тупого запуганного идиота не подойдет, ибо то, что он сотворил при побеге, не под силу запуганным идиотам.

– Ну ты наглец, – выдавил наконец из себя Сабин, продолжая сверлить Гордиана

заинтересованным взглядом. – Гаврин не учил тебя, что смотреть в глаза старшему серву запрещено?

– Гаврин был гадкий учитель, господин. Он не умел оценивать учеников.

– Да, я вижу. Точнее – видел, что ты устроил в моем коттедже. Но, признаюсь, на первый взгляд ты не производишь должного впечатления.

– Я и сам поражен тем телом, в котором оказался. В прошлом я был солдатом, господин. Гораздо лучшим солдатом, чем Гаврин и вообще любой из ваших бойцов. У них не было и полшанса.

– Но твои шансы, дружок, сейчас еще ниже, – коротко усмехнулся Сабин кривым подобием человеческой улыбки. – Не буду расстраивать тебя долгими описаниями пыток и скажу одно. Тебя ждет мучительная и медленная смерть, серв. Очень мучительная и очень медленная. Тут ничего не поделаешь – мои габелары дружно требуют твоей крови, и я не в силах отказать. Собственно, я здесь всего лишь из личного интереса: не мог поверить, что моего лучшего старшину завалил какой-то щенок.

– Я думал, вы пришли допросить щенка.

– Ты шутишь? Я – вилик, а не дознаватель, и допрашивать тебя мне не к лицу. К тому же и так все ясно. Я пришел, чтобы, как бы это сказать, ... познакомиться с новой достопримечательностью нашего поместья. Ты теперь главная новость Лавзеи, серв.

– Меня зовут Гор.

– Скоро не будут, – заверил вилик. – Звать, я имею в виду.

Гордиан покачал головой. Очень захотелось жить. Как цивилизованный человек он в принципе был готов к встрече со смертью, за которой нет ничего кроме пустоты, к смерти без райских кущ и елисейских полей, но вот к мучительной смерти он готов не был. Современный герой достойно встречает смерть, но не пытку.

– Есть ли альтернатива? – осторожно начал он. – Вы потеряли троих людей, среди которых один был лучшим. Я смогу заменить потерю. Предложить новую методику подготовки, обучить новым тактическим приемам, лучше и эффективней сделать систему охраны. Дайте мне жизнь, господин, и я смогу послужить вам и рукой и верой. Преданно, господин.

– Я потерял не только людей, – покачал головой «хозяин» поместья, – но и много денег. Ты продемонстрировал невероятную ловкость в обращении с церковной аппаратурой – и мне пришлось заказывать все двести украденных тобой запасных пультов заново. Ты слишком информирован или слишком догадлив. В будущем это чревато новым беспокойством, и потерянные суммы мне никто не возместит. К тому же я видел твою преданность, серв, и повторюсь – твоей шкуры требуют стражники.

– Но разве не вы вилик Лавзеи, господин? Разве не вы отдаете приказы габеларам?

Сабин поморщился.

– Я должен учитывать мнение старшин габеларов, серв. Править недругами – это тяжелое бремя. Я должен иметь лояльных исполнителей.

– Я отличный убийца и меня можно продать.

– С чего бы я стал это делать, серв? Просто чтобы спасти твою шкуру и заработать денег? А она нужна мне, твоя шкура? Стражники требуют крови. И я, как управляющий поместья, вполне волен отдать приказ о твоей казни, не уведомляя об этом нашего владыку, лорда Брегорта, да хранит его Хепри. Зачем мне надрываться?

– Затем же, зачем вы здесь. Из простого интереса. Жизнь в шато скучна и однообразна, если я стал новостью номер один. Предложите охранникам мою жизнь, если они так хотят ее. Каждый из них лично желает меня покарать. Так пусть сделает это, но только сам, с оружием или без. Предложите им поединок, сэр. Это скрасит ваш быт и будет честно по отношению к вашим людям. Если меня убьют – возмездие получится красивым, и габелары реабилитируются в глазах рядовых сервов как воины, а не как ублюдки, которых режут кухонными ножами безбородые юнцы...

Гор выдержал небольшую паузу – Сабин внимательно слушал.

– Если же верх одержу я, – продолжал Гордиан, – то отправьте меня в Дуэльную школу, и я смогу зарабатывать для поместья деньги, которые можно потратить на возмещение причиненного мной ущерба. Это логично и обоснованно экономически. Габелары должны понять, особенно если перед этим дать им выпустить пар, предоставив возможность пришить меня в честном бою. Я – раб, сэр, имущество господина. Целесообразно ли уничтожать имущество, если оно способно принести прибыль? Тем более после тех убытков, что мы, сударь, уже понесли?

Сабин хлопнул глазами пару раз, затем прищурился, и на его пухлых щеках затрепетала, колыхаясь как парус на ветру, широкая усмешка торговца, раскусившего хитрый ход партнера.

– Вот лиса, – хохотнул он. – Если устроить бой на мечях, ты просто напорешься на клинок, чтобы избежать пыток.

Гор пожал плечами.

– Давайте устроим бой без оружия. Я не смогу умереть раньше, чем вы захотите этого. Кто первый свалится от удара рукой или сваленный борцовским захватом, тот и проиграл.

Сабин помотал головой, прикидывая что-то в уме и мерзко улыбаясь.

– Ладно, идет, – сказал он наконец, когда Гордиан уже разуверился в собственной удаче. – Продлим твою агонию еще немного. У нас на самом деле мало развлечений, а габеларам стоит преподать урок. А то действительно – безбородые юнцы режут их кухонными ножами. Куда это годится?

Глава 15 Календарь

К очередному удивлению Гордиана, календарь нового мира не отличался от принятого во вселенных Нуля. Год по-прежнему делился на четыре основных сезона и двенадцать месяцев.

Названия месяцев были те же:

«Mesori», «Tot» и «Pafir» – были зимними месяцами; «Atir», «Hoyak» и «Tabis» – месяцами весны; «Mehir», «Famenot», «Farmutin» – солнечными месяцами лета; и, наконец, «Pahon», «Painet», «Apifis» – плачущей дождями осени.

Всю эту «бесценную» информацию Гор почерпнул из беседы с маленьким плешивым рабом, приносившим ему пищу в карцер. Да, с месяцами все было нормально, но вот с годами...

Сейчас шел *четыре тысячи триста восемьдесятый год эпохи Хеба Хорнатора* ! Услышав это, Гордиан стал медленнее жевать, чтобы не подавиться. Вся прошлую неделю, проведенную им на кухне, он итак забивал в голову невероятное количество информации – имена и график дежурств габеларов, внутреннее устройство и географию шато, особенности взаимоотношений между сервами, искусство вынесения помоев с кухни, наконец. Его интересовало время в часах и дни недели, но сейчас он узнал дату!

Если ему не заклинило мозг, то когда он покинул Каталаун, на дворе стоял год 1080-й. Элементарный арифметический расчет приводил к выводу: с момента неудачного Хеб-седа прошло ровно три тысячи триста лет! Довольно красивая разница, не говоря о том, что очень большая. Совпадение?

Гор выплюнул камень, попавший ему в рот вместе с пригоршней риса (ввиду отсутствия ложки он ел руками), и скептически хмыкнул – к дьяволу совпадения, такого не бывает!

Либо он где-то болтался все эти годы без сознания, либо время в этом чудесном новом мире течет как-то иначе. Но ведь не настолько!

Он отставил в сторону пустую миску и встал. Места в каменном мешке было мало, но это не влияло на его режим: ему необходимо было тренироваться.

Держась за скользкие стены, Гордиан Рэкс медленно опустил в продольный шпагат.

Глава 16

Ужас габеларов

Демиург и его враг танцевали на песке. Песок был теплым, поскольку стоял уже полдень и солнышко припекало. Они кружили в центре обширного двора (специального ристалища здесь не было), и вокруг стояли плотным кругом провилики и габелары, канцеляристы и прислуга – практически все обитатели коттеджного поселка, этого сердца Лавзейского поместья. Сливки местного общества.

Сам вилик Сабин восседал в могучем кресле на самом козырном месте двора – в беседке под навесом. Его обмахивал опахалом специальный серв, а рядом стяла пара особо приближенных провиликов. Один из них сопровождал Гора из тюрьмы и, насколько знал Гордиан из опыта последнего дня, звали его Критий.

Критий не одобрял идею поединка беглого раба с выборными бойцами из охраны, но вилик Сабин загорелся этим мероприятием чрезвычайно – ему на самом деле было скучно, а тренировочные бои, которые проводились соседней Дуэльной школой, велись деревянным оружием и до первого укола.

Настоящие поединки, где лучшие поединщики одной школы будут состязаться с выпускниками другой и кровь сервов-гладиаторов польется рекой, должны начаться не ранее чем через два месяца на Малых играх, или авеналиях.

А Большие игры, называемые также королевскими авеналиями, вообще состоятся только зимой на празднике Солнцезатмения. До них – почти год без малого. Долго. Калечить во время тренировок собственное имущество до начала региональных соревнований было не принято. Так что Сабина ожидала скука.

Беглый же раб в любом случае подлежал казни, так что можно было смело жертвовать им ради развлечения. Габелары вообще вызвались на призыв Сабина добровольно, а значит, если и пострадают, то всю вину за собственные синяки и ушибы берут на себя.

В разговоре с Гором Сабин слукавил. В целом охранникам было глубоко безразлично убийство сервом при побеге старшины Гаврина и двух сослуживцев. Некая корпоративная этика требовала от них солидарности, и они, конечно, потребовали от Сабина возмездия по отношению к убийце товарищей. Но это не являлось каким-то глубинным чувством. Сервы низко ценились в рабовладельческом обществе и часто умирали. Особенно часто – в соседней Дуэльной школе, где чемпионы и любимцы поместья сменялись с четкой регулярностью каждые три-пять лет. Гибель товарищей по ошейнику не могла не делать рабов черствыми к явлениям Госпожи Смерти, и они воспринимали совершенное Гордианом философски. Кроме того, присутствовал даже восторг: что за молодчина этот недоношенный головорез! Без нормального оружия свалить четверых, трое из которых имели и оружие, и хорошую подготовку – это чего-то да стоит!

Вот кто действительно лелеял лютую ненависть к Гордиану, так это старшины габеларских рот. Попытка побега сильно пошатнула дисциплину в рядах, а Гаврин считался, извините за каламбур, «старшим из старшин» и в глазах прочих являлся олицетворением того, каким должен быть настоящий вертухай.

Сильным. Умным. Жестоким.

Да, подумал Сабин, смерть мастера-старшины, безусловно, пошатнет дисциплинарные устои и чревата большим количеством работы для глав габеларских полусотен, так сказать, по восстановлению статуса. Неудивительно, что именно старшины более всего наседали на тучного вилика с требованиями о публичном и изощренно-жестоким наказании для пойманного беглеца.

Рядом с креслом Сабина, справа от него, стоял совершенно незнакомый Гордиану мужчина. Невысокого роста, с могучими плечами и уже в возрасте, он держался очень независимо и ничуть не лебезил перед Сабиним, чем разительно отличался от остальных стоящих в группе людей. Один из сервов даже предложил ему кресло, такое же как у вилика,

но пожилой крепыш отказался, властно поведя рукой. Грешным делом Гор подумал, что это Рэй Брегорт, но затем отменил эту идею, поскольку сидеть в присутствии самого лорда Сабина, конечно, не стал бы.

Главный вилик Лавзейского шато в целом оказался не изувером и предоставил Гору вполне сносные условия для подготовки. Уже к вечеру его перевели из холодной и тесной камеры карцера в один из коттеджей в отдельную запирающуюся комнату с кроватью и столом. Стали отменно кормить и предоставили самому себе почти на сутки.

За это время Гор сумел не только восстановить потрепанную нервную систему до приемлемого состояния, но и коротко отработать известные ему навыки рукопашного боя, чуть-чуть размяться и растянуться.

В прошлом, как и любой из крупных должностных лиц Корпорации Нулевого Синтеза (а он ведь был диадохом целого сектора, фактически – военным губернатором нескольких звездных систем с населением более триллиона человек), Гор освоил с помощью обучающих программ множество боевых техник и считался отменным бойцом для непрофессионала. Его мозг содержал информацию буквально о тысячах защитных комбинаций и приемов нападения, придуманных человечеством за тысячелетия развития единоборств.

Однако знания – это одно, а навык и сила – совсем другое. Многие из того, что раньше удавалось ему легко, сейчас было просто невозможно вследствие отсутствия растяжки, слабости сухожилий и более медленной реакции. Другое давалось вполне сносно, но Гор сомневался в эффективности этих приемов из-за недостатка элементарной физической силы – его тело было слишком хилым для таких ударов и захватов.

Так что в целом картина была удручающей.

Но имелись и положительные моменты. Расспрашивая сервов, Гор уяснил для себя, что здешний примитивный мир не был знаком с техникой кулачного боя, а удары ногами вообще находятся за пределами воображения местных поединщиков. Все здешние рукопашники являлись борцами, «ломающими» своих противников и выигрывающими поединки крепостью спины, мощностью рук и массой тела.

Именно на это делал ставку Гордиан. Его «хуки» и «апперкоты» наверняка будут просто смешны для противников, которые тяжелее чуть ли не в полтора раза. Поэтому он рассчитывал на более мощные удары коленями и локтями, на подсечки, на удары по щиколотке и коленным чашечкам, в висок и в переносицу в известной ему резкой, жестокой манере, в которой вели бой маленькие низкорослые обитатели туристических планет Нуля с монголоидным населением, известным в Корпорации под названием «народа Сиам».

Происхождение этого названия было совершенно неизвестно, так же как и вообще происхождение большинства этнических групп, населяющих Корпорацию, но людей, пропагандировавших такую технику боя, этнографические и лингвистические подробности не интересовали. Система оказывалась эффективной для того, чтобы мелкий боец мог противостоять в скоротечном поединке более тяжелому и менее подготовленному противнику, а значит, такая система годилась!

Гордиан вышел на площадку вполне уверенный в своих возможностях и начал разминку.

Его противник также вышел, но стоял не двигаясь, положив руку на руку и с гордым видом поглядывая вокруг – как видно, разминаться перед боем не входило в обычаи местных ратоборцев. Настоящий мужчина должен быть готов всегда!

Ну и ладно, подумал Гор, не хочешь разогреваться, не надо. На гордых воду возят.

Вообще с Сабиним условились так: старшины габеларов выставляют трех бойцов, которые последовательно дерутся с Гордианом с короткой передышкой на отдых. Бой будет без оружия, но каждому из участников вполне разрешается удавить противника, если хватит сил.

По окончании всех поединков, если Гор выходит троекратным победителем (что невозможно), он сохраняет жизнь и отправляется кадетом в Дуэльную школу. Если он проигрывает хотя бы раз, то отправляется к палачу для получения смерти в самом

садистском ее варианте (Гор даже не стал спрашивать – в каком).

Старшинам габеларов причина этих боев объяснялась экономической необходимостью сохранения ценного серва, который мог стать отличным поединщиком. Но Гордиан не питал иллюзий: командиры габеларских отрядов желали показательных пыток и казни, поэтому сделают все, чтобы выиграть. По крайней мере – подберут отличных бойцов.

Тем не менее это был шанс, хотя и ничтожный.

Примечательно, что из восьми старшин стражи только один решился выйти на бой с ним собственной командирской персоной. Остальные двое были выставлены от рот из числа рядовых охранников. Но все трое были подобраны на совесть.

Первый оказался здоровой оглоблей с широченными плечами и кулаками, размером с хорошую пивную кружку. Предплечья молодчика были настолько широки, что, казалось, их просто распирает как надутый воздухом шар. Кисти Гордиана выглядели веточками по сравнению с этим выдающимся образчиком физической мощи и хорошего питания. И все же претендент страдал излишним весом, и под атлетической грудью и монументальными плечами торчал банальный животик.

Именно с таким противником сейчас и кружил Гордиан, выискивая удобный момент для атаки. Он понимал, что рано или поздно при затяжном поединке они перейдут в борцовский захват, после чего шансов на победу у него не останется. «Туша» просто скрутит его в баранку и переломает все кости.

Бой нужно было завершить быстро и решительно.

И тем не менее Гордиан медлил.

Чисто теоретически первый поединок не казался ему сложным. Гораздо бо льшее сомнение вызывали у него второй и третий – к этому времени он уже устанет, да и противники успеют визуально познакомиться с его ударной техникой. Сейчас же сложностей по идее возникнуть не должно, поскольку разница в массе должна воодушевлять его врага на необдуманные атаки. Но габелар был либо слишком опытен, чтобы бросаться в бой сломя голову, либо все-таки боялся Гордиана, которому ловкие и быстрые убийства при побеге принесли определенную славу среди жителей Лавзейского поместья. И они продолжали кружить.

Наконец здоровяк не выдержал и, растопырив лапы-лопаты, молча попер на Гордиана, чтобы настигнуть и повалить, – то была опрометчивая тактика.

Гор молниеносно шагнул вперед и быстрым прямым ударом заехал правой ногой в солнечное сплетение.

Н-на! Пинок оказался настолько неожиданным для привыкшего к борцовским захватам и долгому топтанию великана, что он даже не попытался уклониться или сконцентрироваться и просто сложился пополам.

Вот и все! Не останавливая движения вперед, Гор подскочил к почти поверженному борцу и весьма технично врезал с размаху коленом в лицо, оказавшееся как раз на уровне его живота, переломав переносицу и смешав носовые хрящи. Затем, слегка наклонив голову врага вбок и не теряя темпа заехал локтем в висок, сверху вниз, с разворотом плеча, вложив в удар весь вес своего тела.

Отскочил. Замер.

Глухо всхрипнув, здоровяк мешком повалился на землю. Череп явно оказался проломлен в виске, и сквозь смещенные кости медленно выползала сукровица и сероватая паста мозга.

«Первый готов», – отрешенно подумал Гор и, отступив еще на шаг, застыл с потупленными очами, выражая полное смирение и покорность.

Народ безмолвствовал, пораженный скоротечностью поединка.

Сабин поднял густую бровь и посмотрел на стоящего рядом с ним незнакомого Гордиану пожилого крепыша, как бы спрашивая его «Ну, каково?» Тот пожал плечами, не издавая ни звука.

Сабин в свою очередь пожал плечами и обратился к топчавшимся рядом старшинам.

– С утра у нас было всего три трупа. Сейчас – четыре. Желаете продолжить, господа? Или все же сдадим недомерка в школу?

Вместо ответа один из старшин помотал ладонью и резко воздел руку вверх. Из толпы стражников, суровыми взорами следящих за происходящим, вышел следующий претендент.

– Без передышки, – обратился Сабин к Гордиану.

– Можно и без, – согласился Гор.

В принципе он не устал, а только разогрелся.

Второй габелар оказался косматым чудовищем тоже приличных размеров, но с длинной бородой и волосами, скрученными в несколько сальных косичек. На бородаче красовалась кожаная жилетка с грубой прошивкой и такая же жесткая мужская юбка неопределенного цвета, как будто сшитая из кожаных лоскутов. Судя по всему, он присутствовал при скоротечном исходе первого боя и, по всей видимости, не собирался проигрывать так же бесславно.

Глядя в свирепые очи волосатого противника, Гордиан сильно сомневался, что тот вообще собирается проигрывать и что убийство товарища произвело на него хоть какое-то впечатление. Косматый бородач согнулся в полуприседе и застыл молчаливой горой, возвышавшейся над невысоким Гором почти на голову. Лицо не выражало ничего. Тяжелый случай, – подумал Гордиан и двинулся к силачу.

Ускориться!

Быстро перебирая ногами и выплясывая на песке замысловатый танец из резких покачиваний в сторону противника и быстрых отскоков, Гор кружил вокруг великана, выбирая время и позицию для атаки. Тот крутился на месте, все время поворачиваясь к Гору лицом и довольно неуклюже поднимая руки для защиты, когда Гор подпрыгивал слишком близко.

Спустя некоторое время Гордиан немного расслабился – противник казался слишком тупым для хорошего бойца и реагировал на выпады медленно. Поэтому, резко качнувшись, демиург выбросил вперед правую ногу, пытаясь достать верзилу сильным боковым ударом.

В голову!

Возможно, если бы этот поединок следовал первым, а не вторым, и бородач не видел бы, как ловко Гордиан орудует ногами, все бы получилось. Ведь удар был хорош! Гор целил в челюсть, с разворота, сильно и резко! И если б достал, второй бой, вероятно, окончился так же быстро, как и первый, – нокаутом более крупного противника. Однако враг оказался уже готов к той странной непонятной манере, в которой вел поединок этот шустрый сопляк.

И он увернулся. А затем бросился на Гордиана, пытаясь схватить того за руки и шею, чтобы повалить.

Гор отпрыгнул раз, затем еще. Но косматый не отступал, и, казалось, его медлительность в начале поединка была больше напускной, поскольку теперь он двигался очень быстро и точно, не отставая от ретирующегося Гордиана ни на сантиметр. Наконец мелкий боец уперся в край площадки и, пытаясь выскочить обратно в центр, решил проскользнуть мимо противника слева!

Но тот не сплеховал. Сильная мужская рука, значительно больше и сильнее, чем кисть Гордиана, опустилась к нему на затылок и железным капканом сжалась сзади на шее. Тело Гора, уже разогнавшееся мимо косматого противника, по инерции летело мимо. В результате ноги Гордиана вскинулись над землей – и он почти повалился на спину, с трудом удержавшись на ногах.

Победно взревев, длинноволосое чудовище настигло противника и, встав вплотную со спины, обхватило того теперь уже не только за шею, но и за плечи, пытаясь еще раз оторвать от пола и повалить на землю.

Гор вздулся от напряжения. Впившиеся в шею пальцы, давили очень больно, а руки, бессильно повисшие вдоль тела, сковал стальной борцовский захват.

Один рывок, еще!

Гор судорожно сопротивлялся всего одну-две секунды, прекрасно понимая, что

противник значительно сильнее и больше нескольких мгновений ему не продержаться. Врешь, – рычал он, – не возьмешь!

Бывший демиург последовательно дернул головой несколько раз назад, немного достав затылком переносицу сдавливающего его врага, а затем острой пяткой ударил по одному носку и по другому. Наконец, когда косматый немного отвлекся под неожиданными и, безусловно, «нечестными» приемами, выдал бородачу самый подлый удар из всех возможных. Ладонь Гордиана протиснулась под кожаную юбку и хлестко хлопнула напряженными пальцами по мошонке!

Гулко выдохнув, гигант ослабил хват и от боли повалился на четвереньки, все еще пытаясь удержать Гордиана одной рукой. Но поздно!

Схватив удерживающую его руку за кисть, Гор с хрустом выломал противнику указательный и безымянный пальцы, а затем, резко запрыгнув к ошеломленному врагу за спину, вывернул схваченную руку в плечевом суставе.

До конца, на излом!

Косматый заверещал, пытаясь силой вырвать искалеченную конечность из рук мучителя, но боль, причиняемая Гордианом, превзошла физическую мощь великана: рука осталась в захвате, а бородач – в пыли на земле.

Подавив попытку и не медля далее, Гор еще больше заломил руку на сгибе и надавил на вывернутый локоть изо всех своих сил. Натянулись и лопнули сухожилия, с противным звуком кость выскользнула из паза.

Косматый взревел. Дернулся, снова пытаясь сопротивляться.

Но мелкий низкорослый палач был беспощаден. Он еще раз с силой дернул уже искалеченную руку, окончательно разрывая жилы. Затем отпустил и отступил на шаг назад.

Все было кончено.

Захлебываясь слюной и соплями, косматый великан ползал по земле как слепой котенок на локтях и коленях, баюкая изувеченную конечность. Он полз по кругу, туда и обратно, разрывая головой песок.

Двор замер в молчании.

– Следующий! – громко сказал Сабин и с отвращением отвернулся. А пожилой незнакомец рядом с ним в сомнении покачал головой.

«Следующий, так следующий, – подумал про себя Гордиан. – Этот в конце концов последний. Покончить с ним – и буду разговаривать с виликом».

И тут он оказался удивлен: на площадку перед виликом вышел... охранник Крисс. Тот самый старшина габеларов, который вступился за одного из новоприбывших сервов у ворот поместья в самый первый день пребывания Гордиана в этом мире.

Вот уж кому Гор точно не хотел ломать кости и рвать сухожилия, так этому человеку. К тому же Крисс, в отличие от двух многопудовых чудовищ, которые выходили против Гордиана в первом и втором поединках, особо крупными габаритами не отличался. Обычный взрослый мужчина вполне средней комплекции. Крепкий, плечистый, подтянутый, но не более того.

Но, что ж, подумал Гордиан, тем проще.

Он потерял руки и согнулся в стойке.

Несмотря на команду к началу боя, охранник Крисс прямо в круге для схватки не спеша скинул с себя рубаху, стянул майку-тунику, кинул их на край площадки и, оставшись в одних широких штанах, вышел в центр, ближе к своему молодому противнику.

– Здоров! – сказал он, то ли приветствуя, то ли отдавая должное бойцовской мощи своего мелкого врага. – Я смотрю, ты тут рвешь нашего брата габелара как петух курочек.

– А ты против?

– Да не то чтобы. Но за честь мундира обидно.

– Была бы честь, было бы на что обижаться.

Крисс нахмурился.

– А вот это ты зря. Не все габелары такие, как Гаврин.

– А вот это посмотрим.

Крисс сжал губы и посмотрел на Сабина. Говорить, видимо, больше не о чем. Сабин махнул рукой.

– Начинайте! – сказал вилик.

И они начали.

Если сказать точнее, то начал Крисс.

Гор, ободренный двумя сравнительно легкими победами над противником, казавшимся значительно более опасными, чем не слишком крупный старшина, приготовился к неспешному началу драки. Он полагал, что Крисс, обескураженный быстрыми и страшными победами Гордиана в предыдущих боях, будет подходить к нему осторожно, тщательно выбирая момент для атаки.

Но он ошибся.

Крисс наблюдал за обоими схватками и, будучи старым опытным драчуном, старательно выделял для себя странную манеру, в которой Гордиан одержал свои победы.

Удары, наносимые ногами, руками сжатыми в кулак, локтями и коленями.

Захваты, выворачивающие конечности из суставов, болевые и калечащие приемы, хват за пальцы.

Забавные стойки, часто меняемые и часто переходящие в смертоносные комбинации.

Ничего из этого Крисс не знал и не умел. Ничего из этого он не мог повторить, но одно понял безошибочно: его враг силен *стоя*. В партере, на земле, придавленный более сильным противником, он не сможет эффективно наносить удары локтями и коленями, а захват и блок проведет тот, кто будет сильнее физически, а не тот, кто более умел.

Крисс понял. И первое, что он сделал, когда вилик дал отмашку к началу боя сразу бросился на врага.

Змеей, то вправо то влево, но ближе и ближе. Быстро!

Крисс подлетел к Гордиану и протаранил его всем телом. Гор сделал попытку увернуться, выбросил вперед ногу, чтобы заблокировать натиск и увеличить дистанцию.

Но не смог – слишком велика была инерция этого таранного наскока!

Резко схватив противника за лодыжку, габелар буром попер вперед и толкнул балансирующего на одной ноге Гордиана своим все-таки более массивным корпусом.

Обхватив шею противника обеими руками, Гор удержался и не упал, однако значительно более высокий Крисс с легкостью поднял его в воздух и бросил на землю.

Кончено. Крисс прыгнул на поверженного врага.

К бою в партере Гор был подготовлен слабо, если не сказать вообще никак. Теоретически он знал основные броски и тактику борцовского поединка, но практике да против более крепкого противника растерялся.

Он безуспешно попытался провести болевой на руку, затем попробовал вывернуться из цепких объятий, просунув между собой и врагом ноги. Маневр удался, и Гор оттолкнул Крисса от себя, упершись ему в грудь и плечи бедрами обеих ног. Однако Крисс, пользуясь превосходством в физической силе и весе, довольно легко просунул между напряженных бедер сначала правую, а затем и левую руку и вновь оказался в более выгодном положении.

Тогда Гор попытался прижать голову противника к себе, чтобы избежать проигрышной позиции «враг верхом», и снова не смог. Напрягая мышцы спины и более сильные по сравнению с бицепсами трицепсы рук, Крисс отдалился от лица цепкого противника на нужное расстояние и принялся тупо долбить его кулаком в голову.

Мелькнул кулак! Кулак! Кулак!

Гор уклонялся как мог, защищая виски и лицо, в результате удары безостановочно сыпались ему в затылок и лоб. Вскоре кожа лопнула и затылок начал кровить, а лоб покрылся огромными кровоподтеками. Конечно, с точки зрения какого-нибудь профессионального боксера, удары, которыми его осыпал Крисс, были «так себе», поскольку наносились криво, с неудобного замаха, однако их следовало много и ложились они преимущественно в одни и те же места. Крисс лупил к тому же со всей дури, пусть и из

неудобного положения, но от души!

Гор почувствовал, что начинает «плыть».

Кровь залила ему глаза, мышцы, сдерживающие навалившегося сверху тяжелого противника, разрывались от напряжения, легкие горели.

Он понял, что проиграл. Сквозь кровавый туман Гор слышал восторженные крики зрителей, изо всех сил подбадривавших Крисса, умудрившегося завалить этот до нелепости юный и худосочный «ужас габеларов».

Еще через пару мгновений Гор уже не смог отклонять голову, и удары посыпались в лицо.

В нос, в челюсть, в глаз, в висок.

Заново.

В нос, в челюсть, в глаз, в висок!

Удары были слабыми, поскольку наносились мимо или вскользь, но все же иногда попадали. И тогда... Кровь застилала ему глаза.

Гор закричал. Руки и ноги не слушались его, сознание почти погасло, мир вокруг кружился в бешеной круговерти!

Из последних сил, уже неосознанно, он дернулся, пытаясь вырваться из смертельных объятий и... замер. Его больше не били.

Жилистое тело Крисса убралось, и чьи-то сильные руки подхватили его под локти, подняли и взвалили на плечи, чтобы он смог стоять. Кровь вытерли с лица чем-то влажным. Чья-то сильная, но не особо вежливая рука поддержала «ныряющий» вниз подбородок. Гор блуждающим взглядом посмотрел на окружающих.

Сабин и его пожилой крепкоплечий спутник уже не валялись в креслах, а стояли. Перед ними бесновались старшины габеларов.

– Щенок проиграл! – наперебой кричали они. – Пусть сдохнет! Пусть Крисс добьет его!

– Он слишком хорош, господа, – возражал им вилик. – А это хорошие деньги.

– Плевать на деньги – он убийца габеларов!

Сабин пожал плечами и кивнул на крепкоплечего.

– Вот старший дацион, – сказал вилик, – пусть он и решает.

Все заткнулись и посмотрели на крепыша.

Тот молча, не торопясь, обвел взглядом каждого – и взор его пылал темным пламенем.

Один за другим глаза старшин стали опускаться, а ярость спорщиков сошла на нет.

– Он мой, – тихо сказал крепкоплечий старикан, и глас его не терпел возражений. – Я, Мишан Трэйт, объявляю этого серва кадетом Дуэльной школы.

Часть вторая

Ан гард!

Глава 17

Тринадцать миров

Первой планетой Тринадцатимирья, сразу за звездой Доростол, был Аир, или Алая планета, созданная Гором прежде других.

Краснее крови и ярче рассвета, Аир парил в темных небесах этой юной вселенной ближе всего к пылающему горнилу центральной звезды. Кипящие моря расплавленной магмы, горные плато, возвышающиеся над кипящими морями, – таким был Аир, и замысловатый узор его огненных вод и изрыгающей пепел суши пугал и завораживал приближающиеся к нему корабли.

Специально для Алой планеты Гор создал уникальную «огненную» растительность – деревья из цинка, с соком из серы и корнями, уходящими в лаву. То были растения со странным, извращенным метаболизмом, ибо всю свою жизнь их листья были объаты

пламенем, которое давало им пищу и позволяло расти. Континенты Аира, непригодные для обычных растений, были покрыты «лесами пламени», вечно пылающими и прекрасными.

Аира имел кислородную атмосферу со специальными добавками, безвредными для человеческих легких. Именно они не позволяли кислороду вспыхнуть единым костром, превратив планету в маленькое солнце со стремительно сгорающей атмосферой.

Из-за страшного жара и обжигающе горячего грунта планеты люди могли существовать только на поверхности нескольких высокогорных плато. Там проживало не более десяти тысяч человек – слуг, рабов и вассалов Гора, находившихся здесь безвыездно с момента рождения. И поэтому единственный космодром, расположенный на вершине высочайшей вершины Аира (пик «Гефест»), в течение года был не особенно загружен.

Вторым миром, висящим в пространстве за орбитой Аира, был *Орест*, Мир Пустынь, или удивительная *Оранжевая планета*. То был мир бескрайних оранжевых барханов, протянувшихся между южным и северным полюсами. От восточных отрогов гряды Сехмет, через все меридианы планеты, до ее западных пределов.

Кричащие оранжевые небеса над Орестом были вечно безоблачны и пронзительно яркие. И только чудовищные «широтные» бури, прокатывавшиеся по просторам ярко-оранжевого мира, время от времени затмевали их мельчайшим песком-пылью такого же яркого оранжевого цвета.

Животный и растительный мир здесь был беден: лишь гигантские черви, идея создания которых была явно заимствована Гором из древней литературы, скользили под толщей песка в поисках питательных минералов.

Семь дворцов выстроил Гордиан в мире под оранжевыми небесами.

Наиболее известным из них был Тарсонис – Песочный дворец, выполненный в стиле «хай-тек» из бетона, стекла и стали, покрашенной «под песок», и ставший одним из самых грандиозных дворцовых комплексов во всем личном кластере Гора. Общая площадь земли, занятая исключительно зданиями Тарсониса, не считая парковых и рекреационных зон, составляла более 20 000 квадратных километров, а количество комнат и залов Песочного дворца – не менее полумиллиарда помещений!

Это был дворец наслаждений. Сорок тысяч наложниц, по сотне на каждый день в году, проживало в гареме этого дворца.

Был на Оресте также дворец Пилонов, дворец Осириса (Папирусный), дворец Сета (Змеиный), дворец Солнца (Золотой), а также дом Иштар называемый еще дворцом Детей, ибо в нем проживали и воспитывались несколько отпрысков Гордиана, рожденных в разное время наложницами этой Вселенной.

Седьмой и последней из резиденций Гора на Оресте должен был стать Новый дворец – Персеполю, задуманный Гордианом в древнеперсидском стиле эпохи Ахеменидов.

Проект Персеполя уже был утвержден, и сейчас, собрав необходимую технику и персонал, строительная компания «Демархия-Билдекс» вбивала сваи первых корпусов в котлованы, вырытые на месте песчаных дюн Ореста.

Третий мир Гора назывался *Жермин*, великая *Желтая планета* – бескрайний Мир Степей и полевых трав высотой с человеческий рост. Здесь бродило множество удивительных животных – гигантских млекопитающих – саблезубых львов, мохнатых мамонтов, чудовищных трехрогих носорогов, а в небе парили громадные рогатые птицы.

Особенностью мира Жермин являлся преобладающий желтый цвет растительности. Впрочем, желтый был здесь во всем – в нежном пастельно-желтом цвете небес, в согревающем желтом свете теплого солнца, в пестро-желтой палитре лесов и степей и даже в пигментации кожи местных животных.

Жермин являлся одной из самых густонаселенных планет во Вселенной Гордиана, если такое понятие вообще применимо для кластера, где на тринадцать миров приходилось не более двух миллионов жителей. На Жермине не было обычных человеческих поселений, но имелось четыре огромных кампуса, по одному на каждый из четырех Великих университетов Жермина.

Кроме кампусов на Жермине располагалось также шесть дворцов.

Наиболее известным из них был Бхагатан, или Дворец-Улитка, выстроенный в форме гигантской спиральной раковины, каждый последующий виток которой возвышался над предыдущим.

Здесь был также Паккогатан, или Дворец-Пагода, и знаменитый Охотничий дворец, и чудесный Дворец-Кораль, и мрачный Степной дворец, а также величественная и суровая цитадель Каган, сложенная Гором из стальных нержавеющей кирпичей, с четырьмя крылатыми башнями-минаретами, опутанными шипастыми цепями, вечно движущимися по стенам подобно огромным живым многоножкам.

Четвертым творением Гора в собственной частной вселенной являлся огромный *Граник*, первая *планета-кольцо* за орбитой Жермина, гигантская лента шириной в диаметр Аира и длиной окружности, равной орбите вокруг звезды Доростол. Площадь этой планеты-кольца в миллионы раз превосходила территории всех шарообразных планет этой Вселенной, вместе взятых.

Гор не строил здесь резиденций, ибо Граник служил местом для пикников, прогулок и отдыха, куда он изредка заезжал развлечься тем или иным способом.

Движимый побуждениями исключительно эстетического свойства, Гор завез на Кольцо из различных миров Корпорации сотни и тысячи декоративных видов растительности и животных, больших, маленьких и просто крохотных, но всех – исключительно безобидных и также исключительно красивых.

Кроме того, он вывел здесь несколько низкорослых, миролюбивых народцев, с исключительно прекрасными особями как женского, так и мужского пола, также декоративного назначения. Маленькие народцы уже более двух сотен лет жили в райском саду Кольца, мире вечного лета, мире доступной и вкусной растительной пищи, а также полного отсутствия каких-либо естественных источников опасности.

Пятым творением Гора в личном кластере стала *Залена*, Мир Леса, великолепная *Зеленая планета*, с заповедными чащами, ухоженными садами и парками под чудесным прозрачно-зеленым небосводом.

Залена стала любимым детищем Творца Тринадцатимирья, своего рода планетой-столицей, где он бывал чаще всего. Здесь находилась и главная резиденция Гордиана – Ронкатоватар, или Ронский дворец, блистательное архитектурное творение, выполненное в классическом стиле и оправленное ювелирной россыпью фонтанов и прудов, беседок и портиков, охотничьих домиков и летних дворцов...

В пределах личного кластера фактически нигде, кроме как на Залене, не было свободно проживающего населения. И только на Залене, в единственном на всю систему тринадцати миров городе Старбаде и в прилегающих к нему дворянских поместьях и деревнях, были расположены специальные торговые палаты, реализующие населению Залены промышленные и сельскохозяйственные товары. Только здесь имели хождение деньги – «гординодоры», – только здесь существовали ремесло и торговля. Все остальное население личной вселенной Гордиана, без малого два миллиона человек, являлись лакеями дворцов, слугами, рабами, наложницами, стражниками и прочим необходимым персоналом, в той или иной форме нацеленным на обслуживание Творца и его личных потребностей.

Исключением составляли лишь обитатели колец и резерваций, которые, впрочем, оценивались Администрацией Тринадцатимирья скорее как существа, близкие по статусу к диким животным, а не к людям.

У Залены имелся спутник – Шандор, шарообразная металлическая планета, дизайн и внутреннюю архитектуру которой Гордиан скопировал с древнего суперлинкора, который использовала Нуль-Корпорация в эпоху Первого Сотворенья.

Внешне Шандор выглядел как стальной цилиндр с множеством надстроек по всей поверхности. Здесь была расположена Высшая администрация Тринадцатимирья, ангары Первой военно-космической эскадры, служебная академия Каталауна, а также разнообразное специальное оборудование, позволяющее управлять физическими законами этой частной

Вселенной, корректировать движение обеих звезд и тринадцати планет, изменять на них погодные условия и уровень гравитации, регулировать интенсивность излучения звезд Доростола и Дары. Шандор был мозгом и сердцем Тринадцати Миров, как иногда называли Вселенную Гора ее собственные жители.

За орбитой Зелены вращалась *Голи*, сказочная и кошмарная «голубая планета» Гора – мир острых когтей и разрывающих плоть клыков! То был мир джунглей и ящеров, где правило свой ни на что не похожий бал безумное буйство дикого животного мира. Здесь, меж корней гигантских голубых папоротников, рядом с которыми тысячелетняя секвойя показалась бы низкорослым кустарником, шествовали ожившие ужасы прошлого – удивительные динозавры: бронтозавр и трицератопс, стегозавр и раптор, тираннозавр и парящий в роскошном перепончатом плаще птеродактиль. Ядовитые насекомые и стреляющие спорами грибы, хищные растения с зубастыми цветками и микроскопические млекопитающие – вот мир, который скрывался под затянутым облаками вечно влажным небом Голи. Разумеется, все растения и существа «мира джунглей» являлись существами, генетически модифицированными Гордианом. На древней прародине человечества, давно забытой жителями Корпорации, в их вечной гонке за бессмертием и богатством, таких ярко-голубых папоротников, таких грибов-снайперов, таких гигантских ящеров и таких стремительных плотоядных растений никогда не существовало. Однако здесь они были.

Восемь дворцов выстроил Гор на Голи для собственного вящего удовольствия.

То был огромный Древесный дворец, выполненный разумеется не из дерева, а из стилизованной под него сверхпрочной пластической массы.

И Дворец Лотоса – сооружение, высеченное из бело-розового монолита, в древнеиндусском стиле, раскинувшийся на гигантском острове посреди одного из бесчисленных пресных озер-морей Голи, и Дворец-Змея, или Кецаль, выполненный в стиле ацтеков. И Золотой, и Медный и Бронзовый дворцы, повторяющие формы загадочной архитектуры инков. А также Дворец Леопарда в африканском «дикарском стиле», с «черным» гаремом и «черной» стражей, стилизованной под зулусов.

И, наконец, была на Голи несравненная Башня-Пирамида – аналог юкатанских храмов майя – высотой почти с километр, с кричащей роскошью наружной отделки, в варварских красках, поражающая своей странной, «жестокой», необузданной красотой.

Седьмой планетой, что за орбитой Голи, стала *Саллика*, Мир бескрайнего *Синего Моря*, планета-океан, покрытая толщей вод с миллионами островов и шапками льда на полюсе.

Пять дворцов построил Гор для себя на Саллике. И лучшим из них стал Вармотарик, Подводный город – огромный комплекс, полностью скрытый в воздушном пузыре, под более чем километровой толщей океанских вод. Для обслуживания Вармотарика Гор создал в лабораториях людей-мутантов: амфибий с жабрами на шее и русалок с плавниками вместо кистей рук и стоп ног.

Над островом Мот в океане Бурь Гор повесил в воздухе свой Механический дворец, или Ормодеран, сокровищницу механических чудес, своего рода водный парк развлечений и громадные бани-термы одновременно.

В море Кашалотов он поставил Цитадель «Нептун», а в Ирском проливе – Дворец-Мост, выполненный в форме гигантского моста, перекинутого через море, разделяющее два небольших континента.

В архипелаге Слез над поверхностью вод возвышался величественный Дворец-Сфера, с гигантским Морским музеем. А на Севере, в бухтах Готхоба, в удобных гаванях и фьордах был расположен игровой флот Творца – копии легендарных морских линкоров «Ямато» и «Бисмарк», «Кинг Джордж» и «Советский Союз», а также свыше тысячи других пароходов и парусных кораблей, раз в год выходивших в море для стрельб и морского парада.

За Салликой следовала восьмая планета – второе кольцо, которое Гор назвал *Гавгамел*, что значит «сокровище».

По форме Гавгамел напоминал собой гигантскую ленту Мебиуса, грань которой, изгибаясь вдоль дуги кольца, плавно переворачивалась, переходила в обратную сторону

самой себя, сменяя день и ночь на ее поверхности.

Гор сотворил кольцо Гавгамел ровно в шестнадцать раз больше по радиусу, чем Граник, и ровно в тридцать два раза меньше, нежели последнее кольцо – Ин-Гидасп. Но даже при таких гигантских размерах Гавгамел был совершенно необитаем. На его поверхности в определенном порядке Гор поставил сорок триллионов статуй, изображающих большинство знаменитых людей из бесчисленных миров Корпорации – выдающихся политиков и бизнесменов, ученых и актеров, спортсменов и флотоводцев, – новых богов Человечества, отлитых из золота и титана.

Кольцо Гавгамел могло служить также поражающей воображение библиотекой, где квадрильоны терабайт информации хранились не только в форме информационных файлов в компьютерной памяти, но и в первоисточниках – пергаментных книгах, деревянных дощечках, папирусных свитках, и каменных скрижалях.

Девятой планетой Гора в его личном кластере стал *Феракур*, Мир *Фиолетовых гор*, планета отвесных скал и каменных хребтов, узких долин и поражающих воображение кратеров. На Феракуре пронзала небеса высочайшая в системе Каталаун горная вершина – пик Сарисса, высотой шестьсот шестьдесят шесть километров.

Характерный вид из космоса и название планеты объяснялись особым минералом фиолетового цвета, преобладавшим в горной породе Феракура. Изобилие этого минерала в воздухе делало фиолетовыми облака и небо планеты, а особенности фитогенеза трав и листьев растений делали фиолетовыми ее леса и луга.

Восемь дворцов воздвиг Гордиан Рэкс на скалах Феракура.

Здесь был Подгорный дворец Ротгарнат, Дворец-Метрополитен и Дворец-Лабиринт, Нагорный дворец Волверстоун и сказочный Нефритовый дворец, а также Замок Орла на вершине Сариссы. Кроме того, на Феракуре в бесчисленных живописных долинах располагалось огромное количество вилл и поместий.

На планете также был размещен Горный музей, а даже Ордалангамзад – личная подземная тюрьма Творца, погруженная в толщу горной породы на глубину сорок пять километров.

Согласно легендам, подземные линии бесконечных коридоров Дворца-Метрополитена и Дворца-Лабиринта охватывали всю подземную мантию планеты, как нити паутины, и даже проходили сквозь само ядро Феракура. Более того, считалось заслуживающим доверия утверждение, что вся планета, так же как спутник Залены Шагрон, являлась гигантским механизмом, и у Феракура вообще не было мантии и ядра, а только чудовищный бронированный корпус с двигателем космического размера, покрытый тонкой (всего в тысячу километров) корой из естественных горных пород.

Также на Феракуре укрыта загадочная Сокровищница Творца, где тот заточил свои наиболее ценные артефакты...

За фиолетовым зрачком Феракура, в бездонных просторах космической пустоты, плывет по несменной орбите вокруг Доростола вторая звезда молодой Вселенной – блистательная Дара Аэциус и два ее спутника, десятая и одиннадцатая планеты соответственно – антрацитовый, черный *Чакан* и сверкающий, матовый *Бавей*, самые старые миры Тринадцатимирья, унаследованные Гором от одного из своих давно почивших в бозе покровителей.

Бавей являлся *белой планетой*, Миром вечного Снега и всепокрывающего Льда.

Чудесный Снежный дворец был построен на нем, из снежно-белого мрамора, сияющего в молочных небесах. Был там и Хрустальный дворец, выполненный в форме сложного кристалла, из прозрачного сверхпрочного стекла и гигантских зеркал. Была и Рогатая башня, и Башни-близнецы – высочайшее сооружение удивительной планеты. Эти башни Гор объединил общим этажом—переходом с великолепным банкетным залом площадью почти два квадратных километра. Каждый год в этом зале он сам и его приближенные традиционно встречали первый день каждого Нового года, что отсчитывался в Каталауне от рождения великого белого бога, Кри-Иешуа, которому никто в Корпорации давно уже не поклонялся.

Далее шла Белая башня. Бесшумно и неумолимо скользила она по удивительной кругосветной монорельсовой дороге, опоясывающей весь Бавей по ложному экватору. Движение планеты и расположение монорельса были рассчитаны таким образом, чтобы витражи купола Белой Башни всегда смотрели на Черную башню планеты Чакан, око в око.

Однако величайшим сооружением Бавей по праву считался Ледяной тракт, где раз в десять лет демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс проводил декадные гонки на карах по трассе, протяженностью миллион километров, опоясанной ледяными стенами Тракта, и огибающей всю планету несколько десятков раз по кольцу и спирали...

В отличие от Бавей, Чакан был *черной планетой*, Миром Крови и Тьмы.

Когда-то Гор раскроил его до ядра чудовищной трещиной – Шрамом. И из космоса Чакан стал похож на яблоко, у которого чей-то жестокий нож вырезал кривую и тонкую дольку.

Поверхность планеты казалась угольно-черной из-за миллиардов тонн скоксовавшегося пепла, покрывавшего безжизненные равнины и мертвые скалы Чакана жутким, страшным ковром. Чахлый кустарник и редкие отвратительные деревья, похожие на иссушенные кисти человеческих рук с костлявыми, длинными пальцами, росли на планете. Эти ужасающие, насыщенно-черного цвета лоснящиеся растения не имели ни капли хлорофилла и не приносили плодов, – только яд струился по их вздувшимся венам и только сладковатый дурманящий аромат наркотических газов вместо кислорода испускали их мертвые листья-щупальца.

Над бездонными обрывами Шрама был воздвигнут Руиноад, выходящий за грани кошмаров, мрачный и величественный Дворец Разрушения. Часть этого ужасающего Дворца занимали собственно сооружения, где проживал по настроению сам Создатель и слуги Руиноада. Другую же часть занимала весьма живописная территория, застроенная руинированными подобиями величайших памятников Человечества.

Напротив Шрама, на обратной стороне планеты, раскинулась грозная Цитадель Хаоса, представлявшая ряд мощных крепостных сооружений, выполненных преимущественно в мрачном готическом стиле из циклопических глыб черного и серого камня. И, как всегда, в потрясающих воображение масштабах.

Далее был замок Властелина, и крепость Утумно, и башня Хатт, и дворец Черепа, сделанный из человеческой кости, со стилизованными башнями-черепами по периметру, и, наконец, – Черная башня, также установленная на невообразимом кругосветном монорельсе и вечно глядящая пустым оком купола, с тонированным бронестеклом, на вечного близнеца-антипода – Белую башню планеты Бавей. При этом сквозь Шрам монорельс проходил в самом широком месте, и почти месяц своего пути Черная башня плыла над разломом Шрама на тонкой нити железной дороги, глядя в черноту его тысячекилометровой бездны.

Однако гордостью Чакана являлись не его inferнальные дворцы с их мрачным очарованием, а владение Гора, несколько иного рода, а именно – Темная Аррена, титанический колизей Тринадцатимирья, созданный для него одним из давно погибших друзей.

На арене Аррены можно было устраивать настоящие полномасштабные сражения с десятками миллионов бойцов. Саму Аррену когда-то сработали из кратера, образованного в результате искусственного столкновения Чакана с астероидом. В результате овальное пятно Аррены можно было наблюдать с Бавей невооруженным глазом.

При Аррене имелось несколько гладиаторских школ, по сути настоящих армий с развитой инфраструктурой, сложной внутренней иерархией, собственной производственной базой и миллионами бойцов-гладиаторов.

Каждая из них располагала своими клоническими фабриками, производящими сотни тысяч гладиаторов-клонов в год. Выпускаемый фабриками человеческий материал проходил жесткий отбор в процессе обучения, где один выживавший из ста приобретал на выходе великолепную профессиональную подготовку.

Двенадцатым по счету творением Гора стало кольцо *Ин-Гидасп*, или же просто –

Гидасп, по названию одного великого, но забытого всеми места на древней прародине человека.

Гидасп считался самым громадным космическим телом из всех, сработанных Гором, исключая разве что обе звезды Тринадцатимирья – Доростол и Дару.

По форме Гидасп был близок к Гранику, однако больше его в диаметре ровно в пятьсот двенадцать раз, в сорок восемь раз шире и в шестнадцать раз толще. Кроме того, в отличие от Граника и Гавгамела, Гидасп состоял не из одной, а сразу из двух лент, отдаленных друг от друга ничтожным для масштабов кольца расстоянием всего в сто километров и соединенных тонкими – шириной в километр – спицами жесткости. Таким образом, в разрезе Гидасп напоминал не кольцо, а, скорее, обод огромного колеса с размерами, не поддававшимися восприятию.

Гидасп, Граник и Гавгамел – три границы и три кольца, служили «щитами» Тринадцатимирья, ибо генерировали по своему периметру силовое поле, имеющее форму сферы и закрывающее собой все тринадцать миров от любой угрозы из вне. Ни один астероид, а главное ни один корабль не мог проникнуть сквозь Три Сферы, не имея на то разрешения от владельца этой частной Вселенной.

Кроме того, кольца могли выполнять функцию грандиозного нуль-портала, способного при необходимости переместить всю систему Каталаун в любое другое место и время, на усмотрение своего эксцентричного владельца...

Последней планетой Гордиана в его личном домене являлся Шандор II, называемый также *Табу*, планета-страж, или *Бесцветный мир* – тринадцатое творение, замыкающее список его планет.

Табу был изготовлен сто лет назад и располагался за границей силового поля кольца Гидасп для того, чтобы патрулировать границы частной Вселенной по самой дальней орбите. Он являлся почти точной копией Шандора I – то есть воссозданным по сохранившимся чертежам доисторическим суперлинкором Корпорации, с ангарами Второй военно-космической эскадры, а также с запасным набором специального оборудования и вооружений, включая пси-доминатор, гравитационный контроллер и прочие забавы демиургов-акционеров.

Кроме того, после завершения работ над своей частной Вселенной Гор оставил на Табу саму «машину творения», – комплекс Скоропей, выпускаемый Нуль-Корпорацией для нужд создателей карманных Вселенных.

Название планеты – Табу, скорее всего, было связано с тем, что орбита Шандор II являлась официальной границей частных владений акционера Нуль-Корпорации Гордиана Рэкса. Отсюда, с тонкой и невидимой линии орбиты последнего спутника Каталауна, заканчивали свое действие законы Нуль-Корпорации и начиналась его безграничная власть над любым материальным объектом и любым живым существом, рискнувшим пересечь пределы его частного кластера.

За орбитой Табу звездная система Гордиана Рэкса заканчивалась. Кроме двух звезд, трех колец и десяти планет в кластере Тринадцатимирья ничего больше не было – даже пыль исчезала в пределах пары парсек за третьим кольцом и Табу. Во все стороны от системы устремлялась только ледяная пустота, пронизанная изредка одинокими квантами космических излучений...

Именно так в тридцатый день месяца Тот выглядела частная Вселенная господина Гора, демиурга кластеров и акционера Нуль-Корпорации, созданная им почти двести лет назад из побуждений самовыражения и для той малой толики наслаждений, в которой нуждается каждый измотанный бездельем рантье и извращенный скукой бездельник. Личная Вселенная, как говорил он себе, просто дом.

Внезапно что-то коснулось головы Гора, и, вздрогнув всем телом, Творец Тринадцатимирья широко распахнул глаза ото сна. Над ним нависал бревенчатый потолок барака Дуэльной школы, потемневший от времени и дыхания сотен рабов-кадетов, ночевавших на жесткой койке, в которой Гор сейчас спал. А ворвавшийся сквозь открытое

окно ветер теребил его только начавшие отрастать волосы...

Просто дом, подумал Гордиан и криво усмехнулся. Просто дом.

Глава 18

Снова в школу

Еще в поместье Гор был удивлен полным отсутствием в числе персонала сего занимательного учреждения свободных людей. Поэтому, вновь оказавшись на территории Дуэльной школы, он был не особо поражен тем, что повсюду сновали люди в серых ошейниках с блестящими на солнце бляшками экранов-индикаторов. Вообще, насколько уже можно было судить, не только поместье и школа, но вообще все население его новой родины более чем на девяносто процентов состояло из рабов.

Гордиан Рэкс не был экономистом и социологом, однако даже он понимал, что подобное соотношение в нормальном обществе является не только невозможным, а попросту абсурдным. Ведь даже если отбросить экономическую бесперспективность подобного общественного деления, останется проблема социальной неустойчивости, ибо подавляющая численность рабского населения будет постоянно испытывать сильный соблазн поднять бунт, который при таком численном первосходстве не может окончиться неудачей.

Немного поразмыслив, Гор пришел к выводу, что в местном обществе устойчивость подобной системы объясняется исключительно применением технических средств, а конкретно – электронных «хомутов»-койнов, не знающих сбоев и не снимаемых.

Тем более обескураживала жестокость габеларов охраны и так называемых «дационов», то есть тренерского состава школы, к своим «братьям по классу». Тренеры и стражники избивали кадетов за провинности и небрежение занятиями подчас до потери сознания, до кровавых рубцов на плечах. А ведь каждый из наказующих и наказуемых носил одинаковые ошейники.

В какой-то момент Гордиан подумал все же, что «хомуты» тренеров и охраны не являются показателем рабского состояния, а их носители – не рабы, а, допустим, рекрутированные солдаты или осужденные преступники, привлеченные для работы в школе. Однако ему весьма доходчиво объяснили, что это не так: в школе находились только невольники.

Это казалось абсурдом, но обстояло именно таким образом.

Следующие недели запечатлелись в памяти Гордиана непрерывным потоком изнурительных упражнений, наказаний и разнообразных издевательств со стороны старшего персонала. Фантазия старшин и тренеров при этом была почти безгранична.

За провинности и небрежение занятиями кадетов подвергали не только избиению «резиной», но и стоянию под солнцем с оружием в боевой позиции, подвешиванию за руки к столбу, посажению на несколько часов в неглубокий колодец с водой, так, чтобы торчала одна только голова, и прочим «забавным», с точки зрения командиров, экзекуциям. Особо провинившихся сажали на несколько дней в уличную клеть.

С другой стороны, абсолютно *невыносимой* жизнь в школе не являлась. Наказания были жестокими, режим – суровым, однако существование в целом после того, как прошел психологический шок от осознания рабского состояния, оказался достаточно терпимым, питание – простым, но обильным, бараки – грубыми, но теплыми. И вскоре бывший властитель частной Вселенной вполне свыкся со своими новыми условиями.

Тренировки начинались с восьми утра и заканчивались около двадцати вечера. После этого времени большинство кадетов, исключая занятых в порядке очередности на дополнительных работах или занятиях, было предоставлено самим себе.

В свободное время передвижение по школе не ограничивалось, чем Гор и пользовался. На тренировках он сильно уставал, но ежедневно заставлял себя уделять прогулкам как минимум час времени и бродил по округе, изучая структуру и правила внутреннего распорядка своего нового обиталища.

В принципе школу охраняли только габелары у нескольких имеющихся внешних ворот, дозор на верху донжона, а также дежурный отряд в караульном помещении возле коттеджа старшего дациона. Как и в поместье, возможность побега рабов ограничивала лишь узкая несъемная металлическая полоска койна, охватывающая шею и постоянно напоминавшая кадетам об их печальном положении.

Наблюдая изо дня в день за слаженной работой полугладиаторского заведения, Гордиан выяснил, что его персонал делится на две группы – группу обеспечения и дуэльных бойцов.

«Группа обеспечения» включала в себя два отряда габеларов охраны, численностью около двухсот человек, а также около сотни сервов, занимающихся работой, не имеющей отношения к основной деятельности школы. Сюда входили шеф-повар, возглавлявший кухонное хозяйство, а также завхоз-*абосиларий*, занимавшийся ведением разнообразных хозяйственных дел – от закупки продуктов, обмундирования и снаряжения для нужд школы, до починки мебели, оборудования, ремонта помещений и учета имущества.

Оружие для Дуэльной школы частично приобреталось на стороне (преимущественно закупались боеприпасы для огнестрельного оружия, которым вооружались конвоиры), а частично изготавливалось в самой школе. К продукции собственного изготовления относился огромный список холодного оружия для ближнего боя и метательных приспособлений для боя на расстоянии. Должность руководителя кузнечного хозяйства называлась «таргитарий». Под началом таргитария находилось около двадцати постоянных мастеров. Кроме того, и таргитарий, и абосиларий, и шеф-повар привлекали для выполнения подсобных работ кадетов из личного состава дуэльных отрядов. Поддержание чистоты в казармах и на территории также возлагалась на несчастных учеников школы в порядке дежурств и нарядов.

«Дуэльный персонал» в отличие от группы обеспечения насчитывал свыше тысячи бойцов, разбитых на отдельные отряды, именуемые «полусотнями» и включающие в себя от сорока до шестидесяти бойцов. Всего в школе было, таким образом, двадцать две полусотни.

Каждую из них возглавлял дацион-полусотник (отрядный тренер), а весь Дуэльный корпус – уже знакомый Гордиану седовласый крепыш, старший дацион, по имени Мишан Трэйт. Тот самый, что спас его после драки с габеларом Криссом.

В Лавзейской Дуэльной школе Трэйт воистину считался фигурой одиозной. В прошлом он прославился как лучший боец Лавзейской школы, долгие годы считавшийся непревзойденным чемпионом дуэльных поединков не только в Боссоне, но и далеко за его пределами. Поговаривали, что даже сейчас, спустя годы, с Трэйтом мало кто может сравниться по скорости реакции и мастерству владения мечом. Гор, слушая такое, послушно кивал, но внутренне не соглашался, полагая, что возраст все же должен взять свое и пятидесятилетний старик, даже такой могучий, как Трэйт, вряд ли способен что-либо противопоставить молодым рубака.

Тем не менее крепкоплечий Мишан Трэйт пользовался огромным уважением в среде обитателей школы. Его авторитет в вопросах, касающихся подготовки бойцов, был практически абсолютным, и даже Сабин, имевший статус существенно выше, чем пожилой мечник, прислушивался к словам старого чемпиона.

Именно благодаря своему авторитету, а не должности, старший дацион Лавзейской школы пользовался огромной властью в пределах этого учреждения и оказался единственным лицом, способным противостоять коллективному мнению старшин охраны. Конечно, за свое спасение Гордиан в какой-то степени испытывал к пожилому рубака чувство благодарности, но не слишком горячее, поскольку понимал, что Трэйт в ту роковую для Гора минуту спасал не человека, а потенциально хорошего мечника для своих живодерских классов.

Таким вот образом хладнокровный убийца четырех человек, «ужас габеларов», беглый кухонный раб и экс-демиург остался жив, здоров, невредим и, как бы это странно не звучало, пошел «снова в школу»!

Тем более обидным для «ужаса габеларов» (так то ли в шутку, то ли всерьез его стали называть заглаза) оказалось полное забвение, с которым ему пришлось столкнуться после появления в Дуэльной школе. Абсолютно никто из тренерского состава не вспомнил даже словом ни про его лихие «подвиги», ни про проявленные им недюжинные способности к смертоубийству.

С Гором обращались так же, как и с любым другим бойцом школы.

Его зачислили в обычный отряд, подвергали тем же наказаниям и заставляли надрываться на тех же изнурительных общих тренировках. Ни о каком особом подходе не шло даже речи. Да и самого Мишана Трэйта за мигом пролетевшие две недели Гордиан не видел ни разу. Зато он с удивлением обнаружил в школе много других лиц, знакомых ему по первым дням пребывания в новом мире.

В его отряде оказались Рашим и Никий, а во главе охранявших школу стражников стоял старшина Крисс, тот самый габелар, который встретил их в воротах поместья, когда они впервые прибыли в Лавзею, и из-за которого Гордиан чуть не лишился жизни.

Как ни странно, и та и другая встреча обрадовала Гора. Рашим и Никий тоже были искренне рады своему товарищу, а старшина Крисс при встрече снова (как и тогда в баракке) хлопнул Гордиана по плечу, демонстрируя, что в принципе не испытывает к «резвому» серву неприязненных чувств, как большинство его коллег из поместья. Несмотря ни на их бой, ни на предшествующие ему преступления при побеге.

– Ну ты как? Жив здоров, «Ужас»? – спросил он ехидно.

– Да, – осторожно ответил Гор, ожидая либо скрытого подвоха в словах, либо прямого удара кулаком в рожу.

– Молоток! – кивнул габелар. – Вообще, я лучший борец в Лавзее. И, кстати, лучший наездник. Так что хочу сказать – ты действительно молодец, хорошо держался. Я даже не ожидал.

Гор облегченно вздохнул и поблагодарил стражника за комплимент.

И на том спасибо: после мертвого Гаврина ненависть еще одного старшины охраны была ему ни к чему.

Дуэльные бойцы делились на две категории. Первую и наиболее многочисленную составляли, разумеется, кадеты, то есть молодые ученики, призванные недавно и проходящие ту или иную ступень обучения. Во вторую категорию входили опытные бойцы, уже окончившие обучение и именуемые мастерами или «консидориями», что в буквальном переводе значило «знаменитые», «славные».

Положение тех и других существенно различалось. Если первые тренировались по двенадцать часов в день и соблюдали жесткие требования режима, то для вторых такого режима практически не существовало. Они занимались по индивидуальному плану, имели оруженосцев, набираемых из числа кадетов, могли почти свободно покидать территорию школы и являться только на общее построение по утрам.

Радиус действия их ошейников при этом существенно увеличивался и, насколько Гор понял из разговора с одним из счастливчиков, вполне перекрывал десять километров, захватывая таким образом не только территорию школы и поместья, но и расстояние до стоящего особняком от них третьего весьма специфического заведения Лавзеи – знаменитой Школы наложниц, в которой несли свое высокое (или, правильнее сказать, «низкое») служение лорду Брегорту множество женщин-рабынь и некоторое количество кастрированных рабов-евнухов.

Рабыни в данной ситуации не слишком интересовали Гордиана, однако возможность выйти за пределы Дуэльной школы и осмотреть окрестности в процессе подготовки к новому побегу занимала все его мысли.

Обдумав ситуацию, Гор понял, что при любом раскладе ему следует как можно быстрее добиться для себя статуса консидория, поскольку та гарантировала бо льшую степень свободы. Но здесь имелись определенные трудности: средний срок подготовки кадета-молокососа в мастера-консидория составлял целых три года. Это время для Гора было

совершенно неприемлемо, и он стал усиленно искать возможность ускорения процесса. Помочь здесь могла только еще одна демонстрация его смертного мастерства в новом, теперь уже «дуэльном» (то есть на холодном оружии) поединке. Вопрос состоял в том, как это организовать.

Назначение Дуэльной школы прямо проистекало из ее названия – здесь готовили рабов для дуэлей. Однако смысл самого слова «дуэль» существенно отличался от привычного понятия, известного Гору.

Дуэли в Боссоне не являлись частью специфической культуры элиты этого общества, когда один дворянин, защищая свою честь, сражается с другим. Напротив, Дуэли были тяжким уделом для низшего социального класса, для рабов. Только рабы сражались на дуэлях, и только они могли быть «дуэльными» бойцами. В то же время положение сервов-дуэлянтов не вполне соответствовало и положению гладиаторов, которых весьма часто можно было встретить в частных доменах демиургов Корпорации.

Поединки гладиаторов обычно являлись лишь зрелищами для ублажения зажавшейся публики. «Дуэльные» же бои в Эшвене, помимо зрелищной части, велись исключительно за призы, ежегодно разыгрываемые чемпионские титулы и очень редко – для выяснения отношений между дворянами, например, разрешения споров или каких-то пари. То есть дуэли велись *на деньги*. Это был спорт и выгодный, жутковатый бизнес, не лишенный при этом определенной привлекательности и куража.

Кроме того, на региональных авеналиях применялись только индивидуальные единоборства одного бойца против другого и никак не иначе. Не было схваток со зверями, не было массовых побоищ.

Помимо авеналий дуэль, как правило, назначалась по требованию шательена – владельца бойца, если один рабовладелец обидел другого, либо затевал тяжбу о принадлежности земельного участка, либо наследства, либо рабыни. Один хозяин выставял своего консидория, другой – своего, кадеты за бойцов не считались. Кто выиграл – тот прав.

Специфика заключалась в том, что если после первого поединка спорящие стороны не оставались удовлетворены, назначался второй поединок, затем третий – и так далее до тех пор пока, у одного из спорщиков не оставалось бойцов, или он не осознавал, что с имеющимися бойцами ему не выиграть, и признавал свое поражение. Таким образом, в поединках для разрешения единственного спора иногда погибали сотни бойцов, а сами ристалища могли длиться несколько месяцев, поскольку начинать новый поединок с раненым или изнуренным бойцом правилами не допускалось. Если бойца, выигравшего первый бой, принуждали вступить во вторую схватку, он должен был как следует отдохнуть, а если был ранен – полностью оправиться от ранения.

Несколько иным образом проводились частные поединки на денежный приз. Каждый из хозяев опытного серва-дуэлянта выставял только одного бойца и передавал букмекеру сумму своей денежной ставки. Вне зависимости от исхода поединка повторных боев не проводили и новых дуэлянтов не выставяли. Хозяин серва-победителя забирал обе ставки. Подобные азартные игры, как объяснили Гордиану, были распространеннейшим явлением в этом мире и носили название «охоты за призами».

Дворянин, обладающий опытным и удачливым поединщиком, бросал вызов другому титулованному обладателю хорошего раба-дуэлянта и назначал «приз» – денежную сумму, предназначенную хозяину победителя. Обычно второй дворянин не мог отказаться от вызова, поскольку участие в схватке считалось делом чести. Разумеется, то, что за мнимую честь хозяина приходилось драться и умирать его рабу, никого не волновало. Частенько подобные бои проводились на праздниках при большом стечении народа, что придавало поединкам спортивно-массовый колорит, но не меняло их коммерческой сути. В результате получался отличный тотализатор, на котором крутились очень большие суммы.

Что же касается способов ведения боев, то здесь все сводилось к следующему. В классическом виде поединки проводили по старинному обычаю – в *тяжелом* (панцирь, глухой шлем, большой щит) или *среднем* (кольчуга, открытый шлем, щит-баклер) защитном

вооружении и с тяжелым оружием – топорами, булавами или огромными мечами, орудовать которыми было необходимо с учетом силы удара и веса оружия, рассчитанных на пробой или слом доспеха. Именно так сражались недалекие предки боссонского дворянства чуть более трех тысячелетий назад в «дохрамовый период».

Однако в последнее время (около ста лет назад) стали популярны поединки «нового стиля», существенно отличавшиеся от классических. По новым правилам, бой велся тем же тяжелым, «классическим» оружием, однако без доспехов, что, видимо, придавало сражению некую «пикантность», поскольку бой становился куда более скоротечным и кровавым. Более того, поединок без доспехов был и более непредсказуемым, поскольку один пропущенный внезапный удар означал конец боя и, как правило, тяжелое увечье для одного из сражающихся. Такой удар мог пропустить даже опытный дуэлянт от неопытного юнца, если у того хватало проворства и физической силы, чтобы лихо и бесстрашно орудовать тяжелым мечом, не имея никакой защиты от удара противника.

Все это заинтересовало Гордиана, и в один прекрасный день он в очередной раз решил поставить на кон свою жизнь и целостность организма, чтобы как пешка в одночасье стать ферзем, проскочить из кадетов в консидории.

Глава 19 Неподвижное солнце

– Планета? Я не понимаю!

Гордиан вздохнул.

– Мир, – сказал он, – все то, что вокруг. Земля под ногами, небо. Континенты и океаны. Мир, ты понимаешь?! Как вы называете его?

Незнакомый Гордиану серв-прислужник, с которым они трепали языком, случайно встретившись возле фонтана школы, задумчиво почесал голову.

– Ну и вопросы ты задаешь, брат, – сказал он, а потом обвел рукой стены школы и теряющийся за ее стенами в белесой дымке далекий горизонт: – Все, что вокруг, называется Боссон, брат. Это самая северная марка Великого Эшвенского королевства. материк называется Эшвен. На нем находятся четыре королевских марки – Боссон, Артош, Артона и Аран...

– Ну хорошо, а сам мир? – настаивал Гор.

– Сам мир... – Серв снова почесал голову. – Мир состоит из каверн или сфер. Сфера, где мы сейчас находимся и где находится Эшвен с Боссоном, – это сфера Невон, других я не знаю. Весь мир?... Ну весь мир, Мироздание, называется по имени создателя – мир Хепри-Ра.

Гор был обескуражен.

Во-первых, смущало название – Хепри-Ра! Великое божество Света почиталось повсюду и во вселенных Нуля, однако Хепри было столь древним именем всеблагого Бога, что Гордиан даже не помнил, чтобы оно где-нибудь еще упоминалось.

А во-вторых, его смущало понятие «сфера».

– Сфера? – переспросил Гор. – Мне кажется, мы с тобой имеем в виду одно и то же, брат, просто произносим по-разному. Под планетой я подразумевал космический шар, на внешней поверхности которого размещены моря и континенты. Очень большой шар, на котором мы живем. Разве нет?

Незнакомый служака посмотрел на Гордиана как на больного.

– У тебя что-то с фантазией, – сказал он, подхватывая с бортика фонтана сумку и плащ, с которыми шел в барак, и разворачиваясь, чтобы ретироваться. – Сфера – это сфера, а вовсе никакой не шар. И континенты с морями находятся не на внешней поверхности шара, а внутри сферы!

Гор постоял некоторое время, то глядя вслед серву, то упираясь взглядом в весело звенящие водные нити фонтана.

На внутренней поверхности сферы!

Было утро, однако солнце висело прямо над головой. Раньше Гордиан не замечал этого, по крайней мере – не придавал значения, но теперь отчетливо понял: все эти дни и все эти ночи, солнце всегда висело в зените! Просто утром оно светило слабее, постепенно набирая силу, днем палило, как топка, а ближе к вечеру медленно угасало, сжимая ослепительные потоки разящих во все стороны лучей до блекло-розового диска, печально гаснущего в небесах.

А ночью... То что Гор, не задумываясь, принимал за луну, было не чем иным, как светящимся слабым светом, полузатухшим на несколько часов, солнечным диском.

Неподвижное солнце, светящее днем и гаснущее ночью.

Неподвижные небеса без луны.

Мир-сфера, шар, вывернутый наизнанку, – это Гор с трудом мог себе представить.

Глава 20

Старший дацион Мишан Трэйт

В восемь ноль пять вечера, после завершения последней тренировки, Гор заявился к старшине Криссу, с которым за две недели у него сложились в общем относительно неплохие отношения (насколько они вообще могут быть неплохими между кадетом и надравшим ему задницу габеларом), и заявил, что желает поговорить со старшим тренером, коттедж которого находился, в небольшой огороженной зоне, где размещали свои дома дационы Лавзейской Дуэльной школы.

Крисс, который был в дурном настроении ввиду предстоящего ночного дежурства, сначала хотел врезать зарвавшемуся молокососу рукоятью пистолета по роже. Однако, прикинув, что перед ним все-таки «Ужас габеларов», передумал и вспомнил, что обращение к руководству через старшину охраны – это безусловная привилегия рядового бойца.

Он нехотя оторвал свой зад от кресла дежурного и махнул кадету, чтобы тот следовал за ним. В сопровождении еще одного стражника, стоявшего на карауле при входе в «зону», они прошли через длинный коридор и дальше сквозь парк и между стен кирпичных построек к небольшому дворику с садом.

В уютной беседке под тенью плюща и каштана, над столиком с письменным прибором, скрючилась коренастая фигура. Они подошли ближе, и Гор разглядел ее внимательней. Крупный, средних лет мужчина, широкоплечий и мощный. С большими, жилистыми руками. Он сидел за столом и тщательно выписывал пером в учетном журнале некую загадочную цифирь. Это был Мишан Трэйт, собственной персоной. Его личный спаситель и «отец кадетов».

Пожилой тренер поднял глаза.

– Тут беглец наш, – пояснил Крисс, откашлявшись и немного смущаясь, – хочет говорить. Сказал, что завалит любого вашего бойца, мастер Трэйт, в драке на мечях без доспеха.

Старший тренер внимательно осмотрел Гордиана. Стараясь не хаметь и приняв для этого максимально смиренный вид, Гор также украдкой осмотрел старшего дациона. До этого момента они виделись один-единственный раз, но слишком быстро и слишком сумбурно.

Тогда он не успел ничего почувствовать, но сейчас, глядя в мудрые и темные глаза Мишана Трэйта, старшего дациона Лавзеи, Гор почему-то понял, что с этого момента их судьба будет тесно сплетена в один жесткий, неразрывный узел. С чего бы? «Слуга царю, отец солдатам» – мелькало в голове. Хотя в данном случае правильнее было бы говорить «раб лорду, дацион – консидориям».

Трэйт снял очки, и бывшему демиургу открылось простое, некогда даже добродушное крестьянское лицо. Впрочем, добродушная улыбка давно не касалась этой стальной маски, так же как добродушное состояние железной души старшего дациона.

Косой шрам, прорезавший щеку от уха до подбородка, не только уродовал его, но и

придавал устрашающее выражение. Трэйт был серьезен: брови сдвинуты, а губы жестко сведены в одну прямую, негибкую линию.

Закончив осмотр и, видимо, оставшись недовольным результатом, он отвернулся к рабочему столу. Продолжая писать, спросил глубоким, но тихим голосом:

– Ну и на чем основана твоя уверенность, сынок? Скажу прямо, ты не произвел на меня впечатления своей статью ни тогда, ни сейчас. – Перо скрипело по бумаге. – Возможно, у тебя неплохие задатки для уличных драк на кулаках, но для поединков на мечах с консидориями ты не дорос.

– Точно, мастер Трэйт, – весело вставил Крисс, потирая правый кулак, тот самый которым всего месяц назад чуть не забил Гордиана до смерти. – Я бы на его месте заткнулся и валил бы в казарму, пока «резиной» по спине не навалили. Как ты, кадет, насчет «резины»?

Гор усмехнулся про себя – Крисс его удивлял. Большинство габеларов после той резни, которую раб устроил во время своего неудачного побега, бессознательно побаивались его скромной персоны, однако Крисс не проявлял ни малейших признаков осторожности. Он был вежлив при общении один на один, но в присутствии посторонних как будто специально поддевал Гордиана и обращался с ним так же, как и с любым другим кадетом из числа подопечных. Правда при этом в поддевках не было молчаливой ненависти, которой кипели к «Ужасу габеларов» большинство старшин габеларов. Понятно, что Крисс победил его в рукопашной схватке, однако кто сказал, что Гор не в состоянии засадить ему кинжал в глаз или в пузо?

Причина такого поведения ускользала от Гордиана. Либо Крисс был просто неумеренным храбрецом, которого не волновала потенциальная смертоносность кадеты Горы, либо он сам был отменным мечником и не боялся схватиться с ним, считая, что легко справится.

Гор кашлянул, прочищая горло. Назад пути не было – надо решаться.

– Я не лгу, мастер Трэйт, – начал он. – Вы видели меня тогда в кулачном бою, но не видели с оружием. Поверьте, с оружием я *не хуже*. И я действительно смогу выиграть в поединке на мечах без доспеха у любого вашего бойца, если для меня будет изготовлен меч особой формы и мне разрешат пользоваться нестандартной техникой фехтования.

– Нестандартная техника? – повторил за ним Трэйт, пропустив слово «фехтование» и как бы пробуя выражение на вкус. – Особый меч?.. Забавно ты говоришь, сынок. Но это всего лишь речи, сотрясение воздуха. Что за меч? Что за техника? Давай-ка поподробней!

Гор задумался на секунду, анализируя ситуацию.

Возможно ли в двух словах объяснить технику кругового парирования и легкое, злое оружие, необходимое для него, человеку, который никогда не видел современного клинкового боя? Пожалуй, что нет. Он поднял глаза и сказал:

– Простите, господин, но описать это словами невозможно. Это можно лишь показать. Дайте мне три дня для изготовления оружия, помощь таргитария, неделю на подготовку, и я свалю в поединке вашего лучшего бойца менее чем за тридцать секунд. Любого.

Он выдержал секундную паузу и продолжал:

– Если нет – Крисс спустит с моей спины шкуру хлыстом. В первом случае школа получит отличное зрелище поединка и нового консидория, во втором – отличное зрелище кровавого наказания и показательный пример для кадетов. И то и другое пойдет на пользу воспитательному и учебному процессу, не так ли?

Трэйт снова посмотрел на него, и в его глазах, казалось, сверкнул интерес к самонадеянному, но безусловно смелому юнцу.

– За тридцать секунд? Ну, ты наглец, сынок, – покачал он головой. – К тому же одного удачного боя, как ни крути, маловато, чтобы получить консидория. Вот ты, Крисс, как думаешь?

Обычно улыбчивый Крисс стал тут серьезен – он уже не валял дурака и не язвил.

– Думаю, юнец прав насчет зрелища, – ответил габелар после небольшой паузы. – Хороший бой или хорошая порка всегда к науке. А и то, и другое причитается с него.

С этими словами он с размаху саданул Гордиана по плечу.

– Но что касается звания консидория, – продолжил Крисс, – то тут нужно посмотреть, с кем он будет драться. Вот если, например, Бранда завалит, тогда можно и консидория дать. Впрочем, – здесь Крисс не сдержался и хохотнул, – если наш «Ужас» завалит Бранда, то пусть становится хоть тренером, хоть габеларом. Я лично выделю ему взвод!

Трэйт кивнул, принимая мнение охранника, затем помолчал и задумался. Крисс тем временем переминался с ноги на ногу, с нетерпением ожидая возвращения в караулку, а Гор внимательно смотрел на думающего «начальника», от которого зависел исход разговора. Наконец, когда он уже решил, что Трэйт попросту забыл об их присутствии, старый дацион открыл рот и огласил свое решение.

– Ладно, Крисс, – сказал он с бесстрастным лицом, – отведи его к таргитария, скажи: пусть выслушает и сделает, что нужно. Причем сделает хорошо и согласно его указаниям. – Тут он ткнул в Гора рукой, в которой держал перо. – Передай, что я так сказал! А ты готовься, – бросил тренер, уже обращаясь к кадету. – И запомни: консидорий Бранд это тебе не мастер старшина Гаврин, сынок. Придется попотеть. Это все. Свободны!

Взмахом руки он погнал их прочь.

Глава 21

Жало фехтовальщика

Время, предоставленное ему Трэйтом, Гордиан постарался использовать с умом. В первый же день он отыскал таргитария и с огромным трудом объяснил старому хрычу, что требуется сделать.

Таргитарий оказался пожилым рабом по имени Вордрик Аймен с подслеповатыми глазами и согнутой годами спиной. Наличие у раба фамилии говорило об очень высоком положении в рабской иерархии этого мира, где большинство населения было чьей-то собственностью. Там, где почти все являлись рабами, среди невольников образовывались свои внутренние социальные классы – от полностью бесправных кадетов-гладиаторов до настоящей рабской элиты: старшего дациона, вилика Шато или таргитария.

Фамилии старшим рабам, распоряжавшимся подчас жизнью и судьбой своих менее удачливых собратьев, присваивали лично господ, свободные хозяева усадеб и поместий. Судя по всему, Вордрик принадлежал именно к такой элите, к приближенным рабам своего господина. Он занимал эту должность уже более двадцати лет и относился ко всем новшествам в кузнечно-оружейном деле с большим скепсисом, особенно если предложения о новинках исходили от молокососов, каким ему и представлялся Гордиан в своем новом облике. Однако благодаря приказу Трэйта, который был старше Вордрика по иерархической лестнице, а также активной помощи старшины Крисса, крайне заинтересовавшегося новинкой, вожаемое Гором чудо-оружие удалось изготовить относительно оперативно – хоть и отвратительного качества, но всего за один день.

Большинство типов индивидуального ручного оружия, изготавливавшегося в мастерских Лавзейской Дуэльной школы относилось к разряду тяжелых или средних мечей и было предназначено в основном для рубящей техники. С подобным оружием искусства фехтования, как такового, не существовало. Все сводилось к простейшим парированиям и уходам, а уровень мастерства зависел от привычки к тяжести оружия, выносливости, крепкой кисти и способности выдержать мощный, подчас оглушающий удар мечом по щиту, шлему или кирасе. При таком типе боя важнейшим качеством для бойца оказывалась способность энергично атаковать, не менее энергично парировать удары и при этом делать это постоянно, с силой и частотой бо льшей, чем у противника.

Для непривычного человека обращение с тяжелым одноручным, а тем более с двуручным мечом было делом просто невозможным. Однако после несложных по технике, но изматывающих тренировок бойцы быстро достигали определенного уровня, за которым их различия в качестве фехтования объяснялись только физическим различием в силе рук,

выносливости и крепости плеч, на которые ложилась тяжесть доспехов.

Но так дело обстояло только в классическом поединке со щитом и доспехом. В сражении на мечах без защитного вооружения подчас не существовало даже такого различия. Тяжесть оружия обычно была такова, что скорость, с которой наносились удары, и возможность парирования таких ударов оказывалась весьма незначительной. И нанести, и отразить точный удар было сложно, а при этом оба бойца не имели ни доспехов, ни щита.

Поистине в такой ситуации дело почти всегда решали случай и удача, а не мастерство и даже не сила, хотя, конечно, физически более крепкому противнику вести такой бой было легче.

Именно на практическую неуправляемость такого «бездоспешного» поединка с тяжелым классическим оружием и сделал свою ставку Гордиан. Он хотел внести в бой элемент организации и контроля со стороны одного из бойцов, а именно – себя.

Для этого ему было нужно оружие, хорошо управляемое и точное. Безусловно, таким клинком могла стать только малая трехгранная рапира – практически не пригодная в реальном бою, но незаменимая в данной ситуации.

В первый раз, пытаясь объяснить Вордрику и Крису свою манеру фехтования и технические характеристики нового орудия убийства, которое предстояло изготовить, Гор столкнулся не только с сильным сопротивлением, помноженным на недоверие, но и с элементарным непониманием предмета.

Мастер-таргитарий в принципе не воспринимал терминов, которыми оперировал Гор, пытаясь донести до того внешний вид рапиры. А Крисс только хохотал во все горло и орал, что с таким прутиком хорошо гонять домашний скот, а для серьезных дел типа укрощения лучших бойцов школы это шило годится не более чем его, Гора, половой орган для дородной бабы.

Гордиану пришлось прибегнуть к аналогии. В арсенале школы находилось два раритетных экземпляра старинной боссонской алебарды, с длинным и тонким трехгранным наконечником. У современных алебард, использовавшихся милицией и армией Боссона, колющий шип было значительно шире и тяжелее, а главное – существенно короче этих. Гордиан отпилил одно наконечник и притащил его к Вордрику с требованием удлинить его еще более и насадить на стандартную кинжальную рукоять, прикрытую выше эфеса более длинной и широкой перекладиной гарды.

Получившееся произведение оружейного искусства не произвело впечатления ни на самого Гордиана, ни, тем более, на Крисса, который был, в общем-то, достаточно опытным бойцом. Новоявленную рапиру изготовили из дрянного железа, поскольку таргитарий воспринял указание Гора изготовить «такое же лезвие как у этой алебарды» в буквальном смысле и пожалел на никчемное по его мнению мероприятие хорошей стали. Однако оружие было длинным, легким и имело остро отточенный наконечник, а треугольное сечение придавало тонкому лезвию достаточную прочность и устойчивость, так необходимую Гордиану в предстоящем бою.

Увидев первую в этом мире рапиру, Крисс фыркнул и сказал, что «игрушка» не выдержит и одного простейшего соприкосновения с нормальным мечом, если вообще не треснет в воздухе от резкого движения. С первым утверждением Гор согласился, но смысл заключался в том, что парировать удары тяжелого оружия он и не собирался. Для победы ему требовался всего один укол, отразить который громоздким «бастардом» или секирой практически невозможно.

Он еще раз осмотрел свое примитивное с виду оружие и в целом остался доволен.

Перед ним было острое злое шило! Именно то, что нужно для предстоящего поединка.

Следующая неделя ушла на отработку навыков современного фехтования. Эти семь дней бывший демиург просто убивал себя в тренировочном зале, пытаясь заставить новое тело впитать память разума, опыт трехсот лет военной службы и спортивных упражнений.

Еще совсем недавно, Гор был отличным бойцом, его телесная оболочка выполняла передвижения, атаки и комбинации с точностью автомата, а кисти рук не задумываясь

проводили сложные финты и парирования. Однако то было старое тело Гора, которым теперь он, увы, не обладал. Низкорослый молокосос, которым стал бывший демиург Нуля и владелец собственной карманной вселенной, страдал неумеренной худобой, имел слишком тонкую слабую правую кисть, сбитое дыхание и отвратительную по сравнению с прошлым уровнем растяжку. Впрочем, он был молод, а значит — быстр, легкость тела отчасти компенсировала его слабость, и после недели непрерывных тренировок Гордиан почувствовал, что готов.

Конечно, с таким оружием и такими физическими данными он не сможет показать *класс*, на который по «часам» его памяти был способен не более месяца назад, однако в удачном исходе поединка Гор почти не сомневался.

Глава 22

Бранд Овальд, консидорий

Утром одиннадцатого дня, прошедшего с памятного разговора со старшим дационом Лавзейской Дуэльной школы, перевоплощенный демиург Нуля Гордиан Оливиан Рэкс проснулся рано, чтобы успеть отработать последнюю утреннюю тренировку перед боем.

Воздух был свеж, небо безоблачным, а настроение — тревожным.

Отрепетировав пару замысловатых комбинаций, Гор пошел завтракать, затем — отдохнуть и снова тренироваться. Спустя два часа он осознал, что бездумное повторение однотипных упражнений сегодня утром не принесет ему ничего кроме усталости, поскольку для достижения автоматизма в выполнении финтов и маневров требуются месяцы, если не годы, а времени до поединка оставалось менее трех часов. Поэтому, подхватив рапиру под мышку, он направился к казарме консидориев, надеясь взглянуть лишний раз на своего потенциального противника.

Как и обещал Трэйт, его «*contragente*» в этот решающий день должен был стать не кто иной, как Бранд Овальд, на которого ссылался Крисс в разговоре с ним и Мишаном Трэйтом. Тогда Гордиан ничего не знал о Бранде, но за неделю сумел узнать достаточно много, чтобы относиться к противнику если не со страхом, то, по крайней мере, с уважением.

Бранд не без оснований считался лучшим поединщиком школы, а возможно — всей Боссонской марки. Он выиграл прошлогодний турнир («летние авеналии»), проводившийся за приз в пять сотен золотых солидов. Для сравнения стоило сказать, что стоимость одного раба-кадета в поместье составляла не более пяти—семи сестерциев, стоимость хорошего раба-консидория — двадцать—тридцать сестерциев, а один солид равнялся ста сестерциям.

Таким образом, Бранд был не просто хорошим дуэлянтом, а специально подготовленным профессиональным убийцей, так называемым «призовым бойцом», и зарабатывал за год для содержателя школы огромные деньги.

В отличие от большинства кадетов и консидориев Дуэльной школы, Бранд был коренным уроженцем Боссона, рожденным рабыней от одного из бойцов. Поговаривали, что его отцом, возможно, является сам лорд Брегорт, хозяин Лавзейского шато, всех прилегающих к нему обширных земель и нескольких десятков роскошных вилл и отелей по всему славному Эшвенскому королевству.

То, что рабыня понесла от владельца, не считалось тут чем-то из ряда вон выходящим. Беременность рабыни от лорда давно была признана обычной практикой, и в одной только Дуэльной школе Брегорта по крайней мере несколько бойцов могли похвастать высокородным происхождением.

Впрочем, согласно соответствующему королевскому Ордонансу, рожденный рабыней или зачатый от раба в любом случае становился рабом и не мог претендовать не то что на титул, но даже на личную свободу. Так что статус «призового бойца», дуэлянта-консидория должен был вполне устраивать Бранда.

Как и все прирожденные боссонцы, Бранд был высок ростом, почти на голову выше, чем большинство отнюдь не маленьких кадетов-клонов. Добавьте к этому огромные плечи и

чудовищно атлетический торс, к тому же почти лишенный жировой прослойки, и вы получите живую машину для убийства, выносливую и почти несокрушимую.

Сейчас это выдающееся гармоничное соединение бойцовского мастерства, костей и мускулатуры вращало над головой тяжелый двуручный меч-клеймор с такой видимой легкостью, словно это был деревянный шест, а не двенадцать килограммов доброго железа. Несмотря на тяжелое упражнение, дыхание Бранда было ровным, а на теле – лишь немного испарины.

Увидев Гордиана, Бранд остановился, воткнул свой меч в песок тренировочного зала и, опершись на него, посмотрел на будущего противника. Бранд узнал Гордиана, но ничего не сказал – он открыто и довольно миролюбиво смотрел на Гора и скромно улыбался.

Гор кивнул в качестве приветствия и подошел ближе.

– День добрый, – сказал он и выразительно посмотрел на оружие своего будущего противника. – Тяжелый меч, должно быть? Впервые вижу, чтобы с таким клинком управлялись настолько легко.

– Привычка, – спокойно ответил Бранд, пожав могучими плечами. – И ты так сможешь лет через пять тренировок.

– Если доживу, – скромно заметил Гордиан.

– Доживешь, – спокойно кивнул великан. – Обычно я не убиваю кадетов.

– Спасибо! – усмехнулся Гор. – С другой стороны, я не убиваю консидориев.

Это звучало наглым вызовом, но Бранд спокойно усмехнулся и покачал огромной рыжей гривой.

– Ну ты наглец! – сказал он все также миролюбиво. – Трэйт говорил мне, что ты безбашенный бретер с большими претензиями. Вижу, что он не соврал. – Бранд поднял меч и снова с определенной амплитудой стал раскручивать его вокруг себя. – Но наглость хороша, если подкреплена силой.

– Или умением, Бранд.

– Ха, так ты умелец?!

– А ты разве нет?

– Немного есть. – Выполнив пируэт, великан снова остановился; его дыхание по-прежнему оставалось ровным. – Однако, – тут Бранд назидательно поднял палец и его лицо приняло серьезное выражение, – в нашем ремесле умение – это не все, брат-серв. Здесь нужна сила. Так что лучше молись сегодня богу Хепри, кадет.

– Молиться Хепри? – Гор вскинул брови – Но ты же не убиваешь кадетов!

– Только сильных кадетов, брат, – поправил его великан. – Бой есть бой. А слабака можно зашибить и случайно. Если ты достаточно силен, брат, то выживешь сегодня.

– Или если умел, Бранд!

Бранд хмыкнул.

– До встречи, – сказал он и вновь поднял свой гигантский меч.

– До встречи, – сказал Гордиан и с сомнением посмотрел на свою рапиру.

Дубина и шпилька. Стальной фабричный пресс и маленький молоток...

Они встретились спустя три часа на ристалище, и на поединок собралась посмотреть почти вся Дуэльная школа в полном составе – старший тренер действительно решил устроить показательный бой.

Ристалище представляло собой большую прямоугольную площадку между зданиями, посыпанную мелким песком. По периметру площадки кадеты расставили длинные скамьи для наблюдателей, а в глубине перед ристалищем, на балконе одного из домов, расположилась небольшая трибуна, на которой сидели старший дацион Трэйт и руководители подразделений. Главного вилика шато, Каро Сабина, не было, ибо он уехал в Бронвену, административный центр Боссона, по торговым делам и собирался вернуться не ранее чем через неделю. Впрочем, Трэйт обладал полномочиями назначить любой тренировочный или реальный поединок без уведомления не только вилика, но даже самого

лорда Брегорта.

Скамьи со зрителями образовали в центре ристалища сравнительно небольшой свободный квадрат, который и предназначался для поединка. Бранд вышел на него первым, поигрывая рельефными мышцами рук и плеч. Он был в простой холщовой рубаше навыпуск, коротких шортах, не стеснявших движение, и кожаных сандалиях. Появление непризнанного чемпиона школы вызвало бурю оваций и море радости на лицах присутствующих. Все-таки это была Дуэльная школа и кумирами ее обитателей могли стать только преуспевающие бойцы!

Гор протолкнулся через сидящую на скамьях толпу сразу же вслед за великаном. Однако его появление на импровизированной арене вызвало, напротив, некоторое разочарование. Не знающие его в лицо кадеты, возможно, стали бы даже улюлюкать и свистеть, но присутствие рядом начальников отрядов и дационов заставило их вспомнить о дисциплине. Во всяком случае встречен претендент был более чем холодно.

Экс-демиург также облачился в короткие штаны, но остался голый по пояс и совершенно босой. Тощая узкоплечая фигура отнюдь не являла собой образец титанической мощи, а юный возраст – пример подготовки и опытности. Еще меньше энтузиазма вызвало странное, невероятное оружие Гордиана – маленькое, ничтожное жало, которое по сравнению с вооружением Бранда выглядело как детская игрушка.

– Начинайте, – сказал Трэйт и дал знак барристе, распорядителю поединка. Тот вышел на середину арены и звонко проорал:

– Назначается дуэль между «призовым бойцом», чемпионом летних авеналий 4379 года, консидорием Брандом Овальдом и соискателем, кадетом Гором. Дуэль проводится на мечах без доспехов. До третьей крови, смерти или сдачи одного из бойцов.

Он по очереди повернулся к Бранду и Гордиану:

– У дуэлянтов есть претензии к оружию или амуниции противника?.. Бойцы готовы?.. Начали!!!

Барриста резво отпрыгнул в сторону, и два бойца начали кружить по ристалищу, внимательно следя друг за другом напряженными глазами.

То, что бой будет проводиться до третьей крови, было для Гордиана сюрпризом. Это означало, что поединок нельзя прекратить первым же легким ранением одного из претендентов. Обычно, когда объявлялась дуэль до первой крови, то буквально первая же царапина, вызвавшая достаточно сильное кровотечение, могла стать ее окончанием. Дуэль же третьей крови частенько оканчивалась смертью или инвалидностью, ибо в серьезном поединке бойцы не могут нанести друг другу более пары ранений – один из ударов почти наверняка оказывался тяжелым.

Впрочем, подумал Гордиан, разницы нет, он все равно не собирался затягивать этот бой. Его оружие было непригодно для сколько-нибудь действенного парирования, и Гор не планировал ни демонстрации современного фехтовального поединка, ни привычной зрителям обычной жесткой рубки консидориев на тяжелых мечах.

Только один укол, жестокий и быстрый.

Один укол.

Бранд был отличным парнем и в принципе нравился Гордиану, однако Бранд еще и опасный боец. Рапира рапирой, но реальный боевой опыт и фантастическая физическая мощь боссонца могли сыграть с Гордианом неприятную шутку и существенно испортить его планы. Поэтому внутренне он был готов к нанесению не только ранящего, но и смертельного удара, если не удастся вывести гиганта из строя иным способом. Кроме того, он знал, что по-настоящему ценные бойцы – а Бранд, безусловно, одн из таких – могли быть воскрешены в храмах Хепри. Так что возможная смерть Бранда хотя и стоила денег, но не являлась проблемой окончательной и неразрешимой. В отличие, кстати, от жизни двухмесячного кадета, которого воскрешать никто не станет.

Вторым сюрпризом для Гордиана стало отсутствие в руках Бранда его огромного двуручного меча-клеймора, с которым он тренировался: в обеих руках у Бранда находились

обычные обоюдоострые кривые мечи-фальчитоны, тяжелые, но не сравнимые по весу с тем двуручным чудовищем. Соответственно, движения рук у Бранда должны были стать более быстрыми и резкими, замах – короче, а парирования – точнее. К тому же использование обеих рук позволяло дезориентировать противника относительно направления атаки.

С другой стороны, расположение тела симметрично к обоим орудиям лишало Бранда возможности длинного выпада, что несколько сокращало «дальнобойность» его нападения. Впрочем, в данной ситуации это не имело особого значения, поскольку «дальность» действия Гора в любом случае была неизмеримо больше, благодаря технике колющего выпада и длине рапиры.

Сейчас Бранд стоял, широко расставив ноги, слегка согнув колени и слегка разведя согнутые руки в стороны, опустив при этом оба меча параллельно полу с эфесами у бедра.

Гор, напротив, принял классическую позу фехтовальщика, развернувшись к своему противнику правым плечом и держа единственную вооруженную правую руку согнутой в локте – с оружием, направленным кончиком в глаза своего вынужденного врага. Теоретически это делало рапиру почти невидимой для противника и затрудняло определение расстояния до оружия.

Однако практически, подумал Гор, он вряд ли бы смог подыскать вообще что-нибудь, что действительно могло бы «затруднить» многоопытного чемпиона...

Пока Гордиан размышлял, прикидывая, как подобраться к этому чудовищу, немного шокированный двумя только что открытыми обстоятельствами поединка, Бранд атаковал первым!

Сделав широкий, тяжелый шаг, слишком простой для атаки мастера, он двинулся вперед, проводя примитивный, но мощный замах правой рукой.

Моментально собравшись и подавив непроизвольный импульс на отражение вражеской атаки, Гор отскочил, выйдя из зоны поражения.

Удар!

Этот отскок стал единственным, что сохранило Гору жизнь в первые же секунды противостояния. Бранд был левшой, хотя орудовал обеими руками почти без различий, и атака с правой оказалась ложным маневром. Если бы Гордиан попытался отвести падение меча, то с левой его ожидал другой сокрушительный удар от второго лезвия – неотвратимый и смертоносный. В итоге левый меч пронесся перед лицом Гора всего в нескольких сантиметрах, обдав его холодящим до дрожи ветерком смерти.

Гор мгновенно контратаковал, однако Бранд оказался слишком быстр для такого борова и, немедленно отступив, легко парировал выпад своего более мелкого противника ударом гарды сверху. Внезапно противники оказались слишком близко друг к другу, и оружие стало бесполезным из-за тесноты. Бранд с размаху врезал рукоятью в лицо Гордиану и тут же добавил пинок в грудь, если и не сокрушивший ребра, то, по крайней мере, разом выбивший дыхание из легких.

Гор отлетел в сторону, стараясь при падении не повредить хрупкое лезвие рапиры. Но сразу поднялся, тяжело дыша и умываясь кровью. С лица, поврежденного мощным, тупым ударом, обильно стекала алая юшка.

Зрители взревели. Кадеты ликовали почти в экстазе, а консидории обменивались кривыми усмешками и кивали. Трэйт молчал.

Бранд неторопливо крутил обоими мечами, управляя направлением вращения одними кистями рук, выписывая овалы и восьмерки. Крики не умолкали, но Мишан Трэйт поднял руку и над ристалищем снова зависла тишина.

«Дисциплина, да... – подумал Гордиан. – Если я проиграю, то сегодня, на этой же самой площадке, перед этими же людьми с моей спины сдерут кожу кнутом. Если вообще выживу».

Требовалось спешить. Поединок итак слишком затянулся – двадцать из обещанных Трэйту секунд уже истекли. Бранд хорош, однако он – всего лишь опытный дикарь, не более. Современный человек не может проиграть дикарю!

Гордиан принял прежнюю боевую позицию и сконцентрировался. Лишенный Дара, он был не в состоянии теперь чувствовать недоступные обычным людям перетекания энергии и информационных потоков, поэтому просто предельно сосредоточился на собственных реакциях, на движениях противника, попытавшись усилить обычное восприятие.

Бранд медленно развернулся и как в замедленной съемке двинулся к нему, рассекая круговыми движениями смертоносного оружия пространство вокруг себя. Воздух выл, разрезанный остро отточенной сталью! Окружающим казалось, что великан окутан серой сверкающей паутиной, закрывающей великолепного бойца со всех сторон, однако Гор видел глазами и ощущал кончиком рапиры плавный ход обоих мечей. Лезвие его оружия почти звенело от напряжения, а пальцы впились в эфес как хищник в горло жертвы. Он видел прорехи в сверкающей сфере из вращающихся клинков и *был готов*.

Когда правый меч Бранда ринулся вниз, завершая очередную восьмерку, а левый только взмывал вверх, чтобы в следующем финте обрушиться на голову тщедушного противника, рассекая череп и мозг, Гордиан быстрым и простым притопом сделал два молниеносных шага с опорной ноги и буквально выстрелил своей правой кистью в корпус мечника!

Рапира, мерзко пропев, хищно и зло вонзилась в плечо и так же молниеносно вырвалась оттуда в обратном направлении. Сделав отскок, Гор застыл почти в том же положении, с которого начал маневр.

Воздух приобрел густоту и тяжесть болотной воды. Медленно-медленно один тяжелый фальцитон выпал из руки Бранда, а другой – опустился концом в песок. Свободной рукой великан дотронулся до крошечного отверстия в плече, на четыре пальца выше сердца, откуда с напором, бурными рывками хлестала кровь.

В следующее мгновение одно колено его подогнулось и огромное тело мешком завалилось наземь, тяжело отдав гулким ударом в наэлектризованном от нервного напряжения пространстве.

Над ристалищем зависла мертвая тишина.

Более глубокая и вязкая, чем после команды Трэйта. Полторы тысячи глаз смотрели на истекающее кровью тело чемпиона, не шевелясь и почти не дыша. Гор посмотрел на неподвижные скамьи, отшвырнул ненужную теперь рапиру и кинулся к Бранду.

– Бинт, его нужно перебинтовать! Где врач? – заорал он.

И с его криком площадка, казалось, вздрогнула. Кадеты соскочили с ближайших скамей, засуетился барриста, два санитара подбежали к неподвижному, но несомненно живому поверженному боссону, оттеснив Гора в сторону.

Тот отошел на шаг, устало вздохнул и вытер мокрый от напряжения лоб. Где-то на балконе встал Трэйт и в сопровождении других дационов покинул ристалище. Где-то напряженно и яростно спорили консидории. Рядом стоял, замерев в тупой прострации, старшина Крисс. Восторженными глазами пожирали его кадеты Рашим и Никий. Однако Гордиана это уже не волновало.

В момент наивысшей психической концентрации он явно чувствовал не только собственное тело и движения Бранда, но и тепло его крови, холодную, темную энергию своего смертельного оружия. А также бушующие потоки восторга и ярости, текущие в человеческих душах стоящих рядом рабов.

Дар *Тшеди* возвращался...

Спустя полчаса его привели в кабинет старшего дациона.

– Формально, ты не победил, сынок, – с ходу начал разговор старый тренер. – Бой велся до третьей крови, а у проигравшего была пущена первая. Следовало либо убить его, либо заставить сдаться. Так что твоя спина, вообще-то, принадлежит Криссу. И кнуту.

Гордиан промолчал. «Порядок – великая сила, – подумал он, – но должен ведь существовать и здравый смысл».

– Однако, ты поразил меня, – продолжил Трэйт, – да, пожалуй, и не меня одного. Никогда не видел ничего подобного твоему шилу, а вся школа никогда не видела Бранда,

жрущего пыль. В общем, ты молодец, и формальный проигрыш я тебе прощаю. Вопросы есть?

Гордиан пожал плечами:

– Что с Брандом? – спросил он.

– Жив, почти здоров, потерял много крови, рука не шевелится, однако в восторге и рвется встать. Чтобы поговорить с тобой по душам.

– Он же меня покалечит!

– Да ты что, он хочет высказать тебе свое почтение, а не требует сатисфакции. Ты теперь его кумир, парень весь в восхищении.

– С ума сойти...

– Точно, сынок.

– А как насчет звания консидория?

– А вот звания я тебе пока не дам, хоть и обещал. И вот по какой причине, кроме той, что ты формально-то проиграл. У лорда Брегорта по твоей милости выпал лучший дуэльный боец, им как ты понимаешь, до вчерашнего полудня был некто Бранд Овальд, ныне продырявленный. А у нас призовой сезон на носу, и лорду нужны деньги. Так что ты – первый двухнедельный кадет, пущенный в «призовые». Представляю, какие будут ставки против фехтовальщика-сосунка! Думаю, при грамотном подходе мы сможем оправдать годовое содержание школы, не меньше. Так что можешь гордиться, сынок, можешь гордиться.

– Я горжусь, мастер Трэйт. – Гор тяжело вздохнул и вышел из кабинета.

Глава 23

Лавзейская школа наложниц

Нельзя сказать, что после победы над Брандом жизнь Гора круто изменилась. Почти две недели после боя он по-прежнему оставался «всего лишь кадетом», как и большинство окружающих его товарищей. Он по-прежнему жил в маленькой каморке кадетской казармы и по-прежнему большую часть его времени съедали непрерывные тренировки.

Однако в один из вечеров в размеренное существование рядового лавзейского ученика вошли перемены. И кроме мыслей о побеге, размышлений о происходящем и сумрачных воспоминаний о прошлой жизни в разуме и сердце Гордиана Рэкса, к его вящему удивлению, поселилось кое-что еще.

Было воскресенье. Рабочий день для большинства сервов и выходной для избранных – элиты поместья, старшин габеларов и лучших бойцов Дуэльной школы. В то утро в комнатку Гора, только-только продравшего глаза и натягивавшего тунику, вломился Крисс с белозубой улыбкой на лице.

– Здорово, боец! – с порога проорал он. – Не запаршивел еще в своей конюшне?

– Шел бы ты, Крисс, – беззлобно ответил бывший демиург, за несколько дней уже привыкший к постоянным поддевкам весельчака-габелара и относившийся к ним снисходительно. – У меня тренировка через час, а ты отнимаешь мое личное время.

– Да что ты! – Крисс аж всплеснул руками – А я, знаешь ли, от старшего дациона. Трэйт отменил твои занятия на сегодня и велел свозить к девкам.

– Куда?!..

– Ну тихо, тихо – в Школу наложниц. Габеларам разрешено шлаться туда каждые выходные, консидориям – по заслугам, два или три раза в неделю. А ты у нас хоть и не консидорий, но вроде как лучший боец в легком весе. Неделя уже прошла, так что положено. Собирайся и едем.

Гордиан посмотрел на рапиру, висящую на стене, и покачал головой.

– Мне это не нужно.

Крисс подошел к нему и с размаху влепил затрещину. Это произошло настолько неожиданно, что не отошедший от сна Гордиан даже не успел защититься, а только скорчил

гримасу.

– Дурак ты, – заявил Крисс. – Всем это нужно. К тому же я твой старший начальник и у меня приказ дациона. Встал, оделся и пошел без разговоров. Давай! – И он кинул Гору в лицо его пояс с оружием.

Кадет поймал пояс, подумал, не выхватить ли кинжал и не полоснуть ли обнаглевшего стражника по роже, но передумал. В принципе Крисс был лучшим из всех известных ему габеларов, да и пожалуй единственным, кого он мог назвать хорошо знакомым и даже близким ему в этом мире человеком. К тому же Крисс имел полное право кидаться в него вещами и раздавать приказы.

Гор молча поднялся, нацепил оружие, накинул плащ и кивнул.

– Готов, – сообщил он.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Крисс.

Они вышли наружу и двинулись к конюшне.

Школа наложниц, а в просторечии «Садок», оказалась огромным трехэтажным зданием, отделенным от остальных строений поместья высокой оградой. В отличие от плетней и заборчиков, окружавших прочие учреждения, ограда женской школы не казалась декоративной. Это была настоящая фортификация, высотой почти шесть метров и толщиной кирпичной кладки чуть ли не метр. Однако предназначалась эта ограда, как объяснил Крисс, вовсе не для того, чтобы девчонки не сбежали, а как раз напротив – чтобы к ним никто не лез снаружи.

Крисс так же разъяснил, что вокруг поместья разбросано много небольших домиков с приусадебными участками. В этих домиках живут сервы, которым лорд Брегорт разрешил сочетаться браком и рожать детишек к вящему удовольствию старого шательена. Однако все семейные рабы составляют ничтожную долю обитателей Лавзеи и тотальное большинство – это неженатые мужчины, которые жен никогда и не будут иметь в силу особенностей своей работы.

В частности, призовым бойцам и охране поместья супруги не полагались в принципе. Поэтому единственным способом общения с противоположным полом, доступным большинству сервов-мужчин, являлись услуги, предоставляемые выпускницами Садка.

Теоретически Садок был коммерческим предприятием, выращивавшим наложниц на продажу, однако в условиях большой конкуренции рабыни обычно продавались плохо, и львиная часть окончивших школу выпускниц оставались в ее стенах для обслуживания сервов поместья. Ведь Брегорт был не зверь и заботился о своей собственности мужского пола.

Каждой категории сервов, кроме низших рабов из обслуживающего персонала, подсобных рабочих и молодой прислуги, выделялось определенное время для посещения Школы наложниц и соответственно, определенная группа девушек.

Лавзейская элита, в частности вилик и его помощники, могли позволить себе приглашать наложниц на дом, в коттеджную часть поместья, и обслуживаться, так сказать, «на месте проживания».

Остальные сервы приходили в школу сами.

Для габеларов и консидориев как для более высокой категории клиентов были предоставлены выходные дни – суббота и воскресенье и, разумеется, лучшие женщины Садка.

Насколько понимал Гордиан, мнения самих выпускниц для распределения в группы по категории клиентов и времени пользования никто не спрашивал. Однако существовала в школе и совершенно отдельная категория рабынь (так называемые «резервные выпускницы»), отбиравшаяся Сабином исключительно на случай приезда Брегорта. Ими никто регулярно не пользовался, и они оберегались исключительно для лорда и его гостей, ожидая внимания шательена. В конце концов, когда Брегарту они надоедали, он отдавал их в распоряжение своих сервов. Среди габеларов и консидориев почему-то особым шиком считалось спать именно с такими рабынями, бывшими наложницами их общего господина.

Конкретно в такую группу бывших «резервных выпускниц» и привел его сейчас Крисс.

– Смотри, – сказал габелар, показывая на длинный ряд диванов, расположившихся в обширном холле перед фонтаном, – это жемчужины Садка. Красавицы из красавиц. Только для чемпионов и лучших из консидориев. Ты не представляешь, как тебе повезло сегодня, братишка. Давай – гляди, выбирай. Только глаза, смотри, не сломай.

И действительно, глаза Гордиана, давно отвыкшего от лицезрения полуобнаженных женских тел, с непривычки разбегались. На каждом диване в вызывающих соблазнительных позах возлежали великолепные экземпляры рода человеческого. Однако эталон местной красоты, по-видимому, отличался от принятого в мирах Корпорации.

Местные Афродиты были явно ниже росточком, обладали шикарным бюстом и более округлыми, крупными формами, чем ценились в привычном Гордиану мире. Но все они блистали чудесной кожей и были великолепно ухожены.

Блондинки и брюнетки, шатенки и рыженькие, все молодые и прелестные. Великолепная выставка, подумал Гор. Немного варварская и унижительная для женщин, но любого мужика даже из Корпорации сведет с ума, это точно.

При этом из одежды на девушках оставались только легкие полупрозрачные туники, не скрывающие, а скорее подчеркивающие их прелести, а также тонкие золотые украшения, буквально унизывающие тела. Золотые браслеты сверкали на запястьях, предплечьях, щиколотках. В ушках висели массивные серьги, а на челе – изящные диадемы. Все украшения и туники отличались разнообразием, хотя и походили друг на друга по стилю.

Крисс посмотрел на него выжидающе, но Гор застыл в нерешительности. Все-таки его никто не предупреждал, что придется выбирать вот так быстро и столь откровенно, и он немного растерялся. Как ни крути, а общаться с женщинами в этом мире ему еще не доводилось.

Нерешительность Гора внезапно прервали сами дамы. Одна из полуобнаженных нимф с роскошной гривой платиновых волос поднялась со своего ложа и, игриво покачивая бедрами, подошла к ним.

– Кого это ты привел к нам, Крисс? – лучезарно улыбаясь, спросила она. – Обычно сюда приходят медведеподобные головорезы. А этот, – она погладила Гора по щеке, – совсем молоденький. Ты не ошибся, старшина?

– Ни в коем разе, моя прелесть, – ничуть не смущаясь промурлыкал Крисс. – Это наш новенький.

Тут он наклонился к ее ушку.

– Тот самый новенький. Семь дней назад он завалил одним ударом великого Бранда Овальда. Вы в курсе, я надеюсь? – С этими словами он опять смачно хлопнул Гордиана по спине. – Так что представляю вам, сударыня, нового чемпиона Лавзеи в легком весе!

Девушка пораженно покачала головой, продолжая улыбаться, но теперь уже с выражением восхищения в глазах.

– И как же зовут нашего чемпиона? – просто спросила она.

– По реестру Гор, – отвечал ей габелар, – но в шато его зовут Ужасом, а Трэйт называет Ракиром, что значит «жалю». Это потому что он дерется шпилькой и «жалит» бойцов, а не рубится с ними, как положено, мечом. Верно, братишка?

Не сводя глаз с девушки, Гордиан кивнул. Непонятный ему самому восторг и всепоглощающее восхищение, лучившееся в его взгляде, по-видимому, было трудно скрыть, и девушка снова улыбнулась, но теперь уже с какой-то грустной гордостью.

Крисс тем временем продолжал:

– И как он тебе нравится, Лис? Хорош, а? Настоящий боец!

Блондинка покачала головой и теперь уже в свою очередь осмотрела Гордиана с головы до ног. Снова смущенный под ее взглядом, юноша склонил голову. Он знал, что не производит впечатления с первого взгляда.

– Он неплох, – сказала наконец женщина.

Внезапно она шагнула к Гору, прильнула телом, опутав нежным цветочным запахом,

обвила рукой шею и, глядя в глаза, произнесла:

– Выбери сегодня меня, мой юный господин. И я усмирю твое ... «жало».

Удивляясь собственной робости, но совершенно поверженный глубиной ее бездонных голубых глаз, почти не понимая смысл сказанных слов, Гор только судорожно кивнул и что-то промямлил, соглашаясь. Подавленный внезапными комплексами, никогда не свойственными ему в прошлом, Гор почти потерял дар речи. «Что со мной происходит?» – подумал он, пораженный собственным поведением. Ведь он демиург. Демиург!!! Человек, повелевавший мирами! Откуда наплыв этого странного, почти детского, страха перед всего лишь шлюхой?

Крисс тут же заржал, а девушка, мягко подавшись вниз, соскользнула с шеи, развернулась и жестом приказала следовать за собой. Как мул на привязи молодой человек двинулся за прелестницей.

Крисс придержал его за рукав.

– Лисия, – прошептал он, – ее зовут Лисия, если что. Удачи, братишка. Ты просто везунчик сегодня!

И он подмигнул.

В ответ Гор только тупо мотнул головой и кинулся за девушкой.

Через минуту они были одни в просторной комнате, где посередине стояла большая двуспальная кровать с небрежно откинутым балдахином и раскиданными поверх покрывала подушечками-думками.

Девушка ловко скинула тунику, державшуюся на теле, как оказалось, благодаря одной-единственной большой пуговице на плече. Туника сползла на пол, волной побежав по роскошному обнаженному телу. Красавица взмахнула волосами и повернулась к своему избраннику с игривым вопросом в глазах.

Все еще терзаемый внезапной робостью и удивлением, Гор помялся.

– Ты Лисия, так? – задал он глупый вопрос.

– Да, Лисия.

– А я – Гор, м-м... кадет. И вообще-то меня зовут не Ракир, а Рэкс. Это фамилия. Полное имя Гордиан Оливиан Рэкс.

Она пожала плечами:

– Ага, я рада.

Он чуть замялся и спросил:

– Что дальше?

Она вскинула бровь:

– Что хочешь.

– Тогда приступим?

– Ну если ты уже закончил болтать.

– Я много болтаю?

– До черта!

– Извини...

Они молча прошли к широкой кровати и легли. Простыни были серыми и льняными. И пахли свежестью. Вместо покрывала – только тончайший плед.

– Послушай, ты давно здесь? – спросил Гордиан.

– Только что зашла, – звонко рассмеялась она.

– Не в этом смысле... Я имею в виду, в этом месте, в Лавзее. Вообще в этом мире.

– А тебе-то что?

– Ничего, просто интересно.

Девушка как-то резко погрузнела.

– Послушай, чемпион, ты и правда много болтаешь, – сказала она мягко. – В общем...

Раз так, давай я сделаю свою работу и все. Тебе не обязательно лезть мне в душу.

– Извини.

– Ладно, неважно.

Они помолчали.

– Я здесь два года уже, – сказала она наконец.

– Тоже клон, как и я?

– Нет.

– Значит, местная?

– Местная? – она вспыхнула. – Ты издеваешься? Меня привезли из Валькрики два года назад. Тридцать лет тому, проклятый Эшвен уничтожил наш флот и наших мужчин! Я имею в виду настоящих мужчин, которые защищали свой край с оружием в руках и умирали чтобы не терпеть позора. С тех пор наших женщин ежегодно вывозят на континент, чтобы господам шательенам было что подстелить под себя на ночь.

Вспышка сверкнула и погасла. В смятении Лисия отвернулась.

– Я не шательен, – напомнил Гордиан.

Она вздохнула:

– Да и я не наложница для благородных. Лорд Брегорт трижды делил со мной ложе во время краткосрочных приездов, поэтому консидории относятся ко мне с почтением, однако... Я такая же, как все, и предназначена для сервов, а не для элиты Королевства. Но я даже рада. По крайней мере, когда спишь с сервами, знаешь, что тебя этой ночью не будут бить, не задушат во время оргазма и не порежут на куски ради забавы.

– А что и такое бывает?

– А что ты не знал?

– Ты рассуждаешь слишком смело для рабыни.

– А ты слишком болтлив для серва.

– Извини.

– Боже! Мы с тобой всего пять минут, а ты извинился уже три раза. Может быть, хватит?

– Конечно.

Странная робость, захватившая волю Гордиана, казалась ему чем-то сверхъестественным. Демиург Корпорации, полубог и миллиардер, владелец двух десятков гаремов и сотен тысяч наложниц, за свои триста шестьдесят долгих лет он переспал, наверное, не менее чем с миллионом рабынь. И все же сейчас – робел всего лишь перед одной. Лисия была хороша, спору нет, но отнюдь не лучше *любой* из его прежних партнерш. Так в чем же дело? – стучало у Гора в висках.

Робость в душе Гордиана смешивалась со страхом и вожделением. Наконец, сделав над собой настоящее усилие и заставив юношескую боязнь убраться подальше напором опытной мужской воли, он привстал над ней на коленях, навис всем телом. Быстро и почти грубо он поднял девушку за талию вверх, а затем впился губами в грудь.

Волна неопишемого, почти животного, восторга неожиданно окатила все его существо! Грудь была полной, тяжелой. Слишком крупной для такого стройного тела. Биотрансплантант? – мелькнул немой вопрос. Впрочем, какая разница?

Более не в силах сдерживаться, он взялся за бедра и с силой швырнул ее на спину, обратно, в теплые волны простыни. Прижал гладкие колени к плечам, развел в стороны. Затем вошел сильно, яростно. Возможно, ей было больно, однако она не закричала.

Тихо выскользнув из реальности, Гор погрузился в женщину сначала плотью, затем и разумом. Вокруг его обмывал нескончаемый теплый океан, а в нем самом протекала бурлящим потоком глубокая река. Вязкая и ... обжигающая. Когда река вышла из него до последней капли, он прикрыл глаза.

Затем они лежали на смятых, немного влажных простынях. Она молчала, уткнувшись носом в его плечо. Он тербил ей волосы.

В чреслах царило полное опустошение. А в мыслях – полный разброд.

– Послушай... – спросил наконец он, все еще удивляясь собственным ощущениям. – У тебя было много таких, как я?

Она отодвинулась от него, заглянула в глаза и заливисто, звонко рассмеялась.

– Послушай, – в тон ему пропела она, – это глупый вопрос, ты согласен? Ты лежишь с наложницей. И единственное, что тебя извиняет, так это то, что подобный вопрос – типичен для юнца. В твоём возрасте его часто задают.

Гор покачал головой.

– Что ты знаешь о моем возрасте? – с легким сарказмом поинтересовался он. – Я ведь клон. Если я скажу, сколько мне лет, ты просто не поверишь. У меня было много женщин, наверное тысячи, может быть даже сотни тысяч, но ты... ты другая, и...

– Тысячи? Да брось! Это тело... – Она провела своей мягкой ладошкой по его груди, обжигая каждой клеточкой кожи, – ...это тело мальчика. Тебя привели из Храма Хепри едва ли месяц назад. И ты не разу не был здесь ни с кем. – Ее рука плавно скользнула к нему на живот. – Так что я – первая женщина у юного Гора Ракира, чтобы ему не говорила о себе память.

Рука опустилась ниже, и он забыл о вопросах...

После четвертого или пятого раза Гор устал.

Вот диво, – думал он, – я ведь даже не помню, когда в последний раз занимался любовью так яростно и страстно. И так много. Обилие гаремов на каждой из планет его мира делало секс скучной добавкой ко всемогуществу.

Для демиурга наложницы слишком доступны, и доступны в слишком большом количестве. В последние десятилетия он едва помнил тела и лица своих любовниц, что было не удивительно, ведь менее чем с двумя десятками секс-рабынь он не ложился в постель. Имен же не помнил вообще...

Лисия – так ее зовут. Первая женщина в этом новом мире, под другим солнцем. Первая женщина после долгого воздержания.

Нет, не так: вообще *первая женщина* для его нового тела.

Гор мысленно покачал головой. Сказать, что он был удивлен реакцией собственного организма на достаточно заурядную девушку из заштатного мира, – значило не сказать ничего. Неожиданная волна застенчивости, охватившая его перед незнакомой красоткой, столь типичная для безусого юнца, была совершенно необычна для более чем трехсотлетнего человека.

Гор приподнялся на локте и взглянул на дремлющую нимфу. Прежде чем заснуть, Лисия стерла косметику и распустила волосы. Теперь нельзя было сказать, что она неотразимо красива. Приятные в целом черты лица портил излишне маленький нос. Фигура была хороша, однако рост невелик. Совсем не то, к чему привык Гордиан в своей прошлой жизни.

Не имея стеснения в средствах, он брал в гарем и в постель только самых лучших, точеных женщин. Их тела были безупречны, наряды фантастичны, а лица – невообразимо прекрасны. И им не требовалось пользоваться косметикой: помада, тени и тушь вводились в пигмент кожи, рост ресниц контролировался специальными стимуляторами, величина груди и длина ног программировались генетически еще до клонирования. Да что там говорить, о Иешуа! Наложницы в мирах Корпорации даже не полнели от избытка калорий и не потели от жары. Их ногти и волосы вырастали всегда до определенной длины и имели цвет по усмотрению покупателя.

То было искусственное совершенство искусственных вселенных.

Под заказ – в любой комплектации!

Лисия действительно казалась иной – она была естественной. Несомненно, хуже идеальных пропорций и черт его наложниц, но – настоящей. Возможно, дело было в этом, а возможно – совершенно в другом, а именно – в его личном восприятии. Впервые *за столетия* он спал с женщиной, которая не являлась его собственностью и близость с которой пришлось заслужить. Пусть не долгими ухаживаниями, как в старой и смутно памятной вселенной Доростола, его неведомой родине, а жестокой рапирой на усыпанном песком и залитом кровью ристалище, но все же – не даром. И в этом заключался шик,

который почему-то заставлял его сердце радостно трепетать.

Лисия, Лисия, Лисия... Хотя нельзя исключать, что все дело в простой физиологии. Новое тело слишком молодо и совсем недавно вступило в период полового созревания. А из-за этого следует иное восприятие противоположного пола и ни с чем не сравнимая радость от интимной близости.

Однако не стоит так думать, упрекнул себя Гор, это слишком механистично и ... и как-то низко.

Он еще раз провел рукой по ее чудесным золотым волосам, по манящему изгибу бедра, по плоскому животу.

Красавица. Спасибо.

Затем он откинулся на спину и заснул.

Утром Лисия исчезла, но Гор встретил ее внизу вместе с другими обитательницами «Садка». Девушка была одета, прибрана и улыбалась. Увидев его, она оторвалась от деревянной стойки, вдоль которой выстроились красавицы-рабыни и привычно покачивая бедрами подошла к нему.

– Ты молодец, – сказала она. – Для безусого юнца с глупыми вопросами было совсем не плохо.

Соседки засмеялись.

– Опыт, – ответил он, улыбаясь. – Я ведь не безусый юнец, ты помнишь?

– Говори, говори... – Она взяла его под ручку и отвела чуть вдаль к окошку.

– Я серьезно, – сказал он, поворачиваясь к ней.

– Ерунда! Знаешь, вчера...

– Что?

– Ты сказал, что я «другая». Какая другая?

– Не такая, как все. Настолько «не такая», что я хотел бы увидеть тебя еще.

Она снова улыбнулась, показав милые ямочки на щеках, наклонилась к нему и игриво прошептала:

– Скажи об этом своему дациону, мой милый «Жало», – она подмигнула. – И лучше дерись за призы. Тогда Крисс приведет тебя еще.

Гор потемнел лицом. Настроение сразу упало, волшебство удивительной ночи исчезло, как дым. Жуткая «рабская» реальность сверкнула своим мерзким оскалом во всю полноту клыков.

– Это отвратительно, – сказал он, отодвигаясь, и инстинктивно дотронулся пальцами до своего «хомута»-койна. – Мы как животные. Лучше работай – отведут на случку. Лисия, я говорил о другом. Ты нравишься мне. Я хотел бы приходить к тебе сам. И чтобы кроме меня никто не дотрагивался до тебя. Я...

– Ты... – Она отвернулась. – Ты все же слишком болтлив, чем следует серву. И разве мы – не животные? И то, что было вчера, разве это не случка?

Она покачала головой и отступила на шаг. В глазах блеснула влага.

– Уходи, Гор Ракир, кадет из Лавзеи. Сражайся хорошо и тебя приведут. На случку...

Дорога обратно в Школу показалась Гордиану настоящей пыткой.

– Ну что, доволен? – приставал Крисс с вопросами. – Лисия лучше всех! Сам Брегорт ее брал несколько раз в постель, а это что-нибудь да значит. Если наш лорд зарится на девку, значит – королева. И надо же – она сама тебя выбрала! Гор, да это похлеще, чем твой подвиг с Брандом! Хотя нет с Брандом, пожалуй, круче. Ну не грусти, вот отработаем «призовой» сезон – буду водить тебя к ней каждую неделю. И перед авеналиями тебя свожу, обещаю. Если, конечно, она сама будет не против, все-таки фаворитка. Ну и если ты выживешь в боях, конечно.

Он болтал и болтал без умолку, и Гору подчас хотелось засадить ему в кадык свой кинжал или просто скинуть с лошади, лишь бы заткнулся. Однако он сдерживался, ведь Крисс, в сущности, ни в чем не был виноват. Такой же серв, как и он, только рангом выше.

Виновата местная жуткая система. А впрочем, чем система на его собственных

планетах лучше здешней? Пожалуй, только внешним лоском и большей степенью применения технических достижений. А в остальном – тот же компот. Дерьмо, точнее.

Если вернусь, подумал Гордиан, отпущу всех рабов, а тех, кто не уйдет – а не уйдет, пожалуй, никто, куда им, клонам, идти из Каталауна? – то постараюсь хоть относиться по-человечески и организовать нормальное общество, без ханжества и унижения себе подобных.

К вечеру они увидели стены Лавзеи.

Вот и дом, подумал Гордиан, паршивый дом, скажем прямо, но единственный и уже словно родной.

Глава 24

География как наука

Отвлечься от мыслей о Лисии помогли мысли о побеге, а также известная тяга человека к познанию. Спустя две недели, так и не став консидорием, Гор все же получил возможность как любой из полноценных «дуэльных» бойцов, свободно бродить в часы отдыха по территории Школы и даже выходить за ее пределы, получив лишь устное разрешение от старшины габеларов.

В эти часы он облазил всю дозволенную для прогулок консидориев округу, тщательно осмотрел местность рядом с поместьем и даже посетил расположенное по соседству с Лавзеей шато лорда Трассера, носившее название Ормского поместья, и владения шато леди Шамир, в которых размещалась еще одна Дуэльная школа, носившая название Кидонской.

До первой было всего десять километров пехом, а до второй – почти сорок.

Оба визита показали Горы более чем интересными. Он познакомился со многими людьми (сервами, разумеется) и даже участвовал в совместных для двух школ тренировках, а также последовавших за ними показательных боях на деревянном оружии.

Спустя неделю его перевели из общей казармы в отдельную квартиру в хорошем кирпичном доме для консидориев и спустя еще пару дней определили индивидуальный план тренировок, освободив, таким образом, от обязательного посещения утомительных занятий для обычных кадетов. В итоге у него появилась уйма свободного времени, половину из которого он все же тратил на занятия с мечом – следовало улучшать форму.

Но главным событием, которым Гордиан отметил для себя этот период, было, безусловно, открытие большой лавзейской библиотеки. Оказывается, лорд Брегорт был не просто крупным земельным собственником, потомственным дворянином и гнусным рабовладельцем, но и известным ценителем литературы, а также, как он сам себя величал, «просветителем сервов». В литературу и идеи просвещения лорд-шательен был влюблен настолько, что сподобился даже содержать у себя в Лавзее крупнейшую частную библиотеку Королевства. Впрочем, насколько уловил Гор из объяснений Крисса по этому поводу, создание крупнейшей частной библиотеки являлось не великим подвигом, поскольку кроме пары десятков выживших из ума лордов-стариканов страсти к литературе в среде шательенов никто не питал. То есть конкурентов на этом поприще у хозяина Школы нашлось не много.

Первый же визит в сокровищницу знаний Гордиан нанес сразу, как только узнал о наличии таковой на территории поместья. Поразительно, но, прожив в Лавзее более двух месяцев, он даже мысли не допускал, что здесь может оказаться книжное хранилище, поскольку гладиаторы и наложницы на подсознательном уровне не увязывались у него с книгами и литературой.

Впервые пройдя между незнакомыми полками и стеллажами, Гордиан пришел просто в восторг, ибо само существование систематизированной и перенесенной в печатную форму информации о новом мире было в его положении неоценимым подспорьем для организации и осуществления побега. Разумеется, тратить время на художественную литературу он не собирался, но вот со справочной, а тем более, энциклопедической намеревался

познакомиться вплотную.

Начать знакомство с новой вселенной Гор решил с истории и географии, поскольку полагал, что именно эти две дисциплины позволяют как можно быстрее почувствовать «душу» любого мира, его особенности и специфические черты.

Итак, география. На одной из полок Гор отыскал старый пропыленный атлас, который, судя по внешнему виду, не доставали несколько лет.

Твердый переплет и формат соответствовали солидному изданию. На обложке красовалась надпись:

**«Королевская печатная мануфактура
БОЛЬШОЙ АТЛАС МИРА.
Консультант по общегеографическим вопросам Дорлинг Дерсли.
Бургос. 3359 год»**

Судя по данным, он был издан в Бургосе более десяти лет тому назад.

Быстро пролистав введение, содержание и список условных обозначений, на седьмой странице Гордиан обнаружил искомое – физическую карту планеты с краткими пояснительными статьями и погрузился в ее изучение.

Постепенно, с каждой прочитанной страницей, перед ним раскрывался огромный и таинственный мир, который показался бы чрезвычайно фантастичным обитателям Универсума Корпорации. Невон поразил даже привыкшего к космическим эллипсоидам и плоским мирам демиурга. Еще бы – на атласе изображался не мир-шар, как можно было подумать, а мир-пузырь, мир-каверна. Планета, вывернутая наизнанку, окруженная со всех сторон бесконечной твердью и пустая внутри! Подтвердилось то, что ему поведал серв у фонтана.

Один из отрывков текста гласил:

«Планета-каверна Невон 0143 представляет собой ограниченную в пространстве сферу диаметром около ста семидесяти тысяч километров, с белым карликом в центре. Интенсивность излучения центрального светила невелика, однако пространственный объем, в котором распространяется излучение, также ограничен, в результате чего температура воздуха на внутренней поверхности сферы колеблется от – 15 зимой до +60 летом. Атмосферный состав аналогичен атмосферному составу остальных планет-каверн Системы Хепри. Относительно теневых зон на поверхности центрального светила наблюдается медленное вращение Невона 0143 вокруг своей оси.

Поверхность планеты-каверны образована корой, мантией коры и, наконец, океаном тверди, заполняющим все остальное пространство вселенной и стремящейся в бесконечность по всем направлениям пространства.

Климат : преимущественно субтропический, на высокогорьях – умеренный: климатических зон и поясов нет, поскольку поверхность Невона 0143 равноудалена от центрального светила как на полюсах, так и по экватору.

Население : около 40 миллиардов человек.

Концентрация населения на единицу площади крайне неравномерна и невелика, в связи с колоссальностью размеров сферы Невона, а также неравномерным освоением территории планеты-каверны.

Политическое устройство : примерно с 1000 года от пришествия Господа Хепри вся обитаемая территория Сферы Невон подчинена власти Единого Короля Эшвена (стар. – «Три Королевства»).

Административно-территориальное деление: условно Единое Королевство разделено на марки, то есть обширные провинции, созданные по границам покоренных государств и управляемые сенешалями. Марки, в свою очередь делятся на префектуры и управляются префектами.

Помимо марок в состав Королевства также входят вассальные домены:

- церковный домен провинция Эльбиника,
- домен крон-принца провинция Карабан,
- республиканский союз Тысячеградья,
- столичный округ Бургос и Литавра.

Крупнейшие города Невона:

- Солибрион, 4,2 млн. чел. (Приморская марка);
- Силломарис, 3,9 млн. чел. (марка Карракос);
- Стеллополь, 3,1 млн. чел. (клерикальная провинция Эльбиника);
- Бургос, 2,5 млн. чел. (столичный округ Бургос и Литавра);
- Митополь, 1,9 млн. чел. (Колониальная марка Антика);
- Рион, 1,2 млн. чел. (Артошская марка);
- Литавра 940 тыс. чел. (столичный округ Бургос и Литавра);
- Ар-Манья, 760 тыс. чел. (марка Аран);
- Марли, 710 тыс. чел. (марка Артона);
- Бриелла, 520 тыс. чел. (Колониальная марка Вета).

Денежная единица: золотой эшвенский солид = 100 сестерциям = 100 датам».

Далее следовало описание этнографии Невона, с краткой классификацией используемых на планете-сфере народов и языков. Это раздел Гордиан пропустил, ибо с первых же его страниц, книга вещала:

«Официальный язык Единого Королевства – «new-ashven», язык Бога Хепри, «новоэшвенский».

На этом месте Гор крикнул: язык Бога Хепри ни на йоту не отличался от родного ему корпоративного языка от Нулевого Синтеза.

Завершалась последняя вступительная статья весьма необычно:

«Дата сотворения мира – 5620 год до пришествия Господа Хепри.
Общий возраст планеты на день издания атласа – 9988 лет».

Далее поперек страницы следовала подробная физико-географическая карта Эшвена, центрального континента планеты. Гор перевернул книгу, чтобы удобнее было смотреть.

В левом верхнем углу на рисованной подложке в виде изорванного временем манускрипта стояла украшенная завитками надпись:

«КАВЕРНА НЕВОН. Континент Эшвен с указанием марок и городов Его Королевского Величества Бориноса Первого Победоносного ».

Замысловатая береговая линия ограничивала своим длинным контуром почти прямоугольный континент в средних широтах большого круга – очевидно, одного из двух полушарий каверны Невон. В морях плавали декоративные чудовища, а по землям марок и городов ходили и ползали забавные гады, а также человеческие фигурки в национальных костюмах.

Эшвен не был полноценным континентом в полном смысле слова, то есть частью суши, полностью омываемой водой. С востока он, судя по очерченной пунктиром границе, закрывался от остального мира мощной системой горных хребтов и плато, а также самой большой рекой в этой части света – Эльбиникой, «рекой Победы». Какой именно «победы», оставалось для Гордиана загадкой. Западный берег речного потока закрывался упомянутыми горами, а восточный – открывался по всей протяженности безграничной пустыни, чьи неведомые пределы исчезали за полями карты.

В устье реки, ограниченном также отдельной горной системой, располагалась одноименная провинция Эльбиника. Как следовало из описания, домен Храмов Хепри,

единственная земля, где церковники являлись не только служителями культа, но и носителями гражданской власти.

Восточнее Эльбиники раскинулся и сам Эшвен, а также его главная река – Кобурн Великий, влекущий свои воды, как и Эльбиника, через весь материк с севера на юг, но со значительно большим бассейном, ибо он впитывал по ходу своего плавного течения все прочие водные потоки, в великом множестве спускающиеся как с запада, так и с востока с окружающих Артош и Боссон горных хребтов.

Квазиконтинент Эшвен включал в себя несколько обширных земель, бывших независимых государств, а ныне – марок Единого Королевства.

Основными, как уже знал Гордиан, являлись Королевство Артош, Королевство Артона и Королевство Аран. Они занимали всю центральную часть континента и отграничивались друг от друга естественными препятствиями – относительно невысокими горными системами в центральной части материка.

К трем основным бывшим королевствам примыкали с юга земли Республиканского союза Тысячеградья, с запада – мировой океан и Приморская марка с крупнейшим городом мира Солибрионом, с востока, как уже было сказано, – пустыня Хайран и провинция Эльбиника. И, наконец, с севера располагалась Боссонская марка, та самая провинция, где находилась Лавзея.

Вся эта поистине коллосальная территория, по размеру превышающая площадь всех шарообразных планет кластера Каталаун вместе взятых, была подчинена единому правительству и единым законам.

Население только одного Боссона составляло, по данным атласа, двадцать миллионов человек, если же говорить обо всем континенте, то численность проживающих здесь зашкаливала за двести восемьдесят миллионов, из которых двести шестьдесят с лишним были рабами.

Такие цифры безусловно впечатляли. Для сравнения – в карманной вселенной Гордиана Рэкса, демиурга Корпорации и технобога, проживало менее трех миллионов человеческих существ, включая разумных гуманоидов, не относящихся к «гомо».

Да уж, по своим размерам всепланетное Единое Королевство мира-каверны Невон могло на равных соперничать с самыми масштабными творениями Нуль-демиургов.

Гор отложил в сторону атлас и впился глазами в следующую книгу. Титульный лист гласил:

**«Республиканское издательство
„ТЫСЯЧЕГРАДЬЕ“
ПОЛНЫЙ СБОРНИК
КОНСТИТУЦИЙ ЭШВЕНА
с построчными комментариями и схемами
Харторикс. 3376 год»**

Эту книгу Гордиан читал быстро, почти по диагонали, забивая в мозг только важную информацию. Картина вырисовывалась следующая.

Несмотря на ярко выраженный рабовладельческий характер социального строя, внешняя структура свободной части общества, а именно едва ли десяти процентов населения страны, напоминала скорее феодальную иерархию.

На вершине социальной пирамиды находился абсолютный монарх, Его величество король Трех Королевств Артоша, Артоны и Арана Боринос Первый Победоносный, Единый и Единственный король указанного государства, правивший без перерывов уже более пятисот лет (на этом месте Гор удивленно крикнул).

Королю принадлежало, таким образом, сразу три короны по числу подвластных ему «изначальных» королевств, но именовался он в просторечье не королем Артоша, Артоны или

Аранской державы, а Единым королем Эшвена, то есть всего континента и всей планеты.

С королем были связаны вассальной клятвой владельцы крупнейших земельных аллодов – магнаты-землевладельцы, называемые в Эшвене лордами-шательенами.

Остальная часть свободных, составленная из потомков бывших крестьян и горожан, а ныне занятая преимущественно на военной и иной государственной службе за жалованье, составляла класс карлов – лично свободных, но безземельных людей.

Все прочее население, занимающееся производительным трудом и обслуживанием перечисленных выше классов, было представлено «изготовленными» в храмах рабами.

Храмы составляли для Гордиана предмет особого интереса.

И тут следовало начать с описания специфической религии нового мира. Он аккуратно положил на полку «Сборник Конституций» и отыскал для себя следующий раритет. Раритет назывался так:

«ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ЭШВЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА

***Под редакцией профессора Королевского университета в Ар-Манье доктора Сандры
Аршера
(с иллюстрациями)
Ар-Манья. 3366 год».***

Выяснилось, что религия местного Королевства представляла собой весьма неординарный конгломерат обычной для всякой религии абсолютно бредовой мифологии и ряда весьма конкретных исторических дат и фактов.

Религия была монотеистической и вполне стандартно провозглашала существование и власть Единого Бога Ра, Творца всего сущего, а также его пророков, являвшихся на землю, чтобы «глаголом жечь сердца людей», открывая им истину о сущности божественных проявлений. Имя местного божества к очередному удивлению Гордиана совпадало с именем Бога Света, чей культ был весьма распространен в Корпорации, что также наводило на некоторые размышления.

Пророков имелось много. В священных книгах, в полусказочной форме описывающих существование человечества от сотворения мира, излагалась история по крайней мере одиннадцати пророков. Стиль изложения их умопомрачительных биографий был очень сложен, богат иносказаниями и аллегориями, в общем, всем тем, чем славятся традиционные мифологические тексты у всех народов. Время, в которое жил тот или иной пророк, определялось часто так:

«Пред тем же как камень первый лег в основание Стеллополя, явился Рамос Дарующий и дарил человеком Слово свое»

Или:

«После Мора великого смертию скосившего царства, был рожден Корхум Пречистый, рукою снимающий болезни».

А иногда вообще:

«И случилось, что женщина понесла от Звезды и рожден был Ясир Ясный Яростный, в хлеву аки агнец, Царь Царей среди мудрецов и Свет Света среди пророков».

Таким образом, точность датировок была весьма относительной.

Изречения каждого из пророков излагались как притчи морально-нравственной

направленности и служили поучительным примером для того или иного этического постулата, определявшего поведение «правильного» эшвенского верующего. На этом фоне просто поражали жизнеописание и деяния двенадцатого пророка, или так называемого Апостола Хепри, дата явления и особенности кипучей деятельности которого приводились просто с протокольной точностью.

Анализ прочитанной информации привел Гордиана к сильным подозрениям, что история Невона до Хепри была какой-то не настоящей, глупой, фиктивной и только *после* его пришествия время потекло так как надо.

Хепри явился три тысячи триста восемьдесят лет назад и сотворил множество чудес, которыми сразу доказал свое апостольское достоинство. Чудеса казались Гору странными и не несущими в себе какой-либо нравственно-воспитательной нагрузки, а также весьма техногенными.

Так, Апостол явился на «Корабле из металла», парящем в небесах, и своим жезлом испепелил войско одного из местных царьков, не сумевших сразу воспринять его апостольское предназначение с должной вежливостью. Апостол имел доспех, неуязвимый для стрел, а священное воинство свое вооружил «огненными копьями» которые сейчас, по прошествии пяти столетий, воспринимались без священного трепета, ибо оказались всего лишь пороховыми мушкетами, применяемыми армией и габеларами до сих пор без каких-либо усовершенствований и изменений.

Первоначально божественный посланник появился в долине Кобурна, в городе Бургосе, который в то далекое время был столицей одного только Артошского Королевства. Быстро подчинив себе подконтрольную Бургосу территорию, Хепри двинулся дальше, одну за другой покоряя соседние земли и обусловив своими походами быстрое превращение Артоша из заурядной, крайне примитивной феодальной монархии во всемирную колониальную державу рабовладельческого типа.

Сначала, за десятилетие энергичных и очень результативных войн, апостол умудрился покорить практически весь Эшвенский континент, провозгласив себя Единым Королем сразу трех государств – Артоша, Артоны и Арана, а также обширной Боссонской земли, которая в те годы не была освоена цивилизованными народами, а заселялась варварами. Королевство переименовали из Артошского в «Единое Эшвенское», а волна завоеваний ринулась омыwać своей кровавой пеной земли за океаном.

Когда же под священной дланью пророка оказалась объединена вся поверхность планеты-каверны, апостол добился собственной радикальной канонизации. Настолько радикальной, что был провозглашен не только двенадцатым и величайшим из всех апостолов, но и добился прямого обожествления, став в догматах местной религии реинкарнацией Господа Ра, спустившегося на планету Невона для спасения людей.

Победоносный характер завоевательных кампаний новоиспеченного бога Хепри-Ра объяснялся, по крайней мере на поверхностный взгляд ордиана, довольно просто – упомянутый Господь не стеснялся применять в сражениях и осадах дарованную ему провидением божественную мощь, испепеляя вражеские полчища десятками тысяч.

Завершив объединение континента, Хепри основал собственную Церковь, получившую название Апостольской, и стал возводить храмы. Здания, служившие для отправления культа и объединенные под этим названием, существовали давно, однако храмы Хепри в том виде, в котором они существуют сейчас, создавались именно двенадцатым пророком. Религиозный культ, отправлявшийся храмами Апостольской Церкви, был достаточно прост.

Храмы находились вне городов на специально выделенных Королевством землях. Поэтому большинство бытовых обрядов верующие отправляли дома, а в храмы являлись только в дни наиболее значительных событий. Таковыми были: рождение ребенка, когда Церковь выдавала родителям метрику с присвоенным именем, указанием даты и данных родителей, брак с торжественной свадебной церемонией или развод с формализованной процедурой разрыва брачного союза, приобретение индульгенций в случае совершения наказуемых законом преступлений, приобретение или перепродажа сервов-клонов, а также

ряд обрядов, связанных с естественной смертью.

Со смертью у Апостольской Церкви имелись особые отношения. Свободный прихожанин, чувствуя близость смерти, приходил в храм и, уплатив значительный взнос, получал доступ к реинкарнации. Его старое тело утилизировалось, сознание перемещалось в новую телесную оболочку и храм признавал за новым носителем все права и привилегии старой личности. Подобная процедура стоила необычайно дорого, а потому использовать ее в основном могли исключительно шателъены, да и то не все, а только владетельные лорды, получающие доход от поместий и титула. Если человек был не угоден Церкви или являлся носителем еретических идей, ему отказывали в перевоплощении и после смерти просто торжественно отпевали. Основной доктринальный тезис местной веры, таким образом, требовал не только соблюдения общечеловеческих норм и выполнения многочисленных обрядов, но и полного подчинения Церкви и Государству.

Общие догматы религии распространялись и на рабов. Рождение раба, его продажа, рождение им детей и его смерть фиксировались в храмах. Рабы, правда, не допускались к участию в молебнах совместно со свободными гражданами, но сами по себе посещать Церковь могли, если имели на то разрешение хозяина. Если господин хотел сохранить престарелого раба, он оплачивал сумму за его реинкарнацию, но и в этом случае Церковь могла отказать в услуге. Подобный прагматичный подход весьма затруднял рост доверия к Церкви со стороны населения, как свободного, так и рабского, однако обряды в силу известной психологической инерции человеческих существ продолжали соблюдаться, хотя большинство населения, как понимал Гордиан, верили в своего Бога не искренне и религия давно стала для них официальной необходимостью и данью приличиям, а не пищей духовной.

Отношения Апостольской Церкви и Ее величества Смерти, которую можно отогнать за деньги, сильно напомнили Гору традиции Корпорации. Бессмертие в его родных мирах также покупалось и продавалось, оно оказывалось доступно людям, лояльным Системе, и пребывало вне досягаемости людей, Системе неугодных. Отличие состояло в том, что Церковь в этом мире не применяла Хеб-сед в полном понимании этого слова. При реинкарнации нельзя было поменять тело. Сознание умершего существа перемещалось исключительно в его же генетический клон. Рост, пол, а также иные особенности телесной оболочки изменению не подлежали.

Возможно, у Церкви для этого просто не было необходимого оборудования, которое не успели украсть у Корпорации. А возможно, «полным» Хеб-седом пользовались только избранные особы.

Так или иначе, владения Церкви представлялись Гордиану неким государством в государстве. Храмы Хебри не только владели уникальными технологиями и защищались догматами веры, они имели собственные обширнейшие провинции и даже собственную армию для защиты своих интересов. Так, провинция (султанат) Эльбиника, лежащая чуть восточнее Эшвена, считалась частным владением господина Хебри, который в отношении указанной земли выступал в качестве независимого монарха.

Территории вокруг храмов закрывались в случае необходимости (скажем, на время восстания или войны) силовыми полями и защищались уже виденными Гордианом турелями современных лазерных излучателей, а вовсе не пороховыми пушками, которые использовались в армии Короля. Владения Церкви вне храмов, например дворцы кардиналов в городах, принадлежащие Церкви шато и угодья, охранялись специально созданными так называемыми клерикальными полками, организованными наподобие монастырских братств.

В вооруженные силы храмов Хебри также входили:

- знаменитый – так говорилось в книге – Экспедиционный корпус кардинала Бургоса, постоянно участвующий в колониальных войнах короля,

- непобедимые отряды «Священного легиона» (Гор, к сожалению, не понял, что они собой представляют),

- и «Черные арбалетчики», своего рода спецназ кардинала с «магическим» оружием,

лично переданным каждому из «арбалетчиков» апостолом Хепри.

Совершенно потрясли Гордиана сведения об экономическом укладе каверны Невон. В этом захолустном полусредневековом мире, с пороховыми ружьями и подчас примитивным ручным трудом сервов, экономика покоилась на единственном слоне – сверхсекретных нуль-технологиях Корпорации.

Машины нуль-синтеза размещались, как нетрудно догадаться, внутри храмов Хепри. Здесь производилось все – от крепежного инструмента до артиллерийских орудий, от кремов для загара до зерна и муки.

И не важно, что артиллерийские орудия при этом были гладкоствольными пугачами для стрельбы чугунными ядрами, а не более современными снарядами, а зерно и мука – обычными, а не генетическими модифицированными продуктами растений с потрясающей урожайностью и устойчивостью к болезням и холодам. И то, и другое здесь делалось на машинах нуль-синтеза с помощью тех самых технологий, которые в мире Гордиана Рэкса производили сверхсложную аппаратуру для межпространственной космической связи и строительных роботов, создающих миры.

Имелся еще один нюанс. Да, на уровне кустарного производства, как в больших городах, так и в отдельных шато, располагались рабские мануфактуры, рабские школы, рабские мастерские и рабские сельскохозяйственные предприятия, занимающиеся выпуском продукции, не синтезируемой в храмах. Прежде всего вина, предметов роскоши, ювелирных украшений, элитной мебели, посуды, одежды, карет, коней, гончих собак, наложниц и консидориев. Однако в общем финансовом потоке доля подобного кустарного производства была ничтожной и даже в этой ничтожной доле наибольшую денежную емкость имела торговля живым товаром – рабами и животными, а вовсе не ремесленными изделиями рабских мануфактур, нацеленных на производство предметов роскоши.

Экономика каверны Невон, таким образом, была просто «подсажена» на иглу синтетического производства как наркоман. Если бы в одно мгновение храмы Хепри исчезли, Эшвенское Королевство постиг бы коллапс, настолько абсолютный, что с ним не сравнилась бы ни вражеская оккупация, ни падение атомной бомбы. Ведь давно известно, что голод и дефицит товаров уничтожают народы жестче и вернее, чем войны и нашествия врагов.

Распределение промышленной продукции в храмах Хепри осуществлялось через так называемые клерикальные гильдии, то есть региональные купеческие сообщества, занимающиеся торговлей той или иной группой товарного ассортимента (например, только продукты питания, только – мебель, только – вина, только – ткани и так далее) на ограниченной территории, обычно – в пределах конкретной марки или провинции.

Однако через храмы шло не только распределение товаров, но и централизованное распределение бюджетных потоков, что, в общем-то, было понятно. В противном случае денежные массы стекались в храмы Хепри и население лишилось бы возможности покупать что-либо в дальнейшем. Поэтому часть полученной от населения и государства прибыли храмы возвращали обратно, через систему бюджетных окладов, которые делились соответственно на коронные, дворовые и титульные, которые выплачивались соответственным подразделениям администраций разного типа и дворянам.

Учитывая специфику бюджетирования, Единое Королевство обладало еще одним не характерным для государства признаком: оно не собирало налогов! Национальное крестьянство было совершенно освобождено от феодальной и личной зависимости, мещанство – от имущественных податей и повинностей.

Действительно, подумал Гор, было бы глупо сдирать с подданных деньги только затем, чтобы потом те же деньги им выдавать по системе дворовых окладов. Так что в свободной части эшвенского общества царил мир. Частично финансированием имущественных потребностей сглаживались даже национальные отношения между метрополией, каковой являлся Эшвен, и его бесчисленными колониями, которыми считались все земли за его пределами. Эшвенское Королевство уже более двух тысяч лет покрывало всю территорию

планеты, однако национально-освободительные восстания были редкостью, ибо подчиненный, но досыта накормленный своим завоевателем народ, к бунтам обычно не склонен.

Единственным угнетенным общественным классом Эшвена оставались, таким образом, рабы. Но зато это был класс-гигант: из сорока миллиардов населения тридцать девять с половиной миллиардов составляли именно носящие ошейники сервы!

На опыте собственного общения с рабами Гордиану было очевидно, что в Эшвене жили рабы двух типов – обычные и из программных миров. Из программных миров присутствовали люди, ставшие рабами, так сказать, первично. Так же как персонал Корпорации во вселенных Нуля, их пси-матрицы генерировались внутри виртуальных миров, придуманных программистами и живущих в виде электронных сигналов внутри думающих машин. Пси-матрицы переписывались в мозг клонированных тел, выращенных синтез-машинами, и новые искусственные взрослые человеческие особи оживали. И если в нуль-синтезе таким «гомункулам» вшивали в висок шунт для общения с техникой и выходом в ГИС, то здесь, в этой убогой копии Корпорации, им на шею надевался ошейник-койн.

От нуль-синтеза здесь наблюдалось и еще одно отличие. Корпорация обычно искала внутри своих программных миров людей, либо обладающих особыми способностями (как *Тшеди*), либо, по крайней мере, выросших в очень развитых, техногенных мирах, чтобы не тратить средства на дополнительное обучение. В то время как для местной системы управления, именуемой Церковью, набирались люди только из примитивных миров.

Связь между подобной странной «избирательностью» храмовников и наличием на шее необразованных представителей угнетенного класса электронных устройств была совершенно очевидна: для местных сервов хомут должен казаться неким демоническим чудом. Ужасным, дьявольским и, конечно, неснимаемым. Считалось, что ошейник контролирует раба полностью и тотально. Когда храм продавал раба-клона новому частному владельцу – неважно, владельцу поместья или безземельному гражданину Эшвена, – в память ошейника заносилась запись о личности хозяина и запись о личности его доверенных лиц. В случае с Гором и Никием, например, такими лицами выступали Сабин, Трэйт и еще несколько человек, например тот же Крисс, как начальник «школьной» охраны.

Запрограммированный таким образом ошейник выполнял голосовые команды указанных людей. Например – команду о болевом ударе или о подавлении воли. В случае необходимости можно было даже отдать команду о смерти, и тогда человек умирал в страшных мучениях от болевого шока. Старший из указанных лиц мог также голосом отдать команду об исключении кого-либо из списка людей, которым ошейник должен подчиняться, или, напротив, внести в список людей, управляющих данным ошейником нового человека.

Например, произнеся в присутствии Гора установленную стандартную фразу, Трэйт мог приказать ошейнику не подчиняться более распоряжениям Крисса, но напротив, выполнять указания Бранда и наоборот. Этим управление койном со стороны владельца невольника и ограничивались.

Более широкие возможности имелись у храма, выпустившего клон и надевшего на него соответствующий ошейник. Каждый ошейник подавал индивидуальный сигнал, определяемый храмовым оборудованием на любом расстоянии, а значит, бегство раба в ошейнике было бессмысленным – куда бы он ни убежал, его можно найти.

Если же раб умудрялся убежать слишком далеко – в место, куда военные и полицейские власти храмов и короля не имели доступа, другой сигнал, посылаемый из храма, мог убить беглеца или же причинять ему ужасную боль без перерыва в течение нескольких дней, пока несчастный не сходил с ума или не кончал с собой. Поэтому в случае, если раб исчезал, хозяин или его представитель подавали в установленной форме сообщение в храм, изготовивший ошейник, и раб либо находился, либо умирал.

Ошейник фиксировал также местонахождение мертвого раба, если раб внезапно погиб, или раба, находящегося без сознания, и позволял отыскать тело. При малейшей попытке снять ошейник, сломав его, устройство автоматически воздействовало на носителя болевым

разрядом, что и случилось с Гордиана во время неудавшегося побега. Болевой разряд был очень сильным и продолжался без перерыва до тех пор, пока раб не умирал. Обычно на это требовалось несколько часов, так что Гору в некотором смысле повезло – его нашли до того, как он испустил дух от боли.

Выходило, что такое простейшее устройство, как тонкий стальной хомут на шее основной массы населения огромной планеты, позволяло контролировать невольников без особого напряжения. Не удивительно, что за три тысячи лет на всей протяженности каверны Невон не случилось ни одного рабского восстания.

Второй категорией рабов Эшвена являлись «серворожденные», или вторичные рабы. Это были дети тех, кто пришел в мир Невона из Программных миров, дети клонов, а также дети людей, ставших рабами в результате завоевательных войн Единого Королевства. При захвате новых территорий, население которых оказало войскам короля существенное сопротивление, всех взрослых мужчин вырезали, а всех женщин и детей обращали в рабство. На их шеи также застегивали койны, и за весьма умеренную плату они распродавались на рынках эшвенских городов, как скот или овощи. Нередко, как уже упоминалось, сервами становились рожденные от наложниц дети свободных граждан и даже шательенов. Это разделение, конечно, было весьма умозрительным и условным, поскольку никакой разницы в статусе ни рабы, рожденные от свободных, ни рабы с мозгами из Программных миров не имели и оставались совершенно бесправными существами.

Возможности Хеб-седа на рабов практически никогда не распространялись – они старели и умирали естественным образом, так что первое время Гору было странно видеть в переулках Лавзеи детей-сервов и, особенно, сервов-стариков. В мирах Корпорации все оставались молоды, и если дети хоть изредка, но попадались, то престарелых людей он не видел вообще никогда.

Кстати, рабство в Эшвене в течение многих лет, повсюду в Боссоне и Артоше, да и в других сопредельных марках подвергалось критике со стороны наиболее прогрессивной части интеллигенции, состоящей, как это ни странно, преимущественно из дворян-рабовладельцев и других наиболее обеспеченных слоев свободных граждан. Более того, активным борцом против рабовладельческой системы оказался и сам лорд Брегорт – рабовладелец и хозяин Лавзейского поместья, ежегодно посылавший своих консидориев на убой во время игр и турниров.

На этом фоне всеобщего показного, но бездеятельного презрения к рабовладению, даже сервы Трэйт и Сабин, несмотря на занимаемые высокие должности в рабской иерархии, показали себя в беседах с Гордианом открытыми противниками существующего строя и очень часто, не стесняясь в разговорах, резко критиковали сложившуюся систему. При этом в Эшвене не существовало цензуры, и вольнодумные литературные произведения распространялись в среде умеющих читать людей любых сословий достаточно свободно. В высших светских кругах на вечеринках и фуршетах говорить о несчастном состоянии рабов было не то что запрещено – это было модно!

Впрочем, система, основанная на техногенном превосходстве храмов и рабстве, обеспеченном ошейниками-койнами, была очень устойчива, поэтому разговоры и даже открытые действия противников собственности на человеческие существа не могли ни изменить ситуацию, ни сколько-нибудь повлиять на нее.

Именно этим, похоже, объяснялось отсутствие ограничений и ответственности за распространение оппозиционной храмам литературы и антиправительственные разговоры. Они позволялись даже среди рабов, по крайней мере среди «рабской элиты» – управляющих усадьбами и торговыми домами, школами и гаремами.

Практически повсеместно и при попустительстве своих «прогрессивных» господ рабы создавали внутренние кружки, собираясь в которых критиковали сложившееся положение дел, мечтали о будущем и о свободе. Однако дальше разговоров дело не шло, поскольку койны были слишком надежны и исключали любую возможность бунта в корне.

В такие «квазиреволюционные» кружки входила опять-таки преимущественно рабская

элита, то есть рабы, занимавшие высокие должности в администрации рабовладельческих учреждений и имевшие определенное образование, по крайней мере способные читать. Бранд, например, читать не умел, однако как лучший боец, был допущен в элитный революционный кружок рабов, организованный в Школе Брегорта.

По его словам выходило, что Трэйт и Сабин, являвшиеся официальными лидерами Школы, возглавлявшие ее администрацию, не только автоматически возглавляли и антиправительственный кружок, но и были лидерами подобных организаций по всей округе, наставляя кружки в соседних поместьях. Сабин писал пламенные прокламации, распространяемые по всему Боссону, и считался известным оратором, постоянно выступающим на ежегодных подпольных митингах лидеров других аналогичных организаций, называвшихся по всему Эшвену «Палатами Равных».

Свобода передвижения и общения, свобода совершения сделок и доступ к образованию, предоставлявшиеся рабской элите, практически полное отсутствие в Боссоне свободных граждан и открытое потворство господ шательенов позволяло рабским кружкам осуществлять свою деятельность практически открыто. Король и храмы также смотрели на эту деятельность сквозь пальцы, поскольку никакой действительной возможности для борьбы с существующим строем у Палат Равных все равно не было, что бы их вожди ни кричали на своих собраниях.

Покачав головой, Гор снова открыл Большой атлас, пролистал страницы, остановился на подробной карте «Северный Боссон». Поводил по линиям, вчитался в сноски.

Введение окладных и дворовых бюджетов уничтожило крестьянские и охотничьи общины в этой самой северной марке Эшвена. Многолюдный в прошлые века Боссон ныне почти опустел. Лесные районы стали Коронным заповедником, само проживание в котором считалось ныне преступлением. Большую часть пахотной земли и угодий разделило между собой немногочисленное боссонское дворянство (судя по сноске – всего около 200 шательенских родов), составив огромные латифундии-«шато» с многотысячным рабским населением наподобие Лавзеи.

Кроме упомянутых «шато» и пары городов в Боссоне было отстроено также пять твердынь Церкви – храмов Хепри с открытым доступом для свободных и рабов во время религиозных праздников.

Итак, что же получалось?

Никто из местных сервов не знаком с электричеством и основами программирования.

Но ведь сам Гордиан – знаком.

Электрические приборы присутствуют в поместье во множестве, есть и проводка. В прошлый раз его побег не удался, но в противостоянии техники и человека обычно побеждает человек, по крайней мере, если есть время и необходимые знания.

И в принципе план прост. Тщательней изучить ошейник. Снять его, бежать, прикинуться свободным паломником (паспортов в этом мире нет), добраться до храма, проникнуть в информационную систему, попробовать связаться с ГИС.

Вот и все.

Дальше – свобода.

Захлопнув книгу, Гор отправился спать.

Глава 25

Бремя консидория

За тренировками и чтением время летело быстро. Весна закончилась, а лето медленно подходило к своей середине. В первых числах месяца фаменот в Боссоне королевским сенешалем, то есть генерал-губернатором Боссонской марки, были объявлены долгожданные для обитателей всех Дуэльных школ знаменитые летние авеналии – нечто среднее между фестивалем, карнавалом, спортивным чемпионатом, провинциальной олимпиадой, огромной и пышной ярмаркой, а также заурадной всенародной попойкой.

Неотъемлемой частью этого, несомненно, крупнейшего ежегодного события, за исключением, может быть, праздника Зимнего Солнцезатмения (так здесь именовался Новый год), являлся «призовой» турнир фехтовальщиков, под которыми понимались не шпажисты и саблисты современного Гордиану вида спорта, а мастера, владеющие практически любым видом ручного оружия ближнего боя, от сучковатой дубины до «утренней звезды», от длинного кинжала до алебарды.

Кстати, сам термин «фехтование» оставался в Боссоне неизвестен и, поскольку языком Невона был язык Корпорации, слово это означало на искаженном корпоративном местном наречии «махание палкой», «маховый бой» и для уха местных специалистов звучало, конечно, странно и, пожалуй, смешно. На местном наречии турнир мастеров боя на мечях назывался «дуэльным», а отдельные поединки турнира – «дуэльной баталией».

Гордиана удивило, что главными героями этих баталий выступали не дворянские львы и гвардейские офицеры (считалось, что им такими вещами заниматься вообще зазорно), а рабы-кадеты и рабы-консидории из Дуэльных школ.

Отдельно от «призовых» дуэлей среди несвободных граждан проводились соревнования мастеров метательного оружия – лучников и арбалетчиков, а для военнотружущих королевской армии, то есть граждан свободных, – стрельбы из мушкетов и пистолетов.

В любом случае для огромных толп народа, валом ломящихся в эти дни во все города Боссонской марки, главным развлечением служили не достижения чемпионов боя (неважно свободных или рабов), а возможность беспрепятственно покинуть на эти дни приевшиеся за год стены своих «шатот».

Поэтому ежегодно из поместий с разрешения господина или уполномоченного им вилика тысячи невольников отправлялись в губернские и волостные центры, чтобы купить и продать на ярмарке товары, танцевать и влюбляться на карнавале, а также пить дармовое вино и пиво. Последние в щедро выставлялись гостям авеналий за счет средств местного купечества и префекта Бронвены.

В честь праздника шательены или назначенные им вилики обычно выдавали сервам, отпускаемым на авеналии определенное денежное содержание, размер которого зависел от рентабельности самого раба.

Управляющие торговых домов, ведающие коммерческими делами господина, искусные рабы-ремесленники, ювелиры, красивейшие из «доходных» наложниц, а также «призовые» бойцы постоянно имели на руках неплохие деньги, и серебро в купе с золотом лилось на авеналиях рекой.

Гору в честь его блестящей победы над Брандом Овальдом как особо ценному (потенциально) призовому бойцу была выделена сумма в размере целых *семи сестерциев*.

Сумма была «солидной» во всех смыслах, ибо, во-первых, была достаточно крупной сама по себе, а во-вторых, потому что денежной единицей в Эшвене, как уже упоминалось, был золотой солид.

Каждый такой солид состоял из ста серебряных сестерциев, а те в свою очередь делились на сто медных датов, то есть «долек». Таким образом, один солид состоял из десяти тысяч мелких денежных единиц. Здоровая кружка пива стоила всего три-четыре дата, а хороший обед – два-три дата в зависимости от корчмы. Так что сумма на две недели получалась для Гордиана более чем достаточной, учитывая, что ни в каких крупных покупках он не нуждался и вся сумма предназначалась исключительно «на прогул».

Тем не менее, несмотря на всю кажущуюся «увлекательность» предстоящего путешествия в большой и наполненный людьми город, сам Гордиан отнесся к скорому началу состязаний без большого энтузиазма. Действительно, все последние двенадцать недель, став консидорием и получив свободу передвижения по поместью, он тщательно исследовал возможности местного электрооборудования, возможности используемых местными сервами технических устройств и геометрию силовых кабелей, проходящих по стенам этой средневековой «гладиаторской» Школы. С особым интересом, но даже без тени

удивления для себя, Гор отметил на электроразъемах стиральных машин, электросушилок, прессов и даже печи крематория знакомые значки «220V», а кое-где – «360V». Это было здорово!

Наличие сложного оборудования, работающего на электрическом токе (а значит, и оборудования для его ремонта и обслуживания), означало для Гордиана одно – возможность снять ошейник каким-то иным, еще не опробованным им способом. И в этом смысле необходимость драться на играх и ставить таким образом под угрозу свою единственную и неповторимую жизнь ему несколько не улыбалась.

А впрочем, размышлял он, большой город и народные гулянья, сопряженные с массовым распитием спиртных напитков, могли предоставить ему даже больше возможностей для побега, чем свободное шатание по Лавзее. Ведь на празднике его позже хватятся, а в большой толпе будет легче затеряться. И, что немаловажно, в Бронвене его будет знать в лицо лишь горстка людей, в Лавзее же – знают все.

Кроме того, Бронвена, как столица Боссонской марки, значительно ближе к центральным регионам страны и находится на главной транспортной магистрали Эшвена – крупнейшем водном потоке континента реке Кобурн, текущей прямо до океана. В этом смысле авеналии для него были большой удачей.

Оставались только две проблемы.

Первая – во время турнира следовало выжить, что, насколько Гордиан понял со слов участников прошлых авеналий, было делом несколько проблематичным, хотя и не лишенным некоторого мрачного куража.

Второй проблемой стала Лисия. Как бы равнодушно Гор ни относился к женщинам в прошлом, эта девушка запала ему в душу – и оставлять ее здесь, в этом грязном полусредневековом мире, в рабском поместье на затерянной в глубинах космоса планете, он не мог. Пожалуй впервые в своей заполненной сначала бесконечной карьерной гонкой, а затем оголтелым бездельем жизни демиург Корпорации Гордиан Рэкс почувствовал, что его, возможно, по-настоящему любят и что он – воистину это было удивительно – привязан к кому-то сам. Слово «любовь» пока не произносилось вслух, однако не раз и не два появлялось в его голове вместе с теми словами, что он нашептывал прекрасной курносой наложнице при каждой встрече. Это была магия! Для столь опытного в любовных утехх мужчины, каким он представлялся себе совсем недавно, столь всепоглощающая и жгучая страсть к совершенно обычной девушке являлась воистину чудом!

Как там ни было, Гор решил, что попробует взять Лисию с собой – хотя бы попробует.

Правда, для этого требовалось, чтобы девушка тоже очутилась на авеналиях, и в этом заключалась проблема. Гор терялся в догадках, как можно это устроить, не вызывая излишних подозрений, но неожиданно вариант решения наметился сам.

В один из визитов к наложнице он сообщил, что едет на турнир.

Лисия закинула изящную ногу ему на бедро и прижалась плотнее:

– Уезжаешь?..

– Увозят, ты же знаешь, – вздохнул Гор. – «Доля наша – секира да меч», так Трэйт говорит. «Лишь бы в землю не лечь», так Крисс добавляет.

– Шутник твой Крисс, я смотрю.

– Как сказать. Шутки больно скабрзные. Душком тянет. Особенно когда шлангом бьет во время тренировки. Знаешь, мы по кругу бежим, а он бьет и шутит.

– Садист?

– Ни-ни. Старший габелар, а также наш дацион по верховой езде. Что-то вроде сержанта в армии и одновременно тренера в спортивной команде, если ты знаешь, конечно, кто такой армейский сержант. Вообще, Крисс нормальный, только лупит сволочь пребольно. И требует много. Но, впрочем, как и все. Мастер Трэйт, знаешь ли тоже не подарок. Двадцатикилометровую пробежку утром до обеда – это ведь он для кадетов придумал. По сравнению с этим Криссово лупцевание – ерунда.

Они помолчали.

– И скоро? – спросила наконец она.

– Говорят через неделю. Кстати, с нами будет сам лорд Брегорт. – Гор притих, немного робея, и задал главный вопрос: – Быть может, на авеналиях я и тебя увижу?

Лисия усмехнулась.

– Если едет милорд, то увидишь, – уверенно сказала она. – Его светлость приедет из Бургоса, из своего столичного дома, и с ним будут девушки. Однако в столице он живет уже больше года, наверняка тамошний гарем ему осточертел. Или лучше сказать затрахал? О, извини, грубость – сестра искренности! В общем, кого-нибудь из лавзейских наложниц он наверняка призовет в эскорт.

– И тебя тоже? – Гору стало как то неописуемо грустно при мысли, что некий мужчина, пусть даже господин их маленького рабского мирка, будет касаться его женщины, пусть даже наложницы.

Она неопределенно и очень томно повела плечами.

– Вообще-то, милый, считается, что это честь. В прошлом году он брал меня. Полагаю, возьмет и в этом. Да что с тобой?

Гор насупился, чуть-чуть отодвинулся от обнаженной чаровницы, а потом откинул одеяло и сел.

– Знаешь, я пойду, – сказал он. – Через три часа тренировка.

Она посмотрела на него снизу вверх и рассмеялась звонким, заливистым смехом.

– Господи, Гор! – Лисия всплеснула руками и трогательно прижала кулачки к великолепной груди; маленькие розовые сосочки заодно топорщились. – Милый, ты ревнуешь рабыню к своему господину? Ты сумасшедший!

– Да вовсе нет. – Гор наклонился и, проведя рукой по волнующему изгибу обнаженной спины, нежно поцеловал ее в губы. – Просто нужно идти. До встречи.

Как можно злиться на такую?

– Пока.

Она откинулась на шелковые подушки и отвернулась.

– Пока.

Гор натянул штаны, сапоги, рубаху. Накинул портупею, прицепил меч.

Стараясь не скрипеть половицами, он осторожно прокрался к двери и вышел из комнаты.

«Итак, я увижу ее на авеналиях, – подумал он, – а значит...»

Ошейник просто жег ему шею.

«Призовая» партия из Школы Брегорта отправлялась в Бронвену в составе двадцати одного человека. Возглавил ее, разумеется, сам старший дацион, а также старшина «школьных» габеларов Крисс в сопровождении четырех бойцов охраны и трех человек из обслуживающего персонала – одного посыльного и двух адъютантов Трэйта.

Пятеро были, собственно, призовыми бойцами, выделенными для турнира, в число которых волею известных обстоятельств вошел и Гор. Путь от Лавзейского поместья до города Бронвены занимал примерно две недели, если передвигаться верхом и не слишком засиживаться в придорожных мотелях.

Сам лорд Брегорт, в отличие от своей «спортивной» команды, выезжал не из Лавзеи, а как правильно догадалась Лисия, из Бургоса – вместе с охраной, эскортом из наложниц и сонмом прихлебателей. Он должен был появиться на турнире только к началу третьего дня великих боссонских авеналий перед самым финалом. Объяснялось подобное небрежение самым знаменитым мероприятием Боссонской марки со стороны хозяина Лавзеи прежде всего элементарным отсутствием интереса к состязаниям. Что, по мнению Гордиана, было странно для содержателя команды гладиаторов. Однако для Брегорта и лавзейская Дуэльная школа, и тамошняя школа наложниц служили, прежде всего, бизнесом для зарабатывания средств к существованию и только потом – услаждением души и натуры.

Не удивительно поэтому, что Брегорт всегда приезжал на турниры к их завершению, чтобы лично забрать денежное вознаграждение, выставленное призерам турнира, лично

получить все регалии, награды, титул чемпиона или... Или не получить ничего из вышеперечисленного, но отыскать виновных среди дационов и бойцов, а затем, соразмерно небрежению, наказать таковых. Сабин и Трэйт, таким образом, готовились к авеналиям самостоятельно, нисколько не оглядываясь на лорда, но страшась его справедливого и сурового гнева в случае поражения.

Как бы там ни было, собирались тщательно.

Каждого из бойцов в соответствии с «призовым кодексом» – сборником устных правил проведения таких боев – сопровождал оруженосец, призванный не только банально таскать за бойцом его оружие, тренировочный набор и личные вещи, но и заботиться о его сне, питании и досуге.

Когда Трэйт спросил Гордиана, кого тот желает видеть в качестве сопровождающего и слуги, тот, не долго раздумывая, ответил, что в качестве такового может назвать только одного человека. И указал на кадета Никия – своего первого товарища по несчастью, встреченного им в этом мире. Согласия Никия на назначение никто не спрашивал, но тот был счастлив.

Кроме того, к их отряду спортсменов-гладиаторов присоединился сам Бранд Овальд – пронзенный Гором чемпион прошлых авеналий. Местный врач орал как ненормальный, запрещая раненому Овальду отправляться в многодневное путешествие, однако тот остался непреклонен. Не помогло даже мнение старшего дациона. В конце концов, Трэйт махнул рукой и разрешил Бранду готовиться к поездке.

Первым в пятерке дуэльных бойцов стал высокий стройный мулат по имени Люкс Дакер. Обычно он выступал в доспехах, а именно в «lorica segmetata» и открытом угловатом шлеме с полуличиной, опускающейся на умные и внимательные карие глаза.

Дакер имел волевой подбородок, рельефные мускулы, крепкую шею и, хотя титаническими размерами, как Бранд, не выделялся, он являлся, безусловно, физически очень мощным противником.

Стандартным оружием этого бойца, с которыми он тренировался в Лавзее, была тяжелая секира с шипом и клювом, а также огромный щит-восьмиугольник.

Вторым бойцом в партию «дуэльников» входил некий Римо Аклет. Высоченный громила с руками-граблями и тупым лицом имбицила. Римо был страшен. Со своими обрезанными ноздрями, выше Бранда почти на полголовы и в два раза объемней в области живота, он производил неизгладимое впечатление на зрителей. Бранд, правда, при своих размерах был быстрее, имел более развитые плечи и двигался как пантера. Римо же по повадкам и габаритам напоминал скорее доисторического пещерного медведя, дикого и могучего.

Снаряжением Римо служили кольчуга, шлем и два щита-наручника, один из которых жестко закреплялся на левом предплечье, а второй – чуть выше на левом же плече. Подобная конструкция щита, вероятно, позволяла Римо пользоваться в бою двумя руками, не лишаясь при этом возможности закрываться от ударов противника щитом.

К обоим пластинам щита при этом (как на предплечье, так и на плече) крепились длинные когти-шпы, так что левая рука у Римо даже без меча становилась страшным оружием, которым великан пользовался в совершенстве. Шлем Римо предпочитал цилиндрический и глухой. Такой шлем значительно сужал обзор, зато закрывал голову со всех сторон, защищая лицо. Орудовал он в бою двуручным фламбергом, «пламенным» мечом с извивающимся клинком-пилой.

Третий участник, мастер-мечник по имени Сардан Сато, один из сотни младших дационов Лавзеи, также был мастером боя в доспехах, но доспехи предпочитал в более облегченном варианте. Простой пластинчатый нагрудник, легкий открытый конический шлем, налокотники, наколенники, одноручный обоюдоострый меч и легкий щит-баклер или для более серьезных боев – щит-рондаш. Этот среднего роста узкоплечий и не молодой уже воин имел жилистые крепкие руки с толстенными предплечьями, носил бороду и длинные волосы с обильной проседью.

Четвертым бойцом в Бронвену взяли Рана Карума. Как и Сардан, он был бородат, однако его борода походила на козлиную и обычно заплеталась в тугую длинную косичку. Карум при этом был лыс, но носил длинный хвост—косу, росшую из темени.

Природа не наделила его высоким ростом или широкими плечами, однако при этом он был чудовищно мускулист. Относительно небольшой, дочерна зогорелый торс был покрыт тяжелыми жгутами мышц. Узловатые ноги и руки бугрились силой. Карум считался очень жестоким и злым противником. А еще – он был феноменально быстр.

Гор прикинул, что если бы ему пришлось драться в первом бою именно с Карумом, а не с Брандом, еще неизвестно, кто вышел бы победителем.

Замыкал список призовых бойцов лично Гордиан Рэкс, собственной щедеврой персоной. Предполагалось, что он будет выступать в легком весе, топless и босым. Во-первых, чтобы были видны ранения и увечья, возможно полученные им во время схватки (это должно возбуждать публику), а во-вторых, чтобы визуальнo принизить его боевые достоинства, поскольку в полуобнаженном виде тело Гордиана не вызывало восторга у ценителей по сравнению с черным, мускулистым торсом Карума, великанской статью Римо или же спокойной, отточенной мощью Бранда.

Удивительно, но из всей компании Гордиан почему-то сдружился именно с Брандом. Подколотый им здоровяк оказался отличным парнем, причем довольно болтливым, несмотря на суровую школу жизни, более чем суровую профессию и печальный рабский удел. Однажды осмелев, Гор даже спросил у тренированного убийцы об истоках такой общительности, на что Бранд, ничуть не обиженный, заявил, что он – коренной уроженец этого края, боссонец, а значит – прирожденный путешественник и торговец. А как в торговле без избытка общительности и разговорчивости? Никак! Вот он и болтает.

Гор скептически обозрел чудовищную тушу товарища и прикинул, что вот насчет путешественника еще туда-сюда, а вот насчет торговца... Торговец, как же: он бы лично у такого верзила даже про цену не спросил бы, уж больно страшный.

Разговаривали они много и часто. Гор – из желания побольше узнать о новом для него мире, а Бранд, естественно, в силу уже упомянутой склонности к общению, а также из уважения, поскольку хилый юнец, которым представлялся всем на первый взгляд Гор Ракир, в личном рейтинге популярности Бранда Овальда после схватки на Лавзейском ристалище вознесся на недостижимую высоту. Тем не менее Бранд весьма здраво оценивал шансы Гора стать не то что победителем, но хотя бы призером предстоящих боев.

Например, в одной из бесед Гордиан спросил Бранда о достоинствах каждого из бойцов их группы. На что Бранд, пожав плечами, ответил, что он лично положил бы любого из них, однако Гору, несмотря на то, что сам Бранд слег от его удара, не советовал бы связываться ни с кем.

Самым опасным по мнению Бранда являлся Люкс Дакер – опытный, сильный боец в самом расцвете лет. Выносливый, осторожный и с опасным нестандартным оружием – секирой. Секира – не меч. Она требует более сложных тренировок, более крепкой руки, однако и для того чтобы совладать с ней в бою, требуется особый подход. Боец-мечник, не знакомый с техникой работы секирой, при встрече с Дакером практически обречен.

Вторым по мощи Бранд признал Карума, поскольку у того профессионализм и физическая сила сочетались со зверской злобой и упоением боем. Вот кто был действительно прирожденным убийцей!

Насчет сравнения старого Сардана и Римо у Бранда возникли сомнения. Сардан, конечно, очень хорош. Он, безусловно, мастер экстра-класса, однако уже довольно стар и нет в нем той энергии и выносливости, которая помогает молодым.

С другой стороны, Римо – это голая мощь, и хотя в борьбе без оружия даже Бранд сомневался, что сможет заломать его, в поединке на мечах расклад был другой. По мнению большинства дационов, Римо не слишком искусен, и даже туп. В поединке он полагается только на свою неисчерпаемую физическую силу и выносливость, что в любой схватке представляет собой не самую лучшую тактику.

Бранд смог бы схватиться в принципе с любым из них, более того, в тренировочных боях он неоднократно делал это, сражаясь с каждым из участников этой команды. Однако тренировочный бой – не настоящий, да и Гор – не Бранд.

Например, Римо очень силен, его сложно остановить единственным ударом рапирой. Карум, напротив, – гораздо слабее, однако необычайно быстр и хитер. Так что у Гора не прошел бы с ним номер с молниеносным уколом, которым он так ловко положил его, Бранда.

Сато и Дакер вообще выходят на ринг только в тяжелых доспехах, так что в одном круге с ними бездоспешному Гору с его хилой рапирой просто нечего делать.

Гордиан внимательно слушал пояснения Бранда, впитывая их, как сухая губка воду, и размышлял. Вывод из пояснений следовал весьма прозрачный: несмотря на ловкость Гора, его рапиру и совершенную технику фехтования, местные рубаки тоже щенками не являлись.

«К смерти и победе готов» – таков, кажется, девиз консидориев? К победе – да, но вот к смерти...

Гор помотал головой.

В конце концов, он не собирался умирать на арене на потеху зрителям, и хотя Бранд, а также другие бойцы до невозможности превозносили честь умереть в бою, Гордиан относился к такому «подарку» судьбы весьма скептически.

Добраться до Бронвены, продержаться как максимум один-два боя против наиболее слабых противников, дождаться прибытия Брегорта с Лисией, забрать девушку и...

И сбежать!

Впрочем, пока стены Бронвены не показались из-за последнего поросшего ельником холма, Гор даже сам себе боялся признаться в этом. У него уже был один крайне неудачный опыт побега, и повторять он его не хотел.

Но в этот раз, внушал он себе, все пройдет как надо.

Глава 26

В Бронвену

Дорога в Бронвену вопреки ожиданиям оказалась долгой и скучной. За весь путь Гордиан не почерпнул практически никаких новых сведений, приобретение которых можно было бы считать значительным вкладом в дело приближения счастливого мига свободы и возвращения домой. Под домом в данном случае подразумевалась не его койка в Лавзее, а, безусловно, один из роскошных дворцов в кластере Каталаун.

Между прочим, странные полосатые антилопоподобные существа, чей внешний вид так поразил Гордиана в первый день его пребывания на планете, в мире Невона именовались вполне понятными терминами, по простому – лошадью и мулом. Полосатыми, кстати, являлись только самые мелкие экземпляры, именно они использовались для переноса тяжелых грузов и назывались мулами. Более рослые, мощные животные, использовавшиеся по словам знатоков в военной кавалерии, носили название «антийской лошади». Эти последние имели самую замысловатую расцветку: от снежно-белого или вороного – до ярко-голубого и алого. Последние впрочем были редкостью. В основном преобладали масти менее экзотических тонов. Их маленький отряд, кстати, почти целиком размещался на мулах. Лошади были только под Сабином и Трэйтом, поскольку, по словам Бранда, животные были «безумно дороги» и для перевозки рядовых сервов не предназначались по определению.

Гор покачивался в седле в такт движению скакуна и угрюмых мыслей, блуждающих в голове. Несмотря на длительные конные тренировки, которыми его и других молодых кадетов измучил Крисс, на коне он держался так себе. Скажем откровенно – держался плохо. Два дня, проведенные им в седле, измучили и избили его бедный зад так, что казалось, на привале он не сможет сидеть. Кроме того, стараясь успеть к началу авеналий по возможности раньше других участников, их команда двигалась по тракту по двенадцать—четырнадцать часов в день, оставляя время только на непродолжительный сон и перекусы в

придорожных мотелях. Так что обычно уже к полудню Гора клонило в сон.

Однажды, чтобы откровенно не клевать носом и не упасть под копыта своего «мула», Гор решил развеяться информативным разговором. Одной из тем, которая постоянно интересовала бывшего демиурга и рабовладельца, являлось довольно ровное отношение господ консидориев к своему рабскому статусу смертников-гладиаторов, что показалось Гордиану странным. Он спросил об этом Бранда, и тот, как всегда, когда Гор к нему обращался, начал *вещать*.

– Здесь ответ прост, – заявил боссонец, пожимая плечами. – Твои инсинуации по поводу права лорда Брегорта заставлять нас драться на авеналиях, совершенно не обоснованны. Учеба в Школе и уж тем более участие в дуэлях – это, прежде всего, великая честь, предмет гордости для каждого из нас и только потом – необходимость, продиктованная принуждением. Кроме того, подумай сам, если мы не станем махать мечами на ристалище, то чем вообще мы станем заниматься? Тебе охота стать огородником или кухаркой? Я так думаю, что нет. Наше с тобой ремесло консидория куда благороднее.

– Ремесло, когда тебя режут на стойки для потехи публики? – удивился Гор. – Ты действительно считаешь это более благородным делом, чем копание в огороде?

– Конечно, – и Бранд решительно кивнул.

Гордиан разочарованно пожал плечами. Его пропагандистские идеи антирабской направленности, которые он время от времени и очень осторожно пытался озвучивать в стенах Дуэльной школы, почему-то не находили поддержки в местной рабской среде. Похоже, рядовых сервов вполне устраивало их положение. По крайней мере среди консидориев. Кадеты, особенно только что прибывшие из храмов, относились к его мыслям с бо льшим энтузиазмом, однако после получения *епанчи консидория* мнение свое обычно меняли. С другими же сервами он почти не общался. Нравиться им, что ли, резать друг друга на ристалище?

– Ну хорошо, – Гордиан решил сделать последнюю попытку. – Допустим, ремесло консидория – это действительно великая честь. Но ведь все равно выходит не справедливо! Представь, ты тренируешься, дерешься и в конце концов умрешь на залитом кровью песке, глотая воздух перерезанной глоткой, зарабатывая деньги для... хозяина? А что делает в это время этот самый хозяин, Брегорт? Просто живет? Все бесчисленные блага, которые имеет наш лорд-шательен, лучшие вина, лучших скакунов, даже лучших женщин, он получает просто так, ничего не делая и ничем не рискуя. Разве это справедливо? Чем вот ты хуже него?

Бранд нахмурился.

– Вопрос кто хуже, кто лучше, – это плохой вопрос, – сказал он. – У каждого своя судьба. Все люди хороши и все люди плохи. Меру счастья каждого из них отмеряет Божество, тебе это известно. Просто моя судьба – драться и умереть, его судьба – быть лордом. И глупо толковать об этом, согласишься? Все равно ведь ничего не изменишь.

Гор неопределенно пожал плечами. «Ладно, – подумал он. – Непробуемо, попробуем в другой раз».

Но Бранд не останавливался. Похоже тема разговора задела его за живое.

– Наш лорд на самом деле не самый плохой человек, брат, поверь мне, – заявил Бранд горячо. – Он, кстати, литератор, ты знаешь об этом?

Брови Гора полезли вверх. Литератор? Вот это новость.

– Да, он пользуется всеми благами, – продолжил Бранд, – но и о своих сервах не забывает. В целом, если, конечно, не считать эксцессов типа обращения с новоиспеченными кадетами таких ублюдков, как убитый тобой Гаврин, сервы в Лавзее живут не плохо. Тебе кажется я не прав? Тогда тебе просто нужно побывать у соседей и ты все поймешь! У Брегорта нет клеймения, когда на лбу у человека выжигают имя каленым железом, просто потому что он серв, как это делают в усадьбе Трассера. Никого из кадетов не скармливают голодным собакам просто за нарушение режима или косой взгляд, как это делает леди Шамир. Так что наш лорд вполне достоин уважения, по крайней мере большего, чем

высказываешь его ты. И потом, пока на наших шеях висят железные койны, изменить ситуацию невозможно! Так что мы талдычим об этом? Оставь! Лорд Брегорт хороший человек и неплохой хозяин. Он пишет себе книжки и не трогает никого. Он добряк и ученый литератор. И если бы не Сабин с его финансовым гением и умением выжать все из труда рабочих сервов и ставок на консидориев, Брегорт наверняка бы уже разорился. Писать книжонки в современном обществе, где едва ли каждый десятый умеет с грехом пополам читать, это, знаешь ли, не особо прибыльное дело.

– Но ты же читаешь, – сказал Гор, оправившись от удивления (надо же, писатель!) и пропустив большую часть монолога Бранда мимо ушей. Логика его размышлений была проста. Гор стал рабом, а значит, его хозяин, рабовладелец, ограничивающий его свободу и надевший на шею проклятый электронный хомут, – это прежде всего его враг. А враг он и есть враг, даже если не клеймит тебя и не скармливает собакам. Тоже мне пример гуманизма!

– Кстати, что пишет наш лорд? – решил уточнить он вслух, чтобы успокоился. – Исторические хроники или, может, рыцарские романы?

– Ужасы.

– Что-о? – по мнению Гордиана в формат средневековой литературы этот жанр вписывался менее всего.

– Ужасы! Нет, точно, он ваяет романы про всякую там нечисть. Про вампиров преимущественно.

– Обалдеть. А что в Боссоне есть вампиры?

– Ты что, идиот?

– Понятно.

– Да ни черта тебе не понятно, Гор! – воскликнул Бранд, вздев руку. – Брегорт считается самым гуманным и мягким владетельным шательеном Боссона, а то и всего Эшвенского Королевства. Благодаря своим книжкам он стал известен, и теперь про его мягкий характер ходят легенды, говорят – даже при Дворе.

Тут великан сделал ужасное лицо и ткнул пальцем в небо, а потом продолжил:

– Легенды эти вполне обоснованны. Брегорт почти никогда не наказывает своих сервов, почти никогда не продает, очень многим разрешает жениться и на собственные деньги строит дома для сервов, сочетававшихся браком. И детские сады у него в каждом поместье и довольствие для рабочих самое хорошее. Но что интересно, в своих книжках он описывает такие зверства, что дамочки падают в обморок! Представь, какая разница между человеческой натурой и писательскими пристрастиями? В книжках просто зверь кровожадный, а в естественном состоянии – добрейший из людей.

Гордиан снова пожал плечами.

– Да нет никакой разницы, Бранд, – вздохнул он, решив заканчивать разговор, оказавшийся с точки зрения практической полезности совершенно безрезультатным. – Как ты сам заметил, каждый человек немного ангел, а немного дрянь. И если в жизни он вынужден сдерживать темную часть себя, то, как только предоставится такая возможность, зло вырвется наружу. В тихом омуте, сам знаешь, что водится. Если же у Брегорта вся его «кровожадность» идет на книги, то на реальную жизнь ее просто не остается.

– То есть у нашего лорда и так хватает жути в книгах, поэтому он такой добрый с рабами?

– Возможно, так. Тут действует как бы принцип компенсации. Выпустил зло – стал добрее, не выпустил – зло осталось в тебе.

Великан в сомнении помотал головой.

– Голова ты, Гор, – рассмеялся наконец он. – Мало того, что людей протыкаешь отменно, так еще и врать горазд. Значит, чтобы стать образцом терпимости и добродетели, достаточно «выпустить зло»? Мы с тобой, получается, добряки? А самый добрый у нас по твоей логике выходит Карум, так? Он на прошлых играх четырех человек насмерть зарубил, а одного сделал на всю жизнь инвалидом – отсек ногу на хрен. Добрый теперь как никто! – с

этими словами Бранд громогласно заржал, смешно подпрыгивая кадыком. В его смехе, однако, помимо шумного веселья отчетливо прослеживались отголоски циничной злости.

– Да ну тебя, я же серьезно, – возмутился Гор и, поняв, что разговор окончен, дал шпоры.

Когда дорожные беседы угасали, Гордиан ворочал головой по сторонам, терпеливо запоминал местность и дорогу, старательно заучивал названия новых населенных пунктов, коими в большинстве своем оказывались по-прежнему школы и шато. Единственным населенным пунктом в этой части обширной Боссонской марки был странно маленький городок под названием Кербуль. «Странно маленьким» Гордиан обозвал его реально, из-за размеров. Некоторые шато были по населению значительно больше этого городишки, а по занимаемой территории его наверняка превосходили почти все.

В Лавзее, к примеру, в шато, дуэльной школе и школе наложниц проживало более десяти тысяч душ. В Кербуле, по словам того же Бранда, – от силы столько же.

В город команда не зашла из-за спешки, и Гор снова уперся глазами в пейзаж из бескрайних полей и лесов, одиноких многолюдных шато и петляющую по равнине дорогу.

Все это теоретически могло оказаться полезным в случае побега, однако Гор плохо понимал, чем именно, ведь если его объявят в розыск, передвигаться по главному тракту марки он все равно не станет. Впрочем, терпение обеспечивает удачу – так говорят. И Гор терпел, пока усталые ноги лошадей и мулов их маленькой экспедиции пожирали бесконечную нить пыльной дорожной ленты милю за милей.

Пейзаж менялся. Постепенно полей и лужаек становилось меньше, равнина сменилась холмами, холмы покрылись лесом. Затем лес снова отступил, и взору Гордиана открылась величайшая река Эшвена – могучий Кобурн, влекущий свои воды через весь континент. Далее дорога шла вдоль берега реки, то удаляясь от него, чтобы обогнуть поросшие камышом болота, то приближаясь к реке вплотную, чтобы следовать вдоль уютных песчаных пляжей и крутых глинистых обрывов.

В другой ситуации зрелище великой реки, ее заводей и живописных берегов, возможно, и пленило бы Гора. Возможно, он даже сделал бы пару снимков на память, однако на этот раз зрелищный вид был ему совершенно безразличен. Он тщательно зафиксировал в своей памяти места переправ и названия речушек, то и дело впадавших в Кобурн с их берега, чтобы при случае знать, какие преграды придется преодолеть если придется здесь следовать снова. И только. В остальном чудесный пейзаж его не интересовал. Водный поток, ничуть не оскорбленный презрением бывшего демиурга, мог спокойно двигаться дальше.

Гордиан, подробно изучивший карту Эшвена, изъятую им из библиотеки, знал, что Кобурн, начав свой путь из Корнакских гор на севере Эшвена, через Кербуль и Бронвену следует на юг, смыкаясь по пути с другими многочисленными и многоводными речными потоками. Затем он достигает Риона – крупнейшего города Артошской марки и, наконец, за километров сто до океанского побережья разворачивается широким разлапистым устьем, на берегах которого высится знаменитая столица единственного планетарного государства, великий город Бургос.

Впрочем, шли слухи, что Его величество Единый король Эшвена (сиречь и всей планеты) Боринос Первый Победоносец имеет твердое намерение перенести столицу из Бургоса в новый град КароБерг, что основан им несколько южнее, на побережье, дабы столичный город был еще и портом, однако никакой ясности среди сервов по этому поводу не было, ибо до них никто последние новости из королевского двора, естественно, не доносил. Да и лавзейцы этими новостями не особо интересовались.

Как бы там ни было, дорога, шустря и петляя, вела их на юг, к провинциальной столице Боссона городу Бронвене.

К дуэльным боям, к славе, а может быть, и к смерти.

Гордиан поправил на плече свой серый кадетский плащ (эх, ведь так и не досталась ему епанча) и принялся мысленно прокручивать в голове замысловатые фехтовальные финты и наскоки.

Спустя три дня они прибыли в Бронвену.

* * *

Сказать, что провинциальная столица Боссонской марки поразила демиурга Гора, значит не сказать ничего. Нет-нет, в своей долгой трехсотшестидесятилетней жизни он видел множество городов. Городов, значительно больше и шумнее Бронвены, более помпезных и важных. Городов, более именитых и значимых. Городов, населенных необычными людьми и даже нелюдьми. Городов, переполненных толпой и попросту, пустых, мертвых.

Однако Бронвена была волшебна, именно сказочно волшебна.

Она не блистала роскошью дворцов и величием монументов. Бронвена не поражала, не ослепляла архитектурой, она в буквальном смысле излучала изысканность! Фигурные фонтаны и увитые плющом беседки городских оранжерей, раскрашенные цветами газоны и залитые светом скверы и площади, все-все в Бронвене выглядело миниатюрно, сказочно и чудесно. Каждое сооружение, каждый дом, каждая установленная на улице статуя и даже каждое общественное здание вроде ратуши или суда было окутано той неопишуемой аурой индивидуальности, которая присуща только подобным старинным, игрушечно-антикварным городкам.

Действительно, красивый город, подумал Гордиан. И кому пришло в голову делать из этого архитектурно-оранжерейного шедевра место для проведения гладиаторской бойни? Вот бы знать!

Тем временем команда Лавзейской школы добралась до места своего квартирования, которое оказалось отелем лорда Брегорта. Насколько Гордиан понял из путаных объяснений Бранда, в крупных городах (а по боссонским меркам Бронвена была, безусловно, крупным городом) каждый уважающий себя шательен считал долгом иметь большой дом, в котором гостил время от времени, когда дела требовали его присутствия в этом поселении. Такой «гостевой дом» по странной прихоти лингвистики традиционно носил название «отеля», хотя конечно же никакого отношения к известным Гордиану отелям, то есть гостиницам для туристов, не имел.

Отель оказался красивым старинным зданием в пять этажей с фигурной крышей, сложной и замысловатой готической отделкой фасада и многочисленными скульптурными группами в виде колесниц и грифонов по периметру. Окна его украшали резные решетки, к тыльной стороне прилегал сквер, а чугунный забор в виде хитросплетения виноградных гроздьев и мощная двухстворчатая дверь для выезда экипажей дополняли облик здания.

Лавзейцев радушно встретили местные сервы, их разместили быстро и довольно комфортно. Каждому была предоставлена отдельная комната с кроватью и шкафом, набор постельных принадлежностей, а также возможность принять настоящий душ в общей душевой.

Спустя час Трэйт вызвал всех посвежевших после водных процедур консидориев в содержащийся при отеле тренировочный зал.

– Ну, друзья мои, – сказал важно Трэйт, – свершилось! Мы на авеналиях в Бронвене, и в следующие несколько дней решится, не зря ли вы и я, ваш старый дацион, ели хлеб нашего лорда и портили портки весь прошлый год. Вы готовы к сражению?!

– Кхарр-ра! Кхарр-ра! Кхарр-ра! – прорычали консидории боевой клич Боссона, и Гор, сам не зная почему, с энтузиазмом присоединился к ним.

– К смерти и победе готов! – вскричал Трэйт и консидории, все как один, громогласно повторили его клич.

Затем бойцы обнажили мечи. Каждый по очереди поцеловал свое оружие, прошептав перед ним три клятвы верности – священному ремеслу консидория и присяге, которую он принес при получении епанчи; своему господину, достойнейшему из лордов, и, наконец, своему клинку, который завтра напьется болью от резаных ран и самовей, пропахшей трудом и мукой, человеческой смертью.

Вслед за прозвучавшими клятвами, торжественно, с поклоном своему дациону, бойцы по очереди вложили благородное оружие в ножны!

Гордиан последним посмотрел на рапиру, только что сорванную им с пояса. Лезвие необычного для этого мира оружия блистало тусклыми холодными переливами. И хотя падший технобог, лишенный мистических предрассудков, относился к своему техничному, узкому и злому клинку лишь как к бездушному инструменту, созданному безумным человеческим гением для убийства себе подобных, трепет и благоговение, с которыми остальные лавзейцы прикладывались к своим обильно умытым кровью клинкам, заставили и его посмотреть на эту отточенную металлическую полоску совсем другими глазами.

«Мой меч, – сказал он себе, – моя жизнь и смерть моих врагов. Не подведи!»

Он дотронулся до него губами. Сталь вздрогнула в его руках как живая, ответив на поцелуй леденящим сердце трепетом.

Взяв рапиру за рукоять, Гор одним движением, не глядя, со стуком вложил ее в ножны. Кхарр-ра! Да! Победа или смерть!

Немного приведя себя в порядок, лавзейцы вышли из отеля Брегорта и организованным отрядом при оружии направились в сторону площади Ристалищ.

– Система авеналий проста, – объяснял Гордиану по дороге старший дацион. – В соревнованиях участвуют двадцать восемь дуэльных школ, команды которых прибыли со всего Боссона. Кроме этого, к соревнованиям по желанию может присоединиться любая другая школа, не расположенная в пределах Боссона, но своевременно подавшая заявку и, разумеется, имеющая бойцов соответствующей квалификации. Поединки последуют в трех классах – в тяжелом, среднем и, как ты можешь догадаться, в легком весе.

– И каковы границы веса для каждого разряда?

Трэйт внимательно посмотрел на Гора и потер подбородок.

– Вообще-то у нас тут не кулачный бой и не борьба, сынок. А ты что-то медленно соображаешь для воспитанника Лавзеи. Речь идет не о массе тела бойца, а о тяжести его вооружения!

Боец тяжелого класса – это тяжеловооруженный пехотинец. Главным состязанием для тяжеловесов являются не авеналии, а большие королевские игры, что проводятся раз в год на празднике Солнцезатмения. Обычно в таких «играх» участвуют не отдельные бойцы, а целые сборные команды от разных школ по пятьдесят—сто человек. Когда тяжеловесы дерутся, проверяется не только их личная подготовка, но и умение работать в команде. Выигрывает, естественно, победитель в командном зачете, даже если из группы после боя остался один человек. Кстати, боссонские школы, и в том числе Лавзея, одни из лучших на играх. Мы поставляем Его величеству королю Бориносу отменных бойцов и отменные зрелища.

Трэйт даже гордо покивал сам себе.

– Здесь, на провинциальных авеналиях, тяжеловесы, можно сказать, просто дурачатся, – продолжил он. – Реальная смерть им, по большому счету, не грозит, хотя травмы, конечно, возможны. Дерутся «один на один», но побеждает тот, кто свалится от удара на землю или сдастся, а вовсе не тот, кто умрет. От нас будут выступать Дакер и Сардан Сато. Дакер – первый меч, Сардан Сато – замена на случай его ранения. Кстати, Дакер – один из призеров прошлых авеналий в тяжелом весе. Надеюсь, в ближайшие дни он нас не подведет. Ну а затем следует средний вес. Здесь от Лавзеи будут выступать Римо и Карум. Карум – первый меч, Римо – замена.

Гор был удивлен.

– Извините, мастер Трэйт, – поинтересовался он, – но каким образом это возможно? Даже по моим примерным и не точным прикидкам Римо весит почти двести килограммов! И он – средний вес?! Не лучше ли ему нацепить доспехи и долбить своим фламбергом закованных в железо тяжеловесов?

– Ни в коем разе! – возразил Трэйт. – Римо только кажется тупым недоумком. На самом деле он достаточно быстр, чтобы избегать лихих и резких ударов своих более легких противников. При этом он невообразимо вынослив – он может махать своим чудовищным

мечом сутки напролет. А мы, как ты сам понимаешь, выпускаем его после Карума, когда вражеские бойцы уже несколько подустали. Кроме того, его фламберг значительно длиннее любого другого оружия, а вращает им Римо так же быстро и мощно, как ты своей шпилькой. Так что Римо – это боец именно в среднем весе, хотя признаю, что он хорош и в тяжелом.

– Получается, он боец двух классов?

– Как и Бранд. Тот вообще боец мультикласса. А ты что, не знал? Ха! Твой новоиспеченный друг, которого ты недавно так банально извалял в песке и собственном дерьме, не зря считается гордостью Лавзеи. Он является полным консидорием в тяжелом, среднем и легком весе. Если бы было по-другому, я бы не выпустил его без доспехов против такого легкого, молодого, а значит, верткого противника как ты.

– Круто! Значит, Дакер и Сато – это бой в доспехах, Римо и Карум – это бой без доспеха, но со щитом и в шлеме, а в легком... А в легком только я?

Трэйт крикнул.

– Ну, – протянул он, – Лавзея вообще никогда особо не специализировалась на боях без защитного вооружения. Тяжеловесы и полутяжеловесы – это наш конек, а бездоспешные бои – так, аутсайдеры. Как повезет, в общем.

Тут уж крикнул Гор.

– Поэтому я один в этом классе? Все выступают попарно, а мне даже нет замены? Вот новость!

– Да успокойся, сынок. В легком весе у нас всегда выступал один только Бранд и ничего. В прошлом году, если ты в курсе, он взял здесь первое место. Если бы ты не пронзил его, у вас была бы пара, а так... Короче, не обессудь.

Трэйт сделал паузу, давая Гору свыкнуться с мыслью о его спортивном одиночестве.

– Хочешь знать, почему в поединках выступает только пара бойцов? – продолжил дацион. – Потому что по правилам в ходе авеналий возможна только одна замена. В принципе, до финала может дойти и боец, представлявший школу в первом бою, однако обычно мы производим замену, поскольку в процессе дуэльных схваток первый рубака сильно изматывается, получает уже какие-то ранения или вообще погибает.

– И часто такое случается?

Трэйт пожал плечами: старый дацион, он в прошлом сам был бравым консидорием, а потому к смерти относился философски.

– Бывает, – сказал он бодро. – В тяжелом весе редко, почти нет. В среднем чаще, а бой прекращается когда сломаны щиты или повреждено оружие. В легком же весе серьезная кровь льется почти всегда. Щитов здесь нет, ломать нечего. Доспехов также нет, и любой хороший удар разит незащищенную плоть. Ты должен быть готов и к такому исходу. Не дрейфишь, боец?

Гор сглотнул. В процессе поездки он весело беседовал с Брандом, другими участниками команды и немного проникся тем духом бесстрашия и куража, которым жили и дышали консидории Лавзеи. В течение двух недель путешествия смерть казалась ему чем-то, существующим отдельно от него, но сейчас, после беседы с дационом, он понял, что предстоит именно ему уже буквально завтра.

Страх вышиб испарину на его не тронутом морщинами юношеском лбу, предательским холодком пробежал по спине, колени чуть дрогнули. Гор потерял ставший внезапно тесным электронный ошейник, крепче сжал эфес рапиры.

Видя человеческий страх, причем, как видно, не в первый раз в своей жизни, Трэйт хлопнул Гору по спине – по-свойски, с чувством отеческого понимания.

– Не бойся, парень. Отвага – это то, чем живет консидорий, – сказал он твердо. – Ты выиграешь завтра. Просто верь!

Часть третья Выпад!

Глава 27

Боссонские авеналии. День первый

– Ну-ка в сторону, в сторону! – покрикивал барриста, расталкивая зевак.

На центральной площади Бронвены собрались тысячи людей, и работы для таких, как он, служак, призванных обеспечить безопасность и надлежащую организацию турнира, было вдоволь.

Гор вышел на площадь вместе с товарищами. Рядом шли Никий, Сардан, Люкс Дакер, Карум, Крисс и прочие сопровождающие бойцов лица.

Как большие волноломы, разбивали своими тушами мельтешащую вокруг толпу Бранд и Римо.

Спокойно и горделиво в окружении охранников-габеларов выступали Трэйт и Сабин.

Вокруг кружились тысячи лиц. Шумное многоголосье второго по значимости праздника Боссонской марки разливалось в воздухе гомоном и гвалтом, скрипом прибывающих на площадь торговых повозок и стуком десятков тысяч башмаков.

Однако ближе к дальнему краю площади пространство оставалось свободным. Этот участок, граничащий со зданием великолепной семиэтажной Ратуши, был огорожен высокой металлической оградкой из чугунных столбиков на разлапистых ножках и протянутых между ними коротких, но мощных декоративных цепей. Высота столбов достигала примерно плеча взрослого человека, и между каждым из них тянулось по четыре многозвенных цепочки. Таким образом, ограда получалась заметной и высокой, однако обзору нисколько не препятствовала.

Здесь, за болтающимися звеньями декоративного забора, то и дело задеваемыми мельтешащими вокруг людьми, стояли палатки участников дуэльного турнира – боссонских школ и вольных претендентов из других марок обширного Эшвенского Королевства.

Палаток, кстати, было несколько больше, чем полагалось, а именно двадцать девять, что означало одно – в турнире будут участвовать не только боссонцы, но и, по крайней мере, один вольный претендент из других областей Королевства.

Бранд, пересчитавший палатки секундой позже Гордиана, стукнул его по плечу и ткнул пальцем в одну из крайних в ряду.

– Ба! – с удивлением воскликнул он. – Ты прикинь, что за дерьмо к нам привалило!

На палатке виднелся герб, банальный шательенский щит, поддерживаемый львами, на белом поле которого красовался, упираясь в края размашистыми крыльями, остроносый сапсан-падальщик. Острый кривой клюв-клинок смотрел налево. Ниже вдоль края щита шла надпись на древнем эшвенском: «Ин гомо наक्катус» – «Люди – моя добыча!»

Крисс посмотрел по направлению, в которое уткнулся сосискообразный перст великана, и поморщился, соглашаясь.

– М-да, – только и сказал он, – лишь этой «птицы» нам и не хватало.

– А что за птица? – Гор подал голос – Сапсан? Это кто?

– Хавьер, – сказал мрачно Бранд.

– Хавьер, – подтвердил Крисс.

– Хавьер? – переспросил Гор. – Послушайте, судари мои, если вы полагаете, что подобное краткое объяснение дает мне исчерпывающий ответ, то это не так. Нельзя ли подробнее?

– Хавьер – это единственный существующий в Королевстве лорд-консидорий, – спокойно пояснил Крисс.

– Лорд-раб?

– Нет, Гор, ты меня не слышишь. Это *лорд-консидорий*. Единственный шательен, участвующий в дуэльных турнирах как простой призовой боец. Как мастер меча.

– Он так зарабатывает деньги?

– Отнюдь! – к их компании подошел Трэйт. – Говорят, он богат как сам кардинал Амир.

Ты знаешь кто такой Амир? А, ладно. В общем, Хавьер очень-очень богат. Он родственник короля, полковник гвардии, один из богатейших шательенов Артоша и прочая, и прочая, и прочая. И, конечно, он отменный боец. Просто зверь!

Он использует в бою очень странную технику клинкового боя, сочетает укол и рубку, часто применяет в бою нестандартное оружие, неизвестные стойки и финты, одинаково хорошо владеет обеими руками. Но, в принципе, даже не это главное, сынок. Если поискать по эшвенским дуэльным школам, да хотя бы у нас в Лавзее, то не сложно найти рубак, которые не уступят этому шательену в ловкости при обращении с мечом. Думаю, тот же Дакер легко превзойдет его в технике боя, Римо окажется сильнее его физически, Сардан превзойдет в тактике поединка, Бранд – в скорости, а Карум – в ярости и напоре. Но никто не превзойдет его в одном. Ты не догадываешься в *чем именно* ?

Гор задумался.

– Лорд-шательен, – произнес он медленно. – Очень богатый лорд-шательен...

И тут его озарила догадка:

– Он бессмертен?!

Трэйт подмигнул, ухмыляясь:

– Именно так, сынок! Множество раз его убивали во время поединков, но он всегда воскресал, поскольку богатство дает ему возможность использовать могущество Церкви для продления своей сучьей жизни. На этом попроще он стяжал себе страшную славу. Я не спорю, каждый из нас, консидориев и призовых бойцов, убивал людей и делал это не раз. Мы часто отнимаем чужие жизни и смерть – это часть ремесла, которому мы обучаемся с детства. Но тут есть тонкости. То, что человек добровольно убивает других, заранее зная, что сам он неуязвим, это, я считаю, уже скотство само по себе. Однако лорд Хавьер этим не ограничивается. Каждого своего противника он преследует из года в год на каждом из турниров. И если какому-то из бойцов удастся выиграть у него, то можешь не сомневаться, Хавьер явится на следующий турнир, чтобы сразиться с ним снова. А если вновь проиграет, то на следующий – и так до тех пор, пока его противник все-таки не будет повержен. При этом Хавьер даже бахвалиться этим, говоря, что он единственный консидорий, у которого нет живых противников. И это действительно так. Каждый, кто когда-либо скрестил с ним меч, ныне мертв.

– Тебе стра-а-ашно? – со спины подскочил Бранд и схватил Гордиана под ребра, причем пребольно. – О, лорд Хавьер! О, ужас консидориев, мы просим пощады, пощады.

– Бранд, не ерничай! – прикрикнул на здоровяка старший дацион и снова обратился к Горы: – Ты понял теперь? Вот с таким дерьмом нам придется драться. Ладно, давайте-ка внутрь, нас там уже небось заждались.

Вдоль цепной оградки стояли практически такие же палатки, с той лишь разницей, что предназначались они не для отдыха бойцов между схватками и размещения запасных дуэлянтов, а для торговли.

Тут разливали квас и пиво, разбавленные вина, морсы, тинзу, подавали жареное мясо, рыбу, овощи и фрукты, хлеб, разнообразные сласти и прочие дешевые атрибуты массовых гуляний.

Консидории, которым уже две недели приходилось питаться исключительно постной пищей, чтобы предстать на ристалище в хорошей форме, «подсушенными», прошли мимо всех этих роскошеств, даже не взглянув. Гор, впрочем, посмотрел на продающиеся вразвес кушанья не без интереса – не гастрономического, конечно (какая еда перед турниром?), а исключительно из тяги к познанию: что именно едят эшвены на праздник, он видел в первый раз.

За оградкой их ждали распорядитель местного отеля лорда Брегорта, пожилой провиант по имени Лотарик Черух, встретивший их вчера, и с ним несколько служек, хлопочущих вокруг палатки для участников турнира.

Черух был мелок габаритами и облачен в простую грубую хламиду и деревянные сандалии. Со стороны он казался смешным карликом, и впечатление это еще более

усугублялось тонким писклявым голосом и постоянно мигающими подслеповатыми глазами. Молодые бойцы иногда пытались подшучивать над стариком, но Трэйт по непонятной Гордиану причине необычайно жестко пресекал эти, казалось бы, безобидные попытки и относился к древнему администратору отеля с большим уважением.

Установленная сейчас палатка, разумеется, не предназначалась для проживания. В ней основной боец, запасной боец, их адъютанты и также старшие представители команды, в частности тренирующий дацион и старший дацион, должны были находиться в дневное время, пока шел турнир. По завершении «дуэльного дня» все обитатели отправлялись обратно в отель, а утром являлись сюда снова.

На ночь оставались только прислуга и дежурный габелар для охраны.

В палатке, впрочем, имелись тахта (чтобы класть раненых, если такие появятся), скамьи, стулья, стол, стойка для оружия, а также запирающийся ящик для хранения ценных вещей, например, документов по заявке участника турнира, оружия бойца, с которым он должен выйти на ристалище, деньги для ставок и, конечно, призы, которые, возможно, достанутся победителям.

Скинув епанчи, плащи, камзолы и сменив обувь, участники команды нацепили турнирное оружие и вышли к площадкам для поединков...

Вокруг ратуши за границей огороженного участка, опоясывая ее полукольцом, размещались три ристалища. Каждое представляло собой помост примерно один метр высотой, сколоченный из крепкого бруса и обитый толстыми, добротнo обработанными досками. Размеры помоста составляли десять на десять метров – места на них было вполне достаточно.

С двух сторон на каждый помост вели узкие деревянные лесенки – отдельно для каждого из сражающихся. Сойти с ристалища должен лишь один – второго унесут, либо он выпадет сам.

Ограждения вокруг помоста никто не предусматривал. Как понял Гордиан, драка будет вестись до тех пор, пока один соперник не упадет с помоста, вытесненный натиском, не сдастся, добровольно признав свое поражение, или не умрет. Третьего не дано.

Ранения тут никто не считает. Если один из бойцов получит рану, при которой продолжение поединка невозможно, то тяжесть такого ранения будет определять только сам боец. Если он способен сказать слова сдачи и спрыгнуть с помоста – значит, ранен. Если потерял сознание, оглушен, лишен руки или языка и сдаться не может – значит, здоров! Противник может или прирезать его, как овцу, или пощадить, выбросив с помоста. Если просто не добьет, то тоже считается проигравшим. Принцип простой: либо убей, либо останься один на помосте.

Ристалища размещались на максимальном удалении одного от другого, так, чтобы с одного не было видно соседнего – его закрывала Ратуша. Поединки, таким образом, хоть и проводились на одной площади, но проходили как бы отдельно друг от друга. Болельщики достаточно легко могли переходить от одного «дуэльного помоста» к другому, но в каждой из групп толпящегося народа накал страстей мог быть привязан только к одной схватке: болеть с одного места за две драки было невозможно.

Огороженная часть с палатками команд размещалась ближе к ратуше и к ристалищам не примыкала, не загораживая, таким образом, доступ зрителей к месту, где их кровь будет разгоняться тотализатором.

Наконец команда Лавзейской школы, блистая латами и оружием, прошла по красной ковровой дорожке из огороженной зоны к центральному ристалищу, которое помимо своего обычного назначения играло роль большой эстрады, с которой будут объявляться официальные речи и выступления жонглеров и танцовщиц, актеров и мимов, барабанщиков и трубачей.

По узкой лестнице один за другим они взойшли на помост.

– Ла-а-а-авзея! – объявил барриста, и ему ответили громогласные, разрывающие перепонки рукоплескания. – Судари и сударыни, я с гордостью представляю вам чемпиона

прошлых авеналий 3379 года от явления Господа нашего Хепри! Лавзейская школа Его светлости лорда Брегорта. Поприветствуем героев! Поприветствуем!

Бойцы торжественно извлекли мечи и поклонились публике.

* * *

После представления Лавзейской команды болельщикам барриста по одному вызывал вперед всех известных публике бойцов Лавзейской школы. Прежде всего показали, конечно, Бранда, затем Дакера, а потом Карума, ибо эта троица была самой «звездной» из всех лавзейцев.

Затем, после «богов и кумиров», представили Сардана, Римо и Гора. Последний, как и ожидалось, особых похвал и одобрения публики не снискал. Из толпы в него даже полетели несколько огрызков и обглоданный кусок печеного мяса. Ну, что ж поделаешь: мелкий, худосочный подросток смотрелся среди мощных консидориев и правда довольно убого.

Последними представились дационы во главе с Трэйтом и вилики во главе с Сабином. Потом лавзейцы ушли, и на их место взошла другая команда – далее все продолжилось еще двадцать восемь раз.

– Вообще, будет три турнира, – нравоучительно сказал Бранд, снимая шлем и кирасу. Сегодня он не должен был участвовать в боях, но показаться публике, как прошлогодний чемпион, был просто обязан. – Трэйт тебе разве не объяснял?

– Я в курсе, – ответил Гор. – У меня вопрос только по распределению участников. Вот, например, класс Дакера, «тяжелый доспех». Участвует двадцать восемь школ, по два бойца от каждой. Поединки будут проводиться каждые полчаса два дня с десяти утра и до восьми вечера. В девять вечера, пока еще светло – объявление чемпионов дня и гулянья. Итого в день максимально будет шестнадцать боев...

Он сделал небольшую паузу и посмотрел на Бранда.

– Таким образом, после первого тура останется четырнадцать участников, – продолжал Гор, – после второго – семь, после третьего – четыре. А после четвертого тура – финал. Но как после второго тура будут определяться участники третьего? Ведь останется семь претендентов, прошедших первый тур. Значит, один лишний!

– Ерунда, брат! – рот Бранда растянулся в усмешке. – Они бросят жребий. Шестеро будут сражаться попарно, а седьмой, счастливчик, выйдет в третий тур просто так. Кстати, ты забыл, что участников будет не двадцать восемь, а двадцать девять, а это значит, что лишний «счастливчик» появиться уже на первом дуэльном туре. Количество же боев не изменится. Пятый тур будет последним, и в нем будут драться финалисты за титул чемпиона. Таким образом, что при двадцати восьми участниках, что при двадцати девяти, тебе надлежит пережить пять схваток, а Сардану, Дакеру, Римо и Каруму, поскольку они заменяют друг друга – по две или три.

– Да, Бранд, дружище, ты умеешь порадовать. Насколько я понимаю, шансы пережить этот турнир у меня не велики?

– Шансы, брат, у тебя такие же, как и у меня в прошлом году. На прошлых авеналиях я также дрался без пары и, знаешь, выиграл. А вечно жить нам все равно не светит.

Гордиан промолчал. Возможно, если ты рожден в примитивном мире и у тебя нет шансов на Хеб-сед, к смерти действительно можно относиться с подобным презрением, но уже прожив столько, сколько он, сдохнуть на потеху пьяной публике не очень-то улыбалось.

– Еще вот что, – продолжал тем временем Бранд. – Турнир продлится три дня. Первые два дня будут проходить отборочные туры во всех категориях бойцов, а на третий день пройдут лишь финальные поединки на центральном ристалище. Три финала, один за другим с промежутком в два часа. Самое главное для тебя за два первых дня – не выдохнуться, не наделать в штаны и не схлопотать тяжелое ранение до финального боя, поскольку замены у тебя нет. Трэйт попросил меня курировать тебя в этом вопросе, поэтому я не стану жрать пиво и ходить смотреть на Дакера с Римо, а буду только с тобой. Хотя в этом классе

участвует много бойцов, я знаю их почти всех и могу сказать, на кого следует обратить внимание, а про кого и думать не стоит.

Он подмигнул Гордиану и продолжил:

– Первый день, конечно, будет самым легким. У тебя только один бой, причем, скорее всего, с наиболее слабым противником. Второй день будет самым сложным – тебе предстоит три поединка, если пройдешь все туры, дай бог. Наконец, третий день станет самым важным: тут будет только один финальный бой за титул чемпиона. Кстати, чемпионов, как ты можешь догадаться, на авеналиях тоже будет три – в каждой из категорий. И тут есть нюанс, ради которого Трэйт взял тебя на турнир. Наша Лавзейская школа – это безоговорочный фаворит в течение последних пяти лет. Мы постоянно выигрываем то в среднем, то в тяжелом весе, а в прошлом году впервые в истории Лавзеи я взял главный приз в категории легковооруженных бойцов. Однако абсолютным чемпионом, победителем сразу в трех классах, мы не были никогда. Ты понимаешь меня?

Гордиан молча кивнул.

– Трэйт возлагает на нынешний турнир большие надежды, – продолжил Бранд. – Я и Дакер – чемпионы в легком и тяжелом весе прошлого года, Римо – победитель «средняков» в позапрошлом году. Так что у нас есть шанс! И если бы не лорд Хавьер, я уверен, этот шанс был бы очень хорош! Через три дня, возможно, Лавзея станет абсолютным чемпионом авеналий сразу в трех номинациях впервые в истории школы!

Но Гордиан его восторгов и опасений не разделял – его волновало другое.

– Хавьер, Хавьер – да что с ним такое? – спросил он. – Я понял, что этот шательен конченный ублюдок и при этом неплохой боец. Но также я понял, что справиться с ним вполне в наших силах.

– Это так, – согласился Бранд, – в тяжелом и среднем весе, полагаю, мы побьем его консидориев. Сложность в том, что лорд Хавьер очень кровожаден и выступает именно в легком весе, где шанс прирезать противника у него наиболее велик. В тяжелом и среднем весе выступают его бойцы, но в легком, только один боец. Заменой и парой ему является сам лорд-консидорий. Ты улавливаешь мою мысль? Драться Хавьер будет не с Дакером или Римо, а *с тобой* ! Учитывая, что так же, как и ты, он владеет необычной, непредсказуемой техникой, но при этом крупнее и имеет более длинные руки, он, полагаю, будет для тебя страшным противником. В конечном итоге, брат, все выше сказанное означает одно: именно ты вероятней всего будешь решать, кто на сегодняшних играх станет лучшей школой Боссона. Это будет решать *чемпион в легком весе* . Именно ты!

С мрачным лицом, Гордиан молчал. Положение становилось все ужаснее. Когда Гор размышлял над этим в Лавзее, а затем по дороге на турнир, все выглядело несколько иначе. Предполагалось, что он просто проживет в Бронвене пару дней, пройдет пару самых легких, «начальных» схваток и свалит. Интересно, почему Трэйт не сказал ему о таких сложностях сразу? Забыл?..

Гор мотнул головой, как бы отгоняя наваждение.

Отвага есть жизнь консидория, так? А значит – к черту! Хавьер ведь боец на замене и драться с ним или с кем-то из его бойцов Гор станет, только если дойдет хотя бы до полуфинала. И принцип тут прост: выживу – буду думать.

Глава 28 По прозвищу «Фехтовальщик»!

Гор, Никий, Бранд и Трэйт стояли на песке перед «правым» ристалищем, где проходили поединки среди легковесов. Сабин, Крисс и другие лавзейцы ушли смотреть на Сардана Сато, открывающего бои в категории тяжеловооруженных бойцов, и Карума, дравшегося сегодня в «средняках».

– Как вас объявить, сударь? – спросил барриста.

Гордиан чуть задумался. Сценическое имя – бренд, так сказать, во все времена и во

всех мирах имел для гладиаторов, дуэлянтов, боксеров, борцов, стриптизерш, порнозвезд и прочей квазиаактерской нечисти важную роль. Что бы такое придумать, раз уж нелегкая на эту стезю занесла?

– Фех-то-валь-щик, – произнес он по слогам. – Гор-Фехтовальщик.

Немного длинно, конечно, но – точно.

– Фехтовальщик?! «Махатель»?! – Барриста сдержанно рассмеялся. – Ну ты даешь, парень! Ладно, как скажешь, это твое право. Давай на помост!

Гор принял из рук Никия свое оружие и поднялся по ступенькам.

В это время, с противоположного конца ристалища на настил вступил другой претендент – высокий, плотносбитый крепыш с длинным кривым мечом-хамширом и таким же кривым кинжалом.

Гор был только с рапирой.

Увидев своего врага, крепыш состроил презрительную гримасу. Еще бы – никому неизвестный боец, едва перешагнувший порог подросткового возраста с убогим и тонким мечом, нанести которым добрый рубящий удар невозможно даже на взгляд полного профана.

– И это ваш претендент?! – воскликнул крепыш, обращаясь даже не к Гору, а видимо, к Трэйту, стоявшему у лестницы без каких-либо эмоций. – Этот маленький тощий низкорослый юнец? Он вообще-то совершеннолетний?

– Ага! – заверил Трэйт.

Крепыш расхохотался. Смех консидория подхватила толпа, и в «юного» претендента снова полетели объедки и даже мелкие камни.

В какой-то степени это было на руку: уклоняясь от унижительных снарядов, Гор начал медленно заводиться, накапливая злость.

– Начинайте! – резко сказал Трэйт барристе, видя неловкое положение, в котором очутился его кадет. – Вы же видите, сударь, толпа не в себе. Они могут причинить моему бойцу травму.

– А вы уверены, что он э-э... не причинит себе травму сам, сэр? В смысле, что он достаточно квалифицирован? – барриста неуверенно кивнул подбородком на Гора. – Здесь не убивают детей, а выглядит он, конечно, не как зрелый консидорий.

– А он и не консидорий, – сказал Трэйт и добавил тверже: – Начинайте, я вам говорю! Иначе от имени Лавзейской школы я заявлю вам отвод. Вы знаете, что это значит.

– Ну полно, полно, – барриста заволновался, поскольку отвод со стороны одного из сильнейших участников турнира, каковым без сомнения являлась Лавзея, был ему не нужен. – Я начинаю.

Он выпрямился во весь рост и горделивой походкой поднялся по лесенке. Раскинул в сторону руки и воззрился на беснующуюся толпу. Поток брани и летящих в Гордиана недоеденных фруктов тут же пресекался – распорядители поединков повсюду пользовались уважением.

– Внимание! – произнес торжественно и с расстановкой барриста, указывая на крепыша. – Назначается дуэльный бой между представителем Школы Трассера, «призовым бойцом», полным консидорием, магистром Хантом Нарнием по прозвищу «Вепрь»...

Он выдержал небольшую паузу, после чего продолжил почти скороговоркой:

– И представителем Школы Брегорта, кандидатом в консидории, кадетом Гором Ракиром по прозвищу, – тут барриста сделал *большую* паузу, – по прозвищу «Фехтовальщик»!

Как только прозвучало последнее слово, толпа громогласно заржала. Казалось, от смеха затряслись даже доски настила. «Махатель» – надо же! Вот это цирк!

Барриста между тем спокойно показал на каждого из бойцов, а каждый из бойцов поднял меч и поклонился, представляясь публике.

– Бой идет до тех пор пока на ристалище не останется один живой претендент, – объявил далее поиздевавшийся над Гордианом судья. Потом он сошел с помоста и уже с земли прокричал:

– У бойцов есть претензии к оружию или амуниции противника? Нет!.. Бойцы готовы? – он повернулся к Гордиану. – Готовы? – теперь к Нарнию. – Тогда ... НАЧАЛИ!!!

Дистанция между бойцами, которых во время объявления имен барриста вывел в середину ристалища, была слишком короткой, поэтому, как только прозвучал сигнал к началу поединка, Гордиан резко отпрыгнул в сторону, стараясь максимально увеличить расстояние до врага. Оружие Гора было более дальнобойным, и для схватки ему требовалась дистанция.

Однако зрители восприняли этот резкий отскок кардинально иначе.

– Трус! Трус! – понеслось отовсюду. – Убей его Хант! Прирежь недоноска!

Хант ослабился. Привыкший к мощному напору традиционных для местных ристалищ боев он также оценил маневр Гордиана как признак трусости.

Хант демонстративно взгромоздил меч на плечо, а длинный кривой кинжал – вообще вложил в ножны.

– Да простит меня божество, – сказал он насмешливо и громко, явно играя на публику, – но мне трудно резать такое, извините за каламбур, жалкое создание. Помилуйте уродца!

И он картинно расхохотался. Толпа снова подхватила его смех, заполнив им тысячу глоток. Было понятно, что это не бой, а издевательская игра матерого кота с мышью, загнанной в угол.

В этот момент Гордиан, которого, признаться, уже порядком достали как словесные излияния крепыша, так и оскорбления толпы, резко прыгнул к своему противнику.

Хант тут же, не воспринимая еще всерьез низкорослого юношу, небрежно скинул с плеча свое оружие: он – мастер меча и удар этой шпильки сумеет отразить.

Но Гор не стал бить рапирой! Сделав обманное движение и внезапно крутанувшись, он с размаху всадил носок своего подкованного сапога прямо в пах говорливому жалетелю.

– С лица воду не пить! – тихо сказал он, глядя на падающего с болевым шоком противника, и медленно вытащил болтавшуюся до этого момента в ножнах рапиру.

Блестнул металл. Схватившись за рукоять двумя руками, Гор вонзил свое «шило» прямо в мощный зад поверженного врага, буквально пригвоздив его к доскам покрытия. Минувя кости, металл прошел чуть ниже копчика, разворотив кишки и мошонку.

Брызнул кровавый фонтан, и несчастный Хант забился в агонии, вереща как подрезанный поросенок. Гор выдернул рапиру и еще раз вонзил ее в затылок умирающего в муках бойца.

Затем он извлек оружие из трупа, вытер клинок и, перешагнув через тело противника, сошел с возвышения.

Толпа молчала. Пораженный исходом боя барриста протер платочком лицо, не отрывая остекленевшего взгляда от того, что осталось от так страшно и так быстро убитого консидория.

– Чистая победа! – наконец объявил он, шумно сглотнув. – Следующий!..

После первой победы часы засвистели как пули.

Поединок за поединком, число претендентов на чемпионский титул уменьшалось стремительно и неуклонно. Первый день пролетел молнией, и замороженный кровавой феерией сверкающих мечей и кровавых брызг, Гор был попросту повержен в шок развернувшимся вокруг городской ратуши фантастическим, ни с чем не сравнимым зрелищем.

Тотализатор! Такого накала страстей он не видел никогда прежде. Ни ипподром, ни гонки на карах, ни бокс, ни кэндо не давали такого полного ощущения какого-то маниакального опьянения кровью, ощущения полного погружения в ирреальность.

Погружения в смерть, погружения в боль, погружения в неистовую человеческую ярость.

Казалось, нервы зрителей звенели. Кровью тут было забрызгано все: доски настила,

одежда столпившихся вокруг ристалища зрителей, лица наблюдающих за состязаниями запасных бойцов и их дационов.

Металл сверкал – и плоть разрывалась под его злостью и натиском.

Воистину от убийственного, кошмарного действия невозможно было оторвать глаз. После обеда, который Гордиан, несмотря на его привычку есть в любых условиях, едва смог затолкать в рот и при этом не исторгнуть его потом наружу, Бранд почти насильно оттащил горе-кадета в палатку поспать и немного выпить, чтобы снять нервное напряжение от лицемерия ужасающего турнира.

Отдохнув, к вечеру они с Брандом снова явились к ристалищу и доглядели последние состязания, в которых итак обильно политая кровью площадка была снова буквально затоплена новыми алыми потоками.

После оглашения победителей Гор в числе других выживших легковесов (а мертвецами стали почти все проигравшие) поднялся на помост, чтобы услышать свое имя в числе чемпионов дня.

– Итак, – объявил барриста, – седьмой чемпион дня, победитель Ханта Вепря Нарния из Школы Трассера – Го-ор-Фехтовальщик! Лавзейская Школа Брегорта. Поприветствуем героя! Поприветствуем!

Бурные, продолжительные аплодисменты, свист, даже цветы полетели в него – хорошая замена фруктовым огрызкам. Вот она, популярность!

Как и остальные оставшиеся в живых пятнадцать бойцов-легковесов, Гор вяло отсалютовал мечом беснующейся в экстазе толпе и, опираясь на Бранда, сполз вниз.

– Ты плохо выглядишь, брат, – сказал великан, буквально волоча Гордиана на себе. – Вроде не ранен. Да что с тобой?!

– А, не бери в голову, – отмахнулся Гор. – Дурновато мне от крови. Давно не видел столько мертвяков подряд. Дурновато. Слушай, могу я один по городу побродить? Винца глотну, в парке посижу. Тут ведь вроде парк есть? Потом приду.

Бранд посерьезнел.

– Вообще-то Трэйт мне тебя одного запретил оставлять, – заметил он, но потом смиростивился: – Ну если только недолго.

– Час-два мне хватит. Полегчает и приду.

– Ну... лучше – час.

– Идет!

Гор оттолкнулся от Брандова плеча и резво отвалил в сторону. Настолько резво, что уже через минуту затерялся в толпе.

Бранд посмотрел вслед своему подопечному, почесал голову. Опытному вояке подумалось, что Гор слишком бодро бежит для чувствующего себя «дурновато». Впрочем, куда он денется с хомутом на шее?

Бранд махнул на туманные сомнения своей огромной ладонью и поплелся к ближайшей корчме за кружкой Артошского.

* * *

Гор и правда чувствовал себя нехорошо. Его на самом деле мутило и кружилась голова. Однако уже давным-давно будучи бессмертным (по крайней мере до недавнего, мать его, Хеб-седа) он привык плевать на плохое самочувствие и раны с высокой колокольни. Сейчас у бывшего демиурга, впервые, пожалуй, с момента, когда он готовился к схватке с Брандом, имелось дело, которое нужно было сделать, уложившись в подаренные великаном-надзирателем шестьдесят минут.

Вместо парка Гордиан бросился на блошинный рынок, шумевший многоголосой толпой чуть севернее площади Ристалищ. Гор заметил его еще вчера и в многочисленных разговорах как в Лавзее, так и во время их недолгого путешествия в Бронвену осторожно выведал, что все, что ему нужно для побега, можно найти здесь.

Двадцать сестерциев! Если бы старший дацион Трэйт и благородноголосый вилик Сабин знали, на что уйдут деньги, выданные ими молодому кадету, они бы сильно удивились.

А нужно было ему всего несколько вещей – забавных, если подумать.

Для начала Гору требовался один моток *медной проволоки*, используемой здесь для украшений, кусачки, *пила по металлу* и несколько полотен к ней. Затем – резиновые *перчатки*, красивый *каучуковый коврик* с изображением какой-то примитивной сценки из истории Эшвена, *резиновый шланг* для поливки овощей на приусадебном участке и хороший *кинжал* с обоюдоострым лезвием.

Далее пошли предметы попроще. Длинный походный плащ с капюшоном и глубокая шляпа. Плотный теплый жилет. Сумка-рюкзак для путешествий. Фляга. Спички. Хлеб. Консервы. Как ни удивительно, но в этом примитивном рабовладельческом мире со средневековыми феодалами-шательенами и кремневыми мушкетами в свободной продаже имелись разнообразные *консервы*. В частности, тушенка, рыбное рагу, котлеты в томате и прочее питание для людей, не страшщихся онкологических заболеваний.

После приобретения нужного снаряжения у него осталось пятнадцать сестерциев и полчаса времени. Он прикинул, не выпить ли пива, но усталое тело и душа требовали только одного – сна.

Гор собрал все, что можно, в рюкзак, остальное взвалил на плечо и отправился в отель.

Глава 29

Боссонские авеналии. День второй

Гор открыл глаза.

За короткой ночью последовал новый день, в который ему предстояло целых три поединка. С трудом поднявшись с постели, Гордиан умылся, оделся, прицепил на пояс меч для повседневного ношения и, взяв под мышку футляр с турнирной рапирой, снова отправился на бойню.

Площадь ристалищ снова была полна. Гор протиснулся через толпы народа к палатке Лавзейской школы, переоделся, сменил меч на рапиру и вышел к помостам для поединков.

– Ну ты соня, – сказал Бранд, пожимая Гордиану руку. – Ты чуть не проспал свой выход. Смотри, вон публика волнуется.

– Извини, – ответил Гор, кивая товарищу в знак приветствия. – А на публику мне плевать. Кто противник?

– У-у... – Бранд вздернул брови. – Школа леди Шамир. Ташен Дровосек. Работает поллэксом или гроссмессером, а еще двуручной секирой, отсюда и прозвище. Жутко здоров.

Гор улыбнулся. Слышать фразу «жутко здоров» из уст такого великана, как сам Бранд, показалось ему смешным.

– Поубавлю ему здоровья, – сказал он бодро. – Тем более если он любит двуручники.

Выпад! Мы не бросаем слов на ветер. Своего второго противника на этом турнире Гор, так же как и первого, завалил играючи, проколов ему брюхо прежде, чем этот идиот успел выйти из боевой стойки и взгромоздить над собой свой гигантский топор.

Кто же выходит против рапиры со здоровенным двуручником? А ведь таких, пожалуй, здесь было большинство: никто тут не думал о тактике.

Думали только о выносливости и силе.

О неистовости и натиске.

О храбрости и кураже.

Наблюдая вчера за поединками, Гордиан отметил про себя, как глупо порой отдавали свои жизни многие консидории.

«Отвага есть жизнь консидория»? Да – но ведь не глупость!

Впрочем, уже со следующим противником пошло сложнее. После второго тура, состоявшего из семи поединков, в строю осталось всего восемь человек, каждый из которых

по той же теории вероятности, пройдя два тура и два убийства, по определению должен был оказаться «классным» противником.

Третий таким и был.

Против Гордиана впервые вышел на ристалище настоящий ветеран авеналий. Как и Бранд, в ходе миновавших многочисленных боев он присматривался ко всем сильным консидориям, а также к новичкам, сумевшим пройти вчерашний отборочный первый тур.

За последней схваткой Гора он наблюдал внимательно. И хотя та оказалась слишком скоротечна для решительных выводов, кое-что этот третий противник почерпнуть успел.

Вместо обычной мощной ширококлинковой фалькаты и леворучной секиры, которыми он пользовался предыдущие два боя, противник взял в левую руку более легкий по сравнению с секирой небольшой и полностью металлический щит-баклер (щиты для тяжеловесов изготавливались из дерева и металлом только обшивались), а в правую – более длинный одноручный кавалерийский эсток, приспособленный скорее для укола, чем для рубки.

Гор тихо усмехнулся. Эсток все равно короче рапиры, а маленький баклер бесполезен против молниеносных и легких обводных финтов. И все же противник умеет думать, а значит, к нему стоит относиться более серьезно. Придется вспомнить кое-что из искусства, которому он обучался так долго у себя на Каталауне!

Не ожидая далее, внезапно и жестко Гор атаковал противника справа, вывернув кисть с эфесом так, чтобы ногти смотрели вниз и таким образом придавая клинку вращательное движение. Рапира слева от эстока, укол из-под руки, затем, внезапно, – справа, укол в руку! Захлебываясь в скорости собственной реакции, враг парирует, чудом избегая ранений.

Шаг влево, парирование, ответ. Смена линии!

Шаг вправо, парирование, ответ. Смена линии!

Удары посыпались на противника снизу и сверху. Со всех сторон, неожиданно и быстро. Уже не успевая реагировать и довольно нелепо отмахиваясь от верткой рапиры более тяжелыми эстоком и неуклюжим щитом, враг явно запаниковал. Однако спустя всего пару секунд, презрев свой страх и налившись ненавистью к собственному бессилию, он бросился в яростную контратаку.

Врешь, не возьмешь!

Батман! Гор провел навстречу сильный выбивающий удар по клинку противника. От неожиданности враг даже пошатнулся, еще немного и он бы потерял свой клинок.

Но нет. Опытный консидорий, в отличие от какого-нибудь фехтовальщика-спортсмена, привыкший к смертельным схваткам на ристалище, а не к красивым боям-полутанцам в спортивном зале, не выпустил меч. А затем резко, настигнув Гордиана с расстояния в один корпус, нанес удар баклером, целя в ему голову.

Отскок! Вопреки распространенному заблуждению главное в фехтовании вовсе не сила и ловкость рук, а умение работать ногами. Гор уклонился, используя великолепную растяжку своего молодого тела, наработанную болью и длительными тренировками в Лавзейском гимназии. Его корпус выгнулся змеей, а тренированные мышцы бедер и ягодиц вытолкнули тело из зоны досягаемости короткого удара щитом.

Руки коротки, брат, руки коротки!

В следующее мгновение Гор резко «ангажировал» вражеский эсток, обведя его слева и перенеся свой клинок на другую, «внешнюю», сторону боевой стойки.

Выпад! И злое остро отточенное лезвие резко вонзилось под руку, прямо в ребра претендента, оцарапав боевое предплечье и разорвав трицепс. Тем не менее, пошатнувшись, ветеран-консидорий, в припадке боевого экстаза попытался продолжить свою так резко прерванную атаку, однако Гор, предупреждая его движение, синхронно отступил, одновременно выпрямляя руку с клинком и проворачивая лезвие, чтобы образованный рапирой угол встал поперек ребер.

Тяжело дыша, могучий консидорий застыл. Ярость и кураж влекли его вперед, однако упор, образованный вставшим под углом лезвием и собственными ребрами не давал ему

двигаться.

Страшная, нечеловеческая боль, усиливающаяся с каждым его рывком вперед, обуздали ярость и гордыню. Ветеран застонал и кашлянул кровью.

Еще одно движение вперед – Гор вновь синхронно отступил, но чуть медленнее, чем противник, и его жестокий клинок в связи с этим еще глубже вонзился в плоть.

Эсток выпал из руки консидория, и, отхаркивая кровь из пронзенных металлом легких, он медленно осел на колени. Беспольный баклер висел на обессиленной руке. Тело ветерана еще поддерживалось мышцами спины, однако жизнь и силы уже покидали бойца.

Гор чуть напряг кисть и, добывая противника, вдвинул рапиру глубже, всего на пять сантиметров. Тело дернулось, и сраженный этим коротким движением, мертвец боком повалился на землю.

Чуть подвинувшись, Гордиан вытащил рапиру.

– Чистая победа! – услышал он краем уха вердикт барристы и последовавший за этим восторженный рев толпы.

Перед глазами плыл красный туман.

Дрожащей рукой, не глядя, Гордиан обтер лезвие о края камзола, швырнул клинок в ножны и медленно сошел с помоста.

* * *

– Теперь предстоит самое сложное, – сказал Бранд, разминая Гордиану плечи, – твой блистательный бой в третьем туре оказался нам на беду слишком уж блистательным, – Бранд укоризненно покачал головой. – Большинство выживших после третьего тура претендентов и, разумеется, их дационы присматриваются к тебе, волнуются и обсуждают. Лично ко мне подходили уже двое, спрашивали, что ты за фрукт. Да и публика взволнована. Так что, если в тебе есть честолюбие, можешь ликовать. Ты теперь – главная новость дня, прикинь? Все только и треплется о лавзейском новичке с видом задохлика, который вышел в полуфинал, да еще и использует какую-то странную манеру боя и странное оружие. И это, брат, плохо! Думаю, в четвертом туре твой противник, кем бы он ни оказался, выйдет более подготовленным к твоей колющей технике – и шпилька твоя уже не будет ему в диковинку. К тому же не забывай, что в большинстве команд перед полуфиналом происходит замена: вместо первого бойца, измотанного и подраненного, выходит второй – свежий и не принимавший до этого участия в двух сегодняшних поединках. Ну, готов?..

Гордиан кивнул.

– Тогда идем, твой выход!

Противник, уже стоящий на помосте с надменным и мрачно-равнодушным видом, молча взирал на Гора. Своим видом, кстати, он не слишком удивлял: еще один здоровый – но меньше Бранда – качок с великолепным торсом и мышцами, бугрящимися под кожей.

Но Гора поразило оружие молчуна. То был не меч и не сабля, не короткий, но мощный гладий, не изогнутый, но грозный ятаган. В руках у врага, вокруг торса, вокруг головы, в воздухе над ним, за спиной, над плечами, раскручивался по замкнутой дуге смертоносный моргенштерн – «утренняя звезда».

Короткая ручка, цепь длинной с руку и металлический шар с острыми штыками шипов.

– Кесиос Вей! – проревел барриста. – Судари и сударыни, представляю вам...

Кесиос Вей! Остальное можно не слушать. Гор не знал этого человека и не помнил имени. Бранд говорил про то, что это один из лучших боссонских консидориев, великолепный боец и тоже чемпион каких-то годов. Перечислял ему его достоинства и награды. Но к чему слова? Уже одно то, что этот воин выставлен какой-то школой в полуфинал, говорило само за себя. Класс – высший. И высший – класс!

Гору не требовались регалии вышедшего против него консидория, но имя этого человека почему-то было ему важно. Имя еще одного бойца, которого он убьет сегодня. Имя еще одного бойца, который рискнет убить его самого.

Он взошел на помост.

Вей стоял спокойно, чуть пригнувшись, выжидательно глядя на Гордиана с расстояния почти три метра. Прежде чем атаковать, Гору понадобится при всей дальнбойности его выпада преодолеть как минимум метр – вполне хватит, чтобы Кесиос смог раскрутить «звезду» и разموжжить ей голову оппонента.

С другой стороны, чтобы Вей смог напасть на Гора сам, ему нужно проскочить почти метра два. Нормальный расклад.

«Звезда» висела спокойно, свисая с цепочки, перекинутой через левую руку Вей. Рукоять своего оружия тот сжимал правой, упершись кулаком в пояс.

Гор же, пытаясь хоть сколько-нибудь напугать противника необычностью своей стойки, воздел клинок вверх, нацелив острие рапиры в глаза врагу из точки с высоты своего виска.

Бывший демиург понятия не имел, как следует вести себя с рапирой против такого необычного оружия, как «боло» на цепи с палкой – в тактике фехтования этому не обучали. Но, – подумал он, – в конце концов, надо же проявить когда-нибудь хваленую отвагу консидория, а не просто полагаться на наработанные в прошлой жизни навыки!

Он сделал осторожный шаг вперед. Потом – осторожно – еще один.

Если признаться честно, то еще в школе (не в лавзейской, а в настоящей спортивной школе из мира Каталауна, где он, как подсказывают обрывки памяти, впервые начал обучение воинскому искусству) учителя и научные трактаты по фехтованию вбивали в голову учеников единственное железное правило: в поединке на клинковом оружии не важно, идет ли речь о шпагах и рапирах, саблях, шашках, кинжалах или даже ножах, ты должен *атаковать быстро*. Это главное правило фехтования – скорость и непредсказуемость в атаке, молниеносное реагирование при парировании.

Сила и даже техника работы клинком, отточенность защит и ловкость в работе ногами, все это – лишь на втором месте. На первом – только мобильность.

Атаковать быстро!

Гор резко прыгнул. За долю секунды он стремительно преодолел разделявшее противников расстояние и вышел на дистанцию выпада.

Вей спокойно и даже как-то лениво выпрямил левую руку, которая повисла вдоль тела, но тут же свободно взлетела вверх, освобождая «звезду». Под собственной тяжестью утыканный стальными шипами смертоносный шар рухнул вниз, к земле, а правая рука Вей, закручивая этот страшный снаряд, рванула с пояса вправо и вверх, придавая оружию сильное ускорение.

Бросок! Изменив траекторию, «утренняя звезда», казавшаяся такой медленной и ленивой, ниспадающей холодной молнией метнулась к голове кадета. Гор дернул шеей, уклоняясь от страшного шара, и с огромным трудом увернулся, пропустив снаряд в сантиметре от собственного лица.

Повезло. Однако Вей, не давая ему опомниться кинул правую руку по горизонтали в бок, еще раз закручивая цепь.

Бросок! На этот раз порхнувшая по новой дуге «звезда» оцарапала Гору щеку.

Бросок! Вей крутил своим оружием как заведенный автомат, постоянно меняя направление ударов, и Гор, впервые столкнувшийся с подобным техническим многообразием, не мог не то что отразить их, но даже уловить направление.

Бросок! Бросок! Бросок!

Каким-то чудом оставшись в живых, оттесненный почти на край помоста и балансируя между падением и смертью, Гор наконец-то смог уловить методику обороны.

Простейшим, что пришло ему в голову в этот критический момент и, пожалуй, единственным, что могло прийти, была ориентация на расстояние.

Рука имеет определенную длину, сударь, и такую же вполне определенную длину имеет и цепь с утыканным зубьями шаром. Это – константы. Дальше суммы этих расстояний шар не добьет. Работать ногами, держать дистанцию – и при любой траектории шар не

достанет тебя, как бы ни был ловок атакующий.

Еще бросок! На этот раз Гордиан легко увернулся, отпрыгнув назад и в бок. Нога уперлась почти в край помоста. Ну что ж, пора бить в ответ. Взмахнув клинком, Гор резко выпрямился и, уловив мгновение, когда оружие противника оттянулось чуть вверх и назад, нанес свой удар.

Р-раз! Мелькнув между звеньями и шаром, хищное лезвие рапиры легко коснулось Касиоса и тут же отпрянуло назад, чтобы не подставить хозяина под удар опускающейся «звезды». Снежно-белая рубашка Вей лопнула в точке касания, и кусок ткани вокруг сменил цвет на красный. Есть!

Вей зарычал. Конечно, это всего лишь царапина, однако порванная щека Гордиана была отмщена. Гор нанес противнику свой первый стоящий удар, нанеся пусть очень легкую, но все же чувствительную рану. Пустил ему кровь!

Дальнейшее последовало быстро.

Мельтешение, мельтешение стали.

Бросок – укол!

Укол – бросок!

При всех своих достоинствах, при всей своей необычности, непредсказуемости «звезда» обладала двумя простыми, но конкретными недостатками: она была коротка и тяжела. Вынужденный при каждом замахе учитывать инерцию и вес, направленные при всякой атаке по новому вектору, боец с «утренней звездой» оказывался ограничен в перемещениях. Да, броски его оружия были не предсказуемы, однако маневры внутри бойцовского круга – короткие и медлительны, поскольку, делая шаг, боец учитывал движение и вес своего свистящего в воздухе оружия, а само это оружие раскручивалось по дуге вокруг почти неподвижного, напряженного и прямого торса.

Быстрый, как кошка, и легкий, как перо, Гор наносил свои удары с разных сторон, постоянно изгибаясь, выкручивая кисть, выворачивая плечо, коля то с низкой, то с высокой стойки.

Не замедляя свой натиск ни на секунду, он совершал разящие наскоки в бешеном темпе, точно и методично, словно *расстреливая* врага уколами в корпус.

В левую руку. В правую. Коли в бедро. В голову. В плечо, в грудь, в живот!

Металл сверкал на солнце, и с хищным шипением остро отточенное лезвие резало воздух. Его удары, наносимые с дальнего расстояния, являлись в целом не слишком опасными, ибо Гор действовал, несмотря на скорость, весьма осторожно, прекрасно понимая, что одно-единственное попадание «утренней звезды» гарантирует ему стопроцентную смерть, однако эти короткие уколы уже подранили Касиоса множество раз, пустив ему кровь во множестве мест на теле.

Если он продержится так еще немного, противник потеряет слишком много крови. Вот она, техника победы!

Хорошо. Укол. Хорошо!

Внезапно Вей отступил.

Впервые за время боя не увидев перед собой напирającego буром противника в муаре из порхающего вокруг него шипастого шара, Гордиан от удивления застыл на одну секунду, перестав разить лезвием воздух.

Тут же, испустив страшный крик, Вей с коротким размахом метнул в него «звезду», как снаряд пращи, запущенной древним варваром в дикого тапира. По дуге снизу, с протяжкой за рукоять.

Удар!

Гор конечно же увернулся – из низкой стойки, сохраняя голову, чуть привстав и изогнув корпус, он спас себя. Молодые нервы, молодые мускулы и сверхреакция, подпитанная адреналином схватки, сделали свое дело – взмахнув рукой и подпрыгнув, Гор отклонил лицо, и «звезда», готовая разможжить ему голову как тыкву, коснулась тела лишь краем.

Голова была спасена. Однако вращающиеся в воздухе шипы ударили в грудь, прошли по мышцам и разодрали предплечье. Тяжелый шар, смял ему ребра, ключицу, скользнул по руке, снимая шипами кожу, со страшной силой ударил в эфес рапиры.

И вместе с ней отлетел в сторону.

Все.

Гор лежал на дощатом полу, а небо кружилось.

Смешно дергая ободранной правой рукой, дрожа, он привстал на локте. Вей уже был перед ним. Одной рукой он взял его клинок, упер в пол и нанес по трехгранному лезвию резкий удар сапогом. Рапира треснула пополам с предательским звуком.

– Сдохни! – с яростью прошептал окровавленный консидорий, брызгая кровью из множества порезов, и прыгнул на Гора.

Сильные руки Касиуса сошлись на шее и начали давить.

Лицо Гордиана наливалось кровью. Руки скользили по пальцам, локтям, по предплечьям Вея. Гор был меньше, слабее и никак не мог дотянуться до шеи могучего консидория.

Тогда он подтянул под себя ноги, упер их в живот и мощным жимом оттолкнул от себя Вея. Как бы ни были сильны руки противника, твои ноги всегда сильнее. Одним прыжком Гор вскочил на ноги прямо со спины.

Итак?

Тяжело дыша, оба бойца, поджарый, мощный консидорий и юный, тонкий, как тростинка, кадет стояли один напротив другого.

Первый истекал кровью и уже явно терял сознание от кровопотери. Второй – с ушибленными ребрами и ободранной до мяса рукой был не лучше.

– Уходи, – сказал Касиус, – для тебя это не позор. Просто спрыгни вниз (он сплюнул за край). И мы оба выживем.

– Хрена с два, – прохрипел Гор, потирая горло, темное от синяков. – С чего ты взял, что для меня это не позор?

Конечно, Гор мог бы уйти. Уйти сейчас и автоматически выбыть из турнира. Уйти и выбыть из турнира *живым*. Вернуться в отель, чтобы потом снять ошейник, сбежать, попытаться вернуться домой.

Но какого черта? Тысячи лиц вокруг смотрели на него, не дыша. Среди них были Бранд и Трэйт, Никий и даже бывший его резиновым шлангом за не послушание лавзейский габелар Крисс.

Их глаза молча сверлили его.

А потому в звенящей тишине были слышны только хрип из глотки Гора, с поврежденным удушением кадыком и тяжелое дыхание его измученного ранами врага.

– Если ты не понял, – произнес Гордиан, – я не уйду.

– Ты дурак, – устало прошептал Касиус, но слышал его только Гор, ибо сказано было тихо. – Я тяжелее тебя в два раза. Без оружия я сильнее – ты умрешь.

Расставив руки, он коренастым медведем двинулся на кадета.

Точность...

Гор взвился в воздух и с разворота, простым молодецким ударом, который в его мире отбил бы любой мало-мальски знакомый с техникой кик-боксинга боец, вбил пятку в челюсть своему противнику.

Хряск! Что-то хрустнуло под ногой.

Сраженный жестоким «джебом», окровавленный консидорий с выбитой челюстью и с превращенным в кисель содержимым своей головы вылетел с помоста.

Прямо в толпу – мертвым.

Глава 30

Лорд Хавьер, ценитель спортсменов

Лорд Хавьер Арес Садият Кари Фор-Фатар, герцог де Катрюшен, племянник Его величества и бессмертный лорд-шательен, полковник Гвардии и коннетабль Королевства сидел почти напротив помоста в роскошном кресле из красной тисненой кожи с подлокотниками в виде сфинксов.

– А он не плох, – сказал знаменитый лорд-консидорий, кивая на Гора, который в это время сходил с помоста, весь запачканный кровью.

– Вы про лавзейца, милорд? – спросил его специалист по дуэлям, консидорий Школы де Катрюшен Гартаг Сантиний.

Он являлся рабом, но в этот ответственный момент турнира стоял рядом с Хавьером, хотя свиту лорда составляли двадцать королевских гвардейцев, таких же шательенов, как он, не настолько богатых, чтобы оплатить себе бессмертие, но в то же время достаточно знатных, чтобы быть зачисленными в Гвардию.

Гартаг был высок, при этом немного горбат, носат, коротко стрижен и страшен. Не уродлив, а именно *страшен* волчьим взглядом холодных и умных глаз, блистающих на почти эбеновой от загара коже. Страх, исходящий от него, усиливался спокойным выражением лица, достойным лика тигра, собравшегося для прыжка, как в пружину, и невидимой аурой зла, излучаемой откровенными и неистовыми убийцами.

Именно он и задал вопрос своему господину.

Лорд Хавьер повернул голову.

– Да, про него, – кивнул он своему серву. – Интересный экземпляр, я бы сказал. Интересная техника.

– И интересное прозвище, мой господин. Вы слышали – его зовут фех-то-валь-щик!

– Ты полагаешь, что он...

– Да, господин, других вариантов нет. Я наблюдал за ним последние два поединка, и сомнений у меня не осталось. Он владеет техникой фехтования, которую в моем мире называют «французской». Техника иной вселенной, господин. Вселенной, из которой явился к нам Хепри и в которой когда-то вы отыскиали меня.

Герцог задумался.

– По твоему мнению, это означает что-то серьезное?

– Вряд ли... – Гартаг успокаивающе покачал головой. – Просто в своем безумии храмы выдернули из пространства матрицу человека из иного мира, обученного этому искусству. Это всего лишь клон. И раб к тому же.

– Справишься с ним?

Гартаг не стал врать.

– Как вы только что изволили заметить, милорд, – сказал он прямо, – парень не плох. Ничего серьезного, обычный клон, но боец хороший. Кто из нас лучше, покажет только бой. – Он развел мозолистыми руками: – Справлюсь ли я с ним? Не знаю.

Хавьер кивнул.

Именно Гартаг был его претендентом в легком весе. Претендентом, который только что прошел все отборочные бои, убив (как, впрочем, и Гор) четверых человек на смазанном кровью помосте.

Претендентом, который завтра должен был сойтись с лавзейцем в багровом финале разгулявшейся в Бронвене жестокой феерии человеческих жертвоприношений.

– С другой стороны, – продолжил темнокожий боец, – щенок прилично ранен. И завтра, с ободранной правой рукой, показать свой лучший класс ему будет тяжело. Поэтому, если мы хотим честно убрать его на турнире, то завтра – лучший момент. Пацану от силы лет шестнадцать, он дохлый как моль, однако уже протыкает бравых консидориев словно безобидные мешки с песком. В следующем году он подрастет, возмужает и, конечно, станет еще сильнее. Он опасен для нас, сэр, и это не подлежит сомнению.

Лорд Хавьер злобно оскалился:

– Тогда завтра тебе придется расстараться, мой друг! Пока он не в форме, его нужно убрать. Я не хочу на следующий турнир иметь такого опасного претендента.

Говоря так, шательен несколько раз моргнул, наблюдая, как ликует толпа, пропускающая сквозь свои ряды победившего Гордиана, а также его дациона с сопровождением из лавзейских консидориев, и пожевал губами, размышляя.

– Да, угроза реальна, – сказал он наконец, еще раз оценивая про себя достоинства претендента.

– А может, прирезать щенка во время гуляний? – спросил консидорий. – Никто и не обратит внимания на пьяную драку...

Хавьер поморщился.

– Фу, Гартаг, нет! Какая глупость! Опять пойдут сплетни про нечестную игру. Про Хавьера, убирающего претендентов. Пока маленький ублюдок ранен, воспользуйся этим, слышишь? Подготовься к поединку, подбери оружие и прикончи его на ристалище. Это – лучший вариант.

Гартаг кашлянул в кулак, словно спрашивая – лучший для кого?

– Да, сэр, – сказал он вслух, поскольку знал, что спорить с лордом было просто бесполезно. – Но в этом смысле у ранения есть и неприятная для нас сторона. Ведь в связи с травмой его могут снять с соревнований.

– А кто на замену?

– Замены у лавзейцев нет, он дерется без пары.

– Значит, либо он, либо никто?

– Значит, так.

Лорд Хавьер задумался.

– Шанс не следует упускать, – сказал он затем. – Если вдруг его снимут, то на следующий турнир мы увидим его здоровым и с заменой. Я слышал их собаковод, этот стихоплет Брегорт, приезжает сегодня? Это так?

– Так, милорд.

– Тогда вышли наблюдателя за стены. Как только наш лейб-бард, дурашка, проедет дальний пост, дай мне знать. Я хотел бы поговорить с господином... – Хавьер состроил рожу, как будто наступил на что-то мерзкое, – с господином литератором тет-а-тет. Приватно, так сказать.

– Сделаем, милорд, – Гартаг склонил кучерявую голову, – не сомневайтесь.

* * *

В этот поздний вечерний час главные ворота города бывали обычно закрыты, однако сегодня, на второй день великих Боссонских авеналий (как, впрочем, и в предыдущий, и в последующий дни знаменитого «дуэльного» турнира), створки меж двух огромных надвратных башен оставались распахнуты широко, словно днем, приглашая в Бронвену и местных жителей, и гостей знаменитой боссонской столицы.

В это вечернее время толпы народа ломились в город как днем, спеша на бесплатное угощение, выставленное префектом, на выступления ночных жонглеров, полуобнаженных танцовщиц в открытых ночных тавернах и жаркие обсуждения предстоящих или прошедших сегодня многочисленных кровавых боев.

Люди шли разные – в основном сервы, но какое разнообразие одежд и лиц, положений и состояний понималось здесь под коротким словом «серв»!

Шли рабы-купцы и рабы-купчики, шли рабы-землепашцы и рабы-рабочие, рабы-огородники и рабы-провилики, шли рабы-ткачихи и рабы-лесорубы, рабы-строители и рабы-рыбаки.

Конечно же верхом на лошадях в город ехали рабы-габелары и рабы-консидории, а в роскошных каретах следовали на праздник приближенные рабыни-наложницы со свитой из ухоженных наперстниц и запуганных битьем гувернанток.

В любом другом мире эта палитра профессий и общественного достатка могла бы составить всю социальную пирамиду. Однако же в Эшвене это было не так – и трудовую, и

административную часть населения тут составляли только рабы. Свободные подданные Королевства либо служили королю, либо содержались при дворах шательенов.

Свободные, впрочем, также присутствовали в ломящемся в город потоке. «Свободные» солдаты, отправленные в увольнительные на время празднеств, без мушкетов и пик, без доспехов и пистолей, но с положенными по форме кортиками и конечно же в королевской форме.

«Свободные» прихлебатели шательенов – бегом за бричками своих патронов.

И разумеется, сами «свободные» господа шательены, владельцы поместий и школ, хозяева сотен, тысяч, а то и десятков тысяч «сервских» душ, спешащие на праздник в каретах и не меньше своих рабов горящие желанием увидеть, как льется на ристалищах кровь.

Пешеходы при этом проходили в ворота достаточно просто, вливаясь в город быстрым и непрерывающимся потоком. С каретами и повозками дело обстояло несколько сложнее.

Вынужденные замедлять свой ход перед металлической балкой, вмонтированной в пол проема ворот, проезжающие экипажи тормозили весь поток в целом. Как ни прискорбно, но вскоре образовалась очередь, и великолепные, роскошные повозки одна за другой медленно «вкатывались» в Бронвену.

Один из подобных экипажей, огромная роскошная карета, влекомая шестеркой взмысленных, но все равно великолепных скакунов-*антийцев*, отстояв положенное и звонко простучав подкованными копытами по выложенной брусчаткой дороге, въехала в широко распахнутый проем.

Пассажиры шикарной повозки, а сидели в ней, пряча лица за шелковыми шторками, сам лорд Брегорт, Лисия и еще три любимые «брегортовые» наложницы, могли бы, казалось, спокойно вздохнуть, порадовавшись окончанию пути, но увы – неприятности их только ждали.

Квадратный черный экипаж, не походивший ни на одну из стоящих в очереди перед воротами изысканных повозок, внезапно и резко протиснувшись меж стен увитых плющем домов и приютившимся на углу улицы фонарем, выехал на тракт и резко подрезал конный выезд мирного лавзейского рабовладельца.

Черный экипаж не был обычной для средневекового Эшвена безрессорной бричкой, упругой как табуретка, а, напротив, являл собой пример совершенно замечательного творения невиданной для местных механиков инженерной мысли – транспортным средством на резиновых баллонах и шасси. Отделан средневековый лимузин был красной древесиной и эбеном, позолотой и серебрением. На дверях красовался герб – хищная птица с кривым клювом. На крыше – сидела она же, но уже не картинкой, а в объеме, деревянная и с позолотой.

– Тпру! – заорал возница. – Там, на «сапсане», куда прешь? Куда прешь, говорю!

Запряженные в повозку лошади, повинаясь поводьям, натянутым возницей, поднялись на дыбы и, выразив свой протест громким ржанием, остановились.

Обтянутая лайковой перчаткой рука неизвестного обитателя черной кареты вынырнула из окна. Шторки отодвинулись.

– Лорд Брегорт, если не ошибаюсь? – обратился неизвестный к сидевшему в карете напротив лавзейскому шательену.

Окна разделял от силы полуметр, а потому тот, безусловно, должен был слышать.

– *Лорд Брегорт Рэй Хаатдаф Кари Саварон* ! – уточнил оскорбленный шательен. – Лейб-бард Двора Его королевского величества. Виконт Лавзейский. Чем обязан подобному бесцеремонному вмешательству, сударь? Давно не теряли своих консидориев на дуэли?

– Отнюдь, сударь. Именно этим я постоянно занимаюсь.

Брегорт усмехнулся:

– Теряете консидориев?

– О нет, сударь. Убиваю чужих.

Брегорт поморщился – все ясно. Перед ним был профессиональный содержатель бойцовой школы.

– Вы знаете мое имя, сударь? Очевидно, ваша наглость обусловлена наличием некоего интереса к проходящим в городе состязаниям. Речь пойдет о турнире, не так ли? – озвучил он свои мысли вслух.

– О, сударь, вы догадливы как никто.

– И?..

– И-и? – Хавьер рассмеялся. – И пари, сударь! Вы дерьмо и фигляр, говорю я вам. И мне жалко перчатки, чтобы швырнуть ее вам в лицо... Есть что сказать?

Брегорт побагровел. Толпа, стоящая вокруг и не имеющая возможности въехать в город вследствие образовавшегося в воротах затора, при подобном развитии событий внезапно прекратила галдеж и устремила взгляды на оскорбленного шательена.

– Вы ответите за это! – прошипел Брегор, буквально дрожа от оскорбления.

– И раньше, чем вы думаете, – довольно-таки нагло парировал неизвестный шательен. – Меня зовут лорд Хавьер Арес Садият Кари Фор-Фатар, герцог де Катрюшен. Коннетабль Его величества, если запомнили. Наши школы в финале, сударь. И я готов надрать вам задницу, чего бы это мне ни стоило (с этими словами он презрительно швырнул на песок увесистый кошель). Здесь двести солидов, сударь, и если после продажи вашего нищенского поместья вам хватит денег, чтобы принять мой вызов, передайте мне перед схваткой, столько же. Я ставлю на титул чемпиона в легком весе между моим и вашим бойцом. Ноги у вас не дрожат?

– Это возмутительно! – Брегор по-прежнему задыхался. – Где я возьму столько денег?!

– Нет денег – нет чести! – процитировал Хавьер буквально через губу. – Тогда откажитесь от пари, сударь, и не деритесь, черт бы вас побрал! Это все!

Он махнул рукой и невиданный грозный экипаж стремительно укатил, освобождая дорогу.

Один из лавзейских сервов ловко спрыгнул с брички и подобрал валяющийся в пыли кошель, отряхнул и почтительно передал Брегорту. Прямо в мягкие, безвольные руки.

– Какое оскорбление, – прошептал тот, задумчиво убирая кошель за пазуху шитого золотом камзола. – Возмутительно... Ну, трогай!

* * *

Брегорт ворвался в свой бронвенский отель как маленькое торнадо – никто и подумать не мог, что престарелый и весьма интеллигентный рабовладелец способен за столь краткое время произвести в большом здании столько шума и такой титанический переполох.

Влетев в апартаменты, отведенные под его кабинет, и наорав буквально на всех слуг, попавшихся ему на пути, а парочку даже угостив по ходу дела тростью, Брегор немедленно вызвал к себе команду «призовых». Не всех, конечно, а только тех, кто мог повлиять на его решение.

Когда Гор с перебинтованным предплечьем, грудью и кистью правой руки появился в кабинете, там уже сидели Трэйт, Сабин, Крисс, Бранд, Дакер, Сардан, Карум и даже имбицил Римо. Все – определенно подавленные ситуацией.

– Он может драться? – нервно спросил милорд.

Без прелюдий он сразу ткнул пальцем в вошедшего в комнату Гордиана.

– Рука повреждена, – Трэйт сделал скорбную мину. – В обычной ситуации такая травма означает одно – замену первого бойца на второго. Однако в легком весе мы работаем без пары и замены у нас нет. Поэтому, если это возможно, я бы снял его с соревнований.

– О, Хепри! – всплеснув руками, воскликнул шательен.

– Мы можем выиграть турнир, – сказал Трэйт, – но можем потерять бойца, милорд. Выбор за вами.

Брегорт встал и прошел до окна.

Действительно, подумал Гордиан, их лорд был очень мягким человеком. Большинство шательенов не стали бы терпеть подобного нравоучительного тона от своих рабов, даже от

таких прославленных, как Трэйт. Брегорт же относился к поведению своего дациона снисходительно – безусловно, он уважал старика.

– Мне бросили вызов, Мишан, – пояснил он. – Сегодня на въезде в город. Я оскорблен и унижен. Мне сложно отказаться.

Трэйт непроизвольно сжал кулаки.

– Хавьер?

– Разумеется! – Брегорт сокрушенно помотал головой. – А ты думаешь кто то еще способен на такое?

– Вот подлец!

– Богатый и влиятельный подлец, Мишан. – Глаза Брегорта суетливо забегали. – Он выставил против нас двести солидов. Двести солидов, ребята, черт меня раздери!

Все молчали, пораженные величиной ставки.

– Сумашедший! Да это же в два раза больше, чем приз!

– А у нас есть такая сумма? Чтобы выставить против?

– С трудом, но соберем, – подал голос Сабин. – Если заложить часть имущества, например, местный отель. – Он обвел рукой стены и потолок.

– А может быть, лучше сдаться? – спросил Брегорт нерешительно. – Сумма в два раза больше приза, выставленного префектом. Мы страшно рискуем...

Все немедленно загалдели.

– Но это же позор, милорд!

– За честь Лавзеи!

– Мой господин, мы должны драться!

«Действительно, – снова подумал Гордиан, – какой демократичный рабовладелец».

В этот момент, прекращая споры, руку поднял Сабин.

– Милорд, – уверенно сказал вилик, – этой сволочи нельзя уступать. Рейтинг нашей школы в глазах местной публики упадет до нуля. К тому же, сэр, если мы выиграем, то получим все – и славу, и ставку негодяя Хавьера, и деньги префекта. Это три сотни солидов, мой господин, немыслимая сумма!

Похоже, последний аргумент возымел на Брегорта действие. Но все же, уже практически сдавшись, он поинтересовался:

– А выстоит ли *ваш* боец?

«Ваш! – усмехнулся про себя Гор. – Забавная расстановка акцентов».

Все дружно повернули головы к старшему дациону. Трэйт с внезапно унылым видом оглядел присутствующих.

– Еще час назад, – ответил он, – я сказал бы «да!» и не сомневался в верности своих слов. Но сейчас – не знаю. Кроме травмы есть еще одна проблема, милорд. Если вы обратили внимание, в последнем поединке оружие Гора было сломано.

– О, эта знаменитая «шпилька»?

– Именно! Мы отправили ее в мастерскую, однако мастер сказал, что она вряд ли будет готова к утру. Это ведь боевое оружие, просто спаять его невозможно, нужно полностью переплавить металл, а перед этим снять рукоять, гарду, затем насадить все обратно. В общем, ему потребуется время.

Очень напряженно Брегорт повернулся к Гордиану, впервые обратившись к молодому серву лично, а не через Трэйта или кого-либо из старших рабов.

– Ты справишься с другим оружием, дружок?

Гор мрачно пожал плечами:

– Смотря с каким оружием выйдет претендент, мой лорд.

Тут уж, посмотрев на Гордиана, развел руками Трэйт.

– У лорда Хавьера два бойца в легком весе, – сказал он. – Первый, который прошел вместе с тобой все отборочные, зовется Гартаг. Родом из Арана вроде бы, но на аранца похож как я на валькинга, к тому же по-арански ни бельмеса не понимает. С ним много странностей, но в любом случае он очень мощный консидорий – опытный и техничный.

Второй боец, как ты можешь догадаться, это сам лорд Хавьер. С этим еще больше странностей, чем с первым. Владеет незнакомой техникой и, как ты уже знаешь, бессмертен. В их паре Гартаг – первый боец, а лорд Хавьер – боец на замену. Поскольку Хавьер не любит рисковать зря, даже несмотря на бессмертие, я позволю себе предположить, что завтра замены не произойдет и против тебя выйдет именно Гартаг. Оба этих человека – мечники. Причем Гартаг обычно предпочитает простой и жесткий однолезвийный «сакс», а Хавьер – закрытую шпагу с эфесом. Однако наверняка оба видели твои предыдущие победные бои с рапирой и должны понимать, что с тяжелым одноручником Гартагу против тебя ловить нечего, так что оружие он может и сменить. И выбор, как ты понимаешь, мы предсказать не можем.

– Здорово... – Гордиан потер руку, которая все еще кровоточила.

Сегодня, по его собственным планам, в день, когда в отель из Лавзеи прибыла Лисия, он планировал уйти от Брегорта, от Сабина и даже от Трэйта с Брандом Овальдом навсегда.

Однако не получилось. После схватки его сразу потащили в отель к костоправам. За ним неотступно следили и заботились врачи. Никто из лавзейцев даже не вышел в город, чтобы присоединиться к бушевавшей в кварталах всенародной попойке, к шлюхам и разгульному кабацкому мордобою. В таких условиях снять ошейник и уйти было, конечно, невозможно.

Когда же прибыл Брегорт, ситуация изменилась к худшему еще больше. Лисию и прочих наложниц, ставших невольными свидетельницами позора своего господина, заперли в верхних комнатах и даже не выпускали. Гор видел красавицу лишь мельком, пока она поднималась по лестнице.

«Вот и весь побег, – подумал он, – похоже, завтра придется драться».

– Тогда я взял бы полутораручник, – сказал он после некоторого размышления. – Из тех, что полегче. Боюсь, кисть Гартага сильнее моей и противостоять хавьеровскому бойцу с тяжелым «саксом» я не смогу. Кошкoder легче, но он слишком короткий. Что же касается двуручных клейморов или фламбергов, то тут и говорить нечего. Ворочать ими – это не для меня. Я такие мечи и поднимаю-то с трудом.

– А сдюжишь полуторкой? – спросил Трэйт. – Клинок ведь тоже тяжелый, и твой коронный дальний укол им не нанесешь.

Гор задумчиво посмотрел на ободранную перебинтованную руку, несколько раз сжал и разжал кулак.

– Не знаю, сэр. В любом случае драться одной рукой чем-то более тяжелым, чем моя рапира, я не обучен. А двумя руками с полутораручником я, пожалуй, справлюсь. Но речь ведь идет не только о моей победе, но и о моей жизни, верно? Так что могу гарантировать одно, сэр, – я очень постараюсь.

Через полчаса, ворочаясь в своей кровати и гоня прочь кровавые картины, плотно забившие его сознание и память за сегодняшний день, Гор уснул чутким, напряженным сном.

Глава 31

Боссонские авеналии. День третий. Финал

Последний официальный день великого боссонского турнира «призовых бойцов» для Гора начался довольно поздно. Понимая, что бойцу следует отдохнуть, команда отбыла на площадь Ристалищ раньше. В результате в огромном пятиэтажном отеле Гордиан остался почти совершенно один. Где-то на первом этаже, в кухне и подсобке суежилась пара престарелых сервов во главе с убежденным сединой смешным и кривоногим провиантом Черухом. Остальная же челядь и прислуга отбыли глазеть на финальный тур авеналий вместе с лавзейцами. Наложницы, включая Лисию, – также.

Гордиан посмотрел на часы.

Почти двенадцать. Примерно час назад закончился бой Дакера в тяжелом весе. Сейчас,

в полдень на помост поднимется Римо, чтобы драться за титул в среднем. А примерно через два часа, на ристалище выйдет и он, Гордиан Оливиан Рэкс, демиург Нуль-Корпорации, диадох, демарх, мультимиллиардер и (да!) полный придурок, не сумевший ускользнуть из города до начала самой смертельной схватки в своей жизни. Вот именно – самой смертельной, как бы глупо эта фраза не звучала!

Отель был пуст. Черух и прислуга не станут отслеживать, куда именно и как выйдет потенциальный чемпион авеналий. Можно взять оружие, прикупленные вчера вещи и попытаться сбежать. Город полон странных незнакомцев, прибывших в Бронвену со всех сторон огромной страны. И затерявшись в многоликой толпе, он сможет уйти.

Вот только...

Лисия? Конечно.

Но сегодня в его настрое появилось что-то еще.

На площади Ристалищ его ждали Трэйт и Бранд, лорд Брегорт и старая сволочь габелар Крисс.

И многотысячная толпа, которая будет в экстазе скандировать его имя.

И вызов, брошенный ему фехтовальщиком-претендентом.

Гор всегда любил спорт и ценил то сладкое чувство победы, пропахшее потом, болью натруженных мышц и невероятным наслаждением от переполняющей все естество гордости.

Может ли мужчина отказаться от такого вызова?

Может ли боец уйти, оставшись жить с подобным вопросом?

Нет!

Оставив на кровати собранный для побега рюкзак, Гор вышел из отеля и четким, быстрым, почти строевым шагом направился к площади Ристалищ.

* * *

Когда он прибыл, два первых финальных поединка уже завершились.

Вездесущий Бранд тут же посвятил его в подробности, которые, впрочем, ввиду предстоящей собственной схватки Гора интересовали не слишком сильно.

Как и предполагалось, в тяжелом весе лучшим стал Дакер, молодецким ударом своей жестокой секиры сразивший бойца из Школы Трассера, попав ему в межлатную прорезь.

Поединок в среднем весе, напротив, окончился для Лавзеи плачевно. Огромный Римо в финале сражался с не слишком высоким, но крепким черным катарцем, бойцом от Школы де Андес.

Негр был явно слабее и, возможно, менее вынослив, однако очень подвижен. Он был фанатом *скьявоны*, обладал сумасшедшей реакцией и был феноменально быстр. Несмотря на большой щит и значительное превосходство в мощи, а также легкое ранение, которое катарец получил во время одного из предыдущих боев, Римо сначала пропустил один легкий удар, озверел, совершенно потерял от ярости голову и немедленно пропустил второй удар мощным клинком по боковой грани шлема. Шлем смялся, но выдержал, а бедный Римо, получив сотрясение, вылетел с помоста.

Оставался последний класс, легковесы.

Играют лорды Хавьер и Брегорт – Школа *Лавзеи* против Школы *Де Катрюшен*.

Гор и Гартаг – на помост.

– Претенденты! Ко мне! – Барриста в роскошном камзоле, расшитом золотом и отделанном парчей, был великолепен. Перья диковинных птиц, украшавших плюмаж его шляпы, мягко струились по ветру. – Дамы и господа! Представляю вам консидориев-претендентов! В правом углу – неподражаемый Гор-Фехтовальщик! Алая туника! Его представляет вашему вниманию Лавзейская школа Боссона! (Аплодисменты) и лично, ее господин и владелец, знаменитый литератор, лейб-бард Двора Его королевского величества Бориноса Первого, лорд Брегорт Рэй Хаатдаф, виконт Лавзейский! Поприветствуем, господа, поприветствуем!

Под гром аплодисментов лорд Брегорт приподнялся со своего кресла, пристроенного в первых рядах, и учтиво поклонился. Толпа ликовала.

– Мы следуем далее! – прогремел барриста. – В левом углу и в синей епанче к финальному поединку нашего невероятного турнира готовится к смертельной схватке давно известный вам, знаменитый боец – Гартаг Ар-rrrr-ранец!.. (Взрыв аплодисментов). Вашему вниманию он представлен великим, неподражаемым, неповторимым... л-лооо-рдом Ха-а-авьером! Да!! Сегодня с нами, в первых рядах зрителей за ходом поединка будет наблюдать член августейшей фамилии, сам герцог Хавьер Арес Садият и лучшие дационы его знаменитой на всех континентах Бургосской Школы де Катрюшен! Поприветствуем, господа, поприветствуем!

После представления лорд Хавьер также выдал несколько поклонов. Площадь Ристалищ уже в который раз взорвалась рукоплесканиями. Да уж, бой предстоял занимательный.

– А теперь, господа, – продолжал ведущий, – я оглашу некоторые подробности предстоящего поединка, которые стали известны мне буквально только что! На чемпионский титул, обладатель которого будет определен в предстоящем поединке, сделаны не-ве-ро-ятные ставки, господа! Лорд Хавьер ставит на своего бойца воистину фантастическую сумму. Двести солидов, господа, такая сумма – это безумие! Будет ли отвечать лорд Брегорт? Милорд, ваше слово?

Брегорт шевельнул пальцем, и Сабин гордо прошел к помосту. Одной рукой он швырнул на доски набитый золотом кошелек, сегодня утром полученный от ростовщиков под расписку о залоге отеля, а другой – величественным жестом оправил ниспадающую с плеч оторочку малинового плаща.

– Будет!!! – громогласно объявил Сабин. И рука его не дрогнула, бросая на доски эту фантастическую сумму. – Мой благородный лорд принимает вызов! И пусть собаки, которые лаят на него, подавятся собственным брехом!

– А-а-атлично! – не обращая внимания на пафос Сабина, пропел барриста. – Суммарный приз этого боя составляет, таким образом, внимание господа, *пятьсот солидов*! О Хепри! Я не знаю, стоит ли наша ратуша таких денег?.. Мне остается лишь посоветовать остальным гостям турнира последовать примеру благородных господ-шательенов и заработать деньги на своем умении профессионально оценивать хороших бойцов.

Он помолчал минуту, глядя, как снующие меж рядов букмекеры собирают деньги, поставленные на претендентов. А затем во всю мощь голоса торжественно и медленно объявил:

– А теперь, судари и сударыни, я объявляю начало *финального поединка*! Ставки сделаны, господа, ставки сделаны!

Гор замер.

Как большинство предыдущих бойцов-легковесов, Гартаг не отличался чудовищными размерами, но мужчиной был крепким и поджарым. Свиное загорелое лицо, кривые, но явно очень сильные ноги – Гартаг был в шортах, и под загорелой кожей Гор видел отточенный рельеф играющей, «натянутой» мускулатуры.

Непропорционально длинные пальцы сухих и костистых ладоней. Длинный шрам через лицо. Сломанный нос. Узкие, выцветшие, но спокойные, буквально леденящие кровь глаза – и ровное дыхание.

Сомнений нет, перед Гордианом стоял сильный, тренированный и опытный убийца. А впрочем, сам-то Гор кто?

Злобно скривившись, бывший демиург Нуль-Корпорации, вспомнил уже почти забытый округ Седан триста лет назад. Сколько бы трупов ни было за плечами стоящего перед ним человека, о геноциде «чужих» типок явно никогда не слышал, и его, Гора, «седанского палача», в этом сомнительном рейтинге переплюнуть ему явно слабо. А, впрочем, было бы чем гордиться!

В любом случае оружие гад выбрал довольно удачно. К удивлению как Гордиана так и

его товарищей, Гартаг взошел на ристалище без меча. Клинковое оружие, которое противник сжимал в руках, относилось к типу, почти неизвестному Гордиану. По крайней мере, как драться с таким чудовищем, Гор не знал, хотя название вспомнил легко.

Нагината! В руках Гартаг держал именно ее. Традиционное, как и лук-юми, боссонское оружие. Длинное древко, как у копья или алебарды, но вместо обычного для копья наконечника – лезвие слегка изогнутого меча: можно рубить, можно колоть.

Пусть примитивно, но противник угадал основу тактики своего юного визави. Гор сравнительно легко выигрывал предыдущие поединки не только благодаря своей более передовой технике работы клинком, но и – прежде всего! – благодаря дальнобойности своего оружия. Как бы ни был вооружен противник, Гор всегда бил дальше.

А с нагинатой такой фокус не пройдет. Длиннодревковое оружие достанет *дальше*, чем оружие рапириста. А две руки, сжимающие древко, смогут вертеть нагинатой с адекватной скоростью.

Выбор Гартага – почти идеален. Нагината легче алебарды, а в отличие от копья или пики может не только колоть, но и рубить. Благодаря относительной легкости это оружие достаточно верткое в умелых руках и при этом явно достанет дальше, чем любое клинковое оружие без древка.

А, к черту! Гор выставил вперед правую ногу, левое плечо отвел назад. Клинок, сжав двумя руками, направил под углом вперед и вверх. Правый кулак выше. Левый соответственно – под ним. Классическая стойка «Pflug» или, в другой школе, извините за грубость, «какающий носорог».

Встав почти так же, но «зеркально» (левая нога вперед), Гартаг взялся правой рукой за самый конец древка, а левой, с широким разводом, дальше чем за середину. Опасно. Используя левую руку как «кольцо» и совершая движения одной правой, он сможет «выстреливать» в Гора своим клинком-наконечником, проводя внезапные, быстрые уколы и резко сокращая дистанцию до врага.

Шаг вперед. Придвинувшись, Гартаг сделал легкий выпад, чуть-чуть, чтобы «разведать» противника. Выпад был пробный, и Гор, понимая, что враг лишь «пробует его», небрежно отклонился.

Еще шаг вперед...

Р-раз!

Простейшим «страмзоном» Гартаг стремительно атаковал Гора в голову.

Гор снова отклонился, ушел влево и, попытался достать Гартага «реверсом» и, естественно, промахнулся, поскольку дистанция, определенная длиной древка нагинаты, была слишком велика, чтобы без глубокого проникновения достать врага мечом.

Дьявол, вот и вся тактика! – выругался Гордиан. Ты не можешь достать врага, поскольку твое оружие короче. Ты не можешь опередить его в скорости, поскольку его оружие весит почти так же, как и твое. И ты не можешь сыграть на силе сшибки, поскольку и меч, и нагината одинаково крепко сжимаются двумя руками и при этом одинаково тяжелы. И что остается – выносливость?

Глядя на гладкие движения и слушая ровное дыхание оппонента, Гор понимал, что в партии с этим противником выносливость – не его конек.

Пробы кончились! Так же осознав бессилие мечника перед длинным древком, удерживаемым двумя руками, Гартаг начал стремительную, но последовательную атаку, нанося разнообразные удары.

Снова «страмзон» – ужасающий прямой удар сверху! Атака снизу, атака слева. Уход.

Уйдя от очередной атаки движением, Гор выполнил «вольт», словно танцуя, уклонился от нагинаты, отведя корпус едва ли не на сантиметр от свистящего в воздухе клинка. Но тут же вернулся, придвинул лицо вперед, как бы провоцируя врага на рефлекторный удар, но тут же отвел, стремительно брызнул сталью сам, снова уклонился и снова атаковал, пытаясь дотянуться до молниеноснодвигающегося Гартага.

«Аппель», «реприза», «вольт»! – кажется, так это называлось!

Но Гартаг увернулся. Тогда, войдя в плотное соприкосновение с оружием противника, Гор прижал свой меч к клинку нагинаты и скользнул по нему до древка, попытавшись уколоть врага в кисть.

Мимо.

Последовала контратака Гартага, и прямой укол в корпус.

Мимо!

Резко пригнувшись, Гор развернулся разгибающейся пружиной, наотмашь рубанул своим оружием по ногам противника и тут же выполнил отскок.

И снова мимо!

На самом деле, несмотря на долгое описание, схватка развивалась чрезвычайно быстро, удары и отскоки, атаки и контратаки занимали не секунды – ничтожные доли секунд! Металл сверкал и пел, застывая в воздухе неразличимыми для глаз кругами и дугами! Реакции неподготовленного человека, например реакции зрителей, не хватало даже на то, чтобы отследить те или иные движения претендентов.

Как быстро сверкает сталь. Как же быстро!

Воистину эти бойцы стояли друг друга.

Стремительные и злые, они наседали то один, то второй, перемещаясь по всему ристалищу со скоростью бешеных танцоров.

Нагината и меч-бастард. Извращенное полукопье-полусабля и извращенный полугладий-полудвуручник...

Поединки на клинковом оружии всегда скоротечны. Два-три удара, пара атак – это максимум, на что способны бойцы. И это понятно: одно неловкое движение кисти, один неудачно подставленный для защиты эфес – и все. Человеческая плоть слишком мягка для стали, а сталь слишком опасна для человеческих сухожилий и мышц, чтобы бои на мечах длились дольше нескольких уколов или нескольких рубящих движений клинком. Однако этот бой продолжался уже явно дольше положенного – невероятное мастерство, с которым ринулись в бой претенденты, растопило время!

Не отвлекаясь и не видя ничего кроме клинка своего врага, бойцы сплетали в воздухе замысловатую вязь уже более минуты, что в принципе для *активной рубки* (просто стоять, бросаясь в пробные атаки, прицениваясь к врагу и выжидая, можно и дольше) было невероятно!

Но Гордиан начал уставать.

Бурлящий в крови адреналин подстегивал его, сердце и легкие пока работали уверенно и спокойно, но Гор понимал, что еще минута подобного мельтешения стали и один из них не выдержит, настолько быстро и разнообразно развивался их поединок!

Бойцы позабыли о технике. Оба спасались только благодаря вспышкообразной, почти подсознательной реакции рук и всего тела на движения своего врага, предугадывая направления его атаки и молниеносно, невероятным образом выкручиваясь из незнакомых комбинаций и лихо закрученных финтов.

Слишком разное оружие, чтобы было иначе, слишком сложный расклад.

Сосредоточиться, велел себе Гор. Сосредоточиться! Главная проблема, как всегда, это дистанция.

Нагината вертится как пропеллер, Гартаг бьет его то клинком, то острым шипом древка, но всегда его оружие разит на дистанции дальше, чем у Гора. Бастард, конечно, хорош: лезвие полутораручника тяжелее небольшого клинка нагинаты, и в столкновениях Гору легче отклонять выпады противника. Однако у Гартага хват шире, что почти сводит на нет всю тяжесть бастарда.

Чутье подсказывало Гордиану, что счет до окончания схватки пошел уже на секунды.

Бастард тяжелее... Поймав основанием своего клинка чуть ближе к эфесу клинок нагинаты, Гор резко толкнул его в бок, сильно, но коротко отклонив стальную часть вражеского оружия всего сантиметров на десять. Благодаря превосходству в тяжести, отшибка прошла идеально. Так!

Стремясь отыграть движение, Гартаг совершил резкий финт. Опытный боец, он немедленно обвел клинок Гора, как делал сегодня уже десятки раз, и вынырнул с прежней стороны.

И снова провел «страмзон». Какая предсказуемость! Прямой удар в голову сверху вниз. Глупо: нагината рассекла только воздух!

Продолжая начатое откатное движение и не отвлекаясь на мелочи типа стального лезвия, летящего в лицо, Гор не отбил, а наоборот, *ускорил* падение вражеского клинка, ударив по нему сверху и, одновременно, оттягиваясь назад.

Нагината бессильно скользнула вниз...

...И время застыло!

До этой секунды схватка развивалась слишком стремительно. Ни мгновения на размышления, ни мгновения на остановку. Длиннодревковое оружие замерло на уровне солнечного сплетения бывшего демиурга. Из такого положения, если продолжать стремительный натиск, возможен только один удар. Один! Прямой и быстрый укол в грудь. Вперед, как штыком.

Он и последовал.

Сжимая древко двумя руками, Гартаг выбросил нагинату вперед.

Вот оно, вот!

Не защищаясь, Гордиан рухнул вниз.

Меч его порхнул влево, правая кисть разжалась и отлетела вбок, разрезая воздух пустой ладонью. Тяжеленный бастард в это мгновение сжимался теперь за середину рукояти *одной лишь левой*, став на секунду до падения наземь сверхмощным подобием одноручной рапиры. Правая нога ушла назад, корпус развернулся – и стойка, таким образом, сменилась на «зеркальную».

И далее с размаху, всем весом, вдребезги дробя коленную чашечку, Гор коснулся земли тремя конечностями из четырех. Правое колено в землю, правую руку в пол!

Где-то над вжавшейся в плечи головой, свистя смертельную песнь, проплыло лезвие нагинаты.

Укол!!!

Гор нанес его прямо с земли, на которой распластался в немыслимой позе, нанес одной рукой, удержавшей тяжелый бастард только благодаря скорости своего движения.

Rrrrr-раз...

На древней родине, о которой Гордиан не помнил практически ничего, это движение называлось «inquantata», оно же «пасато сото», оно же «обратный выпад», удар левой рукой из «зеркальной» позиции с падением на три точки. Вот только выполняться оно должно в спортзале на батуте, а не пробиванием коленом досок на запачканном внутренностями деревянном ристалище для убийств.

Вся площадь застыла.

Бастард все же слишком тяжел. Гору не хватило бы силы одной рукой проткнуть таким мощным мечом своего оппонента насквозь.

Скорее всего, завершая свой «штыковой» удар, Гартаг наткнулся на лезвие сам, насадив себя полностью на широкий клинок полутораручника. Теперь он стоял, тихонько дрожа с металлом в животе и с кончиком клинка из спины.

Широкое лезвие разворочило в нем чудовищную дыру.

Руки разжались, и он выпустил нагинату. Ударившись о доски, та несколько раз подскочила, глухо стукнула о помост.

– Как?.. Как?.. – прошептал он. И поперхнулся, и харкнул кровью.

– Извини, – глухо прошептал Гордиан.

С трудом он поднялся (черт, колено действительно разбито) и, оперевшись ногой в грудь противника, одним движением вытащил свой меч.

Вокруг все кружилось.

Затем, воздев окровавленное оружие над кружащейся от напряжения головой и

повинуясь какому-то неизвестному, но страстному порыву, он заорал во всю мощь своих легких, со всем наслаждением выжившего в смертельной схватке бойца:

– Ла-а-взея! Лаав-зеее-яяя!

Огромная площадь взорвалась вместе с ним.

Все лавзейцы, включая бойцов тяжелого и среднего веса, включая провозглашенного чемпионом Дакера, включая поверженного Римо, пришедшего на площадь с перевязкой вокруг головы, ликовали и обнимались. Улыбались судьи, и в каком-то неистовом экстазе скандировала толпа.

«Лав-зе-я! Лав-зе-я!!!» – орала тысяча глоток. И аккомпонемент этой какофонии звука составляли рукоплескания десятка тысяч ладоней.

«Вот так вот, вашу мать, – выдохнул Гордиан. – Вот так!»

* * *

Внезапно в этом шторме ликования на помост поднялась знакомая фигура.

С пистолетом.

Гор попятился. Возшедший на помост лорд Хавьер взвел курок и... выпалил в воздух!

Пораженные пороховым громом, зрители застыли. Возглавляющий судейскую комиссию префект Бронвены поднялся с кресла, дрожа от негодования.

– Что вы позволяете себе, сударь? – напряженно обратился он к лорду. – Бой окончен и ваш боец проиграл. Уйдите!

– Я хотел лишь привлечь внимание, сударь.

– И вы, сударь, ей-богу, привлекли. Немедленно спускайтесь.

– Идите к черту.

– Что? Габелары – стащить его с помоста!

Наряженные по случаю праздника в старинные оранжево-золотистые одежды почетной городской стражи, местные габелары, сверкая рокантами, нехотя потянулись к ристалищу. Но наверх никто не полез. Маленьким людям не охота связываться с носителями королевской фамилии.

Хавьер лишь усмехнулся и призывно махнул кому-то разряженным пистолетом. На площадь, повинуясь этому безобидному движению, хлынули всадники – свита Хавьера. Двадцать гвардейцев его полка, двадцать *шательенов*.

По периметру ристалища и рядом с судейской скамьей стояли в полном вооружении свыше двух сотен габеларов префектуры Бронвена и еще свыше тысячи вооруженных сервов-консидориев, пришедших кто поучаствовать, а кто поглазеть на турнир. Но никто не дергался, ибо связываться с благородными никто не хотел. Все знали: посягнувший на шательена простолудин подлежит повешенью, а серв – медленному сожжению на вертеле.

Всадники, распугивая зевак, подъехали к компактной группе лавзейцев во главе с лордом Брегортом, окружили и дружно нацелили на них пики.

Дакер, Трэйт, Бранд, Римо, Карум и прочие (даже Сабин) схватились за мечи. Смешно, но, по мнению Гора, один только Дакер при желании мог бы разметать половину гвардейцев, поскольку, придя с последнего поединка, доспехи не снял и оставался в тяжелой кирасе, с пластинчатой защитой для рук, ног и плечей. А доказывать абсолютное превосходство закованного в сталь воина над воинами, облаченными в камзолы, вряд ли кому-то нужно.

Но что толку? Конечно же Дакер не посмеет. Пожалуй, из всех лиц на площади поднять оружие на гвардейцев, не опасаясь уголовного закона, могли только лорд Брегорт, префект, да те несколько десятков шательенов, которые в качестве владельцев школ или в качестве зрителей присутствовали на турнире.

Но Брегорт с префектом не смели, а остальным до происходящего не было никакого дела, один лишь зрительский интерес.

Помахивая пистолетом, обнаглевший Хавьер удовлетворено кивнул.

– Есть древние привилегии, – сказал он, – по которым лицо королевской фамилии,

имеет право оспорить результат авеналий. Что молчит префект? Ну же, сударь, подтвердите.

От ярости префект аж побелел.

– Такая привилегия есть, – дрожащим голосом негромко сказал он, что, впрочем, в абсолютной тишине, накрывшей площадь Ристалищ, прозвучало вполне отчетливо, – однако, сударь, смею напомнить вам, что «оспорить» авеналии означает лишь возможность бросить вызов объявленному победителю и провести с ним еще один смертельный поединок, выживший в котором станет новым чемпионом турнира. У вас есть еще один боец в легком весе, милорд?

– Это я, сударь! – и Хавьер поклонился.

В первый раз с момента утихомирившего толпу выстрела префект улыбнулся.

– Вы рискуете, сударь, ибо лавзеец хорош, – тут он кивнул на Гора. – А потому я смею напомнить вам еще об одном условии. Имеющийся у нас победитель в легком весе, а именно Лавзейская школа лорда Брегорта по итогам последнего боя получает приз в размере пятисот солидов. Двести – их собственная ставка, сделанная на финальный бой, двести – ваша ставка, сделанная на него же, и сто – приз города Бронвены, выставленный мной для финалиста.

Префект перевел дух и продолжал:

– Согласно древним правилам авеналий, ставка на бой-реванш должна быть в два раза больше ставки на бой, результаты которого оспариваются. Но имеются ли у вас подобные деньги, сударь? Вы готовы показать мне здесь и сейчас, в присутствии наблюдающих за турниром тысяч людей *тысячу солидов золотом* ?

Последние три слова он произнес медленно и чеканя слог.

Тысяча золотом – вот это да!

Осторожно и глухо площадь снова зашумела: немыслимые суммы, немыслимые! Призы этого турнира, ей-богу, превышали ставки как минимум трех последних авеналий.

Гвардейцы припустили оружие, лавзейцы оживились.

– Действительно, – засуетился Брегорт, – действительно, сударь, мой боец итак чемпион, и вам придется очень расстараться, чтобы заставить меня рискнуть титулом победителя. Ха! Нет денег, нет чести, сударь, вы так говорили? А у вас есть такая сумма? У вас есть? – И он рассмеялся.

Зря.

Хавьер вышел вперед, подойдя к самому краю ристалища и горделиво задрав подбородок. Ничуть не наклоняясь, оскорбительно и небрежно, прямо с высоты своего роста и с высоты помоста, делавшего его еще более высоким, он бросил перед судьями одну маленькую вещицу, глухо стукнувшую о доски стола.

– Этой ставки достаточно? – надменно спросил лорд-консидорий.

Все потрясенно зашевелились.

Брегорт сдавленно кивнул, а Гордиан, вздрогнув от удивления, взглянул на предмет.

На парчовой скатерти судейского стола лежал простой кинжал, отделанный без изысков и украшений. Стукнувшись о поверхность, лезвие выскочило из ножен почти наполовину и торчало теперь, играя холодными переливами света на гладкой желтой поверхности. Ножны были кожаными, очень старыми и совершенно простыми. Однако само оружие – и лезвие, и рукоять с короткой переключиной гарды – были вылиты из цельного куска металла.

Металлом этим был *ишед* !

Голова Гора, и без того висевшая почти тонну, налилась тяжестью еще больше и тихо поплыла. Снова драться? Да еще с бессмертным психом-шательеном? О, нет.

– Принято, – сказал префект.

– Принято, – проблеял Брегорт.

– Завтра в полдень, – определил время Хавьер и указал на Гора, стоявшего рядом с опущенной головой: – Только я и он. Но есть одно «но», господа! Кинжал из ишеда стоит дороже, чем тысяча солидов. Господи, весь ваш паршивый город стоит меньше моей ставки! Но я оцениваю его всего в полторы тысячи солидов. Имеется ли у милорда Брегорта сумма,

чтобы компенсировать мне разницу?

Префект оживился.

– Пятьсот солидов? – развел он руками. – У него, возможно, нет такой суммы, а поскольку поединок проводится исключительно по вашей инициативе, то вы должны или выставить ставку, оцениваемую сторонами ровно в тысячу солидов, или договориться с милордом об иной компенсации.

Хавьер внимательно посмотрел на Брегорта и стоящих вокруг него лавзейских рабов.

– В качестве компенсации разницы я готов взять любого из его рабов, кроме, разумеется, самого завтрашнего бойца. Годится?

Брегорт поперхнулся.

– И вы, сударь, готовы оценить одного моего раба в пятьсот солидов?! Вы сумасшедший!

Хавьер пожал плечами.

– Так вы, сударь, согласны или нет?

– Конечно, – Брегорт всплеснул руками, посмотрев на противника как на умалишенного, а затем весело взглянув на префекта; тот молча покрутил пальцем у виска.

– Ладно, – сказал префект, – мне уже надоел этот фарс. Если стороны не возражают, то я, как представитель префектуры Бронвена, предлагаю лорду Хавьеру выбрать любого раба, который будет выставлен в качестве компенсации стоимости кинжала, кроме самого Гора-Фехтовальщика. Назначаю поединок на завтра ровно на полдень. – Он махнул рукой: – Выбирайте, сударь, не затягивайте!

Глаза Хавьера сузились. На какое-то мгновение он внезапно стал похож на того самого хищного коршуна-сапсана, который красовался у него на гербе.

– Я выбираю ее! – резко воскликнул он.

И показал на Лисию, вместе с другими наложницами скромно сидевшую за спиной своего господина.

Гор вздрогнул.

Трэйт молча прикрыл глаза.

Бранд тихо выругался.

Хавьер же дружески обнял полумертвого Гордиана за плечо и вместе с ним по лесенке спустился вниз.

– Ты ведь понял меня, братец, – прошептал он ему тихо-тихо, так, чтобы не слышал никто из стоящих рядом. – Завтра, во время боя, ты ляжешь, иначе сразу же после драки получишь свою сучку по частям. Ты понял?

Совершенно лишенный сил, Гор тупо кивнул.

– Тогда до завтра!

Лорд Хавьер взлетел на лошадь и, схватив ошарашенную исходом дня девушку за волосы, подтянул к себе, грубо перебросил поперек седла и умчался прочь.

Глава 32

Бремя чемпиона

Оружие Гора починили к вечеру. Старый таргитарий Вордрик Аймен лично принес его в комнату и в новенькой кожаной портупее повесил Гордиану на стул. Тот вяло взглянул на рапиру, прошелся бессмысленным взором по гарде и ножнам, тихо поблагодарил мастера и прикрыл глаза.

Мыслей не было – голова оставалась пуста как церковный колокол. Внутри, как колокольный язык, звенела одна только боль.

Разум вернулся к нему вместе с рассветом. Воспаленные от бессонной ночи глаза, лишь немного успокоенные короткой предутренней дремой, открылись с трудом. Томимый тревогой и злостью на собственное бессилие, Гор лежал на кровати, упершись бессмысленным взглядом в потолок. За окном щебетали городские птицы, радуясь

возвращению теплого летнего солнца. Мир вращался и жил установленным порядком. Но Гордиан знал: каждая секунда этого чудесного утра приближает его к выбору – собственная смерть или смерть его женщины.

Его женщины! Морщины на лбу мучительно напряглись. Иногда, обозревая мысленно бесчисленные минуты своей долгой, насыщенной жизни, он задавался вопросом: кто для него эта девушка? Зачем она ему? Несчастливая ничтожная рабыня из захолустного мира! Для него, для демиурга и технобога, «Седанского палача», Творца Тринадцатимирья, властелина планет и усмирителя целых рас? Никто, если подумать!

Логика и опыт подсказывали единственный выход – наплевать на нее. Сосредоточиться на поединке, прикончить завтра поганого лорда самым жестоким из доступных способов – и жить дальше, сбежать, вернуться домой. Забыть ее. Но почему же так пусто в сердце? Почему мучительное, тягостное чувство раздирает его внутри как будто кислотой?

Лисия, Лисия... Как только веки опустились, прекрасное лицо этой совершенно «обычной» девицы возникло перед ним как на яву. Эти ямочки на щеках, этот живой и веселый смех. Можно ли променять все это всего лишь на собственную жизнь? Гор стиснул кулаки – он просто не мог так поступить! Тем временем отпущенные ему на выбор часы стремительно истекали. Нужно было решаться.

Последний раз поглядев в потолок, Гордиан мрачно кивнул.

Он избегал гибели триста шестьдесят один год и, видит Иешуа, избегнет ее сейчас.

Отель еще спал.

Гор быстро встал, оделся, прицепил на пояс оружие. Он прошел в комнату консидориев, где лежали запасные доспехи и дуэльные принадлежности. Сбил печать, вошел. Нацепил кирасу. Укутался в плащ, скрывая железный нагрудник от посторонних взоров. В большую картонную коробку положил глухой шлем для поединков тяжеловесов и разборный металлический арбалет с двумя «дугами». Нацарапал записку Трэйту (тот отвечал в том числе и за сохранность комнаты) с извинением за вскрытую без разрешения дверь и с небольшой просьбой. Записка гласила:

«Мастер Трэйт.

Прошу простить меня, что обращаюсь с просьбой, бросающей тень на вашу репутацию, но другого выхода у меня нет. Дело касается Лисии, лорда Хавьера и, возможно, исхода нашего сегодняшнего боя. Пожалуйста, сообщите Брегорту, что я подъеду к ристалищу позже – к самому поединку, поскольку должен «отработать несколько финтов». Извините за дверь в оружейную и пожелайте удачи.

Клянусь, буду вовремя.

Гор-Фехтовальщик».

Затем Гор разбудил Никия, передал ему свернутый листок для Трэйта, дал короткие указания и вышел из отеля. Спустя сорок минут пешего хода он был в узком переулке, который один из его товарищей-консидориев показал ему вчера. На углу серой глыбой возвышался мрачный, но величественный особняк – отель лорда Хавьера де Катрюшена.

Гор заочно ненавидел человека, который лишил его власти над тринадцатью мирами, сорвал Хеб-сед и отправил на планету-каверну в тело ничтожного раба. Однако, похоже, его ненависть должна быть разделена на две части. И большая из них достанется вовсе не неизвестному врагу в Нуль-Корпорации, а поганому рабовладельцу в мире Невона.

Хавьер – это имя, еще вчера днем не вызывавшее почти никаких эмоций, теперь звучало для Гордиана как плевок в лицо.

Гор спрятался в небольшом сквере под сенью деревьев и стал ждать.

Прошел примерно час. Город оживился – по улицам засновали прохожие, количество которых постепенно превращалось в поток, устремленный, главным образом, в сторону Ратуши, где всего через три часа Гор должен сражаться с Хавьером и принять грудью его смертельный удар. До начала самих игр с красочным представлением, розыгрышами и раздачей шутилых призов оставался всего час.

Гор ждал.

Вскоре ворота парадного входа открылись, и великолепная шестерка антийских скакунов вывезла золоченую повозку лорда Хавьера, увенчанную алыми лентами, свидетельствующими об участии ее обладателя в «призовых» поединках. Сам лорд выглядывал настороженной мордой в раскрытое окно, и Гор пожалел, что не имеет с собой мушкета. Зарядить картечью в проклятую физиономию было бы немыслимым наслаждением, однако Гордиан понимал, что подобное непродуманное развлечение – это дань эмоциям и кратчайший путь к мучительной казни. Требовалось набраться терпения.

За повозкой проследовал эскорт из двух десятков шательенов охранения, нескольких товарищей и спутников лорда-консидория. Вслед за всадниками из парадных ворот вышла толпа пеших сервов и свободных прихлебателей, размещавшихся в отеле, и резвым шагом потопала в том же направлении.

Да, в последний незапланированный день авеналий весь город жил только одним – боем-реваншем. Гор знал, что примерно в это же время из его собственного отеля должны были выйти консидории Лавзейской школы, сам Брегорт, почти на такой же повозке, как и у Хавьера, конный эскорт из приближенных рабов и «призовых» бойцов, включая самого Гордиана. Прочие сервы должны были топать к цирку пешком. Судя по тому, что к хавьеровскому отелю еще не явился наряд лавзейских габеларов, а то и сам Трэйт собственной персоной, старый дацион все же выполнил просьбу Гордиана, изложенную в записке и наврал своему лорду.

Это значит, у Гора есть еще как минимум два часа, чтобы исполнить задуманное и явиться на ристалище.

Пара часов.

Он подождал еще пару минут, пока последний из покинувших отель пешеходов не скрылся за поворотом. Быстро перешел через улицу, обогнул дом и подошел прямо к парадному. Под квадратной аркой размещались двухстворчатые ворота для конного выезда, а слева от них – обычная дубовая дверь, прошитая железными полосами. Все было заперто.

Гор постучал.

Спустя некоторое время, в течение которого сердце бывшего демиурга гулко билось о ребра, так как момент был опасный, он стоял на улице, открытый взглядам любого прохожего, с той стороны двери раздался недовольный голос, вопрошавший, какого дьявола к ним принесло в отель. Гор что-то пробурчал про забытую корзину и плащ, старательно изображая одного из только что отправившихся к Ратуше постояльцев. Тяжелый засов со скрежетом сдвинулся, и дубовая дверь приоткрылась, закрепленная цепочкой за скобу. В приоткрытую щель дверного проема просунулось щербатое лицо недовольного служки.

Не ожидая далее, Гор с силой надавил плечом на дубовый массив и вырвал цепь вместе с защелкой. Опешивший служка не ожидал такого поворота, и Гордиан, не раздумывая ни секунды, всадил ему кинжал левой рукой под кадык. Тихо побулькивая, несчастный сполз на пол. Чемпион вошел, оглянулся, прикрыл дверь и обтер лезвие. Все произошло быстро и настолько бесшумно, насколько вообще можно бесшумно и быстро вырвать металлическую скобу из дубовой доски. Как только началось *дело*, сердце сразу успокоилось и работало с надежной размеренностью механического насоса. Это было нормально. Не хватало еще заботиться о внутренних переживаниях, мрачно усмехнулся Гордиан, работы сегодня итак будет вдоволь. Привычной кровавой работы консидория!

Экс-демиург нахлобучил на голову шлем, надел тяжелые латные перчатки, отбросил ненужную картонную коробку и двумя движениями собрал арбалет. Спокойным, но скорым шагом он прошел расположенный за дверью холл, коридор и поднялся по лестнице на третий этаж.

Планировка всех отелей традиционна – здесь, на самом высоком этаже, с самым лучшим видом, и в наиболее роскошных апартаментах должен был размещаться сам Хавьер, а также его наложницы и приближенные сервы.

Согласно примитивной логике, Лисия, вероятно, тоже должна находиться именно здесь, в «господской части». Она ведь наложница, «постельная девка», не в подвал же ее

сажать к рабам-штрафникам и не в комнаты к кухаркам. А вместе с Лисией, возможно, найдется и другая цель – побивший Римо средневес-катарец, подколотый, но весьма подвижный.

Гор не знал, конечно, сколько именно людей может оставить Хавьер для охраны отеля. Одного-двух человек? Лорд Брегорт, например, не оставлял никого, хватало и служек. Но все же за Лисией следовало кому-то присматривать, и Гор не видел, чтобы чернокожий катарец вышел из отеля вместе с эскортом лорда Хавьера. А значит, если Гор доберется до Лисии, его встретит как минимум один противник.

Черный катарец! Консидорий, мечник и тоже чемпион. Говорили, что этот негр даже спит с мечом, настолько любит холодное оружие и презирает порох. Если это так, то Гора наверняка ожидает любимая чернокожим «скьявона», а не пистоль под подушкой. В этом случае Гор не сомневался – в кирасе и латных перчатках, он изрубит бездоспешного противника в рагу за пару секунд.

Если нет, то Гор просто умрет, получив заряд картечи и не дожидаясь, пока другой поганец в поясе шательена не зарежет его на ристалище сегодня днем.

Сам Гордиан не мог использовать при налете огнестрельное оружие, поскольку звук выстрела наверняка насторожил бы всю округу. В его арбалете имелось два «лука» и, соответственно, два болта. Перезаряжать оружие долго, поэтому в решающие минуты у него будет возможность сделать только два выстрела. Гор искренне надеялся, что этого хватит.

Он отворил дверь. Апартаменты Хавьера начинались с обширного общего зала, где на широких диванах тот сживал с друзьями и приближенными по вечерам, и сейчас были пусты.

Гор двигался короткими шажками, приставляя ногу к ноге и уткнувшись взглядом в «мушку» арбалета, а точнее – в заменявшую ее стальную рогатку прицела. Он тихо прошел через весь зал, стараясь ступать по пышному ковру, в котором утопали его ботинки, и не издавать ни звука.

Приоткрыв следующую дверь, Гордиан увидел катарца, сидевшего в глубоком кресле с перевязанной левой рукой. Помимо чернокожего консидория в комнате было еще два охранника без лат, но вооруженных.

Один стоял с задумчивым взглядом у окна, теребя рукоять меча, висевшего на боку. Второй полулежал в соседнем с катарцем кресле, играя коротким кавалерийским мушкетом.

Фигурка Лисии, прикрученной веревками к стулу в углу комнаты, казалась настолько маленькой по сравнению с могучей мебелью и тремя мощными мужскими тушами, что в первое мгновение Гордиан просто ее не заметил, скользнув бездумным взглядом по хрупкому телу со впившимися в нежную плоть пеньковыми веревками. Осознание пришло с толчком запоздалой мысли. Она здесь! – возопило его сознание. Дело оставалось за малым.

Первым среагировал, разумеется, чернокожий – все-таки он был профессионалом-консидорием. Цепанув взглядом арбалет в руке вошедшего, мечник резко откинулся назад и перевернулся вместе с креслом, как бы прикрывая им свой зад. Шум падающего тела вывел из себя на мгновение оцепеневших охранников.

Как в замедленной съемке, сидящий в другом кресле вояка начал поднимать свой мушкет, но тут же рухнул, получив в лоб тяжелый арбалетный болт из первого «лука» Гордиана.

Есть! – отметил про себя Гор.

Однако в этот момент второй стражник стремительно протаранил его всем корпусом, буквально впечатав в стену! Метнувшись к Гору почти одновременно с первым и страстно желая увернуться от следующего выстрела, он не упустил свой шанс. Расстояние было слишком маленьким, а нападение быстрым. В результате Гор не успел развернуть свое оружие – и второй болт ушел в потолок!

Тяжеленный габелар тут же принялся давить ребра Гордиана, но понял, что сражается с металлом кирасы и попытался провести болевой прием на руку.

Глупец!

Даже не пытаясь извернуться и заломать более тяжелого противника, Гор изо всех сил ударил его по черепу рукой в латной перчатке. Перчатка состояла из множества пластинок, нашитых на кожу и заходящих одна на другую. На каждой такой пластинке имелся острый шип, превращающий рукавицу из элемента доспеха в жестокий кастет. Шипы возились в кожу, однако дистанция была мала и удар вышел слабый, накоротке. Тогда демиург, продолжая давить кулаком, с силой провел кистью вниз, сдирая с головы противника эпителий и мясо. Один из шипов скользнул сквозь бровь, и шар глаза хлопнул под жестокой рукой лавзейца!

Заверещав, как подстреленный поросенок, габелар дико дернулся, выгнулся дугой, оттолкнулся от Гора и стремительно выскользнул из захвата – вместо глаза у него на лице зияло красное болотце.

Только этого и ожидая, Гордиан прыгнул вперед и немедленно нанес врагу мощнейший хук в подбородок одной бронированной перчаткой, и тут же в висок – другой, круша в пыль челюсть, зубы и височную кость. Вследствие полного отсутствия кулачной подготовки ни увернуться, ни защититься от страшных ударов несчастный не смог и мешком повалился на пол, заливая красивый ворсистый ковер тягучими сгустками крови.

Кончено!

В это мгновение перекатившийся через кресло катарец быстро поднялся. Его глаза хищно сверлили Гордиана, а в руке вертелся меч. Как и ожидал Гор, это была «призовая» скьявона с мощным односторонним клинком – то самое оружие, с которым негр обычно сражался на ристалище. То самое оружие, с которым тот «сделал» Римо, этого чудовищного лавзейца, от одного вида которого у Гора бежали мурашки.

Тело первого охранника лежало рядом, и катарец при желании мог вполне дотянуться до ружья за то время, пока Гордиан возился со вторым габеларом, но не стал, предпочтя любимый клинок пороховому пугачу, с которым и не умел толком обращаться.

Гор надеялся именно на такую реакцию мечника при выборе оружия, однако не ожидал, что окажется против него с пустыми руками. Бастард висел за спиной, а на поясе был закреплен кинжал, но Гор понимал, что как только он дернется, чтобы достать оружие, катарец немедленно атакует.

Вся надежда оставалась на доспех. Плюнув на все, Гор обозначил движение к врагу. Негр тут же сделал резкий выпад и ткнул Гордиана прямо в грудь, но лишь скользнул по железу и порвал скрывавший кирасу плащ. Только этого и ожидая, демиург схватился за клинок левой рукой в латной перчатке и резко выгнул лезвие скьявоны вниз на излом. А правой – сжал противнику горло! Сломать каленое лезвие таким способом было, конечно, невозможно, но катарец, вынужденный спасать клинок, задрал руку вверх, прекращая атаку.

Следующим движением он выдернул меч из захвата, попутно сорвав с перчатки несколько пластин.

Руку Гора сильно засадило – перчатка спасла пальцы и кисть, но еще один захват за клинок сделать ей уже было невозможно. Не обращая внимания на боль, он сдвинул правой рукой горло черного поединщика. Порыв лавзейца был так силен, что, казалось, под пальцами хрустел кадык, но враг только отбросил палаш, схватился за перчатку двумя руками, царапая кожу о шипы, и вывернулся из захвата.

Переводя дыхание, противники застыли друг напротив друга на расстоянии пары метров. Их взгляды пылали! Оба теперь были безоружны, катарец держался за поврежденный перчаткой кадык, с ладоней капала кровь. Гор задыхался в глухом шлеме и левая рука в ошметках бронированной рукавицы сильно саднила.

В следующее мгновение противники бросились друг на друга!

Гор прыгнул открыто, вынимая меч на ходу, но чернокожий лишь симитировал бросок. Уклонившись от столкновения с панцирным консидорием, он метнулся правее, кувыркнулся, что было сложновато с его больной рукой, и с ловкостью циркового гимнаста подхватил с пола свой меч!

Прежде чем Гордиан обернулся, ворочая телом в тяжелой кирасе, «черный» взмахнул

кинком и с размаху ударил по правой руке, выбивая тяжелый полутораручник.

О, дьявол! – выдохнул Гор.

Бастард со звоном отлетел в сторону, а онемевшая от удара кисть бессильно повисла.

– Умри!!! – заорал катарец, нанося своим палахом удары по прикрытому металлом боку и плечу Гордиана. – Сдохни, тварь!

Лавзеец пошатнулся. Кираса выдержала, однако положение стало критическим. Если позволить «черному» еще несколько мгновений безнаказанно лупить мечом, лезвие найдет свою щель.

И тогда, уже задыхаясь от тяжести кирасы и жаркого шлема, Гор просто протаранил своего противника, как бронебойный снаряд крепостной вал. Ускорение, помноженное на вес доспеха и отчаяние бывшего демиурга, сделало столкновение сокрушающим!

Гор буквально впечатал катарца в стену, как за несколько секунд до этого его самого вбил в штукатурку охранник с мечом. Однако результат был иным. Гор находился в доспехе, разогнавшись с большого расстояния и столкнувшись с катарцем с гораздо большей силой. Металл кирасы врезался в кости и плоть! Со стен посыпалась пыль.

Удар пришелся к тому же на больную руку, и чернокожий громко застонал, однако не выпустил своего оружия. Через мгновение оба противника, как два потерявших равновесие бегемота, оказались на полу. Гор навалился, стараясь сломать выпуклым обводом кирасы грудь своего врага и вырвать из его окровавленных рук эфес злосчастной скьявоны, но тщетно.

Силы уже оставляли обоих консидориев. Гор был физически мельче и слабее негра, но серьезная рана у того уравнивала шансы. Тогда, не в силах вырвать рукоять единственного оружия, Гор зафиксировал руку врага, прижав ее к полу и принялся с размеренным упорством долбить козырьком своего шлема в лицо «черного консидория»...

Негр закричал...

После четвертого или пятого удара тело нового чемпиона в среднем весе судорожно дернулось и затихло. «Легкий чемпион» Гор вырвал из омертвевших рук меч и, не желая удостоверяться в своей победе иным способом, вонзил лезвие в солнечное сплетение, пригвоздив живучего фехтовальщика к полу его же оружием.

Тело даже не дернулось. Значит – труп.

Сдернув окровавленный шлем, Гор вытер дрожащими руками красные брызги с физиономии и посмотрел на врага. Палаш монотонно покачивался в середине его распластанного тела, а вместо лица был ужас из обнаженных костей и рваной плоти.

Гор посмотрел на шлем. Надо же, козырек ни капли не пострадал. «Ни капли!» Учитывая способ, которым только что было совершено убийство, выражение «ни капли» звучало как-то нехорошо. А, к черту! – подумал Гордиан и поднялся на ноги.

Легкое головокружение мешало двигаться, но он развернулся и взглянул наконец на Лисию. Затем на часы – от момента, когда он вошел в комнату, прошла всего пара минут. Шум они подняли изрядный, но до того, как кто-нибудь из прочих постояльцев сюда ворвется, еще есть время.

Отбросив шлем, который более невозможно было использовать из-за мерзкой кровавой слизи, залепившей забрало, он подошел к девушке, вытащил кляп и срезал путы. Лисия упала в его объятия, тихо всхлипывая от только что увиденной кровавой бойни. Да уж, это не развлекательное видео.

На шее девушки, прикрывая хомут, был намотан шелковый шарф, который в Бронвене носили многие наложницы. Гор снял красивую тряпку, спрятал шелк в карман, затем погладил Лисию по спине и зашептал, успокаивая:

– Тихо! Тише-тише-тише. Соberись. Нужно уходить.

Вероятно, это были не те слова, которые следует говорить только что спасенной и любимой девушке, однако Гордиан нужных слов не знал. К тому же счет шел уже на секунды и из здания следовало выбираться.

К его удивлению, Лисия кивнула и быстро вытерла остатки слез. Все-таки она была

рабыней, а значит, хорошо владела собой и умела сдерживать эмоции. Гор еще раз приобнял бедняжку и повлек к выходу.

На ходу он подхватил валявшийся на полу укороченный мушкет и проверил оружие. К сожалению, в ствол была вогнана пуля, а не картечь – в данной ситуации картечь была бы предпочтительней.

Хранить тишину уже не было смысла – на авеналии должны были уйти почти все, но наверняка в доме осталось несколько человек. Все эти люди явно подняты на ноги шумом с верхнего этажа, так что тихо выскользнуть не получится.

Что же, подумал Гор, тогда выйду с шумом!

Они пробежали через общий зал и оказались в коридоре. По лестнице навстречу уже поднимались три человека, судя по виду – привратники и служки, не более того. У одного, впрочем, в руках был мушкет, обычный, а не обрезанный, как у Гора.

Лестница была узкой, люди шли один за другим и остановились как вкопанные, увидев окровавленное лицо консидория и растрепанную девушку со следами веревок на плечах и запястьях.

Промедление в этой ситуации было подобно смерти! Резко и довольно грубо сбив девушку наземь, Гор поднял свой мушкет и выпалил вниз с расстояния в десять ступенек. Пуля прошила первого вооруженного слугу, пройдя тело навывлет, и зацепила второго, который с пороссячим визгом рухнул на пол и попытался уползти с места стычки на четвереньках. Потом дернулся и затих. Человек с ружьем, напротив, осел довольно медленно, глядя изумленными глазами на своего убийцу.

Гор резко оттолкнул первого ногой, ускоряя его падение, и пнул сапогом под зад второго, чтобы освободить проход. Отбросил в сторону мушкет, широким движением выхватил из-за спины полутораручник, не переставая, впрочем, все это время сокращать расстояние до врага, шагая по ступенькам в прежнем спокойном темпе.

Увидев устрашающее холодное оружие, третий несчастный, стоявший все это время как вкопанный и с раскрытым от шока ртом, попытался немедленно ретироваться, развернувшись, чтобы прыгнуть через ступени вниз.

Взмахнув огромным, для метательного оружия бастардом, с разделявшего их короткого расстояния Гордиан метнул тяжелый меч через голову как молот.

Промахнуться на такой дистанции было невозможно, и горе-прислужник с раскрытым черепом, гулко перекатываясь, слетел по лестнице.

Гор подобрал свой меч, быстро обтер его от крови и, подхватив под руку Лисию, вышел через парадную дверь.

* * *

Через час они были в отеле.

Здание пустовало – так же как и у Хавьера, в отеле Брегорта оставалась лишь незначительная прислуга, охраны не было вовсе.

Вместе с Лисией Гор прошел мимо открывшего им дверь провилика Черуха и в ответ на его вопросы только помотал головой. Они поднялись в комнату Гордиана и, отбросив пояс с оружием, консидорий прикрыл дверь и задвинул массивный засов.

Как только они оказались одни, девушка сникла и ее тело стало содрогаться от конвульсивных рыданий. Обняв несчастную, Гордиан почувствовал, что та вся дрожит как будто бы в лихорадке. Еще бы, ночь у нее была трудной, да и утро выдалось не из легких.

Но главный вопрос заключался в другом: каким будет их день, ведь ошейники по-прежнему украшают их шеи?

Гор знал одно: Лисия официально как объект залога принадлежала Хавьеру и, как только кровавый налет на его отель будет обнаружен, ей и Гордиану придет конец.

Время летело с умопомрачительной быстротой.

Часы, проведенные в лавзейской библиотеке, оказались потрачены не зря. Гор теперь

был прекрасно осведомлен о свойствах и даже особенностях производства этих электронных чудовищ. В некотором смысле он был экспертом. Он знал, например, что после поломки ошейника, сигнал перестает поступать в соответствующую службу храма, в котором ошейник произведен и зарегистрирован. Однако сигнал может перестать поступать не только в случае снятия хомута, но и по множеству других естественных причин.

Например, в ситуации, если носитель попадает в жерло горящего вулкана или в топку кузнечного цеха. Или, что еще проще, ему отрывает голову пороховым взрывом, или же он падает с большой высоты на скалы. Или тонет в океане – и труп опускается на значительную, не доступную радиоволнам глубину.

Но даже если при этом каким-то нелепым образом раб остается жить, его убивает скрытый заряд в ошейнике, который срабатывает перед отключением.

Означало это две вещи.

Первое: отключенный или уничтоженный ошейник – это мертвый раб, без вариантов.

И второе. Учитывая статистику несчастных случаев, а также то, что население одного только Эшвенского континента Королевства Бориноса приближается по численности к 260 миллионам человек, ошейники должны отключаться *часто*. Практически – каждый день.

Так что в храме вряд ли среагируют на задуманные им действия слишком оперативно. Но даже если некто в храме, обнаруживший отключение ошейников Гордиана и Лисии, по необъяснимой причине в тот же миг озабочится их обнаружением и попытается подать сигнал об этом властям города, этому «некто» потребуется слишком много времени!

Ведь современной системой связи оборудованы только храмы, а до ближайшего почти двадцать—тридцать километров. В Бронвене так же как в большинстве других городов, храма Хепри нет, ибо храмы Эшвена строят только за пределами городов.

Обычные человеческие учреждения Королевства не соединены даже башенным костровым семафором, не говоря уже о таких фантастических средствах связи, как телеграф или телефон. Единственный способ передачи информации здесь – курьер или голубиная почта, паспорта и фотографии также не применяются. Значит, все, что беглецу и беглянке необходимо сделать после снятия ошейника, – это быстро убраться из этого города в другой и укрыться там. В принципе, план реален.

Оставив девушку в спальне, Гордиан прошел в зал и достал из шкафа припасенные вещи.

Как и большинство принадлежащих богатым шателъенам зданий, отель Брегорта, по счастью, был освещен электричеством, что весьма порадовало Гора еще четыре дня назад в день их приезда. Но даже если бы это было не так, в городе имелось несколько заведений, где он смог бы спокойно получить доступ к проводке. Та же ратуша, например, или расположенные в центре города элитные бани-термы.

Гор включил свет, взял в левую руку резиновый шланг, разрезал его на две неровные части и, внимательно следя за линией шва, стал осторожно разрезать более короткую половину по внутреннему ободу на всю длину.

После этого Гор нажал на выключатель, и свет в комнате погас. Тяжелым лезвием своего метательного кинжала, не жалея заточки, он вскрыл слой штукатурки, скрывавший коммуникации, протянувшиеся от выключателя к потолочной люстре, и одним ударом отсек обесточенные концы.

Затем вытянул два кабеля из стены метра на два-три. Пожалуй, такой длины ему хватит. Концы проводов он очистил от изолирующего покрытия на несколько сантиметров. Потом прикрутил один очищенный конец к шнуру своего «хомута» и стал тщательно просовывать разрезанный шланг, создавая изоляцию вдоль окружности ошейника.

«Хомут» прилегал к шее очень плотно и засовывать за него толстую резину шланга оказалось непросто, но Гор справился. Второй зачищенный конец провода он просто скрутил более плотным узлом, чтобы увеличить площадь контакта с «хомутом», и крепко зажал (за изолированную часть) в левой руке. Далее он поставил под выключателем стул, сел, приложил «узел» свободного кабеля к «бляшке» ошейника и включил свет.

Блеснула яркая вспышка, сопровождаемая треском. Ошейник заискрился, мигнул красным индикатором и погас, издав на прощание тонкий «би-ик», после чего наступила тишина.

Гор был готов ко всему. К тому, что ошейник спалит к чертям его нервную систему, к тому, что он вообще не прореагирует на разряд, к тому что его тело прощьет электрическим ударом и остановится сердце.

Но ничего подобного не произошло – просто погас индикатор ошейника и запахло паленой проводкой.

Выключив свет, Гор снова обесточил концы, достал инструмент и приступил к снятию ошейника. Прошлый опыт, приобретенный в лесу под Лавзейским помещьем, рождал кошмарное воспоминание: он очень опасался, что запасное питание ошейника сработает снова и по его нервам ударит парализующая волна боли. Но «хомут» был мертв, по-настоящему мертв, и, помучив кусачками тонкий шнур, Гордиан услышал волшебную музыку – с легким шуршанием металл стал поддаваться.

Еще немного в нетерпении покрутив сам шнурок, Гор отпустил его и схватился кусачками за главную часть ошейника – металлическую пластину, в которой скрывался энергетический блок и процессор этой адской машинки. Корпус пластины был очень крепким, однако после нескольких зацепов и захватов поддался и начал отходить от шнура. С невыразимым наслаждением Гор почувствовал, как пластина отрывается от ошейника.

Не в силах сдерживаться и действовать спокойно, он стал тогда просто кромсать пластину короткими сжатиями кусачек, отрывая от ненавистой техники куски и ошметки. В конце концов на шее остался только сам тонкий шнурок ошейника, а его основная часть – мозг и питание – валялись под ногами по частям.

Несколько секунд Гордиан сидел неподвижно, не веря своему счастью. Пожалуй, он может стать первым сервом за всю писаную историю Эшвена, который смог самостоятельно и без вреда для себя избавиться от этой напасти. Хотя нет, наверняка кто-то уже проделал такое до него, ведь три тысячелетия – слишком большой срок, чтобы Человек с его гением и волей не смог справиться с примитивным техническим приспособлением. Но даже если это имело место – официальные хроники умалчивали о таком.

Оставалось лишь снять сам шнур. Гор вновь взялся за кусачки и с нетерпеливым упорством принялся крутить шнурок, чтобы сломать его на изгиб...

Прошла минута, затем еще одна. Его коснулось легкое беспокойство. С раздражением Гордиан отбросил кусачки и взялся за напильник. В прошлый раз, как он помнил, металл поддавался достаточно легко. Впрочем, тогда он не пропилил слишком много – сработала система защиты. Но сейчас время есть. Возможно, шнурок «хомута» сделан из нескольких слоев, внешний – попроще, а внутренний – попрочней.

Он пилил массивным инструментом тонкий шнурок, и на руках уже начали проступать красные пятна будущих мозолей. Вот черт! Действительно, сначала материал шнура пилился достаточно легко. Буквально в несколько движений он пропилил больше половины его диаметра. Но что-то внутри мешало двигаться дальше. В отчаянии Гор вновь схватил кусачки и, хватая за край шнура, принялся ожесточенно отдирать более податливую часть ошейника, не пытаясь «прокусить» твердый центр. Через минуту все было кончено.

Голова закружилась от отчаяния и ужаса. Содрав с ошейника «мясо» из обычного металла и пластика, Гор обнаружил, что внутри шнура идет тонкая проволока из «ишеда», системного металла! Общая толщина «хомута» не превышала пяти миллиметров. Тонкая же нитка из «крови демонов» оказалась менее полумиллиметра и была почти не видна на коже. Эта нитка была несколько более тусклой и значительно более светлой, чем обычный ишед (возможно дешевый сплав), однако Гор знал, что даже сплав ишеда с обычной медью разрубить, пробить, перепилить или раскусить невозможно.

Что же за хитроумная сволочь выдумала это устройство? Надо же, и денег не пожалели. Ведь даже крошка от такого шнура стоила дороже раба, который его носил!

Ладно, к черту экономику, нужно сосредоточиться! Итак, что мы имеем?

Ошейник лишен питания и управляющего компьютера, но не снят. Бродить по королевству рабовладельцев пусть с очень тонкой, но неснимаемой железкой вокруг шеи – это чистой воды самоубийство. Ничтожная, тонкая металлическая полоска вполне конкретно определяла его рабский статус – и бежать с такой штукой было заведомо бессмысленно. Первый же патруль сможет их опознать.

Потрясенный Гордиан с отчаянной яростью ткнулся головой в стену. Затем он закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на проблеме, хотя мысли скакали, как перепуганные зайцы.

Ишел, ишел. Системный металл.

Не поддается воздействию температуры, кислоты, механическим повреждениям, нанесенным более мягкими материалами. Учитывая, что теоретически ишел – это самое твердое вещество во вселенной, он вообще не поддается повреждениям, кроме повреждений, нанесенных самим ишедом.

Ишедом...

Единственными предметами из системного металла, которые он видел в этом мире, были стены храмов и кинжал Хавьера, выставленный вчера на повторный розыгрыш чемпионского титула.

Кинжал Хавьера!

Гор вскочил – время стремительно убегало.

Не мешкая более, он достал из кармана шарф Лисии, снятый им с шеи девушки в отеле Хавьера, и старательно обвязал вокруг шеи, так чтобы не было видно останков хомута. Потом метнулся в спальню, осторожно приподнял находящуюся на грани обморока Лисию за спину и, шепча ей на ухо что-то ласковое, вынес любимицу Брегорта в зал.

– Ты веришь мне?

– Да.

– Тогда закрой глаза и ничего не бойся. Это нужно, чтобы нас не засекли.

Лисия кивнула. Гор быстро проделал с ее ошейником те же манипуляции при помощи проводки и обрезка шланга. Щелкнул выключатель, заискрился металл, и ее «хомут», также мигнув индикатором несколько раз, погас навсегда.

Расширенными от ужаса глазами красавица смотрела, как Гор срывает с нее части ошейника, лихо орудуя кусачками, оставляя на шее один лишь неуничтожимый металлический шнур.

– Вот и все, – наконец сказал он. – Оставайся здесь, а я скоро вернусь.

Поцеловав красавицу в губы, – кто знает, быть может, в последний раз, – Гордиан быстро опоясался мечом, спустился по лестнице, прошел через коридор в конюшню, оседлал скакуна и галопом, распуская горожан, припустил к ристалищу.

Глава 33

Раб стоя, лорд на коленях

– Твою мать! – проорал ему Трэйт и схватил за грудки, как только Гордиан, пряча лицо за лапами шляпы, подошел к палатке претендента. – Ты что себе позволяешь? Я уже два часа по твоей милости лгу своему лорду. Да я тебя в карцере сгною, чемпион ты хренов!

Гор молча посмотрел старому дациону в глаза. Трэйт замолчал, как будто его окатили водой. Отпустил воротник фехтовальщика и отступил на шаг.

– Что-то с Лисией? – спросил он взволновано. – Ты как?

– Нормально, мастер Трэйт. Все хорошо. У нас тут бой на носу, верно?

– До поединка двадцать минут.

– Отлично.

Гор прошел в палатку, скинул свой камзол, ворот которого закрывал его шею, и тщательней обмотал вокруг нее шарф Лисии, прихваченный с собой из отеля. Затем быстро умылся, схватил рапиру и вышел.

– Не займете мне денег, мастер Трэйт? – задал он вопрос на ходу. – На полчаса?

– А сколько тебе нужно, сынок?

– А сколько у вас есть с собой?

– Ну, – Трэйт не стал возмущаться наглости молодого бойца и мирно прикинул сумму, – в моей кассе сейчас, я полагаю, примерно двадцать сестерциев, оставшихся после всех расходов и ставок, а может, и больше. Все в мелкой монете, трудно посчитать. Весь выигрыш нынешних авеналий и касса Брегорта держатся у Сабина, ты же знаешь. А у меня только деньги на консидориев. Так мелочь.

– И каковы нынче ставки?

– Ну, не хорошие для прогнозов, но отличные, если ты выиграешь. Примерно один к двум. В пользу Хавьера, конечно.

Гор скривился. Толпа, что с нее взять!

– Так значит, четверть солида у нас наберется?

– Я же сказал.

– Займите мне все, что есть, и сделайте милость, поставьте на меня.

Трэйт сдвинул брови.

– Сдурел? Это деньги твоих товарищей. А Хавьер сильный противник. И я не стану слушать от желторотого кадета идиотские советы по поводу дела, которым занимаюсь всю жизнь!

Лицо Гордиана перекосила гримаса ненависти. Он приблизил свои глаза к старшему дациону и медленно, но отчетливо проговорил.

– Хавьер *мертвый* противник, сэр. Поставьте все, и я выиграю сегодня. Поверьте мне на слово, мастер Трэйт. Просто верьте!

И не говоря более ни слова, он зашагал к ристалищу.

* * *

На площади бушевала толпа. Тысячи и тысячи людей из города и окрестностей, бросив работу, пришли, чтобы посмотреть на самый невиданный поединок последних лет. Тысяча солидов – и серв против шательена!

Гор был в простой холщовой рубашке, как и всегда. Лорд Хавьер, напротив, вырядился как для театрального представления. На нем был черный камзол, чудесная черная шляпа с коротким павлиньим пером, золоченый пояс, а в руках – ножны, инкрустированные драгоценными камнями. Раскланявшись перед ликующими зрителями, Хавьер де Катрюшен лихо скинул свой головной убор, полетевший в руки стоящего за границей круга ливрейного лакея, изящным движением выхватил из ножен покрытую резьбой шпагу и выполнил ей ряд великолепных пируэтов, призванных продемонстрировать окружающим мастерство претендента.

Да-да, против ожиданий лавзейцев, лорд-шательен вышел сегодня на помост без ожидаемой сабли и именно со шпагой, современным оружием, которому было не место в примитивном мире рубак-консидориев.

Но Гордиану не было дела до таких тонкостей. В отличие от лорда-консидория, он просто стоял, не сводя глаз с постамента, на котором сидел префект города. Рядом с префектом на высоком резном табурете и парчовой подушке, лежал единственный предмет, ради которого Гордиан Оливиан Рэкс, демиург Нуль-Корпорации и бог Тринадцатимирья, пришел на сегодня ристалище – кинжал с лезвием из системного металла. Ненужная игрушка и драгоценность для большинства, единственный путь к свободе и жизни для него и для его женщины. Холодное бешенство заливало ему глаза.

В последний раз перед боем Гор посмотрел на Трэйта.

– Мастер Трэйт, – спросил он чуть слышно.

– Да, Гордиан? – отозвался дацион.

– Насчет «желторотого» кадета. Вы сказали, что в случае победы на турнире, я стану

консидорием. Официально турнир выигран еще вчера, и я – чемпион, титул которого оспаривается. Как насчет исполнения обещаний?

Трэйт удивленно пожал плечами.

– Да о чем речь, Гор?! Безусловно, ты уже не кадет.

– Не кадет. Значит, я – полный консидорий?

Старший дацион в негодовании тряхнул головой.

– Господи, да о чем ты думаешь, Гордиан, черт тебя раздери! Тебе предстоит, возможно, последний бой в твоей жизни. О чем ты думаешь?!

Гор молча вытащил клинок и снял португею с ножнами. Откинул португею в сторону.

– Мне нужна епанча, сэр, почетный алый плащ консидория. – Он изучающе взглянул на Трэйта. – Не хочется умирать в такой чудесный день, не добившись высшего звания в иерархии призовых бойцов.

Трэйт прищурился. Епанча? Через секунду он снял с себя собственную алую накидку (другой под рукой не было) и швырнул ее Гору. Снизу вверх.

– Лови. Но...

– Спасибо, сэр!

Небрежно Гор набросил вождеденный плащ себе на плечи и отошел на середину ристалища. Пробуя руку, разрезал воздух клинком.

«К смерти и победе готов!»

– Начинайте! – взревел барриста, и время пошло.

Но только оно одно.

Оба поединщика остались стоять на местах. Никто не пригнулся, согнув колени, чтобы перекатываться с ноги на ногу, постепенно приближаясь к врагу, никто не встал в боевую стойку.

Не двигаясь с места, заученным театральным движением, почти таким же, каким и Гордиан минуту назад, Хавьер снял португею и, явно красуясь, откинул серебряные ножны в сторону.

– Ну вот, братец, и пришел твой час, – сказал он с расстановкой, самодовольно улыбаясь. – Ну что же ты стоишь? Жизнь – игра. Давай покажем красивый бой. И кто знает, может быть, я сохраню тебе жизнь. А, братец? Сначала я сделаю несколько легких уколов. Потом ты ляжешь и сдашься. Но не слишком рано. Мне нужно показать зрителям свое мастерство. Ну?

– Я тебе не братец.

– Отчего же? Лорд-шательен называет тебя родственником. Это честь для серва. Кстати, что за тряпка у тебя на шее?

Гор зло улыбнулся и сделал маленький шаг влево и как бы вбок, но в то же время приближаясь к противнику на расстояние длинного выпада.

– Это шарф Лисии Брегорт, – скромно произнес он.

– У-у! Бог мой, как романтично! – Хавьер уже откровенно издевался. – И, как думаешь, поможет?

Гор покачал головой.

– Думаю, нет, – честно признался он.

– Ха-ха! – Шательен сдержанно усмехнулся. – Тогда зачем нацепил?

– Проверить вашу дедукцию и память, сударь, – скороговоркой и не очень громко пояснил Гордиан. – Это шарф Лисии Брегорт, который был на ней вчера, во время финального боя с Гартагом. Я взял его в вашем отеле *сегодня утром*.

Еще один маленький шаг снова вбок и как бы направо. Незаметно, как будто переминаясь с ноги на ногу, Гор шевельнул плечом. Епанча сползла по согнутой руке вниз, на левую кисть.

– Что? – Искра догадки мелькнула в глазах шательена.

Лицо его чуть напряглось от бурлящей под черепом мысли, однако тело по-прежнему находилось в весьма расслабленной позе, а шпага – уткнулась острием в землю,

демонстрируя окружающим полное презрение благородного консидория к своему ничтожному врагу.

– Вот это!!! – Стремительно выгибаясь, Гор бешеным броском метнул на голову расслабленного шательена свою епанчу. Вперед!

Дрогнув от неожиданности, Хавьер, не ожидавший подобного хода, вскинул вверх шпагу.

Поздно! Стремительно охватив серебряный клинок, тяжелый пурпурный плащ на долю мгновения сделал оружие шательена совершенно бесполезным для боя, а самому бойцу перекрыл обзор.

Мгновенно, как сжатая стальная пружина, Гор выстрелил рапирой.

Выпад!

Единственный и последний в этом бою укол, неотразимый, как таран самолета, смертельный, как удар палача.

Сухожилия и связки ног, казалось, разорвались, как нитки, от страшного напряжения. В мгновение ока Гор вышел в полный шпагат. Сто восемьдесят, двести градусов!

И застыл.

Машина для убийства сработала. Отточенное острие рапиры, протянувшись на три метра от точки, с которой был начат выпад, торчало в сердце его врага. Ровно на ладонь в глубину.

Смерть лорда была мгновенной. Не издав даже звука, Хавьер замер и, не выпуская из рук серебряной шпаги, медленно осел на колени. Равновесие его мертвого тела поддерживало теперь только лезвие Гордиановой рапиры, в которую Хавьер уперся лбом. Гор оттолкнулся толчковой правой ногой от земли, подтянул левую и выпрямился во весь рост. Аккуратно, стараясь не сломать тонкий узкий клинок, вытащил рапиру.

Синхронно этому движению Хавьер бухнулся головой об пол. И замер в немой коленопреклоненной позе перед своим победителем. И те, кто видел эту картину, запомнили ее навсегда. На ристалище было двое. Шательен и серв. Лорд и раб.

Раб стоя и лорд – на коленях!

* * *

С огромным трудом Гор выдержал на площади Ристалищ еще один час. Драк не было в это время, однако Гордиан положив руку на сердце мог бы назвать эти недолгие вялотекущие минуты самыми страшными в своей жизни.

В отеле Хавьера лежали шесть трупов.

В отеле Брегорта, в его комнате – Лисия с разодранным до ишедного шнура хомутом. самого Хавьера, точнее его хладные останки, унесли домочадцы и гвардейцы сопровождения. При этом последние так поглядывали на юного чемпиона и столь злобно скалились, что было ясно – с воскрешением их патрона и господина проволочек не будет, а после этого ни Гору, ни собственно Брегарту скучать не придется.

Ну и флаг в руки, подумал Гордиан. Им понадобится пятнадцать минут, чтобы доехать до отеля, пятнадцать, чтобы поднять панику и вернуться за ним обратно (и то если быстро догадаются о сути происшедшего).

Следовательно, у него есть чуть больше тридцати минут, чтобы стать свободным. И то если трупы в отеле или Лисию не обнаружит раньше кто-нибудь другой.

Если он не уложится в этот срок, о дальнейшем можно будет не беспокоиться. У мертвых, как известно, голова ни о чем не болит.

Хвала Иешуа, призы чемпионам авеналий в других весовых категориях вручили еще вчера. Считая секунды, в невероятном напряжении Гор выслушал хвалебную речь барристы, трогательный отзыв префекта, благодарственное слово Брегорта.

Под громогласные аплодисменты префект вручил лорду Брегарту сначала массивную золотую пектораль, которая в этом полусредневековом мире заменяла собой медаль и кубок

чемпиона, а затем, под неслышимый никому, но очень громкий стук сердца Гордиана Рэкса – вожаденный кинжал из ишеда.

Все. Сопровождаемый рукоплесканиями, абсолютный чемпион боссонских авеналий сполз с ристалища и отправился к палатке «призовых» лавзейцев.

Переоделся. Сменил оружие. Умылся (черт его знает, когда еще придется) и, время от времени поглядывая на происходящее на площади, стал ждать.

Наконец-то, спустя немыслимо длинные десять минут, Брегорту наскучило махать перед толпой бесценным артефактом, и он переслал приз-кинжал в палатку под охрану двух бургосских габеларов, прибывших с ним из столицы.

Трэйт и Бранд их знали. Гор также видел сегодня и даже здоровался. Это, однако, не помешало ему быстро вырубить обоих со спины предательским ударом тяжелого набалдашника кинжальной рукояти – извините, ребята.

Засунув за пазуху немыслимой стоимости игрушку, Гор побежал в отель.

Там он заставил себя подняться по ступеням вверх спокойным размеренным шагом и сначала проверил Лисию.

Девушка порывисто метнулась к нему с кровати, обняла.

Несмотря на бурлящее в нем страстное желание никогда не выпускать ее из своих объятий, он осторожно отодвинул любимую.

– Еще немного, милая. Потерпи!

Они сели. Она на ковер подле него, он – рядом на табурете, чтобы было удобнее использовать инструмент, и ближе к свету. Оттянув ошейник, Гор обнажил трофейный ишедовый кинжал и принялся пилить.

Десять, пятнадцать надпилов.

К невероятному облегчению Гордиана, металл поддался, а затем лопнул, раскрыв наконец проклятые объятия рабского хомута. Свободной рукой Гор смахнул со лба леденящий пот. Дьявол! Он так долго борется с этим электронным чудовищем, что ожидал уже всего чего угодно.

Первый ошейник полетел на пол.

Его ошейник поддался так же легко, и вскоре ворсистый ковер его спальни украшала пара поганных изделий.

Они начали торопливо собираться. Лисии оставалось всего лишь накинуть на плечи единственный женский плащ, который Гордиану за время прошлого визита удалось отыскать в ближних комнатах. Мужские же сборы на этот раз были более долгими.

Гор засунул за пояс заряженный пистолет, накинул новую, захваченную с площади епанчу, нахлобучил шляпу, запихал в нагрудный кошель выигранные деньги и, закинув за спину походный мешок, поглядел в зеркало. На вид – типичный ронин из тех, что не имеют права на земли, оклады и титулы, но сохраняют дворянское достоинство шательена, «золотой пояс», фамилию предков и вечно пустующие карманы. Учитывая, что до паспортной системы еще никто в этом мире не додумался, вероятность его поимки, если удастся уйти из Бронвены, практически равна нулю. А там – весь этот новый мир принадлежит им, удачливым и отважным. Гор резко развернулся на каблуках своих блестящих сапог, сверкнувших шпорами, и потянулся к двери.

В этот момент дверь открылась сама, явив взору Гордиана недоумевающее лицо Никия.

– Ты куда-то собрался? – выдохнул тот, пораженный открывшимся зрелищем экипированного к походу молодого «ронины». Лисия, по счастью, оставалась в соседней комнате и, услышав знакомый, но третий голос, испуганной птичкой замерла на пороге, невидимая для гостя.

– Заходи! – Гор затащил Никия внутрь и, осмотревшись, нет ли кого снаружи, прикрыл дверь.

– Ты точно один? – уточнил Гордиан.

Кадет кивнул.

Вот же нелегкая принесла, – подумал Гордиан. Но действовать нужно быстро – либо

уговорю, либо...

Он выпустил одежду Никия, все еще глядящего на него широко открытыми глазами, подошел к кровати, нагнулся и поднял останки рабского ошейника.

– Ты видишь это? Это мой «хомут», брат, его можно снять, и я только что решился на такой поступок. Скажи мне, Никий, сейчас или никогда, ты хочешь стать свободным?

Никий был «призовым» кадетом, почти консидорием, а значит, по определению должен был приходить в себя быстро. Он помотал головой.

– Конечно, хочу, Гор! Брат, зачем ты спрашиваешь такое? Но ведь тебя поймают! Ты же бежал однажды и избежал казни чудом. Куда ты собираешься теперь? Если даже тебя не поймают, чем ты станешь заниматься? Ведь ты чемпион. Лавзея – твой дом. Там тебя ждут товарищи. Да и Бронвена полна габеларов – тебе не уйти!

Гор вздохнул.

Правая рука, спрятанная за спиной, все еще сжимала тяжелый пистоль, направленный стволом вниз, так, чтобы удобнее было бить тяжелым навершием рукояти. Бить исподтишка, с короткого размаха и резко, в висок – насмерть.

Кисть сжимала оружие крепко, почти до судороги. Пару мгновений назад Гор был готов убить лучшего и настоящего друга, просто ради того, чтобы увеличить шансы на успешное бегство, предотвратив человекоубийством возможность слишком скорого доноса. Куда ты катишься, Гордиан Рэкс, демиург и диадох?

Человек ты или животное, убивающее, чтобы жить самому? Сколько еще трупов должно удобрить кладбищенский чернозем, чтобы ты насытился?

Десять? Сто? Тысяча?

Стало слишком легко убивать, Гор покачал головой. Это не нормально.

– Я уйду, Никий. Смогу, – сказал он вслух, бросая пистолет на кровать. – И вернусь, чтобы освободить всех в школе. Сейчас нет времени рассказывать тебе все подробно, но поверь – у меня есть возможности, которые и не снились вашим церковникам. Нужно только уйти. И я спрашиваю тебя об одном – идешь ли ты со мной? А если не идешь – не предашь ли?

– Бог с тобой, брат. Мы прошли вместе весь путь от клонической колбы до авеналий. Но... – Ник быстро прошел к окну: – Посмотри.

Гор подошел к товарищу и аккуратно отодвинул занавеску.

Внизу у входа в отель помимо обычного габелара, охранявшего здание и не чинившего препятствий никому из постояльцев, стояли четыре королевских гвардейца, из свиты покойного ныне лорда Хавьера. В роскошных, шитых золотом камзолах, плащах, без доспехов, но с мушкетами за спиной и мечами на поясах. Они расспрашивали стражника о чем-то.

О чем? О, пожалуй, тут не было вариантов.

– Полчаса назад на площадь явились гвардейцы Хавьера, – пояснил Никий. – Говорят, ты перерезал у него пол-отеля, украл девушку, зверски убил черного катарца. Трэйт и Сабин арестованы по обвинению в попустительстве, а Брегорт сейчас торгуется с префектом, пытаясь высвободить их под залог. Эти гвардейцы направились сюда. Кстати, с ними Черух. Брегорта обязали, чтобы он оказал шательенам всю возможную поддержку.

Гордиан кивнул. Только сейчас он заметил рядом с дверью маленькую фигурку местного старца-провилика. Вот не повезло старику! Впрочем, он опять думает не о том.

Чемпион авеналий повернулся к Никию. Отстегнул от ремня увесистый кошель с выигранными сегодня деньгами – ровно сорок сестерциев. Прикрыл глаза.

– Значит, так, – слова ложились гладко и ровно, как будто придуманные заранее. – В той комнате Лисия. И она, так же как и я, – без ошейника. И у меня есть одна просьба к тебе. Самая важная просьба, Ник, о которой я когда-либо просил в своей жизни...

* * *

Пятью минутами позже Гор вышел за дверь.

Сумевшие за это время пройти в отель гвардейцы, заметив Гордиана, замерли, но убедившись, что он один, приняли довольно наглые, расслабленные позы.

Гор молча спускался по лестнице, как ни в чем ни бывало.

Да этим четвертым слова и не были нужны – одного взгляда на экипировку чемпиона Боссона хватало, чтобы раскусить его мысли о побеге.

Тяжелый походный мешок, туго набитые узлы на поясе были красноречивей любых признаний. К тому же, сняв шарф Лисии, Гор не соизволил застегнуть ворот своего камзола, и идущим навстречу габеларам стала отчетливо видна белая полоса, оставшаяся от его «хомута». Случайные обыватели, если бы нелегкая занесла их в этот миг в отель, наверняка ничего не заметили, приняв Гора за молодого шательена, собравшегося в дальнюю дорогу, – таких было много в Бронвене в последние дни авеналий, – но четверо прибывших гвардейцев прекрасно знали лавзейца в лицо и были более чем осведомлены о его рабском состоянии.

Для них его шея буквально сияла своей чистотой и открытостью.

С невозмутимостью мертвеца. Гордиан продолжал спускаться.

– Осторожнее, господин консидорий, – начал первый гвардеец, по всей видимости старший в группе. – Выньте меч, бросьте его на пол. И куда вы дели свой койн, с позволения сказать? Неужто ваш придурковатый хозяин даровал вам свободу?

– Да нисколько, господин гвардеец, – в тон ему отвечивал Гор, которому уже нечего было терять, ибо свобода по-видимому отодвигалась на неопределенное расстояние, если он не сможет оперативно решить данную конкретную задачу. – Его светлость лорд Брегорт, вероятно, слишком занят сейчас пересчитыванием денег *вашего хозяина*, а потому ему недосуг даровать вольности своим чемпионам. Что же до меча, то здесь нет пола, господин гвардеец. Это лестница, а значит, клинок скатится вниз и может повредить кого-нибудь из посетителей сего достойного заведения. Уж лучше я спущусь как-нибудь с ним.

– Ну извольте, извольте! – Шательен сделал знак товарищам, и те сдернули с плеч мушкеты, вместо того чтобы вытянуть из ножен мечи. Мушкеты при этом остались без взведенных курков – парни явно недооценивали Гора.

– Надеюсь, вы в курсе, – продолжал шательен, – какую участь уготовил уголовный закон Королевства тем сервам, что дерзнут поднять руку на шательена? А тем более на Гвардию!

– Вы про вертел и медленный огонь, сударь? Фу! – Гор громко фыркнул.

Похоже, жизнь их не учит, – подумал он. Говорят человеческий гений не знает пределов, но ведь и человеческая дурость – вещь безграничная.

Гвардеец открыл рот, чтобы ответить и...

Одним движением Гор скинул заплечный мешок, двумя руками крутанул его и с силой метнул в ближайшего противника! Мешок был плотно забит и весил не менее пятнадцати килограммов. Брошенный сверху вниз, он врезался в свою жертву с силой орудийного ядра и сбил с ног сразу двоих из четверых.

Моментально выхватив клинок, Гордиан скатился по перилам лестницы и с размаху всадил свое оружие в живот первого противника. Тот неуклюже попытался отбить выпад мушкетом, но в этом мире даже полевую пехоту, а уж тем более стражников не обучали фехтованию на ружьях (да что там говорить, здесь даже не удосужились выдумать штык), поэтому стрелки из огнестрельного оружия изначально ориентировались на производство из него выстрела и уж никак не на использование в рукопашной.

Сглотнув воздух, сраженный гвардеец со стуком приклада о пол медленно осел, а Гордиан освободил шпагу из трупа и легкой походкой двинулся ко второму. Видя незавидную участь своего товарища, тот отбросил мушкет и начал доставать меч.

Стремительно...

Движения тонули как в густом зыбком тумане, все летело слишком стремительно. Лезвие противника вышло всего наполовину, когда Гор резким выпадом разрезал

несчастному горло. Затем развернулся – первые двое из четверки, сбитые его мешком и еще остававшиеся в живых, только что поднялись и начали вынимать клинки.

Гор легко уклонился от первого неуклюжего рубящего удара, просунув полотно своей шпаги чуть вперед и вбок от направления вражеского меча. Нанесший удар противник начал рефлекторно оттягивать ушедшее далеко вперед оружие на себя, чтобы вернуться в стойку для атаки, и в этот момент лезвие Гордиана совершило откат перпендикулярно к возвратному движению его руки с горизонтальной протяжкой.

Кисть мечника столкнулась с отточенной кромкой Гордиановой шпаги, и мечник фактически сам отсек себе руку!

Кровь хлестнула фонтаном, обдав окружающих ярко-красными брызгами! Тихо вереща, изувеченный боец согнулся, вперив выпученные глаза в собственную отрезанную ладонь, по-прежнему крепко сжимающую свалившееся на пол оружие. Гордиан остался один на один со старшим из королевских гвардейцев, с тем самым, который предлагал ему сдаться шестью секундами ранее.

– Мне бросить оружие, сударь? – поинтересовался лавзеец. – Или теперь ваша очередь швыряться железом об пол?

– Идите к черту!

Злобно ощерившись и понимая, видимо, некоторую ущербность сложившейся ситуации, но все же на что-то надеясь, отважный гвардеец резко дернул своим клинком.

Глупец! Не прекращая хаотической чечетки, которую отбивали по паркету ноги, Гор одним незримым движением рапиры вышиб его оружие, а уже другим – пробил навывлет кадык.

Кончено.

Великолепный королевский гвардеец был почти наголову выше Гордиана и значительно шире его в плечах. С огромным удивлением, почти с ужасом глядел он теперь на мелкого консидория, столь стремительно выкосившего его бравую команду.

– Привет Хавьеру! – Гор выдернул рапиру и отсалютовал.

Тело в красивом камзоле грохнулось на пол.

Сделав два шага назад к лестнице, лавзеец коротким уколом рапиры в глаз добил гвардейца с отсеченной рукой, который все это время визжал, сидя на ступеньках. Затем спрятал оружие, схватил мешок и, не теряя драгоценных секунд на размышления, повернулся к выходу.

Что за черт?!

Дверь наружу была открыта настежь. Однако в метре от приглашающего на улицу дверного проема стояла маленькая скрюченная фигурка.

Провилик Черух, старец. Древний истукан с подслеповатыми глазами, с повязкой вокруг головы и страшными длинными пальцами на узловатых руках.

«Оказать всю возможную поддержку», – мелькнули в голове слова Никия.

Фигурка выглядела решительно.

Как и всегда, пожилой администратор отеля был облачен в свою грубую хламиду и деревянные сандалии с оплеткой из высохшей травы. Он по-прежнему казался смешным карликом, однако что-то в облике пожилого человека заставило смертоносного чемпиона застыть.

Взгляд ничтожного старикашки был суров и серьезен.

Да, что там, под выцветшими зрачками и глупым лицом вечного привратника пылало страшное пламя.

– Твоя бежать не надо, – сказал Черух тихим, чуть писклявым голосом и замотал головой. – Нет-нет. Твоя раб мастер Брегорт. А я принес ему клятву, да.

Гор тряхнул головой, как будто отгоняя наваждение. Что он несет? Конечно, Гор уважал старость и немощь, но не в таких обстоятельствах.

Шаг вперед – он всего лишь старец.

– Вы слишком большое значение придаете подобным клятвам, сэр, – вежливо сказал

Гордиан. – И я советую вам отойти. К сожалению, вас не было на турнире, и, возможно вы не совсем в курсе. Я только что разделал под орех четверых гвардейцев короля. А еще час назад – был провозглашен чемпионом Боссона в легком весе. Это вам что-нибудь говорит?

– Говорить? – ответил вопросом на вопрос Черух. – О, я плоховато говорить на «эшвен», юноша, но я говорить понятно. Твоя так: убирай оружие и иди наверх. Это все.

Гор начал злиться. Возможно, в эту секунду к зданию уже бегут городская стража и шательены Хавьера. Никий и Лисия, неся с собой боольшую часть его выигрыша, выбегали сейчас через черный ход. Время истекало.

– Я не хочу калечить тебя, старик, – рыкнул он, уже еле сдерживаясь. – Ну-ка в сторону, дед, быстро!

В полном молчании губ старого Черуха коснулась печальная улыбка. Он поднял свою сухую, тонкую, испещренную морщинами руку. В руке была клюка – посох или костыль, с которым «пенсионер» бродил по отелю холодными вечерами. Всего лишь палка. Всего лишь.

Нога старика выдвинулась вперед. Палка зависла над головой, удерживаясь горизонтально чуть вниз и вбок. В лицо врага острием.

Острием? Внезапно и остро Гор понял, что перед ним не просто поза. То был Ochs, или «Бык», – еще одна классическая стойка для поединка мечников. Дерьмо! Перед ним стоял консидорий!

А, к черту! Не убирая шпагу, Гор бросился вперед. Он чемпион и сделает старикана шутя.

Удар. Палка пронзила воздух и по широкой дуге просто, без изысков порхнула ему в лицо.

Поймав на эфес, Гордиан с легкостью отразил эту простейшую атаку. Не останавливаясь, схватил клюку свободной рукой и дернул к себе Черуха. На короткое мгновение противники застыли, вырывая из рук друг друга старческий посох.

Пламя!

Огненный язык лизнул его левое бедро. Что-то жгучее омыло ногу. Какая боль! Гор с ужасом глянул вниз. Правой рукой удерживая свой посох, свободной левой, одним мастерским ударом Черух вспарывал его бедро ножом от колена до таза, разрывая артерии и профессионально выворачивая клинок поперек разреза в его ноге. Прямо в ране.

Кровь брызнула бешеным фонтаном, и Гор выпустил из внезапно ослабевших рук посох, затем рапиру.

«Все кончено... Все кончено, – мелькнуло в его голове. – Ведь я чемпион, неужели так просто? Проклятый старик!..»

Сознание медленно истекало из него вместе с алым и вязким потоком.

Старик вырвал палку и с громким «хеканьем» одним ювелирным ударом сбил Гора с ног, а другим – в кровавое месиво разбил переносицу...

Пульс бил его по вискам.

Свет был цвета крови.

И струны боли, вибрирующие в пустоте.

И веки его опустились. И он закрыл глаза...

Сквозь густой пурпурный туман, накрывший холл Брегортова отеля, сквозь опущенные веки, сам не понимая как, Гор видел Черуха. Гротескная фигура в нелепой хламиде, полы которой в этом странном, багровом мире без глаз и без света напоминали скорее крылья демона, нежели обрывки человеческой одежды.

Пульс бил по вискам... Пульс бил по вискам...

Вместо лица у старого провилика, так ловко «сделавшего» чемпиона турнира, был шар, надутый изнутри. Воздухом? Кровью? Шар-голову распирало во все стороны и то ли от натяжения, то ли от смеха над поверженным консидорием, шар мелко тряся, вздрагивая в судорожных, отвратительных спазмах.

По стенам бежали пурпурные линии – электрическая проводка, спрятанная внутри

кирпича и бетона. А сам шар удерживался на плечах только тонким, таким же пурпурным ободом, стянувшим его на шее.

Хомут?

Да, он сверкал. Блики пламени плясали вокруг него, а внутри тонкой галогеновой нитью мигал сигнал. Тоненький голосок электронного разума, удерживающий в этой дьявольской игрушке все замки и запоры.

Как в кошмарном бреду, Гор вытянул руку, красную как мясо без кожи. Коснулся.

Нить ошейника вспыхнула сверхновой, разбрызгав ослепительный свет и...

Погасла...

Глава 34 **Анатомия бунта**

Гор очнулся. Он резко сел и, напрягая глаза, стал всматриваться в окружающую темноту, ощупывая ее руками.

Постепенно очертания предметов приобрели некую обрывочную угловатую четкость, а сами предметы – осязаемую твердость. Под Гордианом была крепкая стальная кровать, стены комнаты, похоже, обиты тканью.

Гор аккуратно сполз с койки (а, черт, нога!) и, держась за стенку, прошелся вперед, а затем назад. Судя по результатам «экспедиции», помещение занимало метров пять в длину и примерно столько же в ширину. Потолок был высокий, Гор до него не достал.

Тогда он прошел вдоль стены, по периметру своей невольной обители, и нащупал металлическую дверь, плотно прилегающую к коробке. Не в силах держаться более на одной ноге, Гор опустился перед дверью на пол и что есть мочи с размаху ударил в нее кулаком.

Чуть ли не сразу задвижка на двери отодвинулась.

– Очнулся? – прозвучал голос. – Ну наконец!

Задвижка захлопнулась, и по коридору заспешили, удаляясь, чьи-то размашистые шаги.

Спустя несколько минут шаги «вернулись» обратно – и дверь отворилась.

Гор крикнул. Вместо обычных, так сказать «рядовых» габеларов, призванных таскать таких, как он, «беглецов» (а в том, что его снова поймали, сомневаться не приходилось), в дверном проеме во весь рост стояли лавзейские «чемпионы».

Люкс Дакер в кирасе и Римо Аклет в кольчужной рубашке да в стальных поножах. Оба – при мечах.

Подхватив Гордиана, они вытащили его на свет.

Свет резко залил глаза. От движения рана в ноге вспыхнула и окатила болью.

– Болит? – Дакер подставил плечо.

– Немного.

Они протащили его по коридору, по лестнице вниз и далее через двор.

Лавзея?

Гор узнал «свою» школу. Долго же он был без памяти! Из Лавзеи в Бронвену ехали они тогда две недели. Значит, и обратно – столько же. А держали его, оказалось, в больничном покое, в котором по счастью, по несчастью ли – теперь не понятно – ранее ему бывать не доводилось. Ну что ж – не плохо. По крайней мере не застенок и не «эксекюторская», как в прошлый раз.

Наконец все трое оказались в одном из самых больших помещений Лавзейского шато – школьной столовой для кадетов и консидориев.

Здесь собралось много людей, но не обычных, не тех, кто обедал здесь каждый день. Кадетов, например, почти не было. И даже консидориев – по пальцам пересчитать.

Зато присутствовал весь тренерский состав, барристы и дационы.

Еще таргитарий, абосиларий, Крисс со старшинами габеларов.

Вилики, конечно. Часть провиликов.

А что же бойцы?

Вот в углу скрючил свое длинное тело Бранд, уже без повязки на плече и руке, но с мечом на поясе и... и в доспехе!

Вот несколько незнакомых людей. Судя по ошейникам – рабов, судя по лицам – лидеров и начальников. В возрасте и с печатью власти на сильных, угрюмых лицах.

Наверняка – или прославленные бойцы или приближенные рабы, распорядители усадеб и школ.

В центре помещения – на небольшом возвышении, сделанном для трапезы консидориев (чтобы те ели отдельно от серой кадетской массы), вместо нескольких широких дубовых столов, за которыми трапезничали прославленные герои Лавзеи, стоял один, за которым восседала сейчас не боевая, а административная элита – сам вилик Сабин, никогда ранее не бывавший в столовой Дуэльной школы, и дацион Трэйт.

Дакер и Римо провели Гора через весь зал.

Остановились перед стулом, стоящим практически посередине неширокого коридора, образованного сидящими вокруг людьми.

Здесь Дакер аккуратно снял с плеча руку Гордиана, поддерживая его предплечьем. Весь вес раненого фехтовальщика оказался взвален на Римо, который, не задумываясь, скинул того на стул. От резкой боли Гор невольно вскрикнул, тихо выругавшись и скорчив гримасу.

– Осторожней, Римо, – сказал Трэйт, покачав головой. – Угровишь мне чемпиона.

– Так он ведь беглый, господин, – удивился Римо. – Какой с него чемпион теперь? У него теперьча одна дорога – на кол, известно.

– А ты помолчи. На кол не на кол – не тебе решать. Отойди.

Римо молча повиновался, и взоры почти сотни пар глаз уставились на изможденную и подавленную фигуру Гордиана Рэкса.

Молчание повисло в воздухе. Бывший демиург Нуль-Корпорации не понимал, что происходит; мучительная боль в ноге, ноющий от голода желудок и общее ужасное состояние мешали думать. Мысли путались, бегая туда и обратно от воспоминаний о попытке побега и нелепом провале до этой минуты. Половина из сидящих были дационами и консидориями Трэйта. Остальные – совершенно незнакомы. И все они пялились на него с плохо скрываемым и странным интересом.

– Что происходит? – наконец выдавил он из себя.

Никто не удостоил его ответом. Гор всмотрелся в окружающих и внезапно осознал, что смотрят они не на его лицо, не в его глаза и даже не на едва затянувшуюся и с грехом пополам укрытую перевязкой рану. Все взоры были устремлены *на шею* Гора, вернее на место, где белой полосой, лишенной загара и натертой мозолью, шел след от койна – жестокого рабского ошейника – страшного изобретения, ограничивавшего свободу обитателей Боссона в течение трех тысяч лет.

– Как ты снял его? – задал вопрос Трэйт жестко и почти грубо.

Гордиан промолчал. Не находя быстрого и точного ответа, он предпочел проигнорировать вопрос старшего дациона, хотя осознавал, что, возможно, от этого человека сейчас зависит его жизнь.

– Как ты снял его?! – зарычал Трэйт, и Гордиан, уставший и озлобленный, уже готов был ответить так же резко, но их краткое общение внезапно прервал знакомый низкий и грудной голос вилика Сабина.

– Успокойтесь, Трэйт, – произнес он плавно и размеренно. – Вы слишком давите на вашего беглого чемпиона. Я думаю, если обрисовать всю ситуацию, он ответит добровольно.

Каро Сабин восседал на кресле как на троне. Что, в общем, имело под собой веское основание – ведь вилик распоряжался жизнями тысяч невольников, как кадетов и мастеров, живущих в школе, так и прочих рабов из двух десятков коммерческих учреждений лорда Брегорта, разбросанных по всей провинции. Для них он был больше чем коронованным монархом – почти богом, могущественным, как сам лорд, но более близким, а потому – и более опасным.

– Валяйте, Каро, – сказал Трэйт устало и откинулся на спинку стула.

Сабин повернулся к Гору и пронзил его своими глубокими, практически бесцветными глазами.

– Итак, – начал Сабин, – почти все люди, которых вы видите здесь, Гордиан, – это невольники нашего господина. Однако не только. Здесь присутствуют делегаты от десятков других владений: из поместья лорда Таргета и лорда Армуна, из усадьбы Трассера и школы леди Шамир и многих других. По большому счету – руководители и представители всех крупнейших аллодов Боссона. Все они прибыли по нашему, – он показал на Трэйт, – и по вашему, Гор, приглашению.

– Я не приглашал никого, – внезапно для самого себя перебил вилика Гордиан.

– Отнюдь, консидорий. Пустующий след на вашей шее – лучшее приглашение. Возможно, вы не осознаете всю важность происшедшего, поскольку находитесь в нашем мире недавно, однако нам, живущим здесь долгие годы, значение этого события трудно переоценить.

Население Боссона, да и не только Боссона, но всей эшвенской тирании и ее многочисленных колоний на девять десятых и девятьсот девяносто девять тысячных состоит из рабов. В колониях – меньше, в старых провинциях – больше.

В самом Боссоне, например, почти нет свободных. На тысячу сервов едва ли приходится один свободный, и то только потому, что в Боссоне расквартированы пограничные полки, набранные из свободных иноземцев, желающих стать гражданами Эшвена. Все остальные – рабы.

Вы, мой друг, наверняка задумывались, почему возможна такая немыслимая ситуация. Как один человек, даже до зубов вооруженный, может удержать в полном повиновении тысячу других здоровых и сильных людей. Тем более консидориев, воинов до мозга костей, таких как Бранд, Дакер или стоящий рядом с вами Римо Аклет.

Ответ на этот ужасный вопрос висит на шее каждого из нас.

Это – койн!

За тысячи лет с момента прихода храмов Хепри, когда первый «хомут» был одет на первого клонированного раба, ни один ошейник не был снят с невольника без его гибели. Ошейники надевают на живых, а снимают – только с мертвецов.

И вот сейчас вы сидите перед нами. Бывший раб, беглец, со следом ошейника на шее, но без самого ошейника, притом совершенно здоровый и живой!

Вы не беглый раб, Гордиан, которого мы осуждаем на показательную смерть, – продолжал Сабин. – Вы, возможно, наше знамя, надежда десятков миллиардов сервов – рабочих и лакеев, ремесленников и наложниц, всех, от последнего чистильщика уборных до виликов и дационов, всех на ком висит это проклятие храмов! Вы – наша свобода! Теперь все зависит от одного – было ли безопасное снятие ошейника единичным случаем или же мы сможем повторить это с каждым из присутствующих здесь. Вы понимаете меня Гордиан? Вы – понимаете меня? – Сабин взглянул в глаза удивленному неожиданным поворотом событий Гору, затем торжественным взором окинул присутствующих.

Он уже открыл рот, чтобы продолжить свою вдохновенную речь, как его перебили.

– Короче, – пробубнил Трэйт, косясь на Сабина. – Как ты снял его?

Гор с удивлением покачал головой.

– А вы не поняли? По-моему, по обломкам, оставленным мной в отеле, картина происшедшего вполне восстановима и проста. Я выжег «койну» мозги коротким замыканием, а затем – перепилил шнур кинжалом лорда Хавьера. Вот и...

– Он дурачит нам голову, – сказал откуда-то с первых рядов старина Крисс.

– О чем ты, брат? – спросил, обращаясь опять же к Гору, Люкс Дакер.

– Мальчик просто взволнован, – вступился Сабин.

Но Трэйт поднял руку, и все замолчали.

– Я не спрашиваю тебя, сынок, – терпеливо, но явно сдерживая клокочущую внутри ярость, пояснил тренер, – как ты снял свой ошейник, ибо любой консидорий, проживший здесь хоть немного времени знает, что настройка койна легко сбивается той магической

силой, что течет внутри проводов. Я спрашиваю тебя вот об этом! – И Трэйт ткнул ладонью в сидящего перед ним, спиной к Гору, маленького человечка.

Тот встал и обернулся. И Гордиан чуть не упал. Приветливо улыбаясь своей глупой улыбкой, перед ним стоял провилик Черух. Жалкий старик. Грозный мечник, четырнадцать дней назад вставший с палкой на пути вооруженного клинком чемпиона.

На его шее тонкой белой полоской зияла девственная пустота. Чистая кожа при полном отсутствии рабской сбруи.

Трэйт же тем временем продолжал:

– Когда мы ворвались в отель, избежав ареста за пособничество в убийстве, то обнаружили четыре шательенских трупа, тебя, истекающего кровью, и Черуха, баюкающего останки своего хомута. Кстати, ты должен быть ему благодарен. Несмотря на шок от раскрывшегося по неизвестной причине ошейника, Черух умудрился наложить шину на твою ногу и остановить кровотечение. В противном случае ты был бы сейчас мертв. Более того, он спрятал трупы прирезанных тобой шательенов глубоко в подвал, чем спас тебе жизнь еще раз, поскольку префект, не уверенный пока, что убийства в отеле Хавьера совершил именно ты, объявил розыск не сразу, что позволило нам вывезти тебя из города. Далее все произошло очень быстро. Префект, опросив всех свидетелей, перекрыл ворота города на следующий же день. Но было уже поздно – лорд Брегорт, расстроенный твоим исчезновением и потерей Лисии, забрав денежный приз, кинжал лорда Хавьера и все наградные регалии, выехал в Бургос, на юг. А мы, спрятав твой бессознательный «труп» в багажном отделении кареты и откупившись от местных габеларов приличной суммой, шпарили по тракту в Лавзею.

– Значит, наш лорд не знает, что я здесь?

– Если бы он знал, тебя садил бы сейчас на кол префект Бронвены.

– А что с Лисией?

– Я хотел спросить об этом тебя.

Гордиан поник головой. Понятно. Значит, она ушла.

– Ну-ну, – сказал Трэйт. – Боец, не кисни. Все сказанное сейчас – это лирика. Единственное, что имеет значение, – это то, что ты снял койны! В момент, когда Черух пронзил тебя кинжалом, ошейники всех рабов в доме оказались открыты! Ты понимаешь смысл сказанного? Всех! Рабов! Были! Раскрыты! Более того, старик сообщил, что ты снял его койн одной лишь силой мысли, даже не касаясь проклятого шнура и даже не глядя. И, клянусь Хепри, ты должен сказать нам, как именно это было сделано! Ну так что, боец? Не томи!

И старший дацион замолчал.

В звянящей от напряжения тишине сотни пар глаз в молчании взирали на Гора.

«Как ты снял его?!» – безмолвно кричали они.

Действительно, как?

Последнее, что Гордиан помнил, это нити красного вокруг шеи Черуха. И прикосновение разума к этой тонкой нити. И вспышка.

Ошейники расстегнулись?

Значит...

Дар вернулся...

Новоявленный *Тшеди* шумно выдохнул и смахнул со лба пот.

– Это трудно объяснить, – сказал он немного нервно. – Как и в случае с рапирой, я лучше попробую показать. Э-э, кто будет первым?

* * *

На следующее утро, впервые за четыре месяца, Гордиан Рэкс проснулся не на шконке в казарме и тем более не на полу в карцере или клетке, а в роскошной кровати. Кровать была огромной, широкой, с простынями, четырьмя подушками, пуховым одеялом и высокой

резной спинкой. Однако главным, что в это утро невообразимо повысило Гордиану настроение, оказались не фантастические для серва удобства, а банальное наличие на стуле рядом с кроватью оружия, хотя бы это и была всего лишь его старая рапира.

За Гором ухаживал лично провилик Черух, недавно так ловко порезавший чемпиона вечных боев банальным кинжалом. Гор не держал зла на старика, однако ощущал в общении с ним некоторую неловкость. Впрочем, эту неловкость сам виновник его плачевного состояния не разделял – Черух был как всегда умеренно болтлив, дружелюбен и вел себя как обычно, порхая над раненым Гордианом, как заботливая наседка, будто не имел к кровавому разрезу никакого отношения.

Гор валялся в кровати, наслаждаясь утром и анализируя новые обстоятельства.

Прошедший день оказался ужасен – ему удалось без труда раскрыть первый ошейник на одном из рабов, однако на это ушло почти десять с лишним минут. Таким образом, в час он мог «осчастливить» не более пяти человек. В зале же насчитывалось более сотни, а в школе – вообще свыше тысячи, не говоря уже о прилегающих шато и всем населению Боссона.

Впрочем, спустя несколько часов возможности Гордиана, видимо, вследствие многократного повторения одной и той же процедуры, увеличились настолько, что он смог нейтрализовать по нескольку ошейников одновременно, сжигая их программное наполнение и обесточивая смертоносный заряд.

Механическую часть работы по утилизации койнов, а именно их расклепку и извлечение ценного шнура из сплава ишеда взяла на себя целая бригада рабочих, вооруженных специально подготовленным слесарным инструментом и возглавляемых таргитарием Вордриком. Поэтому вскоре работа наладилась и «раскойновка» была поставлена на поток.

В зал столовой загоняли по сотне желающих, и Гор умудрялся освобождать всех одновременно, затем партия выходила строем в мастерские на расклепку, а в зал заходила следующая.

К ночи смертельно усталому Гору позволили наконец отдохнуть, поскольку все обитатели школы к этому времени уже лишились ошейников, а сотни людей из ближайших усадеб должны были подойти только утром после соответствующей агитационной работы, проведенной агентами Сабина и Трэйта в их рядах этой ночью.

Гора поразила организованность и четкость действий руководства школы по ускоренному освобождению консидориев и кадетов как у себя, так и в соседних шато.

Он спросил об этом оберегавшего его Бранда, но тот только пожал плечами.

– Ты ведь слышал о «Палатах Равных», брат?

– Антиправительственные кружки рабской элиты?

– Угу. Они организованы по всему Боссону. Да что там, я слышал – вообще по всему Эшвенскому континенту. Вот сейчас эти кружки и работают. У них есть четкая структура, руководители, штат, программные документы, все как надо. Трэйт и Сабин, являясь старшим виликом и старшим дационом, так сказать, «по должности» возглавляют эту организацию у нас в Лавзее. А Сабин, более того, по счастливому стечению обстоятельств является одним из лидеров региональной организации. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Гор почесал затылок.

– Говорит, – кивнул он, – но все же поразительно, что такая мощная организация, столь явно направленная против существующего режима, настолько открыто действует по всему Боссону. А куда смотрит лорд?

Бранд сделал круглые глаза.

– Лорд Брегорт покровительствует нам, он давний противник рабства и даже написал по этому поводу отличное стихотворное эссе. Вот, дай-ка вспомню. Гм-гм. Что-то вроде: «Дитя Свободы! Вдохновенье, что небом послано тебе, вдыхаю полной грудью снова и вопреки людской мол...»

– Ну хватит, хватит! – перебил Гор. – Значит, лорд-рабовладелец покровительствует

антирабовладельческой организации? Не вяжется!

– Да ладно! Наш лорд – хороший рабовладелец. Он даже выделяет на проведение ежемесячных заседаний «Палат Равных» денежные средства на вино и угощение. Я думал, ты в курсе, ведь это же не секрет.

Гордиан недоуменно пожал плечами. «Не секрет!» До этого момента он скромно полагал, что для всякого нормального раба хороший рабовладелец – это мертвый рабовладелец, а тут...

А тут Бранд разочарованно махнул на все только что им сказанное рукой.

– Да все равно ведь от этих сборищ раньше не было никакого толку, – сказал он, вспоминая. – Ну посидим, покумекаем, поболтаем. Стихи брегортовские друг другу почитаем – и все. Пока на шее койн, сильно ведь не подергаешься... – Он резко вскинулся. – Только вот теперь, когда ты научился хомуты снимать, – дело другое! Нормальное дело, я говорю! Вот «Палаты Равных» и пригодились! Нужно «раскойновать» побольше рабов, вооружиться. Да мы, друг, силища! Сам ведь знаешь, в Боссоне почти все рабы. Только подняться – сметем все Королевство на хрен!

Гордиан молча слушал товарища и подсчитывал для себя числовые пропорции, вспоминая данные, почерпнутые им из «Атласа королевской мануфактуры».

Армия Эшвена была многочисленной и насчитывала, по прикидкам Гора, сделанным на основе слышанного им, не менее двух миллионов человек. Но большая часть из этой значительной массы распределялась по бесчисленным колониальным гарнизонам и в активных боевых действиях участвовать не могла.

Таким образом, максимум, на что мог рассчитывать король Боринос в случае массового восстания рабов – пятьсот—семьсот тысяч регулярных войск. Ничто, по сравнению с восьмидесятимиллионной массой сервов, проживавших в одном только Боссоне с Артошем, не считая Аран, Артону, Тысячеградье, Хайран и прочие прилегающие провинции. Вместе с ними это будет миллионов двести. Действительно силища, что тут скажешь?

Учитывая это, Гор более всего беспокоился, что о бурной деятельности Сабина и Трэйта по снятию ошейников узнают до того, как свободных рабов наберется достаточное количество, – уж слишком открыто действовали оба вождя предполагаемого восстания.

Однако Бранд заявил, что в Боссоне живут только сервы и сообщать о восстании не только некому, но и некуда.

«Ну, дай-то бог!» – решил про себя Гор.

Тот бог, который Аннубис из Корпорации, разумеется, а не местный – Хепри.

Глава 35

Совет виликов в сомнениях и спорах

На следующее утро Черух принес легкий завтрак, состоящий из обычной кадетской зерновой каши и бутербродов. С ним пришел Бранд, сообщивший, что первая партия рабов, претендующих на «раскойновку», прибудет из соседних поместий и школ не ранее чем через час. Однако Гора уже ждали в кабинете вилика, где разместился временный штаб будущего восстания. Там же находились Трэйт, Сабин, а также вилики, провилики, старшие евнухи и старшие дационы из ближайших шато – без преувеличения вся рабская элита Северного Боссона. Вся местная «Палата Равных».

Гор быстро поел, оделся и посмотрел в окно, которое выходило на главный плац школы. Там бурлила деятельность – сотни и сотни бывших рабов, освобожденных им вчера от ошейников, формировались дационами (нет, уже лейтенантами!) Трэйта в боевые подразделения. Из арсеналов достали оружие и активно вооружали им не только кадетов, но и успевших «освободиться» обычных работников из соседних усадеб.

Вздыхнув, экс-демиург с сожалением посмотрел на кровать лорда Брегорта (именно на ней он сегодня спал), нацепил оружие и быстро, не оглядываясь, вышел из спальни. Предчувствия редко обманывали *Тшеди*, и сейчас каждая клеточка его тела говорила, что в

ближайшие дни спокойный и долгий сон ему почти наверняка не грозит.

Пройдя в сопровождении Бранда через двор и далее по коридору, Гор вновь оказался в роскошном кабинете вилика.

Там сидели собственно вилик Лавзеи Каро Сабин, старший дацион Лавзеи Мишан Трэйт, старшина лавзейских габеларов Крисс, пухло-розовый старший евнух Лавзейской школы наложниц Тахо, заместитель вилика Критий Ларго и таргитарий Вордрик Аймен.

Буквально – вся высшая администрация Дуэльной школы.

Кроме лавзейцев в кабинете, по счастью достаточно просторном, чтобы вместить в себе всю эту толпу народа, находились еще около двух десятков человек – делегаты от крупнейших аллодов Боссона. Наиболее известными среди них, как впоследствии узнал Гордиан, являлись Циллий Абант – вилик нескольких десятков поместий лорда Таргета – крупнейшего землевладельца в этих землях, а также Либер Рихмендер, высокий и худощавый старик, бывший «призовой боец» и знаменитый консидорий, а ныне – вилик и фаворит усадьбы леди Шамир, ближайшей соседки Брегорта.

Безопасность заседания (в качестве рядовых стражников) обеспечивали мечник Сардан Сато и секироносец Люкс Дакер, оба – в полных доспехах и при оружии.

Впрочем, большинство из присутствующих также были вооружены, разве что не имели на себе защитной амуниции.

Гордиан мысленно покачал головой. Судя по представительности, здесь собрались будущие вожди того сумасшедшего парада свободы, который он поневоле вдохновил своим неудачным побегом. Люди, которым сейчас предстояло коллегиально решить дальнейшую судьбу разгромившегося боссонского восстания.

До данного момента все решения преимущественно принимались единолично Трэйтом и Сабин, по привычке распоряжавшимися в школе и поместьях Брегорта без совещаний и консультаций. Однако волна освобождения должна была рано или поздно перевалить за границы подконтрольных им земель, а значит, управлять дальнейшим развитием событий им все равно пришлось бы совместно с лидерами других рабских сообществ.

И вот этот миг настал.

Гор с Брандом подошли к середине разговора. В центре кабинета, нервно меряя шагами расстояние от стены до стены, вышагивал Трэйт, упрекая товарищей в медлительности.

– Вы затягиваете дело, – говорил он. – Промедление – это смерть! Храмы Хепри не настолько тупы, чтобы позволить нам потратить на подготовку выступления целую неделю. Тем более что мероприятия по «раскойновке» приняли чрезвычайно открытый характер и как следствие – широчайшую огласку. Я считаю, что самое большее, на что мы можем рассчитывать, это один-два дня. Возможно, вообще часы. Не позднее, чем завтра нужно атаковать военный склад в Руции и попытаться захватить ближайший к нам храм! Снимать ошейники с оставшихся рабов можно и позднее.

– Вы слишком торопите события, Мишан, – возразил молодой, а от того излишне самоуверенный помощник Сабина, провилик Критий, которого Гор помнил по своим «рукопашным» поединкам с габеларами. – Лично я считаю, что мы не готовы. В Руции, по меньшей мере, три батальона вооруженных огнестрельным оружием солдат и офицеров – это как минимум две тысячи человек. Любой труд по военной тактике подскажет вам, Мишан, для того чтобы обеспечить успех подобной атаки, необходимо иметь по меньшей мере трехкратный перевес со стороны, атакующей с мечами и секирами. Иначе нас просто перестреляют.

– У нас также есть огнестрельное оружие, – подал свой голос старшина Крисс.

Голос его звучал вяло, а сам Крисс, очевидно, был несколько подавлен внезапным крутым поворотом судьбы. Еще бы, кому как не старшему габелару следовало заботиться о поддержании порядка среди рабов и подавить бунт в зародыше.

– Сколько? – усмехнулся Критий. – Сотня устаревших мушкетов? Не смешите мои колени, Крисс. Этого не хватит.

– Если этого не хватит для подавления батальонов в Руции и захвата арсенала, то тем

более этого не хватит для обороны школ и шато, – снова решительно заявил Трэйт. – В храмах не могли не заметить, с какой скоростью из их контрольных систем исчезают сигналы ошейников. Они должны понимать, что массовая гибель такого количества рабов, сопряженная с физическим уничтожением ошейников, просто невозможна. Если мы будем медлить, то дождемся прибытия в Руций королевских подкреплений или вообще – атаки освобожденных усадеб со стороны армии. Вы этого ждете, сударь?

С этими словами Трэйт в гнев поднялся с места и закончил уже почти рыча:

– Да, пока у нас нет огнестрельного оружия, мы не можем сражаться с регулярными войсками в поле на равных. Но если мы сейчас же с мечами против мушкетов не нападём, то оружия у нас никогда и не будет! Нужно немедленно брать Руций. Нужно брать арсеналы и вооружать освобожденных. А остальных, я повторяю, мы сможем освободить и после!

– После обнаружения бунта есть вероятность, что храмы Хепри просто взорвут ошейники на всех оставшихся рабах в Боссоне, – заметил вилик Ормского шато по имени Циллий Абант, самый старший из всех присутствующих. – Вы не думали о такой возможности, Мишан?

– Думали, – опередив дациона, ответил вилик Сабин, – однако сомневаюсь, что этот номер пройдет у храмов. В Северном Боссоне почти двадцать миллионов рабов, господа, – практически все население. Взорвать ошейники – значит превратить провинцию в пустыню. Но дело даже не в этом! Ведь каждый раб стоит денег, и у каждого есть хозяин, выложивший за него кругленькую сумму. Уничтожить собственность дворянства на сотни миллионов золотых солидов – слишком накладно даже для храмов, господа. Им проще нагнать солдат. А уж с солдатами-то мы разберемся, не так ли, мастер Трэйт? Нам нужно лишь оружие. Оружие, друзья! Наш дацион прав, с мечами против мушкетов не повоюешь. Нужно брать арсеналы!

– Тогда, может быть, вы поясните, как именно планируете это сделать? – спросил Циллий. – В нашем распоряжении в настоящее время только наличные силы дуэльных школ, плюс значительный контингент непрофессионалов – освобожденных работников и слуг. Всего консидориев, дайте прикинуть, в трех школах наберется не более полутора тысяч человек. Это даже меньше, чем солдат в Руции. По-моему, план просто невозможен!

Трэйт молча и уважительно прослушал Циллия, затем остановился и грозно оглядел присутствующих.

– Если напасть ночью, – сказал он, воздев палец, – внезапно, когда казармы спят, а мушкеты и пики стоят в своих гнездах, то огнестрельное оружие нам не понадобится. Мы просто перережем всех в постелях. Вы не можете себе представить, господа, на что способен подготовленный мечник в тяжелом вооружении в безоружной, плотной и поддавшейся панике толпе! Достаточно кинуть по десятку рубак на каждую казарму – и дело сделано! Снять часовых можно также без применения мушкетов – тихо, только кинжалы и мечи.

– По мне, так план реальный, – снова подал свой тихий голос Крисс.

– Если так говорит сам Трэйт, то так и есть, – пробасил Бранд.

– Согласен, – вставил Рихмендер. – Ночью консидории вполне справятся с мушкетерами.

– А может, и получится.

– Разумно.

– Вполне.

Услышав мнения, Циллий пожал плечами.

– Тогда давайте спросим бойцов, – сказал он и обратился к стоящим в дверях консидориям, каждого из которых он давно знал лично. – Что скажешь, Дакер? Сардан – твое мнение?

Дакер недобро ухмыльнулся. Сардан вынул меч на пару дюймов и с силой вбил его обратно в ножны.

– Если Трэйт сказал, мы – сделаем. Перережем всех, как щенков. Пусть только он будет с нами. Ты в деле, Мишан?

– Так куда ж я без вас, старые вы сволочи! – сказал тот почти любовно и, обратившись к остальным, серьезно добавил: – Если никто не возражает, я сам поведу штурмовой отряд на Руций.

Никто не возражал.

– Тогда решено. Готовимся и выступаем! – С этими словами Сабин посмотрел на Рихмендера и Циллия.

– Решено! – подтвердили они. – Решено!

Глава 36

Охота за оружием

Ночь удалась на славу. Она была дивной, мягкой как бархат, глубокой и тихой как вода в омуте...

Однако марш вооруженных колонн по ночной дороге – был совершенно иным.

Тысяча человек, облаченных в тяжелые доспехи для дуэльных поединков, с мечами в ножнах и секирами на плечах, быстрым шагом двигалась по тракту в направлении армейского лагеря в Руции. Бесшумного маневра не получилось – тысяча человек, даже приученных к жесткой дисциплине резиновой дубинкой дациона и пинком габелара, не была готова к организованным и быстрым военным перемещениям. Кадеты и консидории, великолепные бойцы, мастера дуэльных поединков, построенные в плотные колонны и вынужденные быстро передвигаться в темноте, лишь слегка прореженной тусклым светом спящего Медиаса Кордиса, быстро растеряли кураж. Они сыпали проклятиями, то не попадая в темп движения и сбивая шаг, то просто от неудобства бега по неровной грунтовой дороге с мечом, болтающимся на поясе и бьющим по бедру с выводящей из себя монотонностью.

То, что большинство бойцов догадалось облачиться только в кирасы, таща щиты, шлемы, налокотники и наколенники в качестве груза на спине, нисколько не облегчило задачу, поскольку общий вес тяжелого дуэльного доспеха превышал несколько десятков килограммов. Не так уж важно, несешь ли ты его на груди и голове или же в виде компактной связки за спиной!

Как бы там ни было, спустя пять часов после выхода из Левзеи колонна перевалила через последний холм и остановилась на окраине леса прямо у входа в долину, в центре которой на изгибе реки лежал укрепленный Руций – королевский лагерь-арсенал. Далее дорога, немного петляя, оставляла лесной массив и спускалась к речке. Там разветвлялась, упираясь одним концом прямо в крепость и разматывая другой конец длинной лентой к противоположному краю долины, и устремлялась дальше, теряясь в ночи...

Здесь встали.

Трэйт дал команду младшим дационам, и те разбежались по своим полусотням, чтобы готовить бойцов к атаке.

Еще накануне, до выступления на Руций было решено разделить весь отряд на две части.

Первую и наиболее боеспособную часть составляли консидории – опытные рубаки, которые должны были обеспечить внезапному нападению должный напор, гарантируя уничтожение максимального количества бойцов противника в первые же минуты боя.

Сейчас эти люди мрачно и сосредоточенно облачались в полный доспех, дополняя кирасу глухими или открытыми шлемами, шипастыми панцирными наколенниками и кольчужными накидками, надевая на кисти латные рукавицы, а на предплечьях закрепляя щиты. Поскольку латы были дуэльными и изготавливались индивидуально, то почти все бойцы оказались разряженными вразнобой – двух одинаковых доспехов было не сыскать.

Чуть большее единообразие наблюдалось среди второй партии – кадетов. В Школе они тренировались без индивидуального защитного вооружения, поскольку настоящие панцири и шлемы до окончания обучения для них никто не делал, так что сейчас на большинстве не было ничего, кроме простейшего тренировочного нагрудника, защищавшего лишь грудь и

правое плечо.

Отдельную категорию бойцов составили боссонцы Бранда – все как на подбор здоровенные детины с луками-юми почти в полтора раза выше человеческого роста. Переход был излишне долгим, рассвет стремительно приближался и времени на обходной маневр для распределения атакующих отрядов вдоль защитного периметра лагеря у Трэйта уже не оставалось. Да и не получилось бы так, подумал Гордиан, поскольку наспех собранное воинство старшего дациона действовало слишком несогласованно и совершенно не было приучено маневрировать на поле боя.

Нонсенс, но несмотря на великолепное качество почти каждого бойца в отдельности, как единое подразделение они представляли собой довольно несуразную картину. А проще говоря – стадо. Так что прими Трэйт неверное решение и отдай приказ на окружение лагеря, их, вероятно, рассекретили бы еще до того, как отряды повстанцев заняли места для атаки. В этом случае шансов выстоять против более многочисленного и более организованного в военном отношении и технически лучше вооруженного врага у сервов не было.

Оставалось направить атакующих на главные ворота крепости и попытаться влить в них максимальное количество бойцов до того, как солдаты гарнизона проснутся, схватят оружие и построятся в линию для отражения ночного налета мушкетным огнем. Поэтому не мудрствуя лукаво Трэйт бросил в эту точку полусотню лучших рубак во главе все с тем же Люксом Дакером, а затем, выждав условленное время, быстрым и по возможности бесшумным шагом послал туда же остальные колонны.

Дакер не подкачал. С парой бойцов он лично и совершенно бесшумно, несмотря на доспехи, просочился в крепость через невысокую стену, лихо порубал нескольких сонных часовых, весьма халатно охранявших главный вход в лагерь, и открыл ворота. Пять десятков отборных мечников тут же ворвались в Руций, чтобы обеспечить плацдарм. А за ними, топая закованными в железо сапогами и поневоле брякая на бегу тяжелым вооружением, к воротам устремились десять сотен вооруженных до зубов кадетов и консидориев – тысяча мечей!

Шум, поднятый Дакером при уничтожении часового наряда и открывании ворот, не мог не привлечь внимания других дозорных. Однако в пограничных гарнизонах служили не лучшие вояки, да и нападений на армейские склады Королевства не случалось уже более тридцати лет, минувших с последней колониальной войны. Так что отреагировали они на вполне однозначный лязг железа, глухие удары от падения тел и топот множества ног с тупостью забиваемого скота – то есть с искренним удивлением и слишком медленно.

Поэтому, когда в дальних казармах только-только поднимались по тревоге солдаты, нетвердыми спросонья руками нащупывая портки, в казармах ближних уже царила смерть. Трэйт нисколько не преувеличивал, когда описывал возможности хорошо подготовленных мечников в плотной толпе поддавшихся панике людей – на каждый барак с полусотней солдат и старшин хватило едва ли по десятку его воинов. Как ангелы смерти, пронеслись они сквозь заполненные мечущимися телами строения, оставляя за собой горы трупов и потоки крови.

«Умиротворение – так кажется говорил нам Сабин в Лавзее, – вспомнил Гордиан. – Эти люди стоят между вами и вашей свободой! И если сегодня не мы – то завтра они умоются нашей кровью. Так принесите им мир!»

И они приносили.

Гор ворвался в лагерь со второй волной нападавших в составе своей полусотни. Кем бы он ни был для дела восстания и как бы ни зависела от него дальнейшая судьба всего предприятия (ведь только он был способен снять ошейники с оставшихся в Северном Боссоне без малого двадцати миллионов рабов), сегодня это не имело значения! Ведь рядом с ним рубились сам Трэйт и старик Рихмендер и даже похожий на сморщенную от голода жабу таргитарий Вордрик, размахивая своей седой бородой и боевой секирой.

Сегодня действительно должно было решиться все! Если не удастся нынешняя атака, завтра в Лавзею, в Орму, в Кидону, да куда угодно, где бы они ни укрылись, придут солдаты. Для не имеющих мушкетов и пороха рабов это – смерть и конец всему.

Поэтому сегодня – рубка, как в последний раз. И Гор рубился, точнее – рубил.

От души и с оттягом. Вволю!

В каком-то странном бреде Гор отчетливо понимал – то, что он делает и чувствует, противоестественно и его природе, и его сознанию. Никогда ранее он не убивал с таким чувством внутреннего удовлетворения, никогда ранее он не бросался в сечу с таким яростным бездумным напором.

Одно дело – сражаться в тренировочном бою. Там царствуют гордыня, бравада, определенное количество расчета и острое, подчас захватывающее все существо желание победить, доказать самому себе, что ты – лучше. Так он сражался в клубе демиургов в почти забытом Ордалангамзаде в Тринадцатимирье.

Другое – драка за «приз». Это твой «шательен» выигрывает солиды. А твоя ставка в этом деле – жизнь! Каждый удар противника может оказаться последним. Адреналин перехлестывает через край, подсознательный страх борется с желанием жить. И только разум, перебарывая страх, загоняя его в самые дальние уголки сознания, заставляет тебя двигаться дальше, просчитывая финты врага, нападая и отражая атаки. Так он сражался в Бронвене, доказывая свое мастерство трупами поверженных претендентов!

Но сейчас – происходило совершенно иное.

Нет страха, нет боли, нет воли к победе, нет мастерства, нет гордости и нет мыслей. – только ненависть. Ярость! В этот момент ни он, ни окружавшие его товарищи действительно не боялись ничего! Ни пули в лицо, ни лезвия в сердце – ничто не способно было остановить их в этом вихре бешенства и стали! И лишь невыносимое наслаждение, захватывающее каждый раз, когда клинок погружался в тело очередного противника, оставалось единственным чувством, заставлявшим трепетать естество и захваченный кровавым танцем рассудок.

То было подлинное безумие!

Мясорубка между тем продлилась недолго. Менее чем за полчаса короткий ряд казарм и административных построек, составлявших центр укрепленного лагеря, оказался «прочесан». Нескольким отрядам кадетов, выставленных в арьергард атакующей волны, осталось лишь еще раз все проверить, добывая раненых, собирая пленных и вычищая из осиротевших зданий все, что могло оказаться ценным и нужным.

Однако самое трудное, как оказалось, ждало впереди.

Оружейные склады, раскинувшиеся на площади, по крайней мере втрое большей, нежели площадь административной и казарменной застройки, оставались не занятыми, и караульные, охранявшие эту территорию, встретили сервов в полной боеготовности. Во всеоружии как в прямом, так и в переносном смысле.

Оглушительный *мушкетный залп* скосил первую группу нападавших, вбежавших в складскую зону. Оставшихся в живых после этого выкосили выстрелы из пистолей. Нападавших не спасли ни доспехи, ни щиты, ни глухие шлемы.

Второй залп, последовавший почти сразу, положил почти два десятка консидориев, поспешивших на подмогу первому отряду. По всей видимости, у оборонявшихся было приготовлено по несколько заряженных мушкетов на каждого стрелка для отражения атаки. Трэйт понял это и, не желая лишнего кровопролития, приказал прекратить наскоки, отойти на безопасное расстояние и обложить склады со стороны казарм. К этому времени Гордиан со своей полусотней подоспел к месту обстрела. Там уже стоял Бранд с лучниками, а также мрачный хищноглазый Карум с десятком меченосцев. Дакер валялся где-то перед складами, подстреленный пулей из пистолета. Возможно, что живой.

– Вот черти, – прорычал Бранд Гордиану, когда заметил, – Дакера подстрелили, представляешь? Полез на склады спасать передовой отряд и сам схлопотал. Что делать – ума не приложу?!

– По мне, так нужно было продолжать атаку. Там от силы человек тридцать, – заявил стоявший рядом Карум, нервно теребя правой рукой кончик своей козлиной бороды. Небольшой щит и узкий ятаган он держал левой, опираясь кончиком оружия на защищенный

металлом носок латной калиги. – На той скорости, с которой мы прошли весь лагерь, мы бы смяли этих уродов и уже пересчитывали бы армейское добро на складах.

Услышав их перебранку, подошел Трэйт.

Примечательно, отметил для себя Гордиан, что все присутствующие стояли и передвигались совершенно прямо, не таясь на открыто просматриваемом защитниками складов месте. И хотя дистанция была приличной, шальная пуля на излете вполне могла достать до места их разговора. Оборонявшиеся солдаты, напротив, либо залегли за невысоким бруствером, ограждающем склады, либо попрятались за углами зданий. Так сказывалась привычка к огневому бою. У оборонявшихся королевских *желторотых рекрутов* она имелась, а у великолепных, закаленных в индивидуальных боях и тренировках консидориев отсутствовала напрочь. Осознавать сей факт было неприятно.

– Много говоришь, боец, – пробасил Трэйт, обращаясь прежде всего к Каруму, – Если бы атака продолжалась, мы бы сейчас пересчитывали не добро в арсеналах, а трупы бойцов, включая и твой. Ты ведь шел за Дакером? Вот с ним бы и слег. Отставить треп!

Карум хмуро пожал плечами и отошел к своему десятку – было видно, что он сильно зол. Раньше такое поведение в присутствии Трэйта – полномочного руководителя Дуэльной школы, приближенного серва лорда Брегорта, вряд ли сошло бы ему с рук – за дерзость к старшему полагалась серьезная порка, однако сейчас все были вроде как равны и различались постольку, поскольку это являлось необходимым для общего дела, а также по привычке.

Однако Гор уже стал замечать, что и на Трэйта и Сабина, да и на прочих начальников, особенно Крисса, со вчерашнего дня многие смотрят без лишнего трепета, который их личности вызывали совсем недавно.

Между тем Трэйт продолжил говорить, почему-то объясняя диспозицию скорее Гордиану, нежели Бранду или его стрелкам.

– Сейчас подтянется Крисс с захваченными мушкетами, и мы заговорим с ними на равных, сынок. Кроме того, я послал Сато в обход лагеря, он зайдет к ним в тыл со стороны реки. Забор там аховый, а все их люди здесь, на позиции. Так что Сато ударит им в спину. А если попробуют перебросить кого-то отсюда туда, то Бранд их положит стрелами – благо боссонский лук бьет на дальность не меньшую, чем мушкет.

– Но если боссонский лук так хорош, зачем вообще мушкеты? Давайте расстреляем их так. И зачем тогда было брать эти склады? Настрогать стрел и дело с концом!

– Говоришь глупость, – возразил Трэйт. – Лук-юми, конечно, хорош, однако, чтобы управляться с ним, нужно иметь рост и руки как у Бранда. А вот ты, например, почти в полтора раза меньше. Ты даже не растянешь тетиву, не говоря уже о стрельбе. Кроме того, даже если набрать толпу великанов размером с эту оглоблю, – он ткнул пальцем в боссонца, – то чтобы научить их стрелять *хорошо*, придется угробить не один месяц. С мушкетом же каждый сосунок, даже не из кадетов, а просто раб с кухни или с огорода научится валить таких великанов менее чем за пару дней – достаточно просто показать, как брать цель, и пристреляться. Кроме того, мушкет стреляет из-за укрытия, с насыпи, со стены, с колена и даже лежа. А из лука – только стоя прямо, если хочешь добиться хорошего качества стрельбы. Соответственно и мишень из лучника куда интересней. В общем, ты сказал – не подумал. Так что тоже – отставить треп и идти отдыхать. Ты, кстати, в атаку на арсенал уже не идешь, останешься при Бранде. Руций в любом случае наш, так что незачем рисковать. Это все!

Крисс подъехал спустя двадцать минут. По предварительной договоренности о нападении на Руций было решено, что габелары с их мушкетами в штурме участвовать не будут, поскольку нападение изначально планировалось в тишине, а значит – без обстрела. Крисс должен был отстать от основной колонны и подойти спустя полчаса, чтобы либо прикрыть огнем отход сервов в случае неудачи, либо, напротив, выбить оставшихся защитников из мест упорной обороны в случае победы. На счастье, пригодилось именно последнее.

К этому времени оборонявшиеся, присмотревшись к великолепным ходячим мишеням, которые являли собой рослые и широкоплечие лучники Бранда, начали постреливать в сторону трэйтовских позиций. Стрельба велась, впрочем, без особого результата, однако она заставила наконец залечь большинство из готовившихся к атаке сервов, до которых суровая мысль о необходимости падать на землю при обстреле дошла только с парой трупов товарищей, растянувшихся на земле.

С приходом Крисса дело разрешилось. Набрав в казармах по два-три трофейных мушкета на каждого стрелка из своей сотни, Крисс легко подавил у оборонявшихся всякое желание огрызаться огнем и позволил головорезам Карума почти без потерь подобраться к брустверу.

В это же время с тыла по сигналу Трэйта позицию врага атаковал Сардан Сато, что окончательно решило исход боя. Выйдя на расстояние рукопашной, опытные поединщики мечами выкосили немногочисленных защитников всего за несколько секунд – впрочем, иных раскладов тут и не было.

Три десятка свежих трупов украсили площадку перед складами.

Руций был взят, и его новые хозяева встречали утро зычным громом мушкетного салюта.

Глава 37

Гордиан Рэкс, Тринадцатый пророк

Вслед за взятием Руция пламя восстания расплозлось по огромному Боссонскому краю, гигантской северной марке планетарного Королевства как бушующий, страшный лесной пожар, сминая человеческие жизни тех немногих свободных, что оказались на свою беду в собственных несчастных усадьбах в это непредсказуемое и кровавое время. Огонь вселенского бунта пожирал поместья и всасывал в свой набирающий обороты смерч все новых и новых обращенных!

Всего за шесть дней, пролетевших с момента, когда на складах королевского арсенала отгремел последний мушкетный залп, количество восставших увеличилось более чем в двадцать раз. Штаб восстания и его центр были оперативно перенесены из Дуэльной школы Лавзеи в укрепленный стенами руцийский лагерь, и теперь сотни и даже тысячи сервов неиссякаемым потоком шли сюда со всех провинций огромной Боссонской земли.

Ситуацию с пополнением рядов восставших значительно облегчал тот факт, что в подавляющем большинстве рабских учреждений и усадеб свободных людей не было и даже охрану сервов составляли такие же бесправные люди с ошейниками.

Многие шато и школы снимались с мест целиком, отправляясь к Руцию в полном составе, почти все – организовано и под предводительством собственных виликов или старшин, с подготовленным продовольствием и одеждой.

Гордиан Рэкс работал без усталости, и его новые способности росли вместе с потоком прибывавших. Старую норму в сто и даже двести человек он давно оставил. На огромном плацу перед казарменной зоной руцийского лагеря Трэйт и Сабин собирали уже *тысячи* будущих бойцов – столько, сколько позволяла вместить площадь. Раньше Гору приходилось выходить каждый час и даже чаще, сейчас – два-три раза в день, когда собиралось максимально возможное по ситуации число рабов.

Габелары заранее подбирали для «новеньких» оружие и амуницию, а дационы во главе с Трэйтом составляли списки прибывших и разбивали их на отряды, назначали отрядам командиров. После этого Гор выходил к прибывшим, поднимался на импровизированную трибуну, которую часто заменяла перевернутая арба, и «сжигал» ошейники. Койны раскрывались и падали наземь. То была настоящая фабрика по освобождению!

Что ни говори, но мир Боссона был достаточно примитивным по сравнению со вселенными Корпорации, и религиозный дух, живший почти в каждом из его обитателей тлел негаснущей искрой. Поэтому, когда сотни и тысячи рабов, взирая на Гордиана,

чувствовали, как койны лишаются жестокой и убийственной силы, принуждавшей их много лет безоговорочно подчиняться своим хозяевам, их глаза наполнялись счастьем, восторгом и немислимой верой!

И неожиданным сосредоточием этой жгучей смеси человеческой надежды, наркотической эйфории от обретенной свободы и фанатичной благодарности, оказался он, Гордиан Рэкс, Ракир-Жало, простой поединщик и по совместительству – новый всенародный боссонский пророк.

Тринадцатый пророк, вашу мать!

Когда Гор впервые, идя по казарменным переулкам Руция, стал свидетелем религиозного поклонения собственной убогой персоне, он был поражен и долго пытался убедить рухнувших на колени сервов, что он – не новый Апостол, явившийся освобождать сервов от власти демонизированных господ. Он пытался объяснить заблуждавшимся сущность талантов *Тшеди* и особенности своих пси-способностей. Люди слушали внимательно, однако все, что они поняли, не приводило к осознанию научной концепции экстрасенсорики, а только усиливало их веру.

Затем такое повторилось еще раз, затем еще. В конце концов Бранд предложил не тратить время на увещание неувеждаемых, а просто воспринимать это как часть необходимой работы. Вскоре, однако, он лично притащил Гордиану длинную алую хламиду с просторными рукавами и капюшоном, из тех, что носили высшие церковные иерархи, и снятую с какого-то «батюшки», не успевшего вовремя спрятаться от пожара восстания в храме Хепри.

Бранд предложил для большего эффекта выходить на «раскойновку» в этом одеянии. Трэйт одобрил предложение, указав, что кроме оружия бывшим рабам на войне неплохо бы иметь и веру.

– Но пророки должны наставлять и учить, – возражал Гордиан. – Они должны учить мудрости и сыпать притчами. Я – не таков. Какой мудрости я могу научить этих людей? Как прокалывать рапирой солнечное сплетение и удачнее разорвать саблей бицепс?

– Пророки должны творить чудеса, сынок, – возражал Трэйт. – Воскрешать, ходить по воде, поднимать безногих, а не рассказывать притчи. Притчи расскажет им и Сабин. В некотором смысле, ты – идеальный мессия. Спроси у любого из них, – и он мотнул подбородком в сторону собиравшихся на плацу новоприбывших сервов, – многим ли для *раба* отличается снятие ошейника от воскрешения из мертвых? Да почти ничем! Ты – наш святой, сынок, новый Апостол, Тринадцатый пророк. И хотя я чужд эшвенской догматической религии, иногда даже я сам задумываюсь, не послан ли ты нам в качестве избавителя самим Божеством? Так что иди к ним, сынок. Тебя ждет твоя паства!

И он шел. И тысячи рабов падали пред ним на колени, чтобы спустя минуту встать уже свободными!

Иногда Гору начинало казаться, что святость – не просто слова и его прежний уровень *Тшеди* практически восстановлен. И он не слышит передвижения электронов в логических цепях интеллектуальных машин только вследствие отсутствия таковых в этом заброшенном мире. Однако, немного собравшись, он понимал, что это не так. Он уже чувствовал слабую пульсацию искусственного разума внутри храмов, раскинувшихся по Боссонской провинции, однако не мог сделать его шепот четче и ближе. Как раньше пока еще он не мог проникнуть сквозь стены храмов и толщу разделявшего их пространства.

И все же прогресс присутствовал налицо – Гор работал с тысячью не сложных компьютерных устройств и мог контролировать их одновременно. Пусть ошейники являлись простейшими из «думающих» механизмов, но все же они были таковыми! А это значило, что рано или поздно Гордиан станет *Тшеди* – «сверхчеловеком», как и раньше.

Не раз и не два у Гордиана Рэкса возникал сильный соблазн каким-то образом использовать внезапно обрушившуюся на него популярность и попробовать пробиться в единственные лидеры восстания. Учитывая массовое поклонение его персоне со стороны рядовых сервов, подобный план действий не представлялся совершенно фантастическим.

Конечно, он не являлся виликом или дационом, но при надлежащей аккуратности, размышлял Гор, вполне смог бы потеснить и Трэйта и Сабина. Однако по здравому размышлению падший демиург решительно отказался от подобных претензий. Взваливать на себя ответственность за рабский бунт в Боссоне, сугубо местечковый в масштабах необъятного Искусственного Мироздания, показалось ему глупостью со всех точек зрения. Прежде всего, вероятность победы плохо организованной рабской массы над Эшвенским Королевством – мощнейшим из местных государств – представлялась Гору крайне мало вероятной. И хотя шансы на победу рабов, ввиду их подавляющей численности, существовали, Гордиан был не склонен их переоценивать. Из опыта политической истории Гор отлично знал: при надлежащей организации государственная машина всегда одержит верх над бунтовщиками.

Но дело, собственно, заключалось даже не в этом. Лидерство в восстании предполагало не просто приверженность делу сервов. Оно предполагало тотальное погружение в местные проблемы, политику, экономику, военную стратегию и миллион прочих сфер деятельности, которыми необходимо будет заниматься в процессе схватки с рабовладельцами. И хотя Гор искренне сочувствовал сервам, полностью разделял их убеждения, уделить бунту *все свое время* он был просто не в состоянии.

Гор знал: чем бы ни закончилось боссонское восстание, влияния на большое противостояние в Корпорации оно вряд ли окажет. И значит, как бы ни сложилась судьба сервов Боссона – она не станет его судьбой. По крайней мере, он постарается, чтобы не стала. Перед падшим демиургом и владельцем частной Вселенной стояла иная, вполне конкретная и внятная задача: определить причины провальной реинкарнации, найти виновных и, главное, вернуться домой. Вернуться домой – вот в чем был смысл!

Заглядывая внутрь себя, Гор мог бы поклясться любыми клятвами, что готов сражаться с сервами до конца, как и любой из них – даже до собственной смерти. Однако основные усилия трехсотлетнего разума будут работать не только на победу сервов – но и на собственное выживание! В принципе, думал Гор, его популярность как одного из столпов восстания играет ему только на руку. Как один из вождей он станет более свободен в передвижении, более независим в действиях, возможно, чуть позже даже сможет сформировать собственный отряд телохранителей или солдат, преданных и способных помочь в осуществлении личных целей. Нужно собирать сведения и набирать силу. Подобраться к храмовникам, а уж там... Гор помотал головой – об этом было еще рано говорить...

Между тем события развивались. После взятия Руция в распоряжении Трэйта, Сабина, Циллия и других мятежных виликов оказалось свыше двенадцати тысяч мушкетов, не менее пяти десятков полевых орудий и огромное количество боезапаса. Вооружив своих консидориев и почти всех кадетов оружием огнестрельного боя, Трэйт без лишних раздумий прошелся по западным и северным пограничным районам Боссона, неистовым пламенем очищая провинцию от королевских гарнизонов, обдирая армейские склады и усадьбы шательенов.

К первым числам месяца Пахон в руках восставших оказался уже практически весь Верхний Боссон. В руках королевских сенешалей остался жалкий клочок – самый юг домена с административным центром в Бронвене в качестве приза для «призовой» повстанческой армии.

Сначала Трэйт обходил крупные населенные пункты провинции стороной, концентрируя свое внимание только на армейских лагерях и богатых усадьбах. Однако вскоре селения Боссона стали сами падать ему в руки, что в общем не было удивительно. Почти на сто процентов их население состояло из сервов, и вилики торговых домов и ремесленных цехов с радостью приносили Трэйту ключи от своих посадок, прося взамен одного – снять ошейники!

В числе таких пунктов оказался и памятный Гору Кербуль. В Кербуле Трэйт взял новый арсенал с почти тридцатью тысячами мушкетов и с годовым запасом пороха к ним.

Здесь же восставшие обнаружили значительное количество чугунных ядер к полевым кулевринам, взятым в Руции, и еще почти сотню самих орудий. В изобилии имелось и обмундирование для королевских солдат и офицеров, а также шанцевый инструмент, инженерные принадлежности, солдатские кошкодеры и офицерские сабли, фляжки и ранцы и множество других полезных предметов многотысячной номенклатуры, созданной человеческим старанием для нужд армии и запасенной генералами Бориноса на грядущие войны.

Учитывая полную невозможность переноса такого количества боевых припасов в Руции, да и отсутствие необходимости такого переноса, лидеры восстания, не долго думая, перенесли в Кербуль саму базу восставших и ее штаб, оставив в Руции незначительный вооруженный гарнизон, призванный сохранить остававшиеся там запасы и держать под контролем прилегающие к Руцию аллоды, включая, разумеется, и земли Лавзейского шато.

Во время переезда, занявшего без малого четыре дня, Гор в последний раз побывал в здании Дуэльной школы. Каким-то внутренним чувством он понимал, что проходит ее длинными коридорами в последний раз и никогда более сюда не вернется.

Да, без малого на полгода Лавзея стала его «домом», его «родиной», однако слишком сильных сожалений по поводу расставания Гордиан не испытывал. Конечно, он не забудет Лавзею никогда, но и ностальгировать по поводу «рабского» прошлого не станет.

Теперь его дом – весь Боссон. Территория для войны!

Когда-то Боссон был самой северной и действительно приграничной, а не соседней с ближайшей покоренной колонией, провинцией Единого Короля. В те давние времена он славился своими дикими, гордыми обитателями и бесконечными лесами, протянувшимися от пограничных гор до самой границы с Артошской маркой. Боссон всегда поставлял старым артошским правителям лучшую дичь, лучших лучников и необычайно стойкую легкую пехоту.

С освоением огнестрельного оружия боссонский лук-юми, разумеется, потерял свою славу, однако дух древних защитников марки сохранился. Казалось, после взятия Руция, он витал в воздухе, наполняя сердца десятилетиями унижаемых боссонских сервов чувством достоинства и гордости.

Получив в руки более эффективное оружие и место в строю, люди преображались. Трэйт, по всей видимости, имевший в прошлой жизни определенный военный опыт, разбивал людей на подразделения по образцу регулярной эшвенской армии. Вместо десятков он ввел взводы, вместо полусотен и сотен – роты, а вместо тысяч – полки. Дационов и барристов сменили лейтенанты и капитаны. Сам же Трэйт все чаще именовал себя полковником, хотя, учитывая количество находившихся в его подчинении войск, его скорее следовало называть генерал-полковником, согласно королевской табели о рангах.

На самом деле собственно полковников имелось уже три: решением Совета виликов ими стали Трэйт, Рихмендер и старый лавзейский таргитарий Вордрик Аймен – преимущественно за старость (и сопутствующее ей уважение), ворчливость (и сопутствующую ей дотошность), а также участие в незапамятные времена в колониальных войнах в качестве габелара (а значит, и за наличие какого-никакого, но все же военного опыта).

Старшим из них однозначно признавался Мишан Трэйт.

Костяк первых двух полков составляли консидории и кадеты двух соответствующих школ. У Трэйта – его родной Лавзейской, а у Рихмендера – не менее родной для него Дуэльной школы леди Шамир, расположенной в Кидоне. Соответственно и полки назывались пехотный Лавзейский и пехотный Кидонский. Костяк из консидориев и кадетов, заместивших преимущественно должности ротных и полковых офицеров, обрастал плотью из пришлых освобожденных сервов. Тяжелый доспех и обитые железом грозные щиты заменялись на мушкеты и пики, а мечи и секиры бывалых ратоборцев – на офицерские шпаги и смертоносные пистолы.

Третий полк сформировали в Орме, где имелись наиболее серьезные кузнечные

мастерские и ремонтная база. Появился он значительно позже двух первых полков и комплектовался преимущественно сервами, не имеющими к дуэльному ремеслу никакого отношения. Хотя часть его офицеров также набрали из дационов Трэйта и Рихмендера, штаб полка и его старшие руководители были набраны Вордриком из технарей – таргитариев и ремесленных мастеров.

Составленному таким образом Ормскому артиллерийскому полку были переданы все наличные полевые кулеврины и незначительное количество взятых в пограничных крепостцах старых осадных орудий – *картаун*. К нему же приписали и примкнувших к бунту габеларов, призванных выполнять функции боевого охранения на марше, маневре и в поле во время будущих сражений.

В том, что сражения будут, никто не сомневался, так что и готовились к ним надлежаще. С самого утра бывшие дационы, а ныне ротные лейтенанты и капитаны гоняли своих подопечных по плацу, вбивая в головы азы строевых эволюций и навыки пользования пикой в узкой шеренге. С утра до вечера над Кербулем гремели выстрелы – так новоиспеченные солдаты будущей Армии Свободы обучались огневому бою.

Почти никто из «офицеров», которые гоняли по плацу или муштровали на стрельбище своих солдат, никогда ранее в армии не служил, пикой не колол, из мушкета не палил и о строевых маневрах имел лишь самое смутное представление. Однако в повстанцах недостаток знания лихвой компенсировался энтузиазмом и старанием, а также дисциплиной. Десятилетиями привыкшие безоговорочно повиноваться своим виликам, сервы по-прежнему рьяно выполняли распоряжения лейтенантов и капитанов, назначенных Советом из тех же виликов.

Серия армейских назначений, кстати, не миновала и освященную «раскойновками» фигуру Гордиана Рэкса – причем совершенно по инерции, без каких-либо усилий с его стороны. Гор получил лейтенанта, офицерскую шпагу, мундир, треуголку, золоченые нашивки и нашейную бляху с надписью «Предан короне!».

Бляху предполагалось отпороть, однако за ее исключением, форма офицера бунтовщиков ничем не отличалась от формы королевского лейтенанта, так же как форма рядового Ормского, Лавзейского и Кидонского полков ничем не отличалась соответственно от формы артиллеристов или пехотинцев королевской армии – ведь форма эта поступала с королевских складов. Ходить же по полям сражений разномастной толпой без знаков отличия и мундира было неправильно. Поэтому Трэйт долго не думал и велел всем повстанцам повязывать на рукав темно-синий бант, а вокруг кивера – темно-синюю ленту. Темно-синий являлся цветом Ратана – древнего боссонского духа свободы, олицетворявшего силу рек и воды.

Кроме Фехтовальщика подобную форму с нашивками получили практически все поединщики Лавзеи – Люкс Дакер и Сардан Сато, Карум и поправившийся после ранений Бранд. Из ратоборцев, ходивших с ним на «призовые» бои в Бронвене, офицерскую шпагу не получил только Римо, да и то лишь потому, что явно не годился в командиры в силу умственной отсталости и переизбытка физической силы. Тем не менее Римо был оставлен в войске и причислен в качестве постоянного телохранителя к самому Сабину.

Каждый из новоиспеченных лейтенантов получил по роте в двести человек, что, безусловно, служило показателем доверия, которое испытывал к ним Трэйт, поскольку в школе и в руцийском деле каждый командовал не более чем полусотней.

Сардана и Дакера отправили с десятком других консидориев в пехоту. Карума – в артиллерию к Вордрику, Бранд же вместе с Римо и Гордианом остался при Совете, возглавив особое подразделение, состоящее исключительно из лучников. Это подразделение было создано по отдельному решению Трэйта. Боссонцам, собранным под рукой Бранда, оставили тяжелые доспехи и щиты, а также их огромные боссонские луки. Вместо офицерских шпаг и пехотных пик они сохранили тяжелые мечи, булавы и секиры, набранные в Лавзее перед атакой на Руций.

Гор назвал их про себя средневековым «железным спецназом», поскольку, по мысли

Трэйта, они предназначались для коротких ночных рейдов и иных специальных операций. Впрочем, по паре пистолей на каждого с соответствующим количеством свинцовых пуль и пороха боссонцам выдали – на случай обычного боя.

Лично Гордиан Рэкс не был приписан ни к одному из подразделений и своей собственной роты также не получил. Очевидно – в силу выполняемых им специфических обязанностей «раскойновщика» и «пророка». Единственными его подчиненными оказались все тот же Никий, выполнявший теперь при нем функции не только слуги и товарища, но секретаря и адъютанта, а также выделенный специально для выполнения этой функции его старый знакомый Рашим, ставший для Гора кем-то вроде постоянного телохранителя и носильщика чемоданов.

За месяц без малого, прошедший со взятия Кербуля, освобождено было свыше ста тысяч годных к военной службе мужчин и почти в четыре раза больше женщин, детей и негодных по возрасту стариков.

Однако численность трех полков по штатной росписи составляла не более тридцати тысяч человек¹. В каждом полку имелось от восьми до двенадцати тысяч солдат и офицеров. Впрочем, роты продолжали пополняться, и вскоре Трэйт планировал разделять полки по крайней мере на два-три каждый и не решался сделать это прямо сейчас лишь постольку, поскольку не хватало командиров для таких крупных подразделений.

И все равно большинство освобожденных уходило, не вливаясь в армию. Несмотря на увещевания Сабина и Циллия, несмотря на священный ореол, окружавший Гора, никто не мог удержать массы сервов в Руции и Кербуле.

Уходили прежде всего иноплеменники, им никто и не думал препятствовать. Уходили те, кому было куда идти, кто имел друзей или семьи в других краях Королевства – на этих Трэйт также не делал ставку.

Однако уходили и клоны. Им некуда было бежать, но, получив свободу, они хотели сохранить и жизнь, и уходили на север, за перевалы, к варварам и морю, на юг и на запад – в Хайран, Тысячеградье и даже через горы на восток, где их ждали безлюдные просторы пустынь или рукотворные джунгли городов.

Таких Трэйт хотел удержать, но не мог: либо ты предлагаешь полную Свободу, либо не предлагаешь ничего. Возмездие же со стороны королевских войск и храмов близилось, и люди уходили.

Близость скорого крупного военного столкновения понимали все, кто оставался в Боссоне. Первые вестники – торговые сервы из Риона и Бронвены – уже сообщали, что сенешаль и префект Боссонской столицы собирают регулярные полки и габеларов для наказания мятежных «шато». Это означало одно: нужно ускорять формирование армии и по возможности нанести превентивный удар королевскому сенешалю. О войне с самим королем речь пока не велась, однако в рядах повстанческих полков долгими вечерами у лагерных костров вместе со счастливыми от опьянения свободой песнями и неспешными тревожными беседами готовящихся к смертному бою мужчин все чаще раздавались призывы – как мысль, не способная удержаться в одной только голове и вырывавшаяся со словами:

– На Бургос! На Рион!

Эрзац эпилога

Палаты Бессмертия. Провинция Эльбиника. Центральный храм

¹ 8–12 тысяч человек – по численности полк Армии Свободы формировался, имея в качестве образца Королевскую армию Эшвена (см. Приложения). Впоследствии состав и штатная численность полка изменились в связи с реформами, предпринятыми после Боссонской кампании.

Демон открыл глаза.

– Приветствую вас, сударь, – произнес кто-то сверху. – Поздравляю! Вы только что прошли процедуру Хеб-седа после скоропостижной и насильственной смерти. Физические показатели нового тела в норме. Так, давление... пульс... мышечные реакции... М-м... Отлично! Если позволите, приступим к стандартному тесту на память и восприятие. Вопрос номер один. Вы помните свое имя, сударь?

В первый раз со своей последней смерти Демон разлепил свои губы. Новые губы! Новый язык впервые после «изготовления» коснулся нового нёба. Зубы клона разжались.

– Лорд Хавьер Арес Садият Кари Фор-Фатар, – немного картавя, произнес он. – Герцог де Катрюшен. Полковник Гвардии, коннетабль.

– Чудесно! – голос наполнился искренним восторгом. – Теперь назовите дату своего рождения, место постоянного проживания и адрес вашего Управляющего или же иного лица, к которому следует обратиться для оплаты произведенных нами услуг. В вашей анкете упоминаются провилик Гартаг, поместье Лирра, округ Бургос и Литавра, Артошской марки. И если вы не возражаете, то мы...

Напрягая новые мышцы новых рук и нового пресса, лорд Хавьер медленно приподнялся.

– О нет, нет! – возопил голос, предостерегая. – Еще слишком рано. Первичный период адаптации занимает как минимум час. Полежите еще немного, сударь, и мы...

Голос принадлежал невысокому храмовому служке в просторном белом халате и таких же чистеньких белых перчатках. В таких делают операции на сердце, спасая человеческие жизни. И в таких же работают хорошие палачи, вырезая печенку по кусочкам. Хавьер протянул руку и схватил служку пальцами *за кадык*.

Служка сдавленно захрипел.

– Период адаптации закончен, милейший, – произнес Хавьер гробовым голосом, немного заплетаясь (язык слушался еще плохо). – Мне нужен меч, одежда и портал в Бургос. И еще, серв... ведь ты раб, верно, хоть и церковный? И еще мне нужен один человек...

– Ка... какой человек, сударь? – бедный храмовник уже начал кривляться от боли. – Сударь, какой человек?

– Фех-то-валь-щик, – произнесли по слогам.

– О, сударь. О! – заверещал храмовник. – Это сложно, но мы отыщем негодяя, не сомневайтесь. Как больно! Агх...

Опираясь на вывернутую от боли шею несчастного, Хавьер аккуратно сполз с кровати, на которой лежал, и посмотрел в висящее напротив зеркало. С отражающего полотна на него взирал высокий мощный мужчина. Атлетический торс. Породистое лицо. Все как всегда. Помнится в своем первом теле, лет эдак триста назад, он выглядел более прозаически – был русым, круглолицым и склонным несколько даже к полноте.

Хеб-сед – великая вещь!

Он выпустил кадык несчастного, и тот рухнул на пол, сраженный болью и унижением.

Хавьер осмотрел новое обнаженное тело, похлопал почему-то себя по ягодицам. Затем снова вспомнил о прислужнике.

– Ты не расслышал, братец? – почти ласково спросил он. – Мне нужны новая одежда, оружие и портал в Бургос. Я – лорд Хавьер. Бегом, тварь!!!

Палаты Бессмертия. Мироздание Корпорации. Кластер Тринадцатимирье. Одна минута после смерти Бога

Вечно юный Господь коснулся края клонической колбы. Тонкая рука в латексной перчатке мягким, почти незаметным касанием скользнула по бронированному стеклу.

– Мне кажется Гордиан мертв, – произнес наконец Эс. Си. Рукс, обращаясь к владельцу латекса и перчаток. Демиург Гор возлежал прямо напротив него, рядом с телом выбранного для реинкарнации клона. Совершенно неподвижно оба громоздились на медицинских

столах, накрытые легкой тканью, и компьютер Хеб-седа тихо попискивал, мигая бесполезными огоньками. Сканирующие датчики аппарата рисовали забавные графики – длинные линии энцефалограмм, которые вместо прыгающих под кончиком самописца парабол и синусоид тянулись ровными линиями в бесконечность. «Электрическая активность равна нулю», – вещали буквы под графиками. Мозги Гора и клона были пусты, как могильные черепа...

Верховный Архонт Ареопага Нуля, хапи Пит Тициан Аякс очень коротко стрельнул в Эс. Си. Рукса глазами. В зрачках древнейшего из существ отражалось пламя – это свет двух солнц Тринадцатимирья яркими всполохами плясал по полированным поверхностям трех дивных планет-колец. Пронзая защитный экран Палаты Бессмертия, лучи двух светил, отражаясь от их сияющих граней, перекрещивались между собой и сплетались в теплую ткань, будто бы сотканную из тонких и призрачных нитей. А за защитным экраном распускался цветок космического затмения. Одна из звезд, играя алым и золотым, величественно выплывала из-за края ближайшей планеты...

– «Аз есмь Альфа и Омега», – задумчиво процитировал Аякс, не прекращая плавного скольжения перчатки по стеклянной дуге, – Гордиан жив, мистер Рукс, и теперь наш контракт с ним заключен... Континиум Корпорации и Твердый Космос управляются древними машинами, созданными Учредителем на самой заре Истории. Их мощь – безгранична, а сила – неопишима. Каждый атом каждой молекулы, каждый квант энергии в нашем Искусственном Мироздании подчиняется этим загадочным механизмам. И сейчас, когда Бог Смерти мертв, только тайна машинных кодов отделяет нас с вами от всемогущества!

– Вы полагаете, у Гора достаточно сил, чтобы отыскать коды Аннубиса? – Рукс удивленно приподнял бровь.

– Полагаю, теперь у него недостаточно сил чтобы отказаться!

С этими словами вечно юный Архонт рассмеялся и махнул рукой агнатам сопровождения, показывая на выход. Через минуту осиротевшая палата реинкарнации опустела, и в ее темном зеве упокоились только два мертвых тела, а также печальный наблюдатель над ними.

Оставшись в одиночестве, мистер Рукс задумчиво посмотрел на часы. Скорость времени в двух искусственных континиумах – Твердом Космосе и Мироздании Корпорации отличалась ровно в триста шестьдесят раз, об этом Рукс знал. Отсчет времени начался примерно минуту назад.

Отпущенный Гору срок стремительно истекал...

Продолжение следует!

Приложения

Приложение 1

Штатная численность подразделений Эшвенской Королевской армии

ПЕХОТА

Деление пехоты является классическим для описываемого периода эшвенского военного искусства. Структура королевской армии, численность и устройство ее подразделений складывались веками в соответствии с применяемой эшвенами бригадной (терционной) тактикой ведения боя. В соответствии с этой тактикой пехота строится на поле большими квадратными колоннами в шахматном порядке и состоит из следующих видов подразделений.

Тяжелая пехота (пикинеры и алебардщики):

1. Полк, или регимент. Включает 10 800 человек и состоит из трех пикинерских бригад (терций).
2. Пикинерская бригада, или терция. Включает 3600 человек и состоит из 12 рот.
3. Рота. Включает 300 человек и состоит из десяти капральств по 30 человек в каждом.

Построение пикинерской бригады на поле – квадрат со стороной 60 человек.

Легкая пехота (мушкетеры):

1. Полк (регимент). Включает 12 960 человек, состоит из трех мушкетерских бригад
2. Мушкетерская бригада. Включает 4320 человек, состоит из 12 мушкетерских рот (фирфинлейнов).
3. Мушкетерская рота (фирфинлейн). Включает 360 человек, состоит из 6 караколей.
4. Караколь. Включает 60 человек, состоит из двух капральств по 30 человек в каждом.

При построении в поле одной пикинерской терции соответствует один фирфинлейн мушкетеров. Фирфинлейн становится перед квадратом пикинеров отдельными караколями, шириной десять человек и глубиной шесть.

КАВАЛЕРИЯ

В соответствии с эшвенской тактикой боя королевская кавалерия делится на два вида: тяжелую (жандармы) и легкую (рейтары). Однако подразделения и тех и других имеют одинаковую численность и состоят из следующих типов подразделений:

1. Кавалерийский полк (регимент). Включает 960 человек, состоит из трех эскадронов.
2. Кавалерийский эскадрон. Включает 320 человек, состоит из 10 корнетов.
3. Кавалерийский корнет (полный корнет). Включает 32 человека ровно. Так называемый «полукорнет» – 16 человек.

Приложение 2

Штатная численность подразделений «Армии Свободы»

ПЕХОТА

После реформ 4380-го года пехота рабов была разделена на полки, которые при необходимости объединялись в бригады и корпуса. Однако в рассматриваемый период (Рабская революция 4380–4382 годов) командование восставших несколько раз меняло структуру и численность своих военных подразделений и после знаменитой реформы, постоянно экспериментируя как с вариантами тактических построений, так и со структурной организацией сервского войска. Однако в целом основная часть военных сил Республики состояла из следующих видов подразделений:

1. Корпус. Включает 12 800 человек, состоит из 4 полков.
2. Бригада. Включает 6400 человек, состоит из 2 полков.
3. Полк. Включает 3200 человек и состоит из 4 батальонов.
4. Батальон. Включает 800 человек и состоит из 4 смешанных рот.
5. Рота. Включает 200 человек и делится на 4 плутонга (полусотни).
6. Плутонг (полусотня). Включает 50 человек и делится на 2 капральства.
7. Капральство. Включает 25 человек ровно.

Кроме основного деления, корпуса, бригады и даже отдельные полки могли сопровождаться дополнительным «корволантом» (корпус вестовых и разведки), включающим до 400 всадников, то есть четыре полные сотни.

КАВАЛЕРИЯ

Вся кавалерия в рабской армии на протяжении всех лет войны была исключительно драгунской, то есть состоящей из конных мушкетеров, неуклюжих наездников, очень часто

спешивавшихся перед схваткой для огневого боя и дравшихся как обычные пехотинцы.

Драгуны сервов объединялись в следующие типы подразделений:

1. Кавалерийский корпус. Включает 4000 человек и состоит из 4 полков.
2. Кавалерийская бригада. Включает 2000 человек и состоит из 2 полков.
3. Драгунский полк. Включает 1000 человек и состоит из 10 эскадронов (сотен).
4. Эскадрон. Включает 100 человек. Так называемый «полуэскадрон» (полусотня) включает 50 человек.

Ввиду никчемности драгун в сабельной рубке каждый драгун вооружался мушкетом, саблей, а также (помимо них) двумя или четырьмя отличными пистолетами, расположенными в седельных кобурах (первая пара) и в кобурах на поясе (вторая пара).

Артиллерия (стрелковый корпус Гора – Фехтовальщика) – в бригады не формировалась и состояла из:

1. Артиллерийский полк. Включает 2640 человек, 4 батальона-батарей.
2. Батальон-батарея. Включает 660 человек, 4 канонирские роты и 1 бомбардирская рота.
3. Канонирская рота (кулеврины и мортиры). Включает 132 человека, 22 орудия.
4. Бомбардирская рота (картауны). Включает 132 человека, 11 орудий.

Бойцы стрелкового корпуса считаются конными мушкетерами.

И хотя реально во время войны на всех стрелков лошадей не хватало, сугубо теоретически вся артиллерия Армии Свободы является конной артиллерией.

Глоссарий

АВЕНАЛИИ – специальные «Летние» или «Малые игры», ежегодно проводимые префектами в каждой марке (провинции) Эшвенского королевства. Авеналии состоят только из индивидуальных боев-единоборств, так называемых призовых дуэлей.

АНГАЖЕ – прием, при котором клинок переносится на другую сторону клинка противника, при этом сильной частью собственного клинка касаются слабой части вражеского.

«АНХ-УДЖА-СЕНЕБ!» – букв. «Жизни, Силы и Благоденствия» (*протоегип.*) . Пожелание одного демиурга другому.

«Корпорация обычно искала внутри своих программных миров людей, либо обладающих особыми способностями (как Тиети), либо ...выросших в очень развитых, техногенных мирах, чтобы не тратить средства на дополнительное обучение» – здесь делается намек на особенности образования в мирах Корпорации. Информация при современной методике обучения заливается прямо в мозг через шунт. С помощью шунта, таким образом, в голову любого человека можно загнать практически любые знания о любом предмете. Однако, вы ведь понимаете, *знать* что-либо, *уметь* этим пользоваться и адекватно *воспринимать* – это вещи сугубо разные. И если дикарю, боящемуся пламени костра, вбить в голову знания об устройстве фотонного двигателя, он либо тут же умрет от ужаса, либо станет управляться с этим двигателем как лишенный разума автомат.

АППЕЛЬ – выполняя описанное движение, Гор проводит классический фехтовальный «аппель» – противник искусственно «вызывается» на удар, то есть обманным движением провоцируется к нападению или рефлекторному движению.

АРЕОПАГ НУЛЯ – согласно Уставу Корпорации в перерывах между заседаниями Общего Собрания акционеров (Экклесия Демиургов), Ареопаг Нуля может выполнять его функции и обладает всей полнотой власти Собрания акционеров. Таким образом Ареопаг – это нечто вроде «президиума» общего собрания акционеров, высший совет Корпорации, постоянно действующий коллегиальный орган. Теоретически считается вторым по

значимости органом Нулевого Синтеза, хотя в смысле реальных полномочий значительно уступает Стратегикону (Правительству). Члены Ареопага (Архонты Нуля) избираются Экклесией из числа демиургов в количестве 28 человек.

БАРРИСТА – рефери, судья, глашатай в одном лице на «призовых» дуэлях.

БАТМАН – в фехтовании мощный встречный удар по клинку, направленный либо на выбивание оружия из рук противника («вышибка Крозе»), либо на «выкидывание» его с вектора атаки.

БЕЛЫЙ КАРЛИК – тип небольших звезд главной последовательности, имеющих массу от 1 до 1,4 массы Солнца. Соответственно своему названию, они имеют желтый цвет, а основным источником энергии является термоядерный синтез гелия из водорода.

БУРГОС – столица Эшвенского королевства; расположена в устье Кобурна, основана в 744 году до пришествия Хепри. Население – ок. 2 млн. человек, в основном сервов. Крупнейший город Артоша, один из величайших городов Невона 0143.

ВЕРХОВНЫЙ СТРАТИГ НУЛЯ – третий по значимости пост Корпорации «Нулевой Синтез» (НС) после Экклесии и Ареопага, фактический Руководитель Корпорации, своего рода «Председатель Правительства», к ведению которого относится решение всех текущих и каждодневных вопросов менеджмента этой громадной космической структуры. Именно Верховный Стратиг назначает и снимает с постов важнейших должностных лиц – Руководителей департаментов (Стратигов Нуля), судов (Геронтов Нуля) и флотов (Хилиархов Нуля). Он же решает вопросы войны и мира, а также составляет важнейшие нормативные документы, от законов до должностных инструкций, действующих в бесчисленных кластерах Континиума Корпорации.

ВИЛИК – управляющий поместьем. «Главный раб».

ВОЛЬТ – защита от наносимого удара движением, обычно – уклонение или отвод корпуса назад, также – шаг назад; уклоняясь от атаки, Гор выполняет «вольт».

ГАБЕЛАР – букв. охранник, телохранитель, стражник. В Эшвенском королевстве существовало множество категорий лиц, объединенных этим названием, но выполняющих функции совершенно не идентичные. Префекты городов, например, и земские наместники, содержали целые «габеларские роты» и даже батальоны, выполнявшие в городах функции местной полиции общественной безопасности, ППС, ОМОНа и т. д. Сенешали марок, в состав своих армий включали «габеларские полки», выполнявшие функции войск заграждения и охраны границы. «Рядовые» же и, скажем так, «местечковые» лорды-шательены имели в своих «шато» габеларские полусотни во главе со старшинами, для поддержания порядка в среде собственных рабов. Примечательно при этом, что в первом и во втором случае габелары набирались из свободных, а в третьем-последнем – естественно из рабов.

ГЕРОНТЫ НУЛЯ – председатели судебных учреждений.

ГЛАДИЙ – простой прямой, короткий (до 60 сантиметров) широкий меч с таким же простым эфесом и едва намеченным подобием гарды. Самое примитивное и честное оружие полевых баталий. Прост и дешев в изготовлении (часто делался из плохого железа и даже из бронзы), прост в обучении и элементарен в применении. Фехтовать им практически невозможно, но можно «резать» и «колоть». Можно убивать! Гладий – оружие массовых армий древности. Чудовище, испившее жизнью едва ли не больше, чем все остальные разновидности мечей вместе взятые.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ, или СЕТЬ КОРПОРАЦИИ – транскосмическая информационная система, сокращенно – «Глобальная Сеть» или «ГИС»; аналог Интернета, совмещенного с системой общего образования, банковской системой, а также и системой тотального социального контроля, регистрации и слежки.

ГОР – он же Хор, он же Гармахис, он же Гор Бехдетский. Бог мести в протоегипетской мифологии, убийца Сэта, зачатый матерью от трупа отца – Владыки Мертвых.

ГОСПОДЬ ХЕПРИ – одно из отражений Ра на Земле (*протоегип.*) .

ГРОССМЕССЕР – двуручная сабля, похожая на двуручный меч, немного изогнутая.

Клеймор, но только кривой. Такой же огромный и тяжелый.

ДЕМИУРГИ – акционеры Нуль-Корпорации, создатели Кластеров.

ДИАДОХИ НУЛЯ – главы кластеров и секторов, губернаторы звездных систем и галактик.

ДОНЖЕН – главная (и самая высокая) башня замкового или дворцового комплекса.

ЕГО ПОЛУСОТНИ – то есть тех пятидесяти человек (синтезированные в Храме клоны-рабы), одновременно с которыми он появился в этом мире. В мире Эшвена практически все организованные структуры делились на полусотни. Вероятно, это связано с особенностями средневекового счета. Все, что более пятидесяти, – это много и не считается.

ЕПАНЧА – особый плащ красного цвета, узкий и короткий, доходит до колен, чтобы не затруднять движений. В Боссоне епанча выдавалась призовым бойцам при посвящении в консидории. Кадет мог стать консидорием и соответственно обладателем «епанчи» либо по окончании трехлетнего курса обучения в Дуэльной школе, либо по совершении умопомрачительного подвига, например победоносного боя с уже прославленным бойцом. В переносном смысле, епанча – предмет абсолютной гордости каждого консидория и невообразимой зависти каждого кадета. Ну, теоретически. У Гора, например, этот предмет одежды подобных чувств не вызывал.

ЗВЕЗДА СТАНДАРТНОГО ОБРАЗЦА – желтая звезда класса G2 по спектральной классификации.

ИЦ – Индустриальный Центр Нуля, стальная планета или планетоид, являющаяся основой для производства *кластера*, то есть отдельного изолированного пространства для размещения звезд и планет.

ИШЕД, он же «ишед-оливин», он же «шесаит». (1) Изначальное, более приземленное значение слова «оливин» (*хим.*) – магнезиально-железистый силикат, представляющий основную магматическую породу планет земного типа, необычайно распространенный в верхних слоях мантии. На поверхности встречается в виде вкраплений в базальтах. Наиболее известная разновидность – хризолит, ярко-желтый иногда желто-зеленый драгоценный камень с кристаллической структурой в виде цепей из октаэдров. (2) Согласно легендам, ишед-оливин – это металл из крови демонов, крови «Падших Богов», металл Бога-Творца Атума. Убив демонов, Атум творит мир из внутренностей, склеивая их кровью «ишед». (3) В данном случае под «ишем» имеется в виду так называемый «системный металл» – особый вид необычайно твердого вещества, синтезируемого Нуль-Корпорацией. Не поддается никакому механическому или химическому воздействию. Его можно лишь «сотворить» или аннигилировать внутри аппаратуры нуля-синтеза. Но главное свойство – емкость, окруженная ишем, обладает способностью «поглощать» пространство. Поэтому используется ишед в основном для космических станций с нуль-порталами переходов. Технология создания этого «системного металла» доступна только Нуль-Корпорации.

КА – у протоегиптян, часть человеческой души, «Я» человека.

КАРТАУНА – тяжелое широкое мощное осадное орудие, название происходит от слов «короткая», «толстая» (в отличие от длинных и узких кулеврин), имеет длину – 2–3 метра, весит – от 5 тонн, предназначена для метания чугунных и даже каменных ядер, применяемых при осаде городов, или чудовищных картечных «подарков», буквально выкашивающих пехоту. Традиционно используется при разрушении крепостей, лафета не имеет, для стрельбы устанавливается на «балку» – специальную платформу, укрепленную на земле сваями. Картауны весом свыше 10 тонн – зачастую назывались *суперкартауны* и метали ядра весом более 400–500 килограммов. Максимальный известный вес суперкартауны – 32 тонны. Представьте, как она лупила!

КАТЦБАЛЬДЕР (Katzbalger) – «катцбальгер», «кошкодер». Самое распространенное оружие панцирной пехоты в мирах Невона 0143. Короткое, мощное прямое лезвие односторонней заточки с S-образной гардой.

КЕРБУЛЬ – крупнейший (и единственный) город северного Боссона.

КЛЕЙМОР (claymore) – «хайландер», мощный, тяжелый двуручный меч, характерной

особенностью которого являются концы – крестовины, которые наклонены к клинку под углом 45 градусов. Ужасающее оружие в руках физически мощного бойца.

КОЙН – дословно «хомут».

КОНСИДОРНИИ – букв. «знаменитые». «славные». Дерущиеся на авеналиях дуэлянты. Гладиаторы Эшвена.

КОПЕШ (*khopesh*) – особый вид пехотного меча в ПротоЕгипте. Мог использоваться и как грозное оружие в полевых схватках пехоты в плотном строю, и в ритуальных целях для человеческих жертвоприношений. Очень удобен и способен наносить страшные рваные ранения.

КОРОЛЕВСКИЕ АВЕНАЛИИ – «Зимние игры», или «Большой турнир», проводимый ежегодно в столице королевства Бургосе под патронажем Его величества Единого короля. Включает в себя не только призовые дуэли между чемпионами марок, но и крупномасштабные массовые поединки между целыми отрядами (полусотнями) тяжеловооруженных гладиаторов.

КОРПОРАЦИЯ – Корпорация Нулевого Синтеза, Корпорация Человека, Нуль-Корпорация, Корпорация Нуля, Нуль-Синтез или же просто Нуль. Полное официальное название – «Производственно-коммерческое объединение предприятий Нулевого Синтеза» – организация, создающая искусственные вселенные, искусственных людей, искусственные пространство и время. Грандиозная надгосударственная промышленная и торговая структура, сотворившая все существующие в Искусственном Мироздании вселенные, сдающая большую их часть за ренту или распродавая меньшую их часть в руки частных владельцев. Происхождение – неизвестно, дата возникновения – также.

КУЛЕВРИНА, от *couleuvre* – «змея», «уж» – длинноствольное орудие полевой артиллерии среднего калибра.

КХАРР-РА! – древний боевой клич варваров-боссонцев, который переняли у них «новые» боссонцы – консидории Дуэльных школ этой самой северной марки Эшвена, считавшейся, кстати, родиной авеналий.

ЛЕГИРОВАТЬ – в отрывке речь идет о так называемом «легировании». Легирование – плотное соприкосновение и «скольжение» по вражескому клинку с атакой на руку.

ЛИКТОРЫ – почетный эскорт из шести человек (изначально – шли перед императором во время триумфа). Характерная символика – обернутый в розги топорик для отсекования голов и розга в правой руке для применения телесных наказаний. В смысле – «и казнь, и битие». Сопровождают Очень Важную Персону. Однако в нашем случае, то есть при сопровождении высших чиновников Корпорации, ликторы ходят без топоров, но с плазменным оружием и красивыми офицерскими эспонтами на позолоченных поясах. Эспонтоны отделаны ишедом.

ЛИЧИНА – шлем с забралом в виде человеческого лица. «Полуличина» – забрало закрывает только верхнюю часть лица; рот и подбородок – открыты.

ЛОРИКА СЕГМЕНТАТА (*Lorica segmetata*) – распространенный среди консидориев-тяжеловесов вид «ламинарного доспеха» (от *laminae* – слой), общий термин для индивидуальной брони из поперечных полос. Дословно – «слоеный доспех».

ЛУК-ЮМИ – «большой боссонский лук». Для компенсации нагрузки, которую испытывает «дуга» при натяжении тетивы, оружие делается очень длинным. Соответственно натягивается тетива – коротко и мощно. Рукоять лука-юми (то есть центральная часть древка, за которую держит лук стрелок и на которую накладывается стрела) при этом расположена *не посередине*. Почти две трети длины лука таким образом находятся *выше* его рукояти! Основа лука укреплена металлическими пластинами – также для увеличения силы натяжения. Особенности: прицел из лука сильно затруднен, поскольку при натяжении тетивы стрела находится выше уровня глаз. Однако мощь этого оружия неоспорима. Стрела-юми способна пробить закованного в доспехи «жандарма» навывлет. С панцирем и щитом. Недостатки – лук-юми в использовании доступен только физически очень сильным «арчерам» и требует долгих тренировок для приобретения навыка к точной стрельбе.

МАЛАЯ ТРЕХГРАННАЯ РАПИРА – вид колющего клинкового оружия. Имеет длинный узкий, граненый (три грани) клинок. Изящное и непревзойденное орудие убийства, которое когда-то произвело революцию в фехтовании.

МАРКА – «провинция» в Эшвенском королевстве.

МЕДИАС КОРДИС (Medias Cordis) – огромная звезда, освещающая сферу Невон изнутри. Дословно название переводится просто и без изысков – «центральное светило», или как древнепоэтическое «ashven» – «Свет Господа в центре Небес».

МЕСЯЦ ТОТ – первый месяц года по протоегипетскому календарю, который, кстати, практически не отличается от современного. Буквально – «январь».

МЕЧ-ХАМШИР – изогнутый клинок с простой гардой. Обычно (для суеверных бойцов) лезвие покрывается гравировкой с изречениями или предохранительными заговорами, заклятьями.

МОРГЕНШТЕРН – дословно «утренняя звезда», «цеп», имеет короткое «древко», цепь и закрепленную на ней «боевую часть» – шар, снабженный шипами или наклепками. Благодаря весу и ускорению, придаваемому центробежной траекторией или «дугой» удара, воин способен раздробить им голову в глухом шлеме – до плеч.

ОКТАВА – в фехтовании этот прием выполняется «зеркально» секунде, но с другой стороны, укол также следует в руку, но сверху.

ОРДОНАНС – закон Эшвенского королевства, утвержденный королем и распространяющий свое действие на все земли Короны (в отличие от местных и провинциальных законов, издаваемых префектами и сенешалями и действующих только на территории соответственно марок и муниципалитетов).

ОРМСКАЯ и **КИДОНСКАЯ** Дуэльные школы – знаменитые «бойцовские» училища Боссона, вместе с Лавзеей ставшие началом будущей Республики Равных.

ОФИЦЕРСКАЯ САБЛЯ – по древней традиции, согласно которой любое звание старше лейтенанта мог получить только человек дворянского достоинства, то есть рыцарь и *всадник*, большинство офицеров современной эшвенской армии (в том числе в пехотных полках) носили на поясе кавалерийское оружие – легкую искривленную саблю, доставшуюся Эшвену еще от кочевых народов пустынь. Кривизна офицерской сабли была незначительна, так что годилась она как для укола в прорезь доспеха или шлема, так и для рубки.

ПОЛЛЭКС – длиннодревковое оружие пехотинца; представляет собой топор или молот с одной стороны, чекан или клевец с другой. Оснащен шипом для колющих ударов. Размер поллэкса – от 1,20 до 2,10 метра. Существенным отличием является то, что его «головки» собираются на штифтах или болтах, в то время как у алебарды они – цельнокované.

ПОЯС ШАТЕЛЬЕНА – традиционный кожаный пояс, расшитый золотым шитьем и мелкими самоцветами – особая привилегия и элемент одежды, носить которую позволялось исключительно людям благородного происхождения. В некотором роде – показатель статуса. Особое значение играл для *ронин*ов, то есть не владетельных дворян, НЕ Лордов. Благородных, но не имеющих ничего кроме чести. Если Лорд шательен мог легко демонстрировать свой статус гербовой каретой, свитой и эскортом наложниц, то ронин – только поясом и оружием на нем. Впрочем, владетельные господа ношением этого «аксессуара» так же не гнушались.

ПРИЗОВАЯ ДУЭЛЬ – индивидуальный бой с применением холодного (преимущественно клинкового) оружия на Авеналиях или в частном порядке за денежный или иной приз, назначаемый владельцами одного или обоих претендентов, или же организатором турнира.

ПРОВИЛИКИ – заместители виликов, управляющие отдельными хозяйствами внутри «шато».

ПРОВИНЦИЯ – римское название южной части заальпийской Галлии (совр. регион Франции «Альпы-Лазурный берег»), которому обязан названием средневековый Прованс («Provence» – букв. «провинция»)

ПРОГРАММНЫЕ МИРЫ, программные версии реальности – виртуальные вселенные,

генерируемые программистами Нуля для получения из них готовых человеческих матриц. Такие миры создаются по заказу Кадрового департамента (молитва Призывания) исключительно как математическая информационная модель и реально не существуют. В фабриках по клонированию КД выращиваются затем миллионы взрослых и здоровых человеческих тел. И для сокращения затрат по их воспитанию и образованию, в мозг выращенных таким образом генетических клонов (то есть не клонов конкретного человека, а искусственно созданных человеческих организмов с разным генетическим кодом) помещается сознание и память людей из программных миров. Обычно – выдающихся индивидов. Ученых и воинов, администраторов и талантливых ремесленников, художников и избранных манекенщиц, артистов и медиков. И конечно же программистов и инженеров.

РЕВЕРС – «обратный» финт. Клинок обводит вражеский сначала в одну сторону, затем (резко) – в другую. В это же мгновение наносится укол!

РЕЗИНА – резиновая дубинка «полицейского» образца, с короткой поперечной рукоятью (*сленг*) .

РЕПРИЗА – в данном случае описывается «реприза», возобновленный удар, необязательно тот же.

РИПОСТ – «шаг влево, парирование, ответ, смена линии», в отрывке описан известный фехтовальный прием – ответный удар (или ответный укол) после парирования или ухода движением с линии удара противника.

САКС («Sax»), скрамасакс («Scramasax») – короткий, кривой широкий «варварский» меч с односторонней заточкой. Длина – 45–75 сантиметров, ширина – ок. 6–7 сантиметров. Рукоять деревянная длинная.

СЕКУНДА – следующим приемом Гора стала «секунда», когда при соединении рапир правыми сторонами, атакующий колет противника из-под руки, так же как и при «терциос» держа кисть ногтями вниз.

СЕНЕШАЛЬ – букв. военный губернатор.

СКЪЯВОНА – холодное оружие с длинным прямым клинком. Отличие от обычного длинного одноручного меча или палаша имеет сложный закрытый эфес из пересекающихся дужек («сеть»), надежно прикрывающий всю кисть и пальцы. Что, впрочем, затрудняет выполнение некоторых финтов и оборотов.

СОЛИД – крупнейшая денежная единица Эшвенского королевства. Делится на *сестерции* и *даты* .

СТАРШИЙ ДАЦИОН, ДАЦИОН – тренер «призовых» бойцов. «Ланиста» консидориев.

СТРАМЗОН – сильный прямой удар замахом сверху.

СТРАТИГИ НУЛЯ – руководители отраслевых департаментов, министры правительства.

ТЕРЦИОС – в отрывке речь идет о великолепном «терциосе», широко распространенной разновидности фехтовальной атаки, при которой удар наносится с правой стороны рапиры противника, кисть руки при этом в момент укола выворачивается ногтями вниз.

ТШЕДИ – единый термин, применяемый в Корпорации для обозначения экстрасенсорных и сверхъестественных способностей человека. Слово происходит от протоегипетского синонима, обозначающего букв. «маг», «колдун». «Джедаи» из «Звездных войн» Дж. Лукаса, по всей видимости имеют то же происхождение (*авт.*) .

УЧРЕДИТЕЛЬ НУЛЯ – чтобы не думали о себе члены Экклесии, Ареопага, или Верховный Стратиг, наиболее широкий спектр властных полномочий в мирах «Нулевого Синтеза» принадлежит легендарному основателю Корпорации – загадочному Учредителю. Учредитель действительно является фигурой мифического, если не сказать мистического масштаба. Информация о его происхождении и биографии отсутствует в глобальной Сети, остальные сведения отрывочны и неточны. Местонахождение и внешность его неизвестны. Личность и история – не описуемы. Цели и предпочтения – не ясны.

Бесспорными считаются только два факта: в начале времен Учредитель изготовил первого нуль-робота, создал первую искусственную вселенную и инициировал таким образом процесс «размножения» кластеров Корпорации. Впрочем, это утверждение ничем не подтверждается, кроме самого существования искусственных кластеров.

Второй факт, однако, более неоспорим: Учредитель незримо присутствует в глобальной Сети и обладает в пределах Нуль-Корпорации практически беспредельной властью. Доказательства? Все крупные решения Правительства, Экклесии или Ареопага Нуля имеют силу только после их подтверждения электронной подписью Учредителя.

И он их подтверждает. Миллиарды решений. Каждый день.

ФАЛЬКАТА – короткий искривленный меч, древний аналог мачете, но с гардой и более удлиненным лезвием.

ФАЛЬЧИТОН – обоюдоострый кривой меч, дополнительное оружие лучников. Относительно короткий клинок, с расширяющимся к концу лезвием. Благодаря смещению центра тяжести способен наносить устрашающие разваливающие рубяще-режущие удары.

ФЛАМБЕРГ, «пламенный меч» (от Flamme – пламя) – двуручный меч с клинком волнистой (пламевидной) формы. У дорогих фламбергов был изогнут сам клинок, у дешевых – его просто неровно затачивали. Длина фламберга достигает 1,5 метров, рукоять покрывалась материей или кожей. Фламберг наносит ужасные рваные раны, в условиях средневековой медицины обычно приводящие к гангрене, из-за чего в годы Древних войн владельца такого меча, попавшего в плен, ждала мучительная казнь.

ХАПИ – форма крайне вежливого обращения (*протоегип.*) . Букв. «господин», должностное лицо НС высшего иерархического класса, более уважительный аналог современного слова «сэр».

ХАРСОМТ – измененное «Хор-сма-таут», дословно – Гор Золотой, он же – Гор Бехдетский (*протоегип.*) .

ХЕБ-СЕД – в ПротоЕгипте праздник середины жизни, «тридцатилетие», перерождение фараона или божества. Ритуальный бег по пустыне, демонстрирующий его молодость и силу. Дословно – «Смерть Бога». В смысле – Смерть и Возрождение. «Король умер – да здравствует Король!»

ХИЛИАРХИ НУЛЯ – адмиралы флотов и маршалы армий Нуля.

ХРАМЫ ХЕПРИ – да-да именно этому божеству, гипотетическому создателю Невона 0143, были посвящены титанические храмы-цитадели, в одном из которых Гор сотоварищи был выращен в клонической колбе и продан в рабство Брегарту. Рабы, как и прочие товары массового потребления, здесь делались в церкви. Великий Ра, ничего Святого!

ШАТО – букв. можно перевести как «поместье», «вилла», «замок». В мире Невона 0143 «Шато» – это гигантский «ges omniun», большой имущественный комплекс, дающий право именоваться Лордом-шателем, владеть вельможей, принадлежащим к числу высшего дворянства и обладающим сонмом неисчислимых привилегий. В самом общем варианте «Шато» обязано включать в себя: 1. Земли; 2. Административные, жилые и хозяйственные здания; 3. Рабов; 4. Титул.

ЩИТ-БАКЛЕР – «кулачный» щит, небольшой круглый щит с единственной ручкой посередине, которую сжимают в кулаке.

ЩИТ-РОНДАШ – щит «мишень», крепится к предплечью двумя стальными прутьями или кожаными ремнями. Закрывает кисть и предплечье. В отличие от баклера (вследствие несколько большего размера) защищает также часть корпуса. Менее маневрен в бою, но предоставляет большую защиту.

ЭПАРХИ НУЛЯ – мэры мегаполисов, администраторы планетоидов, топ-менеджеры ИЦев и главы колоний.

ЭСТОК, «Panzerstecher» (буквально «протыкатель панциря») – меч-кончар, «седельный меч», предназначенный для силового пробивания стальных лат. В конном бою он удерживался одной рукой и удар наносился за счет скорости и массы коня (нередко он использовался как «запасная пика»), в пешем бою, чтобы пробить латы его можно было

взять двумя руками. Отличительная особенность (кроме повышенной жесткости вследствие утончения полотна в ширину и утолщения в поперечном сечении) – длина клинка. Будучи *одноручным* мечом, обычно имел более длинное лезвие.

ЯТАГАН – холодное колюще-режущее оружие с клинком, изогнутым в особой форме («волна»). Имеет двойной изгиб и ближе к острию выгибается в противоположную сторону. Полотно – широкое, но острие – узкое и тонкое. Характерна также простая рукоять без гарды, но с расширением рукояти («уши») для упора кисти руки.

18—12 тысяч человек – по численности полк Армии Свободы формировался, имея в качестве образца Королевскую армию Эшвена (см. Приложения). Впоследствии состав и штатная численность полка изменились в связи с реформами, предпринятыми после Боссонской кампании.